

БОРИС СОКОЛОВ

**МЫ ЕЩЕ
ВСТРЕТИМСЯ,
ПОЛКОВНИК
КРЕБС!**

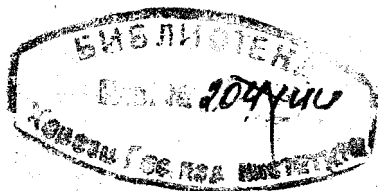

84. P2
C-59

БОРИС СОКОЛОВ

**МЫ ЕЩЕ
ВСТРЕТИМСЯ,
ПОЛКОВНИК
КРЕБС!**

**ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧНАЯ**

013887 ✓

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»

ТАШКЕНТ — 1967

Б. Н. Соколов многие годы находился на чекистской работе. В своих произведениях Борис Николаевич рассказывает о том, с чем ему приходилось ежедневно сталкиваться, о нелегком труде работников госбезопасности, стремящихся не только предостеречь действия врага, но и уберечь советского человека от жизненных невзгод.

Предлагаемая читателю книга состоит из двух повестей — «Мы еще встретимся, полковник Кребс!» (Абхазская повесть) и «Первая встреча». Первая из них повествует о борьбе советских чекистов против подпольной деятельности наших врагов, учит быть бдительным, ценить чистоту человеческих отношений.

В повести «Первая встреча» рассказана история молодой женщины, попавшей в сети иностранной разведки: ее падение, трудная любовь, раскаяние.

Книга Б. Соколова написана живо, интересно, имеет большое воспитательное значение.

Борис Николаевич Соколов

Соколов Борис.

Мы еще встретимся, полковник Кребс! — Первая встреча. Т., «Узбекистан», 1967 г.
424 стр. Тираж 135000

P2

I-6-4
1967

МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ, ПОЛКОВНИК КРЕБС!

Первая повесть — вторая повесть — третья повесть — четвертая повесть
вторая — издательства «Советский писатель», 1965 г.

Издательство «Узбекистан» — 1967 — Ташкент

Наблюдающая за выпуском Л. Пылаева

Редактор А. Хорошавина, А. Крутиков

Художники Е. Капустин, Е. Расторцев

Обложка художника Б. Жукова

Художественный редактор М. Гумаров

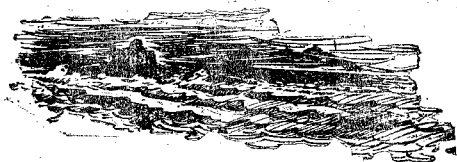
Техредактор А. Бахтияров

Корректор В. Колесова

Сдано в набор 25/III—1967 г. Подписано в печать 18/IX—1967 г. Формат 84×108¹/₃₂
Физ. печ. л. 13,25. Усл. печ. л. 22,05. Уч.-изд. л. 22,38. Тираж 135000 Изд.-во «Узбекистан», Ташкент, ул. Навои, 30. Договор 478—66.

Набрано и отпечатано в типографии № 3 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати. Ташкент, ул. Навои, 30. Зак. № 308, Цена 75 к.

**МЫ ЕЩЕ
ВСТРЕТИМСЯ,
КОММУНИК
ПРЕДС!**

*Сыну Борису
с любовью
посвящаю*

1

Тяжелый подъем по лесистому ущелью окончился. Тропинка уперлась в глинистый уступ, заросший частым кустарником.

Раздвинув ветви колючей ежевики, Федор Дробышев ухватился за свисающую ветвь самшитового куста и остановился. Перед ним лежала полянка с густой, местами поблекшей травой. В тридцати шагах, прижавшись к горе, стоял домик с полуоткрытыми ставнями. Дальше виднелись виноградники и прошлогодние посевы табака. За ними раскинулся небольшой участок вспаханной земли, а выше широкой темной полосой тянулся лес, уходивший в сторону Клухорского перевала. Далеко на востоке за лесистыми горами уже всходило солнце. Было очень тихо. Дремали даже чуткие и злые горские собаки.

Сдвинув на затылок форменную фуражку и привычным движением расстегнув кобуру, Дробышев пытливо осматривал полянку и дом. Его спутник в старой домотканной черкеске, опоясанный порыжевевшим патронташем, с трехлинейной кавалерийской винтовкой в руке стоял рядом. Медлить больше было нельзя.

5

Вынимая на ходу пистолет, Дробышев широким шагом пошел к дому. Немного сзади, стараясь не отстать, почти бежал коротконогий и неуклюжий горец.

Светлело синее небо, в торжественной тишине высились отроги невысоких гор, на земле сверкали бесчисленные бусинки иней.

Когда они дошли до середины полянки, хлестнул выстрел. Спутник Федора вскрикнул, выронил винтовку и упал ничком. Дробышев на мгновение растерялся. Выстрел спутал все его планы. Захватить врага внезапно не удалось: он первым нанес удар.

Тотчас же Дробышев почувствовал несильный удар по правой руке, глянул и увидел вспоротый рукав гимнастерки. Бежать назад было поздно. Он бросился вперед к дому.

Вторая пуля попала в правую ногу. Стреляя по окнам, он подбежал к углу дома, и в этот миг кто-то сзади навалился на него и стал душить. Пытаясь сбросить повисшего на нем человека, Дробышев увидел выбегающих из дома вооруженных горцев. Он выстрелил в них, но в ту же секунду почувствовал удар в грудь. Падая, успел увидеть вертящийся клочок голубого неба, зелень деревьев, женщину стоявшую у дома, и горцев в черкесках, набегавших на него с винтовками. Напряжение, владевшее им, сменилось внезапной слабостью, безразличием. Далекий, тонкий и однообразный звон несколько мгновений звучал в его сознании. Потом исчез и он.

По ту сторону ущелья, гремя цепью, надрывно и злобно лаяла овчарка.

Перебрасываясь короткими гортанными словами, горцы — их было трое — с опаской подошли к Дробышеву. Самый молодой, высокий, стройный и картинно красивый, поднял из травы кольт Федора. Затвор пистолета был отсоединен, все патроны истрачены. Он сунул пистолет за свой патронташ. Другой, видимо старший, с невозмутимым лицом, оглянувшись на вышедшего из дома старика с седой бородой, в серой черкеске и отрывисто бросил молодому:

— Осмотри его, Хута! Возьми документы. Да побыстрее, нужно уходить.

Хута взглянул на третьего, невысокого и плотного, и улыбнулся.

— Здорово ты прыгнул на него, Минасян, — он кивнул на лежащего, — как настоящий всадник!

— Много говоришь! Как на базаре, перебил его старший. — Скорее обыскивай!

Молодой перевернул тело Дробышева, быстро обшарил карманы и, не найдя в них ничего, ударил чекиста ногой в лицо. Федор застонал. Хута положил свою винтовку на землю и обеими руками охватив раненого чекиста, зачем-то поставил его на ноги. Дробышев, покачнувшись, тут же упал. Тогда Хута поднял свою винтовку и выстрелил в него.

Солнце уже поднялось над лесом. Свет залил всю полянку, кристаллы иней тускнели, омытые водой листья деревьев и трава серебрились и сверкали. Над редко разбросанными в горах домиками, которые издали казались игрушечными, потянулись дымки. Где-то далеко внизу, должно быть на дороге к морю, заскрипела арба.

Старик что-то сказал. Женщина вынесла из дома мешок, бурку и винтовку, и горды, еще раз оглядев неподвижные тела, двинулись в путь. Старик шел впереди. Миновали виноградники, пахотное поле и медленно пошли к вершине, к лесу, чтобы глухими тропами уйти к перевалу. Женщина смотрела им вслед. В окне домика виднелись встревоженные лица испуганных детей.

* * *

Выстрелы разбудили селение, лежащее на дороге от Клухорского перевала к морю. Там забегали люди. Они собирались группами, шумно разговаривали, оживленно жестикулируя.

Через час на шоссе показалась быстро идущая грузовая машина с пограничниками. У сельсовета она остановилась. Из кабины вышел командир. Пограничники выстроились перед машиной с легкими пулеметами на флангах. Волнуясь и перебивая друг друга, жители рассказали, что ночью двое в форме ушли из селения наверх, к Бак-Марани. На рассвете оттуда была слышна перестрелка. Вот уже больше часа, как все стихло.

Взяв проводников, командир разделил бойцов на две группы и повел их на гору.

Широкая, пробитая, быть может, десятками поколений людей дорога постепенно переходила в чуть заметную тропу. Идти становилось все тяжелей. Поднявшееся

солнце согрело землю, она размякла, и ноги скользили. Густо разросшийся кустарник стеною стоял на пути, ветви хлестали по лицам.

Наконец проводники, как по команде, остановились и, призывая к тишине, предостерегающе подняли руки. Пограничники подтянули пулемет.

— Здесь! — шепнул один из проводников и показал на уступ.

Зеленые фуражки и гимнастерки пограничников сливались с листвой. Бойцы настороженно следили за домом. Раздвинув ветки кустарника, командир внимательно и как будто неторопливо рассматривал в бинокль лежащую перед ним полянку, одноэтажный домик с блестящими на солнце окнами. Некоторые ставни были полуоткрыты.

По сигналу лужайка заполнилась бойцами с винтовками наперевес.

Два бойца вошли в дом, и он тотчас наполнился шумом, говором, детским плачем. Через минуту пограничники снова вышли на поляну. За ними шла женщина. Плача, она что-то быстро говорила, показывая на лежащих в траве людей. В одном из них командир узнал весельчака и балагура Шалву Зарандия, сотрудника районного отдела милиции. Еще недавно они встречались и Зарандия смешно рассказывал о свадьбе их общего приятеля Чиковани.

Бойцы осторожно перевернули Дробышева, лежавшего у самого дома, и увидели его залитые кровью лицо и грудь. Пограничник узнал и Федора — оперативного уполномоченного ГПУ Абхазии, в прошлом году приехавшего из Москвы.

Враг мог быть близко, рядом, — надо было спешить. Снова пограничники пошли по долине, мимо шуршащих бодыльев прошлогоднего кукурузника, мимо виноградника, к лесу, по следам ушедшей банды. Несколько бойцов подняли тела Зарандия и Дробышева и понесли их вниз, в селение.

Прочесывание местности результатов не дало, поиски бандитов пришлось прекратить. Вернувшись через несколько часов в селение, командир разыскал врача, вызванного из Сухума. От него узнал, что Дробышев жив.

— А жить будет? — спросил пограничник.

Врач пожал плечами.

Зарандия и Дробышева уложили в машину и с врачом и бойцом отправили в город. При первом же толчке Федор от резкой боли пришел в себя. Он лежал на шинели, из-под которой высывались высохшие стебли кукурузы. Ему был виден голубой четырехугольник высокого неба и сияющий на бортах грузовика молодой веснушчатый пограничник. Дробышев шевельнулся, острая боль опять пронзила тело, и он застонал. Встревоженный пограничник, держась за борт, наклонился к нему, и Федор увидел его испуганные глаза. Боль была невыносима, она не давала дышать.

К нему нагнулся врач, взял руку Федора, нащупал пульс.

— Все будет хорошо. Теперь скоро, скоро, — едва разобрал Дробышев. Он закрыл глаза. Сжалось сердце, стало тоскливо и одиноко. Кругом были люди, вот этот врач, этот боец и им принадлежало все — и земля, и небо, и эти звуки, а он лежал один, вне этого мира. Дробышеву стало жаль себя, и он заплакал.

За одним из поворотов виляющей дороги открылось море — грузовик выехал на гудронированную приморскую магистраль. Тряска прекратилась, машина, набрав скорость, плавно пошла по шоссе. Наконец дробно простучали доски Келасурского моста, и начался город.

Через несколько минут, миновав центральные улицы и обогнув Ботанический сад, машина подъехала к белому зданию больницы. Здесь уже ожидали. В подъезде стояли сестры и санитары.

Дробышеву запомнилось плавное покачивание носилок, шарканье ног. Его внесли в огромную, залитую солнечным светом операционную. Пока снимали разорванную одежду, Федор смотрел на прыгавших по стене и потолку солнечных зайчиков, на сосредоточенные лица обстуливших его людей. Он увидел седоватую, аккуратно подстриженную бородку хирурга Шервашидзе, стоявшего с марлевой повязкой на лице у операционного стола, что-то хотел сказать, но закашлялся, стал захлебываться кровью, хлынувшей из рта.

— Маску! — отрывисто бросил Шервашидзе в сторону, и Федор почувствовал на лице что-то холодное и колющее. Почти в ту же минуту перед глазами замелькали разноцветные круги, все расширяющиеся и удаляющиеся. Их становилось все больше и больше, они сменялись все

быстрее и быстрее. Дробышев почувствовал легкость, невесомость. Закружилась голова, и он полетел в темную пропасть.

2

Начальник управления Березовский встал из-за стола, неторопливо отодвинул кресло и подошел к висевшей на стене карте. Раздвинув шторку, он обернулся к сидевшим у окна и продолжал:

— Десять лет назад, в феврале тысяча девятьсот двадцать первого года, меньшевики и интервенты были изгнаны из Грузии. Но английская разведка оставила там широко разветвленную сеть своей агентуры. Секретная служба организовала ряд вооруженных банд для борьбы с Советской властью путем антисоветской агитации, уничтожения важнейших объектов и убийства наших лучших людей. Конечной целью ставилось всеобщее вооруженное восстание и отделение Грузии от Советского Союза.

Оперативный уполномоченный Строгов достал портсигар и вопросительно посмотрел на начальника. Тот кивнул головой. Строгов закурил.

— Эти вооруженные антисоветские группировки, — продолжал Березовский, — базировались в предгорьях Главного Кавказского хребта, но действовали преимущественно на территории Черноморья. Вечнозеленые леса побережья давали бандам хорошее укрытие и затрудняли борьбу с ними.

Несомненно, эти небольшие и исключительно мобильные группы, скомплектованные из ожесточенных и отчаянных, а порой и фанатично настроенных врагов, представляли для нас угрозу. Но в процессе становления и укрепления власти на местах они слабели, распадались или при активной помощи населения захватывались нами. Все же они еще существуют. Одной из наиболее активных и живучих является банда Эмухвари — отпрысков владетельных князей Абхазии. На ее счету десятки убитых партийных работников, сельских активистов, работников органов ГПУ и милиции. Особенность банды — ее исключительная жестокость. Раненых она добивает, свидетелей уничтожает.

Телефонный звонок перебил Березовского. Он не торопясь подошел к столу, снял трубку и назвал себя. Слу-

шал, потом спросил: «Где она живет? На Тверском бульваре? А дом?— Он сделал запись в блокноте.— Хорошо, приготовьте к вечеру подробную справку».— Березовский положил трубку и вернулся к карте.

— Банда, снабженная оружием иностранной марки — полуавтоматами Ли-Энфильда и гранатами Милса, совершенно не испытывала недостатка в боеприпасах. К весне тысяча девятьсот тридцатого года, имея немалые потери убитыми,— я подчеркиваю убитыми, потому что раненых нам захватывать не удавалось,— банда затаилась где-то в горах, но с весны, в период коллективизации, снова спустилась с гор и развернула диверсионную и террористическую деятельность. Этот период совпал с активизацией враждебных нам группировок и агрессивными выступлениями некоторых политических деятелей за рубежом.

Было много неясного. Мы не располагали точными данными о составе банды, не знали ее баз, «почтовых ящиков», источников снабжения. Оставались неизвестными ее связи. А поведение банды показывало, что она осведомлена о некоторых предпринимаемых против нее мерах притиях. Ранней весной 1930 года мы направили в Абхазию Дробышева. Хотя о его выезде знало лишь несколько человек, у Холодной Речки — это около Гагр, вот здесь (Березовский показал на карте)— ночью его машину обстреляли.

— Возможно, случайное совпадение?— сказал старший оперативный уполномоченный Обловацкий.

— Это было бы легчайшим и, несомненно, неверным предположением, Сергей Яковлевич,— отозвался Березовский.— Я напому вам слова Ленина: «...Быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам»... Дзержинский говорил, что бдителен тот, кто, анализируя незначительные факты, умеет нащупать вражескую руку.

Березовский подошел к столу, открыл портсигар и закурил.

— И мы были правы, увидев в этом не случайность. Но об этом позже.

Он глубоко затынулся и продолжал:

— Тридцатый год был годом напряженной работы не-большого коллектива чекистов Абхазии. Уже осенью мы

имели более точные данные о составе банды, мы знали некоторые «почтовые ящики» и каналы поступления оружия и боеприпасов. Наконец, мы знали пути утечки совершенно секретных сведений политического, военного и экономического характера. Мы знали многое, но все это пока не давало нам возможности нанести

Начальник управления подошел к огромному окну. Отсюда виднелась площадь с давно бездействующим фонтаном, из которого когда-то московские водовозы набирали воду, красно-кирпичная стена Китай-города с большой, потемневшей от времени и непогоды иконой на воротах. Широкий людской поток выливался из ворот и растекался, мешаясь с бесчисленными извозчиками и ломовыми, в сторону Ильинки и вниз к Театральной площади. Изредка, оставляя за собой синие дымки, мелькали автомобили, но они терялись в массе людей, лошадей и повозок.

Все это было давно знакомо. Березовский смотрел на площадь, но мысли его блуждали далеко. Почему-то вдруг ему вспомнился случай, раз и навсегда положивший конец сомнениям, где он нужней.

Шел восемнадцатый год. Савицковские террористы в Петрограде убили Володарского, в июле произошло убийство германского посла графа Мирбаха. Особенно тяжелым был август. На севере, в Архангельске, с моря высадились англичане. Через два дня на юге английские «томми» заняли Баку. Еще через несколько дней стало известно о захвате Владивостока. Сибирь находилась в руках колчаковцев. Украина горела под пятой Краснова и Скоропадского. На Западе брядали оружием германские полки... Английский разведчик Сидней Рейли со своим доушком Джорджем Урицким в Москве готовил убийство Ленина. Тридцатого августа в Петрограде убили Урицкого. Дзержинский с группой чекистов бросился в Питер. Но там его нагнало сообщение о покушении на Ленина. Ночью он выехал обратно в Москву. Березовский был с ним.

— Ты думаешь, там легче? — нахмурившись, спросил его Дзержинский, когда Березовский попросил направить его на фронт.

— Легче! — убежденно ответил он. — Там знаешь, где враг.

— Значит, ищешь, где спокойнее? — прищурился Дзерживский. Березовский опустил голову. — Партия знает, где ты нужней! Я не слышал твоей просьбы. Иди!

Березовский навсегда запомнил эти слова.

Казалось, он забыл о сидящих за его спиной — спокойном и неторопливом Облованском, подвижном и активистом Строгове — людях, которых он посылает в далекую, не всем хорошо знакомую пограничную республику, и о своем помощнике Бахметьеве. «Что это... старость? С чего это я вдруг ударился в воспоминания?» — спохватился Березовский. Он улыбнулся и снова заговорил спокойно и четко:

Анализируя все известное нам, чувствовали, что дело обстоит значительно серьезнее, чем предполагали вначале. Но многое еще основывалось на интуиции — фактов не хватало.

В результате кропотливой работы мы установили, что связь между бандой и ее зарубежными хозяевами поддерживали подводные лодки, а также многочисленные, безобидные на вид турецкие фелюги, курсировавшие вдоль побережья. Ведь лесистые бухты, расположенные на побережье селения, монастыри и развалины древних замков исключительно удобны для встреч, снабжения оружием и боеприпасами, передачи сведений.

И вот в разгаре этой работы Дробышев, по тем сведениям, которыми я располагаю, попадает в ловушку, как мальчишка, губит своего спутника и, возможно, себя!

Березовский смял папиросу.

— Разрешите, Василий Николаевич, — поднялся Облованский.

— Пожалуйста, Сергей Яковлевич, — сказал Березовский и жестом предложил ему сесть.

— Жив ли Дробышев?

— Последнее сообщение из Сухума поступило в четыре часа. Сейчас, — он посмотрел на часы, — одиннадцать. Семь часов назад он был жив, но без сознания. Положение его тяжелое.

Начальник управления нажал кнопку настольного звонка.

— Свяжитесь с Сухумом, узнайте, как состояние Дробышева, — сказал он появившемуся в дверях секретарю.

— Где и как произошла стычка? — встав, спросил Строгов.

— Еще не все ясно. По имеющимся у нас сведениям, шестого февраля вечером Дробышев с оперативником милиции Зарандия выехал в небольшое селение Мерхеули. — Он снова подошел к карте и показал: — Это в двадцати километрах от Сухума в сторону Клухорского перевала. По словам хозяина дома, у которого ночевал Дробышев, чехословацкий офицер, с которым он поступался неизвестным. Лицо его было закрыто башлыком. Переводчиком был Зарандия, который знал этого человека. После беседы, продолжавшейся около часа, посетитель ушел. Перед рассветом Дробышев с Зарандия ушли в небольшое горное селение Бак-Марань, расположенное в двух-трех километрах на северо-запад. Часа через два в Бак-Марани послышалась стрельба.

Прибывшие из Сухума пограничники обнаружили у дома жителя Бак-Марани Минасяна убитого Зарандия и в бессознательном состоянии тяжело раненного Дробышева. Стрелявшие в них, несомненно, ночевали в доме Минасяна и после перестрелки ушли в лес. Вместе с ними скрылся и Минасян. Необходимо заметить, что он известен нам как контрабандист и антисоветский элемент.

— Установлено ли, кто приходил к Дробышеву ночью? — поинтересовался Обловацкий.

— Еще нет. Зарандия убит, а Дробышев... — Березовский запнулся. — Дробышев пока не может ответить на этот вопрос.

— Нет ли оснований предполагать, что неизвестный из банды Эмухвари? — спросил Строгов.

— Это предположение не лишено оснований, но требует проверки. — Он переждал немного. — Вопросов больше нет? В таком случае на этом закончим. Вот в основном все, что я мог вам сказать. Более подробно, без исторических экскурсов, вы ознакомитесь с имеющимися материалами у Кивана Васильевича, — он кивнул в сторону сидевшего на диване начальника отдела Бахметьева. — Ваш выезд завтра. — Начальник управления встал. — Я вас не задерживаю.

Оперуполномоченный Строгов, высокий и подтянутый, быстро подошел и первым пожал протянутую руку. Лицо Березовского потеплело.

— Смотри, Николай Павлович, никаких опрометчивых и непродуманных действий, я знаю, ты горячка! — он задержал руку Строгова в своей и обнял его. — Помни,

теснейшая связь с нами. А летом увидимся — приеду к вам, в Сухум, отдохнуть.

Он улынулся, похлопал Николая Павловича по плечу и протянул руку Обловацкому.

— За тебя я спокоен, ты рассудителен и осторожен, но смотри в оба.

Оставшись один, Березовский вызвал секретаря.

— Что Сухум? — спросил он.

— Положение по-прежнему серьезное. Раненый без сознания. Пульс упал. Вечером по «ВЧ» с вами будет говорить товарищ Чиверадзе.

— Хорошо! Свяжитесь по телефону с Еленой Николаевной Русановой, попросите ее приехать ко мне. Пошлите за ней машину. Когда приедет, доложите. Я буду у руководства.

3

Палата госпиталя с большим итальянским окном, в обиходе называвшаяся «угловой», вот, уже три дня была объектом особого внимания главного врача.

Пациенты госпиталя, большей частью больные «мирными» болезнями — язвой желудка, ревматизмом, малярией и грыжей, — опекались главным врачом с той снисходительной внимательностью, с какой терапевт лечит больного насморком. Влюбленный в свою профессию, Шервашидзе относился серьезно только к резаным, колотым и огнестрельным ранам. Он прямо-таки боролся за жизнь Дробышева. Сложная двухчасовая операция, во время которой Шервашидзе кромсал и латал истерзанное пулями тело, закончилась. Раздробленную руку из-за начавшейся гангрены пришлось ампутировать. Много хлопот и волнений доставила пуля, пробившая грудь. Простреленную плевру все время заливало кровью.

Дробышев по-прежнему был без сознания.

Потеря крови, хотя и компенсированная вливанием большой дозы физиологического раствора, ослабила сердечную деятельность. Шервашидзе и его помощники внимательно следили за сердцем, за борьбой организма — следили и помогали ему в этой борьбе. Временами в груди Федора слышалось глухое kloкотание. Бледное лицо раненого то и дело передергивали судороги, рот его сжимался, и сквозь выбитые зубы прорывались стоны.

Часы, когда у кровати Дробышева дежурила Этери, двадцатидвухлетняя, обычно смешливая сестра хирургического отделения, были для нее часами тревоги и непре-
станных волнений. Ее особенно пугали моменты ослабле-
ния сердечной деятельности, и, уловив их, она тотчас же
бежала к дежурному врачу или к Шервашидзе. Алек-
сандр Александрович торопливо шел за бегущей Этери,
сестрой, садился рядом с кроватью на табурет,
считая пульс, долго и внимательно смотрел в лицо ране-
ного.

Порой, когда ему казалось, что больному не хватает
воздуха, Шервашидзе приказывал открыть большое окно,
и тогда вместе с отдаленными шумами города в палату
врывался свежий весенний воздух, напоенный ароматом.
Было время цветения мимозы, и ее нежный, чуть горько-
ватый запах, смешиваясь с запахом магнолий, лип, эвка-
липтов, лавров и множества других деревьев и цветов,
распространялся в палате.

О Дробышewe беспокоились не только в этом малень-
ком пограничном городке на берегу моря. По телефонным
и телеграфным проводам шли запросы о нем из далекой
Москвы. И если до сих пор о существовании Федора зна-
ли лишь немногие, то сейчас его имя с волнением назы-
вали сотни людей, ранее незнакомых ему.

И только далеко от него близкий и дорогой Федору
человек ничего не знал о случившемся. А как была ему
нужна сейчас нежность и ласка этой далекой и теперь,
казалось, совсем чужой женщины. Какую огромную и
острую боль причинила ему она... И все же он ее не за-
был, не мог забыть и, несмотря ни на что, тщательно
пряча в душе свое большое, горькое чувство, продолжал
любить.

4

В точно назначенное время Обловацкий и Строгов бы-
ли у начальника отдела Бахметьева.

Иван Васильевич, невысокий, начавший полнеть чело-
век, со следами оспы на широком скуластом лице, усадил
их за стол, на котором лежали развернутая карта «пяти-
верстка» побережья и несколько переплетенных томов
дела.

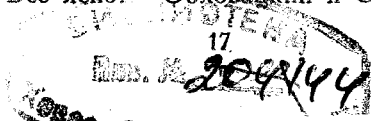
— Ну что ж, друзья, не буду повторять уже сказанного вам Василием Николаевичем. Задержу ваше внимание лишь на моментах, представляющих для вас непосредственный интерес.

Подойдя к столу, Бахметьев открыл один из томов и, найдя по заложенной вкладке нужное место, продолжал:

— Надо предполагать, что в ближайшие часы подтвердится наша уверенность, что были Эмухвари. Эм-хи, как зовут их там. Если это были они, то многое прояснится. Дробышев установил, что связь Эмухвари с их зарубежными хозяевами осуществляется с помощью подводных лодок, и напал на их след, но из-за ранения не довел дело до конца. Мы знаем только приблизительно места высадки связных и выгрузки оружия и боеприпасов. А нам надо как можно быстрее их перехватить. Зато нам известно точно, что центральным «почтовым ящиком» является монастырь в Новом Афоне, а его настоятель отец Иосаф не только представитель господа бога. Не доверяя молитвам, он пользуется и коротковолновым передатчиком. Но трогать отца Иосафа пока нельзя, чтобы не встревожить весь муравейник. Наблюдением установлено, что подводные лодки были замечены в секторе Холодной Речки, у селения Кургиле, южнее устья Кодор, и, наконец, седьмого февраля на побережье около устья реки Келасури, у селения Маджарка. Это дает нам право предполагать, что Эмухвари (если это были они) неспроста находились шестого февраля в Бак-Марани, откуда до Келасури по прямой километров шесть.

На этих участках наблюдение ведется непрерывно, хотя не исключено появление лодок в ближайшее время и в других местах побережья, так как выгрузка на берег какого-либо количества снаряжения шестого-седьмого февраля, по нашим сведениям, не производилась. В Сухуме вам необходимо продолжать работу Дробышева. Мне кажется, — закончил Бахметьев, — что разгадка находится в Сухуме и в Новом Афоне. Особенно в Афоне, — подчеркнул он. — Как уже сказал Василий Николаевич, вы выезжаете завтра сочинским, едете отдельно. О вашем выезде знает только начальник опергруппы ГПУ Абхазии Чиверадзе, с которым вы встретитесь в Сухуме. Вопросы есть?

— Нет. Все ясно! — Обженицкий и Строгов встали.

— Василий Николаевич, Русанова здесь,— доложил секретарь.

— Просите!

Березовский поднялся навстречу входившей в кабинет молодой блондинке.

— Здравствуйте, Елена Николаевна!

Он пожал руку и гостеприимным жестом показал на диван:

— Садитесь, нам нужно поговорить.

Русанова с недоумением и тревогой смотрела на Березовского, не понимая, зачем ее вызвали.

— Я знаю, что вы замужем, знаю, кто ваш муж. Вы видимо, счастливы с ним,— медленно заговорил Березовский, садясь рядом и разглядывая свою гостью. Заметив горькую усмешку, тронувшую ее тонкие губы, он посмотрел ей в глаза.— Видимо, счастливы,— раздумчиво повторил Березовский,— если ушли к этому человеку, не смотря на то, что годились ему в дочери. Ушли, причинив огромное горе другому, с которым связали прежде свою жизнь...

— Я не понимаю вас. По какому праву вы...— вскинул голову и с волнением глядя на Березовского, начала Русанова. Но тут же тревожно спросила:— Что-то случилось? Да?

Березовский медлил с ответом.

— Не знаю, правильно ли я сделал, пригласив вас сюда, но дело в том...— он запнулся и снова внимательно посмотрел ей в глаза.— Дело в том, что Дробышев тяжело ранен.

Он хотел сказать, что знает о любви Федора к ней, что там, видно, Дробышев знает о том, что... — кто знает!— будет ли жив. Хотел, но не успел. Русанова схватила и сжала его руку. Лицо ее побледнело.

— Он жив? Говорите правду, только правду!

Березовский утвердительно кивнул головой.

Она отпустила его руку. Еще минуту назад такая прямая, гордая, Русанова вдруг будто сжалась, сгорбилась, опустила голову и заплакала.

— Ну вот и хорошо!— дрогнувшим голосом сказал Березовский. Еще минуту назад он чувствовал неприязнь к этой женщине, но сейчас что-то теплое шевельну-

лось в его душе. Значит, не безразличен ей Дробышев.

— Вот и хорошо!— повторил он.

Елена Николаевна с недоумением взглянула на него.

— Вытрите слезы и успокойтесь,— сказал Березовский. Она послушно вынула платок и стала вытирать глаза.

— Расскажите мне все,— попросила она.— Как это случилось? Что с ним?

Она не отрываясь смотрела на Березовского большими влажными глазами, а он, взволнованный и подобревший, ходил по кабинету, подсаживался к ней и вновь вставал и рассказывал о ранении Дробышева, о том, какой он мужественный и верный человек. Она слушала и думала, что в сущности никогда не переставала любить Федора, и что он тоже любит ее, и что она во всем виновата.

Наклонив голову, Русанова плакала. Березовскому стало жаль ее.

— Успокойтесь, ну, успокойтесь же,— говорил он.

— Можно мне поехать туда?— спросила Русанова.

— А муж, как он отнесется к этому?

— Я объясню ему все, он должен понять.

— Ну, а если не поймет?— настаивал Березовский.

— Ах, что я сделала!— она на мгновение снова ушла в свои мысли, но тут же опомнилась.— Я не могу не ехать. Я очень виновата перед ним.— Она замолчала и потом, видимо думая о своем муже, сказала:— Ну, а если не поймет, все равно я поеду.

Березовский почувствовал, что ею движет не минутная вспышка жалости и раскаяния, а настоящая, большая любовь, потерянная и вновь найденная.

— Так, значит, решили ехать?— спросил он. И хотя теперь уже знал, что она ему ответит, все же добавил, проверяя и ее и себя:— А то подумайте!— Березовский посмотрел ей прямо в лицо.— Если любишь — поезжай, но поезжай совсем. Помогите ему, он стоит большой любви! Поезжай завтра, тебя проводят.

Он говорил ей — ты, как сказал бы своей дочери, которая поняла свою ошибку и решила ее исправить.

Едва поезд отходил от платформы, пассажиры, которым предстоит провести вместе несколько суток, устраиваются и начинают знакомиться.

Не был исключением и этот мягкий вагон поезда Москва — Сочи.

Елена Николаевна приехала на вокзал в последнюю минуту. Только она вошла в тамбур, прозвучал свисток, паровоз дернул, и вагоны, лязгнув буферами и заскрипев, тронулись с места. Елена Николаевна прошла по коридору, нашла свое купе и открыла дверь.

За столиком сидела старуха. Отодвинув занавеску, она смотрела в темное окно. Напротив нее толстяк, лет сорока, восточной внешности, краснощекий, с узкими усами, дымил папирсой. Опушенные наполовину верхние полки закрывали свет плафона, и только настольная лампа освещала сидевших.

Русанова вошла, попутчики повернулись к ней.

Мужчина встал:

— Видите, мамаша в нашем лагере прибыло! — оживленно сказал он, обращаясь к старухе, взял из рук Елены Николаевны чемодан и поставил на верхнюю полку. — Это ваше сиденье? — спросил он, кивнув на место у окна. Он помог Елене Николаевне снять пальто и сел у двери, внимательно ее разглядывая. Русанова поблагодарила, уселась и машинально поправила волосы. Старуха пожевала беззубым ртом и поджала губы. Смотрела она неприязненно и хмуро. Молчание нарушил мужчина:

— К морю едете? — спросил он, растягивая слова, с небольшим дружеским акцентом. Она молча кивнула. Он обрадовался: — Купаться не придется, но вино пить будем. И тепло у нас, не то что в Москве.

Дверь открылась, и в купе вошел невысокий, немного сутулый человек.

— Вот нам и попутчица до самых Сочи! Довольны? — спросил его толстяк.

Облобацкий — это был он — неопределенно пробормотал что-то, но вежливо улыбнулся. Ему хотелось спать, а не разговаривать. И вообще в своих частых поездках он предпочитал мужскую компанию. «Вот бы сюда Строгова», — подумал он, бросив взгляд на новую пассажирку.

Чуть продолговатое лицо с большими черными грустными глазами, зачесанные на прямой прибор темные с отливом волосы делали ее похожей не то на грузинку, не то на еврейку. Эту красивую, запоминающуюся внешность не портил даже чуть-чуть крупный нос и тонкая каемка большого рта.

Сергей Ликовлевич перевел взгляд на полную, лоснящуюся физиономию толстяка с блестящими глазами, немного навывкат. «Любит женщин и выпить, — решил он. — Таких не устраивают тишина и молчание, по натуре они подвижны, любят шум и веселье». Старуха по-прежнему сидела, нахохлившись и пожевывая губами. Позже она расскажет, что едет от младшего сына, где гостила около двух месяцев, к старшему в Харьков. Ей не понравилась невестка, и она довольна и недовольна своей поездкой. Довольна, потому что уехала, а недовольна, так как считает, что ее младшенькому не повезло. Она видела, что сын влюблен в свою жену, и нехорошее, ревнивое чувство копошилось в ней.

— Вы разрешите? — толстяк потянулся к большой плетеной сумке, из которой высовывались винные бутылки. Но Елена Николаевна замотала головой, извинилась и вышла в коридор. Он был почти пуст. Через стеклянную дверь было видно, как проводник разжигает самовар. У одного из окон стоял человек в спортивном костюме и, глядя в темноту, курил. Спросив у него, в какой стороне вагон-ресторан, она пошла туда.

В ресторане было шумно и грязновато. Свободных мест за столиками не оказалось, но ей удалось устроиться возле самого входа, рядом с директором, сосредоточенно щелкавшим на счетах. Елена Николаевна заказала чай с лимоном. Сидя спиной к залу, она видела в зеркале бегущих людей с сумками, пьяными и разговаривающими пассажирами. Временами хлопали входные двери и вместе с новыми посетителями в вагон врывалось белое холодное облако. Оно мешалось с табачным дымом и растекалось по полу и углам вагона. Елена Николаевна, обжигая руки о горячий подстаканник, по-ребячьи дула на чай и пила маленькими глотками. Ей не хотелось возвращаться в купе, она ушла-то для того, чтоб избавиться от разговоров. Но сколько можно сидеть за стаканом чаю? Она нехотя встала и, пройдя по начавшему пустеть ресторану, вышла в тамбур.

За полузамерзшими окнами мелькали редкие огоньки домов. Елена Николаевна мысленно представила себе людей, сидевших в кругу своих близких. Еще вчера у нее тоже был свой дом, подобие семьи, какие-то интересы, казавшиеся ей значительными. А сегодня? Она усмехнулась. Кто она в сущности сейчас? Русская мысленно раскладывала по квадратикам свою жизнь. Ошибки... сколько ошибок, в которых теперь она винила только себя.

Елена Николаевна, усталая и озябшая, дошла до своего купе, открыла дверь. В фиолетовом свете ночника спящие казались покойниками. Она вернулась в коридор и прижалась к холодному окну. По-прежнему из темноты навстречу выплывали неяркие мигающие огни, медленно проходили мимо и пропадали. Потом вдоль пути потянулся лес, плотной стеной закрывший снежные поля, строения.

Снова думала она о человеке, к которому сейчас так стремилась. Вчера у Березовского ее охватило раскаяние за то горе, которое она причинила любимому человеку. А после разговора с мужем она еще яснее увидела горькие плоды своего легкомыслия.

Вспомнились знакомство с Федором, долгие прогулки по ночной Москве, суматошные встречи под часами — чудесное, все нарастающее, большое чувство к этому немного взбалмошному, но прямому и искреннему человеку. Потом объяснение и наконец свадьба. Как они были счастливы, выйдя под руку из загса. Елена Николаевна невольно улыбнулась, вспомнив маленького толстого Колю Исаева, стоявшего за ними на носках и державшего над их головами толстую книгу, — как потом оказалось — Шекспира. «Порядок! Все как у людей. Вместо венца», — шептал он. Вспомнился Юра Дворкин; франт и «прожигатель жизни». И она и Федор любили его и знали что под наигранным фатовством застенчиво пряталась добрая душа настоящего друга, способного отдать товарищу последнее. Был и серьезный Ваня Максимов, о котором Исаев говорил многозначительно: «Вот это голова! Профессор!» — намекая на то, что Максимов учится на вечернем рабфаке.

Она услышала долгий гудок паровоза. Мелькнули затянутые морозным туманом огни, поезд подошел к станции. Одноэтажное деревянное здание вокзала, платформа и старинный фонарь, горевший унылым желтым светом, были засыпаны снегом. Люди с узлами и баулами бежа-

ли вдоль состава, разыскивая, должно быть, свои вагоны. Огни, суета на платформе — все это мешало думать, и Елена Николаевна с досадой ждала, когда тронется поезд.

Но вот послышались дребезжащие удары станционного колокола, им ответил далекий протяжный гудок паровоза. Вагон дернулся, звон буферов прошел по составу, станция поплыла мимо и стала медленно уходить в темноту. В коридоре хлопнула дверь, прошел проводник, неся с собой холод зимней морозной ночи.

— Крепчает, градусов пятнадцать, наверно. А вы чего не спите? — спросил он, проходя мимо. Елена не знала, что ответить, и промолчала, ожидая, когда он уйдет и она останется одна со своими невеселыми мыслями.

И опять потекли воспоминания, торопясь и обгоняя друг друга. Она представила себе восьмиметровую комнату без удобств, которую они согревали электрической плиткой, в одноэтажном деревянном бараке, называемом ими коттеджем. Как все это было давно и как замечательна была и эта комната и ворчливая тетя Маша за тонкой фанерной стенкой, и люди, которые их окружали. И самый замечательный среди них — Федор, ее Федька. Они оба работали — он помощником оперуполномоченного ОГПУ, она в студии техфильмов.

Как много было хорошего в их задорной молодости, комсомольской юности. Все принадлежало им. Все было впереди. Все доставляло радость. И купленная новая книга Павленко. Как она называлась? Ах, да, «Азиатские рассказы». «Вот здорово, верно, Аленушка? — говорил Федор. — Знаешь, будем собирать библиотеку». — И она соглашалась с ним... И надежды на получение комнаты. И купленная рамка для картины (ее купила она). В трамвае рамку чуть не поломали, хотя она деждала ее чья головой. А сколько было волнений и веселой суматохи, когда они ходили в театр.

А потом горе, так неожиданно свалившееся на них, когда ребенок, их первый ребенок, родился мертвым. Какое это горе и как внимательны были они друг к другу. А сейчас он, быть может, умирает один, далеко от нее.

Что она делала в тот день, когда его ранили? Она перебирала в памяти последнюю неделю и вспомнила этот день, пустой и бессодержательный, как все другие за последние два года, — портнихи, телефонные звонки навой-

ливых приятельниц. Нет, нет, она хотела скорей вернуться хотя бы памятью к прошлому, такому милому и родному. Но мысли теперь почему-то возвращались уже не к Федору, а к тому, другому. И опять в такт вздрагивающим колесам текли воспоминания, обрывки впечатлений, какие-то слова, лица. Постепенно откуда-то из глубины, обрастая мельчайшими деталями и ширясь, как скатывающийся с горы снежный ком, выплывало все, связанное с ее вчерашней жизнью. Как же случился разрыв? И что дал ей этот новый для нее мир, в который она вошла?

Как-то днем на работу ей позвонил Федор. Он получил два билета в МХАТ и предлагал пойти с кем-нибудь.

— А ты? — с обидой спросила Елена.

Оказалось, что он не может, занят.

«Опять занят, всегда занят! Когда же будет день, вечер, когда они смогут быть вместе?» — чуть не плача, в который раз подумала она. Вечер был испорчен. В театр пришлось пойти с соседкой. В антракте в очереди к буфетной стойке пожилой хорошо одетый мужчина оказал им какую-то услугу, заговорил с ее спутницей, потом с ней. В следующем антракте он нашел их и, продолжая начатый разговор, уже проводил до места, потом домой. Соседка, пустенькая и не особенно умная, осталась в восторге от нового знакомства. Он скромно предложил довести их домой в своей машине и, прощаясь у барака, попросил разрешения позвонить по телефону. Она дала служебный. Через несколько дней Григорий Самойлович (так звали нового знакомого) позвонил, напомнил, что в «Мюзик-холле» новая программа, советовал пойти. Она отказалась, но он так долго уговаривал, что пришлось согласиться, и они пошли втроем — она, соседка и он. С этого и началось.

Он окружил ее таким вниманием, такой заботой, что первой она почувствовала сравнение с тем, что было с Федором. Эти сравнения были не в пользу мужа. Кроме возраста! Потому что старше он был вдвое и иногда это подчеркивал. Мягко, с чуть заметной грустью. Так шло время. Наконец, как-то провожая домой, заметно волнуясь, сказал, что любит ее. Несколько дней они не встречались. Потом опять начались встречи.

Елена Николаевна ясно вспомнила день своего ухода. Накануне вечером, провожая ее по слабо освещенным переулкам домой, Григорий Самойлович сжал ее руку и, настойчиво возвращаясь к своему, спросил, заглядывая в

глаза, когда же она решилась уйти от Федора и свяжет свою жизнь с ним. Он долго говорил о своем одиночестве, о своей любви, о заботах, которыми окружит ее. Так заманчиво рисовал он их будущую жизнь, круг новых интересов и людей, которые будут рядом. Вскользь сказал, что решил воспользоваться предложением уехать на продолжительный срок в служебную командировку во Францию. Он бывал раньше в Париже и теперь в разговоре небрежно жонглировал названиями улиц, площадей, театров и магазинов. Это звучало так заманчиво — увидеть воочию то, о чем она только читала, что видела в кино. Париж, бульвары, Нотр-Дам, Булонский лес, Елисейские Поля. И все это она могла увидеть.

Они подошли к дому — одноэтажному деревянному барaku, в котором она жила. И это после красочных рассказов о Париже, Лувре, кабачках Монмартра. Это было ужасно. Прощаясь, она уже не сопротивлялась, ей не было стыдно, и на настойчивый вопрос: «когда же мы будем вместе?» она, как замороженная, молча кивнула головой. согласилась.

Елена Николаевна ушла из дому в своем простом вискозном платице, скромных туфлях и стареньком платочке, как этого требовал Григорий Самойлович, и действительно попала в новый мир. Правда, с Парижем не вышло, поездка не состоялась, но было весело и в Москве. Товарищи ее нового мужа со своими чопорными женами, в глубине души осуждавшими Григория Самойловича, после непродолжительных иронических пожиманий плечами и кривых улыбок примирились и приняли ее в свой круг. А потом привыкли и они и она, и все восторгались ее наивностью и непрактичностью.

Интересы этих людей были иными, чем в среде, в которой она выросла. Елену Николаевну вскоре начала возмущать их ограниченность. Не раз она звонила по телефону Федору, пытаясь поговорить с ним, объясниться, но он, узнав ее голос, вешал трубку. Наконец в один из дней незнакомый голос ответил, чтобы она не звонила, потому что Дробышев уехал. Она не поняла, куда он мог уехать, и позвонила снова, и услышала все тот же голос: «Вам, кажется, ясно сказали, что Дробышев здесь не работает. Не звоните больше!» Как-то, когда ей было очень грустно и тяжело, она решила пойти вечером на Суворовскую. Дверь открыла тетя Маша. Не пригласив Русанову

даже войти в комнату, она пробурчала, что вот уже полгода, как Федор съехал с квартиры и, прощаясь, сказал, что уезжает из Москвы. Так и оборвалась эта последняя нить, исчезла надежда поговорить и что-то выяснить, хотя Елене Николаевне самой было не ясно, о чем бы она говорила с Федором. Никого из своих старых друзей она не видела, только однажды в Театре оперетты встретила группу своих подруг. Увидев ее, шедшую под руку с Григорием Самойловичем, они, как по команде, фыркнули и демонстративно отвернулись. С этого времени ее мысли все реже и реже возвращались к прошлому. И вдруг этот звонок и вызов на Лубянку к Березовскому, о котором она слышала от Федора, но которого никогда не видела и почему-то побаивалась. Растерянная и потрясенная, возвращалась она к себе домой, в свое «гнездышко», как любил Григорий Самойлович называть их двухкомнатную квартиру. Решение ехать, немедленно ехать, было твердым и бесповоротным.

И только подойдя к двери с медной табличкой «Архитектор Г. С. Замковой», она подумала о человеке, который был ее мужем, любил ее. И ее решительность поколебалась.

Она не успела отнять руку от звонка, как Григорий Самойлович отворил дверь. Видимо, встревоженный ее отсутствием, он нервничал.

— Где ты была? — уступив дорогу, спросил он. Не ответив, она прошла мимо него и стоявшей в дверях домработницы, пожилой, медлительной Евдокии Андреевны, в комнате села на край дивана. Григорий Самойлович, еще больше встревоженный, подошел к ней.

— Что случилось?

Она молчала, но слышала, как начался лихвый разговор.

— Что случилось, где ты была? — волнуясь переспросил он.

— Сядь, Гриша, нам нужно поговорить, — наконец сказала она, и он покорно сел рядом, уже зная, что произошло то, чего он так боялся.

Избегая смотреть в глаза, понимая, что причиняет ему горе, она рассказала о своей поездке к Березовскому, о ранении Федора и о решении ехать в Сухум. Окончательном решении! — жестко подчеркнула она и взглянула на него. Григорий Самойлович сидел с опущенной головой, молчал.

— Что ты молчишь? — начиная горячиться, спросила она.

— Что ж говорить, ведь ты все решила сама, — ответил он, печально пожав плечами, и эта покорность и безропотность убивали в ней решимость быть жесткой и лаконичной. Ей хотелось резких слов, упреков, оскорблений. Тогда бы ей было легче укрепиться в своем решении. Сейчас так же, как и в кабинете Березовского, она чувствовала, что любит Дробышева, твердо убеждена, что должна быть около него. Но вместе с любовью к Федору в ее душе жила еще и жалость к сидевшему около нее человеку. Она убеждала себя, что его любовь эгоистична, что он превратил ее в куклу, живую куклу, а она, по легкомыслию или по глупости, согласилась на эту оскорбительную роль полусодержанки, полужены. Чтобы озлобиться, она пыталась вспомнить все плохое в их совместной жизни. Пыталась и не могла. И постепенно чувство решимости и враждебности уступало жалости к этому уже старому человеку, для которого она была всем в этом большом и холодном мире.

— Что ты молчишь? — снова спросила она, но он даже не поднял головы, уйдя в свое горе. И тогда, не выдержав, она встала перед ним на колени, заплакала. Ей было жаль его, но больше всего жаль себя, хотя во всем была виновата лишь сама.

Григорий Самойлович поднял голову:

— Я думаю твое решение окончательно. Оно жестоко. Но я должен был знать, что рано или поздно так будет. — Он усмехнулся. — Да, недолго прожило мое счастье. Спасибо тебе за радость и горе, за все, что ты принесла. — Голос его дрогнул, говорить было трудно. — Но помни, в любой час, в любой день я буду ждать тебя — Услышав всхлипывания у двери, он взглянул туда и только сейчас увидел стоявшую у портьера плачущую Евдокию Андреевну. — Вот с ней и будем ждать тебя в этом, твоём, доме, — сказал он. Стараясь быть спокойным, спросил, когда она едет, и, услышав, что завтра, заторопился, махнул рукой и, тяжело сутулясь, ушел в спальню.

Ночь прошла в сборах. Только под утро, прикорнув на диване, Елена забылась тяжелым сном. Утром ей позволили от Березовского, предупредили, что заснут с билетом. Когда она кончила говорить, Григорий Самойлович подошел, обнял ее и долго смотрел в глаза, точно хотел

запомнить дорогие ему черты. Потом поцеловал в голову и ушел из дому.

Вечером приехал секретарь Березовского. Евдокия Андреевна помогла одеться и уже в дверях сунула в муфту сверток, шепнув, что так велел Григорий Самойлович. В машине она вскрыла конверт, там были деньги и небольшая записка. Он писал, что будет говорить всем, что она поехала в Сухум отдохнуть. Письмо кончалось словами: «Помни, в Москве ты оставила самого близкого старого друга — напиши ему, если тебе будет тяжело». Слово «старого» было подчеркнуто!

— Неужели ей суждено приносить близким людям только несчастья?! — мелькнула горькая мысль. — Подумаешь, какая демоническая, «роковая» женщина.

7

Сквозь сон Елена Николаевна почувствовала, как кто-то тормозит ее за плечо и что-то говорит. Она открыла глаза. Купе было полно света, длинный солнечный луч разрезал его пополам и, отражаясь в дверном зеркале, слепил глаза. Рядом с ней сидела вчерашняя старуха, уже не хмурая и настороженная, а ласковая.

— Ну вставай, вставай, соня, — говорила она, улыбаясь, — ишь как разоспалась. Люди давно встали, чаевничать хотят, да тебя жалеючи маются в коридоре.

— Простите, пожалуйста! — Елена Николаевна хотела встать, но дверь без стука открылась, показалась голова толстяка.

— Закройте на минутку, я сейчас, — крикнула Русанова. Он, как ей показалось, весело подмигнул, запер дверь и сейчас же в коридоре послышался смехок.

Елена Николаевна заторопилась. Она быстро оделась, прибрала постель, поправила перед зеркалом растрепавшиеся волосы и распахнула дверь. У окна стояли ее попутчики и еще какой-то незнакомый, высокий, с реденькой седой неопрятной бородкой и узкими, бегающими глазами. Глядя на них, они улыбались. По-видимому, толстяк верховодил. Тоном хорошего знакомого он с укоризной сказал:

— Пора, пора, а то мы проголодались. Идите умываться, а мы здесь займемся по хозяйству.

Когда она вернулась, столик был заставлен стаканами с чаем, всевозможной снедью и большими ломтями белого хлеба. По одеялу вперемешку с пустыми стаканами рассыпаны яблочки, на полу — бутылки с вином. Видимо, ждали ее возвращения, потому что не успела она сесть, как толстяк уже откупорил бутылку и стал разливать вино.

— Будем знакомы! — сказал он, протягивая ей наполненный до краев стакан с мутно-золотистым напитком. — Майсурадзе, Давид Григорьевич, — представился он. — Друзья зовут меня просто Дати́ко. Ничего, ничего, у нас так принято, — успокоил он молодую женщину, заметив, что она пожалала плечами. — А это — Александр Семенович Жирухин, инженер нашей Сухумской ГЭС, почти грузин. Второй год живет в Абхазии. — Он засмеялся и кивнул на высокого с бородкой. Заметив, что на него смотрят, Жирухин заискивающе улыбнулся, и Елена Николаевна увидела редкие желтые зубы.

— А это тоже инженер, Сергей Яковлевич. Ваш москвич, отдыхать к нам едет, — продолжал представлять толстяк. — И правильно делает, что едет сейчас, — летом у нас жарко, да и не протолкнешься из-за приезжих.

Обловацкий встал и поклонился.

— Ну, с бабушкой вы уже знакомы, — продолжал Майсурадзе, метнув глазами на старуху.

— Представляешь, как в цирке, а чай стынет, — ворчливо перебила его та и двумя руками взяла большую фарфоровую чашку.

— Наш чай не остынет, — пошутил Жирухин.

— Простите, ваше имя, отчество? Год рождения и социальное положение не надо! — засмеялся Майсурадзе.

Елена Николаевна назвала себя.

Сидящая баскетболистка Лати́ко — вспоминала Жирухин. — Кто-то когда-то сказал: вино налито — его надо пить. Последуем этому мудрому совету.

— Смотрите! Он учит тамаду, как надо вести стол! — обиделся толстяк. — Но раз сказал верно — прощаю! Выпьем за дружбу, за хороших людей!

— Пьют и забыли позвать земляка, изнывающего от жажды в этот морозный день! — заглянув в дверь, промолвил высокий человек с умными, смеющимися глазами.

— О Одиссей! Заходи, заходи! — Майсурадзе протянул гостю свой стакан и представил:

— Наш историк и композитор Одиссей Константииниди. Садись, садись, дорогой, гостем будешь. Слушаться будешь— пьяным будешь,— шаржированно акцентируя, пообещал он.

Не успели выпить по стакану, как Майсурадзе уже налил еще. Елена Николаевна отказалась, но все запротестовала. Она пригубила и поставила стакан на столик.

Беседа, до этого принужденная и натянутая, оживилась. Раскрасневшийся Майсурадзе, обратясь к старухе, рассказывал о своей поездке. Говорил он громко, и Елена Николаевна чувствовала, что все это—для нее. Переменяя впечатления о Москве, Майсурадзе сказал, что работает в Сухуме старшим инспектором Абхазского табакководческого союза. В Москве был с группой работников Тифлиса в служебной командировке. Товарищи по окончании совещания уехали, а он задержался по личным делам, встретил вот Александра Семеновича и теперь едет домой.

— Трубокуров разводись?— заметила старуха, отрываясь от своей кружки.

— Это для бога, мамаша, бог фирмам любит,— примирительно сказал Жирухин.

Продолжая рассказ, Майсурадзе поглядывал на Русанову масляными глазами. Она извинилась и вышла из купе. У соседнего окна шушукалась какая-то парочка. Толстяк в пижаме читал газету. Еще дальше стоял высокий молодой человек, куривший ночью, когда она ходила в вагон-ресторан. По-прежнему перед глазами тянулись холодные поля с утопавшими в снегах крышами. Темнели протоптанные дорожки, уходившие к журавлям колодцев. На редких, открытых ветрам холмах темнели плешины озябшей земли. Черным пятном шевелилась на снегу большая галочья стая. Мелькнула у шлагбаума одиозная машина.

— Скорей бы приехать,— думала Русанова,— узнать, что с ним, увидеть, взглянуть в глаза, сказать: все, что случилось,— ошибка, и нужен ей только он. А вдруг Федор умер? Нет, нет! Он жив! А если калека?— Она прильнула к стеклу.— Пусть калека! Пусть!..

— Вы в Сочи?— услышала она сзади вкрадчивый голос. Он сразу вернул Елену Николаевну к действительности. Она обернулась и увидела Майсурадзе.

— Нет, в Сухум!— холодно ответила она и отодвинулась. Но он не заметил или не хотел заметить ее сдержанности.

— Отдыхать?

— Нет, по делу!— сказала она уже резче. Неужели он не понимал ее состояния!

— По делу?— удивленно переспросил он.— Вы раньше бывали на юге?

— Нет, в первый раз.— Она повернулась к нему спиной.

— Тогда надо выпить. При переходе экватора новичков купают в океане, у нас — в вине.

Она почувствовала на затылке его горячее дыхание. Его руки обняли ее. Она обернулась. Хотела ухватить по багрово-красному потному лицу, но удержалась.

— Оставьте меня! Вы пьяны, как вам не стыдно!

— Вы меня не поняли,— пятась к двери, пробормотал Майсурадзе, оглянувшись по сторонам и юркнул в купе.

Брезгливое чувство охватило ее, сердце сжалось от обиды. Хотелось, как в детстве, забиться в темный угол и плакать.

— Едете на юг, а хандрите! — сказал кто-то. Теперь она решила: если пристанут — ударит. Обернулась.

Закуривая папиросу, в дверях стоял Сергей Яковлевич. Из-за его спины высовывался Константииниди.

Взволнованная и оскорбленная, она молчала.

— Запомните этот снег. Завтра вы его не увидите. Будет солнце, зелень, цветы и будет море,— сказал Константииниди и подошел к окну:— Вы никогда не видели моря?

— Нет, только на картинах,— ответила она, успокаиваясь.

— Ну, это не то! — вмешался Обловацкий. — Когда я впервые увидел море, мне хотелось кричать от восторга. Да и теперь каждый раз, встречаясь с ним, я волнуюсь.

— У меня нет этого чувства. Я помню море, должно быть, с того момента, когда мать впервые вынесла меня из дому. Оно вошло в меня раз и навсегда, как воздух и солнце,— медленно, точно обдумывая, говорил Константииниди. — Подождите, увидите сами и загоритесь,— пообещал он уверенно.

— А вы сухумец? — поинтересовалась Елена Николаевна.

Константииниди кивнул головой.

— И историк и музыкант?

— ...и мореплаватель и плотник,— проскандировал Обловацкий.

Константииниди застенчиво пожал плечами:

— Я музыкант по профессии, а историк по влечению сердца. И то — интересуюсь историей только своей малой республики.

Он производил приятное впечатление скромной манерой держаться.

— Расскажите о Сухуме, — попросила Елена Николаевна.

— С удовольствием, но что вас интересует?

— Все о городе, природе, — она поправила сползшую на лоб прядь волос. — Ну, словом, все, что может интересовать такого дилетанта, как я.

— Хорошо! Но, говоря о городе с точки зрения удобства местных гостиниц, пляжа и базарных цен, я вряд ли удовлетворю вас. Хотите, я расскажу вам историю Абхазии. Поверьте, это куда интересней.

— Согласна!

— Пойдемте в купе, там удобнее, — предложил Обловацкий.

— Нет, нет, только не туда, — вспомнив о Майсурадзе и Жирухине, запротестовала Елена Николаевна.

— Поэты древней Эллады за тысячи лет до нашей эры воспели аргонавтов Язона, — начал Константиниди. — В поисках «золотого руна» на корабле «Арго» они достигли берегов легендарной Колхиды. Классики древних сделали эту страну и дочь ее — Абхазию жилищем мифической богини Эос. Здесь жили и лучезарный Гелиос, златокудрая Цирцея и злая волшебница Медея, жестоко отомстившая Язону за неверность.

Красивая сказка? Легенда, пришедшая к нам из далекого прошлого? Но за легендой потянулись люди.

На побережье цвели богатые греческие колонии. Расторженные купцы из Милета везли сюда ткани и медь. В обмен на это на запад уходили лес, пушнина, вино, мед и фрукты. Тяжелой пятой победителя прошли по этой узкой прибрежной полосе легионы Великого Рима, тесня хозяев — горцев в их орлиные гнезда. На разукрашенных колесницах сюда переселились патриции в свои поместья. Это шло время, и на смену ослабевшему Риму пришел другой хищник — Византия. В одном ряду с вооруженными когортами колонизаторов шли христианские проповедники, мечом и крестом подчинявшие непокорных.

— Вы рассказываете, как хорошая книга, — заметил Обловацкий.

Константиниди не улыбнулся. Он, видимо, сел на своего конька. Елена Николаевна не шелохнулась.

— Много лилось крови в этом благословенном краю. Персы, потом опять римляне, потом арабы. И каждый завоеватель строил крепости, замки и храмы, много храмов. — Он усмехнулся. — А лес и пушнина, все, что в изобилии давала эта земля, шло за море. Восстания не утихали и наконец дали свои плоды: абхазцы объединились с западнотурецкими племенами. Но недолго существовало Абхазско-Императорское государство. Вожаки и жадность феодалов привели его к распаду. И снова Абхазия, раздробленная на мелкие владения, осталась в одиночестве. Ее владетельный князь Чачба не смог объединить враждующих князей — тавадов. И снова на побережье появились иноземцы — разведчики богатой Генуи. Меняются названия селений и городов. Растут города и крепости... и храмы.

— А лес, пушнина и вино шли за море? Ведь верно? — засмеялся Обловацкий. — Смотрите, Харьков! — вдруг воскликнул он.

Константиниди прервал свой рассказ. Коридор наполнился людьми. Открылось купе, вышел Жирухин и быстро направился к выходу.

— Гулять? — окликнул его Обловацкий. Но тот уже хлопнул вагонной дверью.

Моросило, но, несмотря на мелкий дождь и слякоть, перрон был полон народу. Старуху встретили сын с женой, и они ушли. Гуляя по платформе, Русанова и Обловацкий дошли до паровоза. Здесь Елена Николаевна заметила Жирухина. Подняв от дождя воротник своего демисезонного пальто, он разговаривал с какой-то женщиной. Русанова хотела окликнуть его, но Обловацкий удержал.

— Не надо, не мешайте.

Они повернули обратно. У вагона стоял Майсурадзе, беседуя с Константиниди. Увидев Елену Николаевну, он сконфузился, скомкал разговор и заторопился.

— Не узнаю Майсурадзе. Всегда такой лживый, а сейчас мокрая курица. — удивленно заметил Константиниди. — Погода, что ли, на него подействовала?

Елена Николаевна пожала плечами.

Поезд уже прошел станцию и громыхал на стрелках, когда и вагон пошел Жирухин.

— А где же обещанные малосольные огурчики? — встретил его Константиниди.

Александр Семенович заулыбался и развел руками:

— Я сам едва успел поестъ в буфете, потом был на почте. И все бегом, бегом.

— И даже с незнакомкой не успели как следует поговорить? — с иронией сказала Русанова.

Жирухин вздрогнул.

— Какая незнакомка? Вы с кем-то спутали меня!

Конечно, Елена Николаевна спутала, — смеясь, подтвердил Обловацкий. — Ох, женщины, женщины, всегда им мерещатся соперницы! — И, повернувшись к Константиниди, предложил: — Продолжайте свой рассказ. Не будь вас, я так бы никогда ничего и не узнал. — И, заметив его недоверчивый взгляд, добавил: — Нет, серьезно, ну кто из бывавших на побережье знает эту поэтическую историю? Кто? — спросил он. И сам ответил: — Никто! Мы и свой-то край толком порой не знаем!

В купе было тепло и тихо. На верхней полке, закрывшись с головой, спал Майсурадзе. Елена Николаевна забралась с ногами на диван и забилась в угол.

— В пятнадцатом веке под ударами турок погибла Византия, — вдохновенно продолжал Константиниди. — Разрушив ее колонии на Черноморском побережье, в Абхазию пришли турки. И снова кровь и гнет, худший, чем прежде. Религия — оружие завоевателей. Христианских проповедников сменил ислам. Пустели города, гибла торговля, уничтожались памятники старины. Тысячами вывозились в неволю свободолюбивые абхазцы. Мужчины — на работу, женщины — в гарем. Абхазки особенно ценились сластолюбивыми османскими вельможами... Нет Триглита и Хакари — есть Бала-Даг, нет Диоскурии и римского Севастополиса — есть Сухум-Кале. Но сколько можно терпеть гнет? И снова восстала Абхазия. Восстание растет, сухумская крепость в руках абхазцев. Но снова распри, победа уходит из рук народа.

В начале девятнадцатого века Восточная и Западная Грузия присоединяются к России. На Черном море — русский флот, он контролирует побережье. Но Абхазия еще в руках турецких захватчиков. В тысяча восемьсот десятом году русские военные корабли штурмуют крепость. Владелец Абхазии Сефер-бей Чачба заключает договор и передает свою страну в наследственное владение России. Приходит мир на эту прекрасную, многострадальную, обильно политую кровью землю. Возникли

и новые имена старых городов и селений — Гагра, Пицунда, Цхырха.

Сколько жадных и жестоких врагов здесь побывало? Что сохранило нам время от прошлого? Остатки крепости царя Митридата, обломки замка римского императора Траяна, следы соединительных каналов белоснежные колонны Диоскурий на дне Сухумской бухты, венецианский мост, замок Баграта с подъемными мостами и подземными ходами. Сколько эпох и стилей, сколько образцов высокой древней культуры!

Он остановился, глаза его блеснули:

— Вы не устали, Елена Николаевна?

— Нет, несколько.

— Вы очень хорошо знаете историческое прошлое своего края, — сказал Обловацкий, не скрывая восхищения.

Константиниди застенчиво улыбнулся.

— Я увлекаюсь историей. Она любима и понятна мне, как музыка. Смотрите, кто только из древних не писал об этой маленькой стране, — продолжал он: — Страбон и Геродот, Птоломей и Плиний. И даже русский летописец Нестор. А сколько источников позднейших лет!

Еще дважды здесь побывали турки. И наконец ушли навсегда.

Война четырнадцатого года ставит Абхазию под пушки немецких и турецких кораблей. Германская подводная лодка обстреливает город.

Наконец революция! Как ждали ее лучшие сыны Абхазии. И вот она пришла. Но в первые месяцы власть захватили меньшевики. Пришел Октябрь, опять вспыхнуло восстание — в Абхазии установилась Советская власть.

Недолго была она у нас — полтора месяца. И снова — меньшевики. Почти три года продолжался разгул реакции, террор. Наступил март двадцать первого года. Войска Красной Армии в Сухуме. Абхазия становится советской! Теперь уже навсегда.

Что оставило нам далекое прошлое? Развалины замков и крепостей! Что дала царская Россия? «Голодное» шоссе, построенное голодными, среди которых был чернорабочий Пешков, наш Горький! Вы помните его «Рождение человека»?

Елена Николаевна кивнула головой.

«Над кустами, влево от меня, качаются темные голыши, и шуме волн моря и ропоте реки чуть слышно зву-

чат человечьи голоса — это «голодающие» идут на работу в Очемчиры из Сухума, где они строили шоссе», — закрыв глаза, на память процитировал Константиниди. — И замечательные слова: «Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении пред красотами. Подождите немного, и вы не узнаете Аохазии. Уже сейчас она другая, вся в стройках. Кто-то из древних сказал: «Кто напился воды в Келасури — тот вернется в Абхазию, страну Души!» Вы тоже, побывав, вернетесь!

— Вы хорошо рассказываете и горячо любите свой край! — снова заметил Обловацкий.

— Как же можно не любить свою землю? — ответил Константиниди, подняв на него глаза.

— Простите, вы абхазец?

— Нет, я грек. Я здесь родился, здесь прошли мое детство, юность. Здесь мне лучше, чем грекам, живущим в Греции. И я люблю Абхазию — край, где живут абхазцы и грузины, греки и армяне, эстонцы, русские и сваны, и даже негры. И все это на двухстах километрах побережья.

— Негры? — удивился Обловацкий.

— Да, негры! Попробуйте спросить у них, откуда они пришли, — это вызовет обиду. Абхазия — их родина. Вы разрешите? — спросил он у Елены Николаевны, доставая портсигар. Она кивнула головой. — А наша природа, — продолжал он, — вечное лето! Круглый год цветут розы, а земля и море дают человеку все. И день и ночь неумолчно шумит морской прибой.

— Кто это так патетически говорит о море?

В дверях купе стоял Жирухин, за ним незнакомый человек, которого Елена Николаевна мельком видела в вагоне.

С верхней полки свесилась голова Майсурадзе:

— Одиссей! Ты говоришь, как твой отец Гомер.

Он засмеялся.

— О чем же все-таки вам говорил Константиниди? — спросил Жирухин. Он сел и потянул за рукав незнакомца.

— О, я узнала историю Абхазии! — ответила Елена Николаевна.

— И это вам поможет в вашей служебной командировке? — с иронией спросил Майсурадзе. — Кстати, вы конечно, шутили, говоря о деловой поездке?

Нет, я еду по личному делу, мой...— она на мгновение загнулась, но взяла себя в руки и уже твердо сказала: Мой муж ранен в Сухуме.

Все посмотрели на нее. Увидев удивление на их лицах, она повернулась к Константиностиди:

Да, ранен. Вот видите, что бывает в этом зем-
раю!

— Как это могло случиться?— спросил стоявший в дверях незнакомый ей человек.

— Кто он, ваш муж?

Майсурадзе прыгнул с полки и сел рядом с ней.

— Чекист и ранен при выполнении служебного задания. Я...— она хотела что-то сказать, но опустила голову и заплакала.

— Э, это не годится!— Майсурадзе наклонился к ней.

— Успокойтесь, ну, успокойтесь, пожалуйста!— заговорили все сразу.

— Он жив?— допытывался Майсурадзе.

— Не знаю,— не поднимая головы, прошептала она.

— Конечно, жив!— уверенно решил Константиностиди.

Желая нарушить тягостное молчание, Майсурадзе вспомнил, что надо бы поесть, и предложил пойти в вагон-ресторан. Все ухватились за это предложение. Позвали и Русанову, но она отказалась.

Попутчики ушли. Она осталась одна, и к ней сразу вернулось тоскливое чувство одиночества и страх перед неизвестным будущим. Она легла, повернулась к стене, заду-малась и не успела, как отворилась дверь. Кто-то сел рядом.

— Кто это?— вздрогнула она, резко обернулась и удивилась, увидев незнакомца похолодевшего с Живоухиным.

— Я слышал, что вы едете к раненому мужу,— не торопясь, сказал незнакомец.— Послушайте моего совета! Не говорите о таких вещах незнакомым вам людям. Вы сказали, что он чекист. Положение мужа обязывает вас ко многому, а к осторожности — особенно!

Но кто вы?— спросила она, пораженная этим советом.

— Если это представляет для вас интерес,— инженер Строгов, из Москвы, еду отдыхать в Сухум. Сейчас ваш сосед и попутчик. И будет очень хорошо, если вы забудете

о нашем разговоре. Не хандрите. Все обойдется, все будет хорошо. Простите!

Он поклонился, вышел из купе и закрыл за собой дверь. Елена Николаевна, ошеломленная, смотрела ему вслед.

8

Ночью приехали в Ростов.

Сергей Яковлевич торопливо оделся и пошел на станцию. Выходя из вагона, он увидел стоявшего рядом с проводником Строгова.

— Сколько стоит поезд? — проходя мимо, спросил он проводника.

— Сорок минут, — ответил тот.

Обловацкий направился к вокзалу. Строгов пошел за ним.

— Так это Дробышева? — спросил Строгов, когда они шли по перрону. Обловацкий утвердительно кивнул.

— А не напрасно ли она едет к Федору? Что ворошить прошлое? Ты согласен со мной? — Строгов посмотрел на Сергея Яковлевича.

— Нет! Как знать, быть может, если успеет приехать, она и будет тем средством, которое его поднимет?

— А если он не захочет ее видеть? Ведь два года? Я бы не простил.

— Ну так это ты! — посмотрев на него, иронически улыбнулся Обловацкий. — А у тебя уходила жена?

— Острие, товарищ? — обиделся Строгов. И назидательно сказал: — Поверь, когда женюсь, не уйдет — слово такое знаю.

Они неторопливо шли мимо большого, ярко освещенного здания вокзала.

— Как бы узнать, жив он или нет? — заметил Строгов.

— Потерпи до послезавтра. Приедем — узнаем, — ответил Сергей Яковлевич. — Да, кстати, приходи завтра к нам в купе играть в шахматы. Нам надо «подружиться» до Сухума, а там возьмем один номер в гостинице.

— Добро! Между прочим, я разговаривал с ней, когда вы уходили в ресторан, и посоветовал не особенно откровенничать с неизвестными ей людьми. — черт знает, кто они такие, — сказал Строгов.

— Коля, не проявляй чрезмерного внимания к одинокой плачущей женщине, даже если она жена твоего товарища.

В голосе Обловацкого открыто звучала издевка.

Как твои попутчики? — желая перевести разговор, спросил Строгов.

— Знакомимся, вживаемся в среду. А у тебя?

— Думаю, ничего интересного. Вот только в седьмом купе едет швед из Индо-Европейского телеграфа — его участок Сочи — Адлер. Неглупый парень и хорошо говорит по-русски. Мы с ним сыграли в шахматы — силен! Кстати, он похвалился, что женат на русской.

Вернувшись к вагону, они покурили и разошлись по своим купе.

* * *

Проснувшись утром, Елена Николаевна увидела горы. Они казались издали невысокими, но когда поезд втянулся в их цепь, они, приближаясь, становились все выше и лес был серо-синим, но в отдалении становился темным и таинственным. На влажной и рыхлой земле и в помине не было снега. Поднимаясь к перевалу, состав шел медленно, часто стоял на разъездах.

Все изумляло Елену Николаевну. Никогда не видела она гор, такого дикого, девственного леса, такого безлюдья. Ей не хотелось уходить от окна. Но Константиныди уговорила ее позантраковать вместе со всеми.

Днем в купе зашла Строгов с шахматами и предложил Обловацкому сыграть. Жирухин подсел к ним посмотреть игру. К нему присоединилась Елена Николаевна с тайным желанием, если удастся, поговорить со Строговым. Она внимательно следила за игрой, пытаясь понять причину вчерашнего предупреждения. Жирухин следил за игрой, изредка высказывая свои соображения по поводу отдельных ходов, и явно поддерживал Сергея Яковлевича.

Кто-то в коридоре вдруг восторженно крикнул:

— More!

Все бросились к окну, но очередной поворот закрыл горизонт.

Наконец поезд вырвался из ущелья, и море открылось сразу — большое, темно-синее и не такое, каким Русанова его себе мысленно представляла или видела на картинах.

Далеко по краю горизонта тянулась продолговатая полоска дыма.

— Пошел на Батум! — сказал кто-то рядом, но Елена Николаевна даже не посмотрела на говорившего.

Перед ее глазами простиралась огромная, спокойная, величавая синяя ширь, от которой нельзя было оторваться.

Горный спуск закончился. Пробежавши несколько минут, поезд подошел к станции. Пассажиры начали открывать окна. Елена Николаевна вдохнула свежий, солоноватый воздух. Она хотела выйти на перрон, но в дверях появился железнодорожник и спросил ее. Она отозвалась. Он протянул ей телеграмму.

«Умоляю вернуться люблю Григорий».

Елена Николаевна ничего не поняла, медленно, стараясь осмыслить написанное, прочла вторично. «Вернуться? Нет, нет, он ничего не понял!» Взглянула на лежавшее перед ней спокойное голубое море. Где-то впереди, в маленьком приморском городке, умирал единственный близкий ей человек, любимый. Она стремилась к нему. Все остальное было мелким и незначительным.

Она разорвала телеграмму и выбросила клочки в окно. Как прошлое.

9

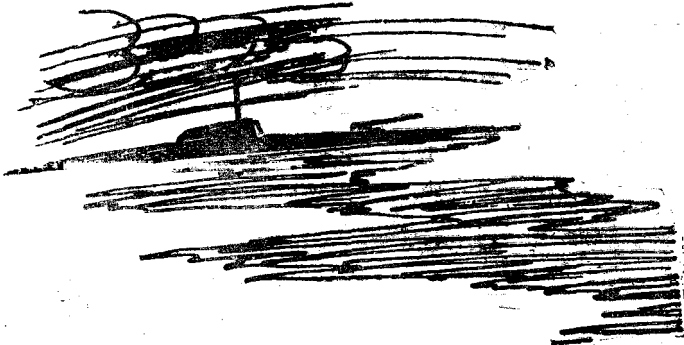
Ударил колокол, заменявший в совхозе часы. Два человека, дремавшие на берегу моря в густых зарослях буксуса, проснулись. Один из них, пожилой, худой и остроносый, одетый в поношенный темный костюм и такую же кепку, взглянул на свои часы:

— Два часа. Лодка должна скоро быть. Ты не спи, Васо.

Другой, молодой, тоже худой, одетый в старую серую черкеску, с башлыком на голове, посмотрел на море. Темная земля сливалась с черной водой, и только на горизонте виднелась светлая полоска. Справа за одинокими, тускло мерцавшими огнями города через короткие промежутки вспыхивал далекий луч сухумского маяка, и после очередной вспышки кругом становилось еще темнее.

Ночь была пасмурной. Накрапывал мелкий холодный дождь.

— Ничего не видно, как в прошлый раз, — недовольно пробормотал молодой.

— Смотри лучше, я схожу на дорогу,— предупредил остроносый, поднялся и, раздвинув руками кусты, точно растаял в темноте.

Молодой осмотрелся и, присев на корточки, натянул на себя лежавшую на земле бурку. Сразу стало теплей. «Чортова погода»,— подумал он. Уже третий раз за последнюю неделю он с братом Христо приходил сюда и, просидев до утра, уходил ни с чем. Лодка не появлялась.

Васо встал, концом башлыка вытер мокрое от дождя лицо и в эту же минуту увидел в море, недалеко от берега, что-то темное. Вынув из кармана маленький круглый фонарь и прикрыв его с боков буркой, он дважды мигнул им, но в море по-прежнему было темно. Васо пожалел, что сейчас с ним не было Христо. Он снова мигнул фонарем и стал ожидать ответного сигнала. Обернулся и услышал злобный шепот старшего брата.

Ты ослеп, что ли, ишак? Она стоит рядом.

Почему же они не отвечают?— обидчиво прошептал

— А ты хочешь, чтобы они устроили иллюминацию?

— Где Хута?

— Ты совсем слепой, Васо, не видишь лодки, не видишь Эмхи. Иди к бухте. У нас мало времени, скоро будет светать.

Пройдя узкой тропинкой через кустарник, Васо вышел к берегу. Темнота стала влажной и плотной. Он скорее почувствовал, чем увидел, что рядом с ним на берегу сидит человек.

— Хута, ты?

— Я, дай сигнал! — тихо ответил Эмухвари.

Мигнул красный луч фонаря, и сейчас же послышался осторожный всплеск. Видимо, там спустили резиновую лодку. Шум дождя глушил звуки, но теперь Васо услышал равномерное движение весел. Он подошел к воде, стараясь рассмотреть прижавшуюся к нему лодку, но ничего не видел, хотя чувствовал, что она близко.

— Христо? — услышал он голос из темноты.

— Нет, это я, Васо, брат Христо.

— Хорошо, принимай груз.

В нескольких шагах послышался всплеск, и Васо понял, что человек идет к нему. Вдруг идущий с моря споткнулся, тихо выругался и уперся в Васо. Но лицо его разглядеть было невозможно.

— Васо?

— Я.

Где Христо?

— Сейчас будет! Привез? — поинтересовался Васо.

— Да.

— Здесь Хута!— услышав шаги сзади, сказал Васо. Он вошел в воду и, проверяя ногой дно, осторожно двигался вперед, пока не наткнулся на лодку. Сидевший в ней человек молча начал передавать ему большие, плотно упакованные, связанные между собой пакеты.

— Довольно!— сказал Васо, чувствуя, что больше ему не донести, и пошел к берегу.

Он трижды возвращался за ношей, пока наконец сидевший в лодке не передал ему последнее — тяжелый продолговатый ящик.

— А это — смотри, осторожно,— предупредил он.

Выйдя на берег, Васо тихо спросил в темноту:

— Хута, готово?

— Сейчас,— ответили из кустов.

Потом все стихло.

— Что ты стоишь, ишак?— это был голос брата.— Давай переносить!— Васо взглянул в сторону лежавших тюков и услышал со стороны Гульрипша три медленных удара совхозного колокола. И сейчас же со стороны мыса нахлопали выстрелы. Вспыхивающие огоньки перебегали по берегу, быстро приближаясь к совхозу.

— Собаки! Нет от них покоя!— зло прошептал Христо и заторопил брата:— Скорей, скорей!

Пригибаясь под тяжестью ноши, они начали перетаскивать шертки к глухой чаще буксуса и сбрасывать их в глубокую нишу в густой листве.

Луч фонаря прожектора прижал их к земле. Узкая слепящая полоса света линула кустарник и застыла, как бы пытаясь черга стку моросащего дождя что-то рассмотреть.

Погибли!— с отчаянием шепнул Васо.

Молчи, ишак! — бросил Христо, вжимаясь в траву.— Ищут, потому что не знают!

Постояв на месте, луч, медленно ощупывая берег, пополз вправо и ушел в море.

Христо еще раз проверил, не осталось ли чего-нибудь в траве, заложил нишу ивовым переплетом и толкнул брата.

Короткими перебежками они достигли дороги, но на нее не вышли, а залегли в кустах. Выстрелы прекратились, было тихо. Не переставая, шелестел по листьям дождь да через короткие интервалы сзади бухал прибой. Послушав,

они теперь уже смелее молча двинулись дальше. Только когда впереди зачернели коробки домов, Васо спросил:

— А где Эмухвари?

— Ушел! — бросил повеселевший Христо. — Успокоятся веленоголовые, тогда возьмем груз.

У крайнего, стоящего на сваях дома они остановились. Христо тихо постучал в темное окно. Дверь отворилась. Там, видимо, их ждали.

10

Последние три часа пути прошли суматошно. Майсурадзе охотно рассказывал о достопримечательных местах, переплетая небылицы с действительностью. Делал он это так искусно, что даже скептически настроенный Жирухин только кричал от удивления. Сочинские и сухумские старожилы укладывали вещи.

В открытые окна врывалось теплое, напоенное солнцем, солоноватое, смешанное с запахом гниющих водорослей дыхание моря. Поезд медленно шел вдоль берега, как бы желая дать насладиться этим буйным разгулом весны. Белая пена прибоя пузырилась на мелкой гальке. Радостным были и конец пути, и солнце, и море, и зелень, и ветер. Казалось, все будет хорошим и светлым, как этот день.

Во всяком случае, так казалось Елене Николаевне, стоявшей у окна, и она улыбнулась подошедшему к ней Константиниди.

— Как здесь чудесно! — глубоко вздохнула она.

Поезд все больше и больше приближался к Сочи. За Дагомысом он свернул в горы. Море осталось где-то справа. Стало прохладней.

Елена Николаевна с волнением всматривалась в мелькавшие станции с поэтическими названиями — Шапси, Макапсе, Аше, Аше, Ушхура, Дагомыс, Лалонсе, Сочи.

У одноэтажного здания с низко опущенным над перроном деревянным куполом поезд остановился. Солнце уже шло к закату.

Майсурадзе, Жирухин, Константиниди, Сергей Яковлевич и Строгов еще раньше договорились ехать дальше вместе, включив в свою компанию и Русанову. С вокзала все направились в гостиницу «Ривьера», чтобы там переночевать, а утром выехать автобусом в Сухум.

Хотя дорога утомила, но после ужина, глядя на вечерний город, они решили побродить по слабо освещенным безлюдным улицам.

Сочи был маленький провинциальный запущенный и не особенно опрятный городок. Пройдя через мост над широким руслом высохшей речки и миновав центр, компания вышла к морю. Рейд был пуст только у берега тихо покачивались небольшие рыбацкие баркасы. На одном из них тихий мужской голос тянул негромко мелодию.

К ногам, шурша по камням, катились ленивые волны прибоя. Ветер улегся.

— Курорт!— пробормотал Жирухин.

Иронию, с которой он это сказал, уловили все, но он уже с раздражением повторил:

— Курорт, черт его возьми. А как была дыра, так и осталась. Пристанище стареющих купчишек и их жиреющих подруг. Курорт!— он плюнул.— А чтобы пообедать, надо стоять часами в очереди.

— Будьте справедливы! У государства есть более важные и неотложные задачи. Поверьте, настанет время — и мы с вами станем восторгаться санаториями и здравницами, которые вырастут на этом самом месте,— сказал Строгов. Он говорил спокойно, желая сгладить неприятное впечатление от злобной вспышки Жирухина.

— Конечно, конечно!— с иронией отозвался Жирухин.— Мы подождем! И когда-нибудь стариками приедем сюда. Когда меня или вас разобьет паралич или другая страшная болезнь старости,— добавил он.— Мы будем сидеть, а вернее, лежать в роскошном санатории, и, поверьте, нам будет наплевать на эти дворцы.

— Возможно и так, но наши дети пожнут то, что посеяли мы.

— У меня нет детей!— зло обормотал Жирухин.

— У меня их тоже нет, но во имя грядущего лучшие люди отдавали свои жизни.

— Не убедите вы меня, Николай Павлович. Мы не на собрании. Я инженер и за свою работу имею право на элементарный комфорт. За границей...

— И мы построим такие курорты и даже лучше, но только для всех, а не для кучки сытых. Неужели вы не понимаете таких элементарных вещей?— с укоризной покачал головой Строгов.

Но Жирухин досадливо махнул рукой.

— Агитация! Как это говорил Базаров? Мужик будет в белой избе жить, а из меня в то время уже лопух станет расти.

— Пора домой, товарищи!— вмешался Сергей Яковлевич и бросил на Строгова недовольный взгляд. Но того уже нельзя было удержать.

— До лопуха вам еще далеко,— сказал он ядовито.— Еще успеете понежиться в санаториях. Да я и не знаю, чем вы жертвуете для мужика.

Все молча пошли в гостиницу.

Поздно ночью Обловацкий позвал Строгова в сад при гостинице и там отчитал его.

— Ты, видимо, решил перевоспитать этого брюзжащего специалиста?— спросил он Строгова с вежливой иронией.

— А ты считаешь, что я должен ему поддакивать?— пытался защититься Строгов.

— Ты на работе, едешь по важному заданию, борешься с врагом. Зачем тебе надо заниматься агитацией. Кто знает, кем окажется этот инженер? Быть может, это осколок шахтинцев или промпартии. Такой же озлобленный, может быть саботажник, вредитель, случайно не раскрытый. Заговорил откровенно, прорвалось что-то злое, приоткрылось его лицо. А ты его насторожил, он замкнулся. А может быть, он имеет какое-то отношение к нашей задаче.

— Ты предполагаешь?..

— Ничего я не предполагаю, я не мнителен. Но человек с таким настроением, с плохо скрываемым раздражением, возможно, не стоит в стороне от борьбы.

— Интересно, что привело его в Абхазию. Строитель-ство или что-то другое?

Утром рейсовой машиной Союзтранс попутчики выехали далеко. На привале в провинциальном местечке рядом с шофером сидели Елена Николаевна и Майсурадзе.

Рябило в глазах от подъемов, спусков и поворотов, то уходящего, то приближающегося моря. Разбитая, много лет не ремонтированная дорога петляла в заросших лесом горах.

В районе Адлера автобус круто повернул влево и, пройдя большую равнину, снова вошел в горы.

Говорили в пути мало. Майсурадзе время от времени перебрасывался с шофером короткими фразами на грузинском языке, расспрашивал о местных новостях и пере-

подпа ответа шофера. Елена Николаевна прислушивалась к пояснениям Константиныды о местах, которые они проезжали.

Жирухин после своей вчерашней стычки со Строговым сидел надутый и молчал. Только у селения Веселое он наклонился к Обловацкому и сказал:

— Когда проедем Новые Гагры, я покажу вам одну из наших строек. На горной реке Бзыби мы создаем гидроэлектростанцию. Интересно решена задача каскада. Попутно строим дорогу к одному из красивейших здешних озер. Сейчас его мало кто знает.

— Как называется это озеро? — поинтересовалась Елена Николаевна.

— Река, — поспешил сказать Майсурадзе.

Помня о вчерашнем разговоре с Обловацким, Строгов воспользовался моментом, чтобы заговорить с Жирухиным.

— Простите, пожалуйста. Вы, кажется, работаете на строительстве Сухумской ГЭС?

— Да, — ответил Жирухин.

— Расскажите, если не трудно, что она даст для края?

— Почему же трудно? — сказал Жирухин. Он, видимо, тоже искал случая смягчить остроту вчерашнего спора. — Пуск нашей ГЭС, — теперь он повернулся к Николаю Павловичу всем корпусом, — во-первых, обеспечит электроэнергией всю промышленность Сухума и создаст условия для ее роста. Во-вторых, даст в избытке свет городу и Ткварчельскому угольному бассейну. Кроме того, поможет Тифлису.

Жирухин говорил методично и деловито, щеголяя точными цифрами.

Подъехали к небольшому железному мосту. Майсурадзе встал и, держась за плечо шофера, торжественно продекламировал:

— Река Псоу — граница Абхазии.

Все посмотрели на неширокую, полноводную реку и на мост. На другой стороне, у будки, стоял милиционер с винтовкой, в тапочках. Он приветливо помахал рукой, бросил в машину ветку магнолии и вернулся в сторожку.

Вскоре дорога снова вышла к морю. Проехали чистенький эстонский поселок и через полчаса добрались до большого селения Пиленково. Отсюда начинался подъем. Переехав большой мост, машина запетляла в горах. На нешироком шоссе встречались по-летнему одетые пешеходы.

Озабоченные ослики тащили большие корзины и тюки. Флегматичные буйволы не торопясь пересекали дорогу.

Припекало. Если бы не легкий бриз, было бы душно.

За одним из поворотов тяжело поднимавшаяся вверх машина въехала на небольшую площадку и остановилась. С горы бежал ручей. Земля была усыпана опавшими желтыми листьями, прозрачный воздух полон новыми, еще незнакомыми запахами.

— Как называется это место? — спросила Елена Николаевна.

— Холодная Речка, — ответил Константи́ниди.

Облодавший переглянулся со Строговым.

Автобус двинулся дальше. Вырубленная в горе дорога проходила по краю лесистого обрыва, почти отвесно падавшего в море.

— Ну, теперь скоро Гагры, пообедаем и выпьем «Букет Абхазии», — сказал, и к кому не обращаясь Жирухин.

— Это вино пусть пьют курортники, — пренебрежительно ответил Майсурадзе. — Модно, потому и пьют. А что пьют?

Через полчаса они были в Гаграх — небольшом красивом городке.

После короткой остановки отправились дальше. За Новыми Гаграми, административным центром района, широкое гудронированное шоссе вскоре опять начало петлять. Дорога постепенно уходила от моря. Елену Николаевну уже не удивляли ни лежащие на дороге спокойные буйволы, ни свиньи с большими треугольными деревянными перекладинами на шее, ни домики на сваях с верандами вокруг.

Долгая дорога утомила пассажиров, разговоры застухли.

Проехали небольшое, разбросанное вдоль шоссе селение с пышным названием Колхида, напомнившим Елене Николаевне рассказ Константи́ниди. Жители, которых она успела разглядеть, были заняты своими повседневными делами и не обращали внимания на машину. Группа школьников, увидев автобус, сошла на обочину. Ребята, закрыв лица руками, отвернулись. Машина пронеслась мимо, обдав ребятишек серой пылью.

Промелькнули маленькие селения Алахадзи и Колдхвара, и, повернув влево, автобус вышел к быстрой реке с переброшенным через нее железным арочным мостом.

Резко потянуло холодным ветром. Река шумела и пенилась вокруг огромных камней, преграждавших ей путь к морю. Это была Бзыбь — одна из крупнейших рек Абхазии. Ее приток — Юпшара брал свое начало из озера Рица. За мостом шоссе, крутясь по хребту предгорья, начало подниматься вверх. Дорогу обступили густые леса. Видно, здесь недавно прошел большой дождь: многочисленные колдобины и ямы были полны воды. Если около Гагр было тепло и как-то уютно, то здесь холодно, пасмурно. Высокие заснеженные вершины Кавказского хребта придвинулись ближе. Шоссе пустынно и не приветливо. По сторонам изредка мелькали отдельные домики.

Обогнув один из крутых поворотов, шофер резко затормозил. На середине дороги, подняв руку, стоял человек в бурке. Под буркой виднелась винтовка, опущенная стволом к земле. В нескольких шагах от него, у обочины, за кустом, стоял второй, в брезентовом плаще.

Шофер переглянулся с Майсурадзе, остановил машину, но мотор не выключил. Человек в бурке подошел к автобусу, скользнул взглядом по пассажирам и вполголоса о чем-то спросил водителя. Тот коротко ответил, но Обловацкому показалось, что он побледнел, насторожился и стал как-то собраннее.

Сергей Яковлевич взглянул на продолжавшего стоять у машины горца. Лицо его, полуприкрытое башлыком, было красиво. Неприятны были лишь глаза, выпуклые и блестящие, смотревшие на окружающих с подозрением и каким-то превосходством.

— Кто такие, откуда? — отрывисто спросил он, оглядывая сидевших в машине.

— Пассажиры с поезда! — ответил шофер.

— Ты помолчи! — грубо посоветовал горец и пошел вдоль автобуса.

Обловацкий, продолжая наблюдать за ним, обернулся назад и увидел второго, теперь уже стоявшего по другую сторону автомобиля. В эту же минуту из кустов выскочил третий, тоже в бурке. Не глядя на машину, он, прикрываясь кустарником и перепрыгивая через наполненные водой ямы выщербленного шоссе, побежал назад, к повороту. В руках у него была винтовка.

«Уж очень похожи на бандитов», — подумал Обловацкий и взглянул на Строгова.

«Спокойно, спокойно!» — Обловацкий перевел взгляд на сидевшего рядом с шофером Майсурадзе, но грузин сидел не оборачиваясь, точно эта встреча его не интересовала. Он только еще глубже ушел в свое сиденье, и Обловацкому была видна лишь его сутулящаяся спина. Горец вернулся к шоферу.

— Документы! — приказал он. — Вот ты покажи! — он ткнул пальцем на Строгова.

— А вы кто такой —

спокойно спросил Николай Павлович, доставая паспорт. — Милиция?

— Милиция! — вспыхнул горец. — Конечно, милиция! — и, резко изменившись в лице, злобно крикнул: — Документы давай скорей!

Строгов пожал плечами, но паспорт протянул. Перехватил взгляд Обловацкого, оглянулся, увидел еще двух «милиционеров» и положил руку на борт машины.

Мелкий моросящий дождь, настоящий осенний дождь в горах, то усиливался, то затихал, но даль прояснялась. Отчетливей стали видны подступившие близко горы.

— Кто такой, куда едешь? — спросил горец.

— Инженер, из Павлова-Посада, — лаконично ответил Строгов.

— Откуда?

— Из Павлова-Посада, — вспомнив, что он говорил об этом в поезде, ответил Строгов и протянул удостоверение.

— А ты? — обратился он к Жирухину.

Тот засуетился, начал шарить по карманам, достал пачку документов и передал их «милиционеру».

— Также инженер? — посмотрев их, спросил горец. Вопрос точно разбудил Майсурадзе. Он полуобернулся и, не глядя на горца, сказал:

— Это сухумский, на СухумГЭС работает.

— А ты сам тоже инженер?

Обловацкому показалось, что чуть заметная улыбка скользнула по губам горца.

— Нет, я из Табаксоюза, — пожал плечами Майсурадзе.

— Тогда дай закурить, — протянул руку горец, взял протянутый портсигар и положил его себе в карман.

— А ты? — теперь он смотрел на Константииниди.

— Преподаватель сухумского музтехникума.

— Ты? — горец ткнул пальцем на Обловацкого.

— Инженер, из Москвы отдыхать еду.

«Милиционер» цокнул губами и коротко приказал:

Выйдите из машины!

Сергей Яковлевич пожал плечами и начал протискиваться между плотно сидящими пассажирами. Проходя мимо Строгова, он толкнул его, и Николай Павлович почувствовал, как в его карман опустилось что-то тяжелое.

Прыгая со ступеньки, Обловацкий попал в ямку, наполненную водой, не успев отряхнуться, как «милиционер» начал его обыскивать, но, не найдя ничего, точно забыл о нем и начал опрашивать других пассажиров.

Раздавшийся свист насторожил его. Он взглянул в сторону стоявшего у поворота дороги. Тот махнул рукой, показывая на поворот, торопил. Горец подбежал к шоферу.

— Давай, поезжай. Не останавливайся! — он толкнул Обловацкого к автобусу.

Приказывать шоферу вторично не было нужды. Он нажал на акселератор, машину рвануло, набирая скорость и разбрызгивая грязь, она покатилась под гору. Обловацкий вскочил на подножку, уже на ходу захлопнул за собой дверь, оглянулся назад и успел увидеть, как из-за скалы, где они только что стояли, показалась легковая машина и ее окружили «милиционеры».

«Э, да они, видимо, проверяют все проходящие автомобили», — мелькнула у него мысль.

После вынужденного молчания в машине наступило оживление.

— Что это за люди? — обратился Обловацкий к Майсрадзе. — Неужели действительно милиция?

Толстяк обернулся к нему и улыбнулся:

— Нет, конечно! У нас здесь неспокойно, «шалят» еще!

— То-то вы так легко расстались со своим портсигаром, — вмешался в разговор Строгов.

— В таком положении и бумажник отдашь с удовольствием. Но бумажник они бы не взяли.

— Это почему?

— Об этом долго рассказывать, да и не место, — Майсрадзе многозначительно кивнул на Русанову, — как-нибудь в другой раз.

— Вы что, знаете этих людей? — поинтересовался Обловацкий.

— Нет, но республика наша маленькая, слухи распространяются быстро. Верно, Одиссей?

Он посмотрел на Константириди. Тот кивнул головой.

— Это, конечно, Эмухвари! — высказал он предположение. — Других у нас нет!

Строгов встал и встал.

— Да, им терять нечего. ГПУ охотится за ними уже много лет, но все не может поймать.

— Странные бандиты. Машину остановили, а не ограбили? — не унимался Строгов.

— А они не грабят! Убивают, но не грабят! — сказал шофер. — Видно, ждут кого-то, ищут.

Все замолчали.

Так они ехали несколько часов. Теперь уже дорога проходила среди огромных, в несколько обхватов, деревьев с цепкими лианами и вьющимися по стволам лозами ви-

погибала. Во время минутной остановки в Блабурхве Константиниди рассказал Елене Николаевне об этом районе, а когда машина проезжала селение Лыхны, в давние времена бывшее резиденцией владельцев Абхазии, показал ей развалины старинной церкви и священную для абхазцев рощу.

Впереди замелькали деревянные дома Гудаут, районного центра, протянувшегося вдоль берега моря. Отсюда до Сухума оставалось немногим более сорока километров. После короткой остановки машина продолжала свой путь на юг, теперь уже вдоль побережья. Снова резко изменился ландшафт: мягкие невысокие холмы, зелень фруктовых садов, пена прибоя. Горы опять отошли вглубь и только перед Ново-Афонским монастырем снова придвинулись к морю. На окрестных вершинах белели развалины когда-то грозных крепостей. Вечерело. Переехав через небольшую, веселую речушку, остановились у белого здания с надписью «Союзтранс». Из конторы вышел человек с большими пушистыми усами, в длинной серой рубашке со множеством черных пуговиц и, подойдя к шоферу, проверил путевые листы.

— Можно погулять немножко, стоянка двадцать минут, — сказал он по-русски с сильным акцентом.

Майсурадзе, Жирухин и Строгов ушли в маленький ресторанчик. Остальные стояли у машины и, переминаясь с ноги на ногу, рассматривали здания монастыря, поднимавшиеся по горе, с венчающим вершину огромным зданием собора. Где-то рядом тархтел движок местной электростанции.

— Пройдемте к морю, — предложил Обловацкий Елене Николаевне и Константиниди, и они направились к небольшой чистенькой пристани.

— Смотрите, наши ивы! — воскликнула Елена Николаевна, показывая на деревья.

Дремлют плакучие ивы,
Низко склонясь над ручьем,
Струйки бегут горопливо,
Шепчут во мраке ночном.

— продекламировал Обловацкий.

— Почему «ваши» ивы? Почему струйки шепчут? — ревниво спросил Константиниди.

— Одиссей полагает, что ивы — это монополия Абхазии, а насчет шепчущих струек он тоже не согласен, считает, что такой водный гигант должен только рычать, пениться и бурлить, — подшучивал Обловацкий. — Кстати, рыба здесь водится?

— Видите, Елена Николаевна, какой он колючий! Водится водится, водится!

Сигнал автобуса позвал их на станцию.

В быстро наступающих сумерках машина вышла из Афона и покатила дальше. Включенные фары выхватывали из темноты узкую полосу шоссе. Подъезжая к селению Эшеры, Обловацкий увидел в кустах две блестящие зеленые точки и показал на них Константииниди.

— Шакал, — сказал Одиссей. — Уж это наша монополия, — добавил он, смеясь.

Переехали длинный, скрипящий деревянный мост над высохшей Гумистой.

— Ну, теперь мы дома! — обрадовался Майсурадзе, хотя вокруг было темно и пустынно. Неожиданно за одним из поворотов мигнул луч маяка, и пассажиры увидели впереди розовое зарево: это был Сухум — конец пути.

Центральная улица полна гуляющих. За столиками многочисленных кофеев сидело множество людей.

На улице Октябрьской революции машина повернула направо и, пройдя мимо кубического здания Госбанка, остановилась у станции Союзтранс. Распрощавшись, ушли Майсурадзе и Жирухин.

Константииниди предложил Елене Николаевне помочь устроиться в гостинице. Она поблагодарила, но просила его не затруднять себя: Обловацкий и Строгов сказали, что позаботятся о ней. Вместе с ними она пошла на набережную. Поутру в гостинице спросили у фойе, что по телеграмме из Москвы из Наркомата здравоохранения Обловацкому и Строгову оставлены два номера. Других свободных комнат не было, и Сергей Яковлевич со Строговым уступили один из номеров Елене Николаевне. Поднявшись с горничной на третий этаж, она вошла в небольшую уютную комнату с чистенькой кроватью небольшим старомодным плюшевым диваном и круглым столом с цветной камчатной скатертью и двумя плетеными креслами. От дверей к балкону тянулась широкая коврая дорожка.

Елена Николаевна отпустила горничную и вышла на балкон. Впервые за эти дни она была одна.

Там, в Москве, все казалось простым и легким, но сейчас она поняла, что самое трудное начинается только теперь.

11

Было совсем темно, когда Обловацкий подошел к спрятавшемуся в зелени трехэтажному особняку. Поднявшись по деревянной лестнице одноэтажной пристройки с надписью «Бюро пропусков», он позвонил по телефону и спросил Чиверадзе. Через несколько минут он был в большом просторном кабинете начальника оперативной группы ГПУ республики. Высокого роста, полный, лет тридцати пяти, с правильными чертами лица, в военной форме, Чиверадзе встретил Обловацкого в дверях кабинета.

— Я ждал вас. Как устроились?

Сергей Яковлевич ответил, что он со Строговым остановился в гостинице «Рица», и доложил о встрече в пути.

Чиверадзе оживился:

— Они, конечно, они! Видите, как быстро передвигаются. Шестого были у Маджарки, да что тут у Маджарки, под Ткварчелами, а одиннадцатого уже на Бзыби. Запомнили их лица?

— Конечно!

Чиверадзе подошел к сейфу, достал небольшой альбом и передал его Обловацкому:

— Он?

На него смотрел горец, только более молодой.

— Он! — уверенно подтвердил Сергей Яковлевич. — Постараюсь помнить, но он. Какое лицо?

— Точно не скажу, наверно, двадцать шестого — двадцать восьмого. Смотрите дальше!

Обловацкий перевернул страницу альбома.

На лужайке под большим раскидистым дубом за длинным столом, уставленным бутылками и тарелками с едой, сидели люди. Видимо, фотограф опоздал, и гости успели выпить. В середине, в центре стола, Обловацкий увидел «милиционера». Поворачивая голову, он смотрел в сторону. Вся его фигура, натянутая и напряженная, говорила о постоянной, никогда не покидающей тревоге, ожидании опас-

ности. Да, так и есть — у ноги стояла прижатая к груди винтовка. Он и за столом не выпускал ее из рук. Так вот какой он, этот человек, с которым ему предстояло бороться, с которым столкнула судьба в первый же день его приезда. Тот же резко очерченный большой нос, пухлые губы с тонкой ниткой подбритых усов и глаза — блестящие: выпуклые и настоороженные. И надпись под фотографией: «Д. князь Хута Эмухвари», «Шакал». Действительно, шакал, зверь!

И другого видел он, того что стоял с противоположной стороны автомобиля, старше по возрасту, с серебряной проседью в волосах, немного грузного, с той же напряженностью смотревшего на Обловацкого. Потом пошли фотографии их жертв. У дома, у дороги, под деревом. В разных позах, в разные годы. Коммунисты, комсомольцы. Глядя на них, Обловацкий чувствовал, как волна гнева подкатила к горлу, сжала его.

Чиверадзе прошелся по комнате.

— Дробышева обстреляли. Эту машину задержали, кого-то искали. Строгов сказал, что он из Павлова-Посада, и его не тронули. Значит, их интересовал человек из Москвы. Да! Так чья же это работа? Кто предатель? Но ладно. Если у вас нет ко мне каких-либо вопросов, перейдем к делу.

— Вопросы есть. Как Дробышев?

— Лечащий врач заверил меня, что ручается за его жизнь. Два дня назад я сообщил Москве, что это была банда Эмухвари. Жена Минасяна на допросе подтвердила наши предположения. Не установлен еще неизвестный в башлыке. Я сообщил Березовскому, что шестого февраля ночью постами наблюдения в районе Маджарки была замечена подводная лодка.

Чиверадзе опять прошелся по комнате.

— Седьмого вечером милиционер Маргания на территории свиносовхоза (это в районе селения Тамыш, в 40 километрах на юг от Сухума) увидел трех неизвестных в бурках. На предложение остановиться они открыли огонь и, ранив милиционера, ушли в сторону селения Джали, держа направление на Квезань, но только для видимости.

Говоря это, он передвигал на карте разноцветные флажки.

— Условимся, что красные флажки это установленные места посещений, а голубые — вероятные. Наши люди

видели их в Джали, но в Квезань они не пришли. Раненый не мог их преследовать, и они исчезли.

— Вы не думаете, что появление подводной лодки у Маджарки шестого связано с ночевкой Эмухвари в Бак-Марани? — спросил Обловацкий.

— Несомненно. Мы считали, что банда сейчас не уйдет в горы, а будет крутиться у побережья — у нее мало патронов, предполагали, что движение ее в сторону Джали, вероятно, обманное. Вы встретили их у Бзыби — значит мы ошиблись.

— У кого они были в Джали?

— Пока не установлено.

— Я прошу вас ознакомить меня с ходом работы за последние дни.

— Пройдем в отдел.

Они спустились на первый этаж и, пройдя по длинному коридору, в конце которого была видна стеклянная веранда, вошли в кабинет. Находившиеся в комнате сотрудники встали.

— Познакомьтесь, это товарищ Обловацкий, Сергей Яковлевич, из Москвы, прислан нам в помощь.

Высокий, ширококостный юноша с крупными чертами лица, в форме, но без знаков различия, четким шагом подошел к Обловацкому.

— Это Миша Чиковани, наш самый молодой член коллектива, — представил его Чиверадзе. Сергей Яковлевич пожал большую, чуть влажную руку юноши.

— Чочуа, — отрекомендовался смуглый невысокий человек на вид лет тридцати пяти, с близорукими добрыми глазами, похожий на сельского учителя.

— А это наш лингвист Хигулов. — Чиверадзе показал на невысокого, плотного юношу. Его красивое лицо незаметно портили большой мясистый нос и глаза навывкате.

— Незаменим в условиях работы в многонациональном районе, — сказал Чиверадзе. — Говорит по-грузински, как тифлисец, понимает абхазский (а это трудно для человека, не выросшего здесь) и греческий. Ну и, конечно, прекрасно знает свой родной — армянский.

Хангулов, пожимая руку Обловацкого, пробормотал несколько слов о том, что его познания не столь уж велики, и Сергей Яковлевич заметил, что он чуть-чуть заикается.

— А где Пурцеладзе? — спросил Чиверадзе.

— Сейчас придет, — ответил Чиковани.

— С товарищем Обловацким приехал в Сухум еще сотрудник центра — товарищ Строгов, Николай Павлович. Жить они будут в «Рице», бывать у нас им придется, по некоторым соображениям, пока только по вечерам. Введите их в курс дела, информируйте о всех новостях и изменениях, прислушивайтесь к их замечаниям. Ежедневно докладывайте мне о ходе работы. Ну, желаю успеха!

Не прощаясь, Чиверадзе вышел.

Обловацкого усадили в большое кресло.

— Когда вы приехали? — спросил Чиковани. Он сидел на кончике дивана, и вся его поза говорила о неумном желании вскочить, куда-то бежать, что-то делать, одним словом, действовать, и диван под ним казался чем-то вроде трамплина для прыжка. Молодость и живость блестели в его глазах, неотрывно глядевших на Обловацкого. Наверняка этот юноша хотел скорее стать старше: всего двадцать лет и отсутствие усов, вероятно, причиняли ему страдание.

— Сегодня, — улыбнулся Обловацкий, — часа два назад. — Он отыскал глазами Хангулова, который застенчиво выглядывал из-за большой настольной лампы. Вряд ли он был старше Чиковани, но те несколько лет, которые их разделяли, уже придали ему какую-то долю мужской солидности и умения владеть собой. «Юнцы, совсем юнцы, — подумал Обловацкий. — Кроме Чочуа».

Перешли к деловому разговору. Спокойно и неторопливо Чочуа рассказал все известное о банде. Он вскользь отметил, что почти непрерывное передвижение создает ей относительную безопасность. Это выглядело парадоксально, и Обловацкий не вытерпел.

— Мне кажется, сказал он, что со частым передвижением должно помогать нам. Банда становится широко известной населению, а значит, и вам. Эмухвари легче опознать, много народу знает их в лицо.

Чочуа усмехнулся.

— По логике должно выходить так, а на деле... Во-первых, они передвигаются по ночам, тропами, хорошо известными им. Во-вторых, — и это главное — они используют обычай старины, неписанный закон гор, обязывающий давать путнику кров. И не только не выдавать гостя, но и в случае нужды защищать его. Ну, потом в горах остались

еще и почтение к «амыста» — дворянину, и кровное братство, и... кровная месть.

— К тому же б-благородство горца, сочувствие с-слабому,— добавил Хангулов.

— Разве горец не понимает, что это враги!— воскликнул Обловацкий.

— Понимает. Вернее, начинает понимать,— так же спокойно продолжал объяснять Чочуа.— Но не забывайте, что обычаи и традиции создавались веками. Да что там веками! Тысячелетиями! А Советская власть пришла в эти горы несколько лет назад.

— Горец уже рас-скусил этих людей,— медленно добавил Хангулов.

Притихший Миша, по-ребячьи приоткрыв рот, внимательно слушал разговор.

— Уж очень долго он в них разбирается,— вырвалось у него. Все взглянули на Мишу, и он покраснел.

— Дай Мише власть, он в неделю всех перевоспитает и лик-квидирует банду,— с легкой усмешкой сказал Хангулов.

— Даур, скажи, чтобы Виктор не острил,— вспыхнув еще больше, обратился Миша к Чочуа.

Тот укоризненно взглянул на Хангулова, но ничего не сказал ему, потом достал из сейфа папку и протянул ее Обловацкому.

— Вот сведения за последнюю неделю.

Пока Обловацкий читал, в коридоре послышалось шарканье. Кто-то дважды постучал в дверь. Чиковани соскочил с дивана и быстро открыл ее. Вошел высокий черноволосый человек. В обеих руках у него были тарелки с бутербродами, под мышкой бутылка лимонада, подбородком он придерживал несколько коробок с папиросами. Это, как догадался Обловацкий, был Пурцеладзе, явившийся из буфета.

— Разгружай скорей!— невинно пробурчал он Мише. Они сложили все принесенное на стол. Тут Пурцеладзе обратил внимание на гостя.— Кто такой?— тихо спросил он у Миши, стрельнув глазами в Обловацкого.

— Из Москвы,— шепнул Миша.

— Володя Пурцеладзе,— поспешил сказать Чочуа.— А это, познакомься, Володя, товарищ Обловацкий, Сергей Яковлевич?— спросил он, проверяя себя, и взглянул на Обловацкого. Тот кивнул головой.— Старший опера-

тивный уполномоченный из Москвы. Приехал к нам в помощь.

Это Пурцеладзе уже и сам понял.

Сергей Яковлевич поднялся и протянул руку.

Володя понравился ему. Плотный, крепкий, на вид лет двадцати пяти, смотрит прямо, на лбу волевая складка, небольшие, тщательно пробритые усики идут к его лицу.

Снова опустившись в кресло, Обловацкий углубился в документы. Все дружно принялись за бутерброды, он же от предложения принять участие в ужине отказался. «Что ж,— думал он о своих новых товарищах, листая папку,— не так уж их мало, молодые, задористые, полны желаний работать, знают местные условия. Опыта у них, видимо, мало. Ну да это придет со временем...»

— Значит, теперь вся группа в сборе?— спросил он, подняв голову.

— Нет, есть еще Сандро,— жуя бутерброд, ответил за всех Даур Чочуа.— Но мы его почти не видим.— И, встретив удивленный взгляд Сергея Яковлевича, он добавил:— Сандро выполняет специальные задания Ивана Александровича, здесь не бывает, да и в городе его не видно.

Уже поздней ночью Обловацкий возвратился в гостиницу. Строгов спал чутко и, когда Сергей Яковлевич стал раздвигаться, проснулся. Обловацкий поделился с ним своими впечатлениями. Заснули они уже под утро.

12

В городе не хватало света. Изношенные двигатели маленькой городской электростанции систематически выбывали из строя, и тогда приходилось выключать целые районы. Электроэнергия давалась бесперебойно только промышленным предприятиям почти на набережной. Остальные уличные фонари, укрытые в густой листве деревьев, привлекали тучи мошек и комаров, круживших вокруг них. Трудно было ходить по темным, заросшим травой улочкам с многочисленными неогороженными канавами, на дне которых тихо журчала вода. В темноте слышались негромкие разговоры прохожих да порой вспыхивали огоньки папирос. Но вечерние прогулки по набережной, мимо освещенных гостиниц «Рица» и «Ткварчели», всегда оживленной парикмахерской, гордости сухумчан — мага-

ания фруктовых вод Лагидзе и многочисленных кофеен с вынесенными на тротуар столиками стали традицией.

В густой толпе гуляющих слышалось «гамарджоба», «салам-алекум», «калispera», «добрый вечер», «бар! пригун» — приветствия друзей и знакомых. Скромные пиджаки терялись среди многочисленных черкесок и папах, красных турецких фесок, оашлыков и разлапистых бурок. Над набережной стоял глухой гул голосов.

А рядом море яростно билось о каменный парапет зимой, тихо и ласково плескалось летом. Местные жители привыкли и не обращали на него внимания. Только немногие мечтатели сидели на скамейках у самого берега. Серебристая лунная дорожка начиналась прямо перед глазами и уходила за горизонт, к далеким берегам Анатолийской Турции, к Босфору, Дарданеллам, Средиземному морю, откуда раньше, в далеком прошлом, всегда приходили враги. Но много ли мечтателей бредило островами архипелага, египетскими пирамидами и оливковыми рощами Сицилии в эти напряженные годы первой пятилетки? Страна меняла свой облик. Строилась и Абхазия. Росла мощная Сухумская гидроэлектростанция. Создавался Тинарчалский угольный комбинат, под Гаграми кипела работа на Взмортье, расширялись площади посевов табака, цитрусовых и вифроносов, ремонтировалось «Голодное» шоссе, выкапывали трудулись на трассе будущей черноморской железной дороги, которая напрямую связывала маленькую дальнюю республику с Москвой... По вечерам гуляющие сидели на набережной, сидели в турецких кафе и ресторанах или сидели в двух маленьких душные кинотеатры.

Советские люди хотели трудиться, жить, радоваться, любить, и все чуждое они отвергали, отталкивали от себя. Чужие были переставки прои того в Советском Союзе на жизнь, но новое отношение к труду, к людям вторглось в общество, изменяло его.

Новые песни вытеснили старые. Правда, в кинотеатрах под звуки расстреливаемого пианино еще показывали «роскошную жизнь». Запада, и сентиментальные старушки плакали над трагической судьбой Лилиан Гиш и Ричарда Бартельмеса. Но уже шли на экране советские фильмы «Мать», «Его призыв», «Дворец и крепость», «Октябрь».

Однако еще бродили по стране люди, которые, внешне смирились, мечтали о возвращении к старому. Они заяв-

ляли о своей лояльности, даже о своем сочувствии новой власти, но продолжали вредить тайно.

И вот поэтому-то в небольшом трехэтажном особняке на улице Маркса-Энгельса, здесь в Сухуме, как и в других городах страны, за закрытыми шторами, почти без отдыха работали люди, на плечи которых легла защита республики от тайных ее врагов.

Обловацкий и Строгов изучали до мельчайших подробностей все, что относилось к тому делу, ради которого они приехали сюда.

13

У главного врача военного госпиталя Шервашидзе сегодня было хорошее настроение. Идя в угловую палату, он встретил в дверях Этери, сказавшую ему, что Дробышев пришел в себя и попросил пить.

— Сам просил? — радостно переспросил Шервашидзе.

— Сам, батона!*

Он быстро вошел в палату. Дробышев смотрел на него внимательным и осмысленным взглядом.

— Здравствуйте, Федор Михайлович!

Шервашидзе сел на край кровати, и она прогнулась под грузным телом главврача.

— Как себя чувствуете?

— Хорошо. Только вот слабость, — медленно ответил раненый. Помолчав немного, он добавил: — У меня к вам просьба, доктор, позвоните Чиверадзе, я хочу его видеть.

— Позвонить-то я позвоню, но против встречи, как врач, возражаю категорически.

— Боюсь, что это будет уже навсегда. — Федор невесело улыбнулся.

— Ну, доктор! Все же не секретно, а то придет Чиверадзе — пожалуйюсь. Таким молодым держался, когда действительно было плохо, а теперь хандрить начинаете?

— Нет, не хандрю, а просто реально оцениваю.

Дробышев волновался, и это заметил Шервашидзе. Он прекратил разговор, проверил пульс больного и ушел. Вернувшись в свой кабинет, он позвонил Чиверадзе и передал ему свою беседу с Дробышевым.

* Батона — начальник (груз.).

Центрального Комитета партии был направлен в Абхазию и вот уже десять лет бесценно руководит одним из участков работы.

— Ну, здравствуй, Федор, здравствуй!— Чиверадзе был искренне рад, он не думал увидеть Дробышева живым.— Как ты себя чувствуешь?

От волнения раненый не смог ответить и только, улыбаясь, кивнул головой.

Немного успокоившись, Федор, не отпуская руки Ивана Александровича, спросил:

— Как там дела? Неужели ушли?

— Ушли, брат, ушли, но теперь, думаю, ненадолго. Через несколько дней, когда ты немного окрепнешь, я приду и расскажу все подробно. Сейчас же ответь мне на несколько вопросов.

Он посмотрел на стоящего рядом Шервашидзе. Тот понял, что мешает, и вышел.

Когда дверь закрылась, Чиверадзе присел на край кровати и негромко спросил:

— Кто приходил к тебе ночью у Квициния? Ты его знаешь?

— Это был человек Зарандия,— медленно ответил Дробышев.— Он сказал, что в Бак-Марани, в доме Минасяна, находится связной из города. Идет в лес навстречу с Эмухвари.

— Ты не спросил, откуда он это знает?

— Конечно, спросил. Он ответил, что по заданию Зарандия бывает у Минасяна. Зарандия тут же подтвердил это. Придя к Минасяну в этот день, он застал у него незнакомого человека. Ему показалось что Минасян и незнакомец растерялись. Когда он уходил, хозяин дома проводил его. Во дворе он спросил у Минасяна, кто этот человек. Тот смутился и промолчал. Когда они подошли до тропы, хозяин оглянулся на дом и шепнул, что это связной из города, идет в лес, к Эмухвари. Просил никому не говорить об этом. У тропы они попрощались, Минасян вернулся в дом, а он побежал в селение, чтобы сообщить в Сухум. На почте ему сказали, что Зарандия здесь, у Квициния. Ну он и пришел к нам. Он посоветовал нам во что бы то ни стало захватить этого связного.

— Зарандия не говорил тебе, кто этот его человек?

— Когда тот ушел, Зарандия сказал, что это Акопян из селения Гульрипш.— Дробышев попытался приподнять-

раненый оставался некоторое время в бессознательном состоянии.

Шервашидзе удивленно посмотрел на Чиверадзе и перевел взгляд на Дробышева.

Федор улыбнулся.

— Вы что, кацо, решили меня озадачить?

— Да нет, дорогой, но нужно понимаете, очень нужно, чтобы окружающие думали, что он, — Чиверадзе кивнул на Федора, — еще без сознания. Понятно?

— Пожалуйста, если это вам нужно, — обиженно сказал Шервашидзе.

— Договорились! Давайте сюда вашу сиделку.

Шервашидзе нажал кнопку звонка.

— Садитесь, Этери, — сказал он вошедшей сестре, — слушайте внимательно. Вы говорили кому-нибудь о том, что Дробышев пришел в себя?

— Нет, батоно, — ответила она, смущенная и официальным тоном главврача и присутствием Чиверадзе.

— Не успела, значит, — улыбнулся Шервашидзе.

— Так вот, запомните, — вмешался Чиверадзе, — Дробышев очень плох и до сих пор без сознания. Да, да, очень плох, и вы думаете, что он не выживет, — повторил он, увидев ее удивленное лицо. — Так и говорите всем и никому к нему не пускайте. Поняли меня?

Она закивала головой.

— А вас никто не спрашивал о состоянии здоровья Федора Михайловича? — спросил Иван Александрович.

— Расспрашивали! — сказала Этери.

— Кто? — насторожился Чиверадзе.

— Да все и каждый день.

— Все — это не то, — разочарованно протянул Иван Александрович. — А кто-нибудь особенно не интересовался?

— Особенно? Нет, никто! Ваши звонили и приходили часто, все спрашивали о здоровье.

— А вы что говорили им?

— Как что? — она взглянула на Чиверадзе. — Правду говорила. Они и вино и фрукты приносили, просили передать.

— Ничего не передавали?

— Главврач запретил. У больного все есть.

— Правильно! А теперь принимайте. Но все передавайте только мне! Так нужно.

Она пожала плечами.

— Хорошо!

— И обязательно каждый раз узнавайте, кто принес! Понятно?

Она не поняла, но кивнула головой.

У меня в дежурном и сейчас лежит сверток с фруктами и вином. Недавно принесли.

— Кто?

— Не знаю. Какой-то человек в штатском. Сказал, что от его друзей.

— Принесите сюда! — распорядился Чиверадзе.

— Имейте в виду, Этери, вам доверено важное дело. Исполняйте все, что я вам сказал. В ваших руках, быть может, жизнь больного.

Этери испуганно и удивленно посмотрела на Чиверадзе и вышла. Он медленно и отдельно продолжал:

— У нас еще много врагов, Сандро, и они не брезгают никакими средствами. В тайной войне, очень романтической в книгах, написанных людьми, не имеющими понятия о нашей работе, и очень тяжелой действительности, враги применяют тысячи грязных и подлых способов. Кребс — старый мастер своего дела, а его хозяева славятся умением «выводить из игры» даже своих людей. Тех, кто много знает! Ну, о других и говорить нечего. Мы лечим раненых противников, они их добивают. А вот и Этери.

Увидев сестру с небольшим, аккуратно упакованным свертком в руках, Чиверадзе перевел разговор.

— Оставьте здесь, я возьму его с собой. Ты уж не обижайся, Федор. Тебе несут, а я отбираю.

— Вы еще не кончили? Пойдемте, Этери, пусть они поговорят, — сказал Шервашидзе, вставая. — Только короче. И потом зайдите ко мне Вано. — обернулся он уже в дверях.

— Ты понял меня? — как только закрылась дверь, спросил Чиверадзе. — Возможно, они попытаются убрать тебя, мы поймаем их на этом. Когда тебе надо будет срочно сообщить мне что-нибудь ночью, имей в виду — в коридоре дежурит санитар Гриша.

— Понятно!

— И в саду, — он посмотрел в окно, — тоже есть. Мне кажется, они попробуют навестить тебя — это было бы неплохо! А теперь давай прощаться — завтра заеду.

Чиверадзе поднялся, вынул из кармана брюк маленький маузер и сунул под подушку.

— На всякий случай! Все шлют тебе приветы, Василий Николаевич и Бахметьев тоже. Да, чуть не забыл, приехали Строгов и Обловацкий, уже работают. Есть еще новость, но сейчас не скажу, потерпи. Хорошая новость. Спасибо скажешь. А сейчас отдыхай!

14

Рано утром Обловацкий и Хангулов выехали в Гульриш — небольшое селение к югу от Сухума. Появление их в этом маленьком поселке, лежащем на оживленном шоссе, не привлекло внимания местных жителей. Зайдя в оперпункт, Хангулов выяснил, что фамилию Акопян носят не меньше тридцати человек разного возраста. Обловацкий же, побродив по поселку и лавчонкам, зашел в маленький ресторанчик у автобусной остановки с заманчивой надписью над входом «Отдых друзей». Рядом с дверью на покособившейся порывевшей вывеске были нарисованы беленький завитой барашек, бутылка вина, тарелка с чем-то очень неаппетитным и виднелась надпись «Зайди, голубчик» с большим вопросительным знаком.

Небольшая комната с низким потолком, дощатым, не очень чистым полом, тремя столиками под залитыми вином скатертями была пуста. Только в глубине ее за непомерно большой стойкой, накрытой стеклянным колпаком, дремал буфетчик. Толстый, краснощекий и, видимо, ленивый. Даже дверной колокольчик, звякнувший при входе Обловацкого, не заставил его поднять голову.

Сергей Яковлевич подошел к прилавку. Под колпаком на тарелках лежали ломтик сыра, кусок местного поздраватого, уже высохшего сыра, несколько коричневых яиц и побуревшее крылышко рахитичного цыпленка. От вида этой снеди у Обловацкого пропал аппетит, и он уже хотел повернуться и уйти, не будя спящего, но, бросив взгляд на буфетчика, увидел, что тот не спит и наблюдает за ним запялывшими от жира узенькими глазами-щелками.

— Что кушать будешь? — подняв голову, спросил буфетчик.

— А что есть, кроме вот этого? — кивнув на витрину, сказал Сергей Яковлевич.

— Можно сациви, харчо, лобио, шашлык, мамалыгу с сыром, — привычно перечислил толстяк.

— Ну давай шашлык, только поскорей, — неуверенно попросил Обловацкий. — И без мух, — добавил он, заметив, что мухи ползают по цыпленку.

— Сейчас будет! — заверил его духанщик и с живостью, которой Обловацкий от него не ожидал, подскочил со своего стула, повернулся и, сунув голову в деревянное окошко в стене, громко скомандовал кому-то за стеной:

— Один шашлык, быстро!

Он захлопнул окошко и начал резать хлеб.

Сергею Яковлевичу теперь уже нельзя было уходить: работа завертелась, и он был ее виновником. Обловацкий подошел к ближайшему столику, смахнул с него рукой крошки хлеба и какие-то косточки и сел, ожидая заказа.

— Вино пить будешь? — поинтересовался духанщик.

— А какое есть?

— Какое хочешь! Вино одинаковое, местное, только бутылки разные, — серьезно ответил толстяк.

— Давай местное, — улыбнулся Обловацкий.

Скоро принесли шашлык, а стол заставили тарелками с какой-то травой, острой пахучей «сацибели» и с хлебом. Появилась бутылка красного вина и мокрый стакан.

Пока Сергей Яковлевич пытался разгрызть и прожевать кусок старого жилистого мяса («Наверное, буйволиное» — подумал он), толстяк уже налил ему вина и сел рядом.

— Приезжий? — спросил он, любопытный, как все духанщики. — Из Москвы?

Продолжая жевать, Обловацкий кивнул головой.

— По делу приехал или так? — продолжал допытываться буфетчик. Это «так», очевидно, означало: на отдых.

Сергей Яковлевич снова кивнул головой. — Так!

Потеряв надежду осилить кусок мяса, который не брали зубы, Обловацкий проглотил его и запил вином.

— В Москве работаешь? — не отставал буфетчик.

— В Москве, — переводя дыхание, ответил Сергей Яковлевич. — На днях домой уеду. — И, помня рассказы о здешней контрабанде, поинтересовался:

— Чего-нибудь хорошего у вас тут достать нельзя?

— Французские чулки? — наклонился к нему буфетчик.

Несмотря на то, что в комнате, кроме них, никого не было, он сейчас говорил шепотом.

— Можно и чулки, но лучше что-нибудь подороже.

— На костюм?

— Вот это уже хорошо,— обрадованно сказал Обло-
вацкий.

— Какой цвет тебе хочется?— допытывался тол-
стяк.

— А какой есть?

— Какой надо, такой и будет.

— Хорошо бы синий или коричневый. А посмотреть
можно?

Обловацкий пожалел, что не взял с собой денег.

— Говоришь, через несколько дней уезжаешь? — пере-
спросил его духанщик.— Давай адрес — завтра принесут
тебе.

Обловацкий написал на клочке бумажки номер своей
комнаты в «Риде» и свою фамилию. Увидев входящего в
духан и, видимо, искавшего его Хангулова, он повернулся
спиной, и Виктор понял, что мешает. Покрутившись у бу-
фета и выпив стакан вина, он вышел.

— Видел? — буфетчик наклонился к столу.— Че-
кист.

— Что ты говоришь? Не может быть! А я подумал —
курортник какой-нибудь,— притворно удивился Сергей
Яковлевич.

— Чекист! Я его знаю! — уверенно сказал толстяк.— Я
их всех знаю,— самодовольно повторил он.

— Так значит завтра? — спросил Сергей Яковлевич,
вставая и расплачиваясь.

— Наше слово — закон! Ты хороший человек, тебе
можно сделать! — ответил духанщик.— Если что будет
лучше, приходи, меня не будет, спроси Ашота — это я! —
он ткнул себя пальцем в грудь.

— Спасибо, обязательно зайду! — поблагодарил Сер-
гей Яковлевич.

Прощавшись, он пошел к автобусной остановке и,
сидя в автобусе, увидел Хангулова, разговаривающего с
милиционером.

Шофер с сумкой и рулоном билетов получил с него
деньги за проезд и закричал на всю улицу:

— На Сухум, на Сухум, чкара, чкара — скорей, скорей,
сейчас поедem.

Проработав всю ночь над документами, Обловацкий вернулся в гостиницу и лег спать. Строгов с Чочуа находились в Афоне, и ему никто не мешал.

Утром стук в дверь разбудил его. Отворив, он увидел незнакомого молодого человека в серой поношенной черкесске, с башлыком на голове.

— Ты Сергей? — спросил вошедший.

— Я!

— Мы к тебе, Ашота знаешь?

— Заходи, заходи, — обрадовался Сергей Яковлевич. — Принес?

Неизвестный внимательно осмотрел комнату и, немного помедлив, сказал:

— Принес, сейчас будет! — и вышел в коридор.

Выйдя на балкон, Обловацкий заметил Пурцеладзе, сидевшего напротив гостиницы. Увидев Обловацкого, он кивнул головой и закрылся газетным листом.

Услышав стук открываемой двери, Сергей Яковлевич вернулся в комнату. В дверях стоял его новый знакомый. Через плечо у него была переброшена плотно набитая переметная сума — хурджин. Гость положил хурджин на пол и сел у круглого стола.

— Ну показывай, что принес, — сказал Сергей Яковлевич, деловито потирая руки.

— Коверкот принес, бостон принес, индиго, — параспев ответил он.

— Как тебя зовут? — спросил Обловацкий.

— Васо.

— Ну выкладывай товар, Васо.

Ты дверь закрой, покажу тебе, параспев застыл — потом покажу. Сам знаешь, разные люди ходят!

Закрыв дверь на ключ, Обловацкий подошел к столу, на котором уже лежали два отреза — темно-синий и коричневый.

Обловацкий не очень хорошо разбирался в материале, но все же увидел, что отрезки посредственные.

— Э, да такие отрезки продаются у вас во всех сельпо. А что, получше нет? — спросил он разочарованно.

— Не нравится? Ну тогда смотри вот это. — Васо достал из хурджина отрез отличного индиго.

— Вот этот я возьму. А серого нет?

— Есть и серый.

Как заправский купец, Васо вытащил и развернул новый отрез.

Немного поторговавшись для виду, Сергей Яковлевич заплатил и спрятал покупки в чемодан. Васо уложил оставшиеся отрезы в хурджин.

— Глосить будешь — вспоминать будешь, девушки любить будут. Ну, до свидания!

— Спасибо, — поблагодарил, провожая его, Облоуцкий.

Закрыв за своим гостем дверь, Сергей Яковлевич вышел на балкон. Посмотрел вниз, увидел, как из подъезда вышел Васо с хурджином на плече, немного постоял и осмотрелся. С одной из скамеек поднялся духанщик Ашот и подошел к нему. Сказав толстяку что-то, Васо, не оглядываясь, быстро пошел по улице. На некотором расстоянии от него сзади шел Ашот. Скамейка, на которой сидел Пурцеладзе, была пуста. Все было в порядке! Сергей Яковлевич улыбнулся и вернулся в комнату.

15

Ночью Дробышев внезапно проснулся. За окном, совсем рядом, в кустах орешника заплакал шакал. Видимо, это был щенок, потому что его тонкий, писклявый голос напоминал плач ребенка.

В комнате стоял полумрак, но, взглянув на окно, Федор увидел через полуоткрытые ставни залитые лунным светом кроны деревьев. К одинокому шакальему голосу присоединился второй, более окрепший, а потом их уже звучало несколько.

Дробышев посмотрел на сидевшую в кресле Этери. Подложив под голову руку, она спала. Федор осторожно тронул ее за плечо. Она вздрогнула, еще не очнувшись окончательно, открыла глаза и растерянно оглянулась.

— Откройте окно, Этери, — попросил Федор.

— Но доктор сказал не открывать, — нерешительно возразила она.

— Откройте, откройте, хоть ненадолго, — настойчиво повторил он.

Она встала и распахнула окно. И сейчас же от стены к кустам, пригибаясь побежал человек. Метнулась тень, зашелестел кустарник, и все стихло.

Запахи и звуки ночи вошли в комнату. Облокотившись на подоконник, Этери смотрела в сад, освещенный холодным, мертвым светом. Вой шакалов то затихал, то возобновлялся, и от этого становилось тоскливо и страшно.

— Я закрою! — сказала она, повернулась к Дробышеву, не ожидая ответа, закрыла ставни и села у двери.

Федор долго не мог уснуть.

Утром к нему приехал Чиверадзе. Отослав Этери и устроившись в кресло, он посмотрел на Федора.

— Ну как, разговаривать сможешь?

— Могу!

— Тогда давай поговорим. Когда устанешь — скажи.

— Хорошо.

— В Гульрипше Акопянов полно. Но это был, видимо, Христо! Старый знакомый, но мы его знали только как контрабандиста. Кстати, вчера Обловацкий купил у его брата Васо два английских отреза. Ясно, что отрезы старого черта. Васо только передатчик. Оказывается, Ашот, ты его знаешь... — Заметив удивленное лицо Федора, Иван Александрович повторил: — Да, знаешь! Он духанщик в Гульрипше. Так вот, он опять сдружился с Акопяном. Этот Ашот и предложил отрезы Обловацкому.

— Вы не находите, что связь Эмхи с Акопяном наводит на интересные предположения? — взволнованно спросил Дробышев.

— Связной? Это наше общее мнение. Теперь становится ясно, что подводную лодку должен был встречать Христо. Неужели мы прозевали и с лодки был выгружен груз? И эти отрезы тоже оттуда.

— Что делает Строгов?

— Строгов уже несколько дней в Афоне. Лаво мне звонил, что они разделились. Строгов — отдыхающий инженер — в Афоне, а Чочуа крутится в окрестных селениях.

— Ну и как?

— Дня через два приедет, тогда узнаем обстановку.

— Как с настоятелем?

— Решение о высылке его из погранзоны принято, но я задержал исполнение. Ты догадываешься почему?

— Думаете, что он чем-нибудь выдаст себя и тогда так легко не отделается?

Чиверадзе утвердительно кивнул.

— Передатчик молчит?

— Молчит. Возможно, его перебазировали в другое место.

— Иван Александрович, что говорит Шервашидзе? Когда я поправлюсь? И поправлюсь ли когда-нибудь?

— Больше мужества, Федор! У нас с тобой впереди еще много работы. Поправляйся, ты нужен всем нам — Он наклонился к Дробышеву. — Рядом с нами в Сочи, живет человек, которому много тяжелей, он слепой, давно прикован болезнью к постели, но сколько мужества у этого человека — учись у него.

— Николай Островский?

— Да. Он твой однолесток!

Чиверадзе несколько мгновений помолчал и потом спросил:

— Ты не хотел бы кого-нибудь видеть?

Федор недоумевающе посмотрел на Чиверадзе.

— Ну кого-нибудь из близких. Есть же у тебя близкие?

— Есть. Вы, товарищи, Березовский.

— Ну, а кроме нас? — настойчиво добивался Чиверадзе.

— Нет, — ответил Дробышев.

— Нет, есть! А жена? Или не любишь ее?

— Она здесь? — спросил Дробышев взволнованно.

Чиверадзе кивнул головой.

— Приехала, просит пустить к тебе.

Федор молчал. Она здесь? После всего, что было. Что толкнуло ее на этот шаг? Жалость, раскаяние? Быть может, разрыв там? Хочет ли он этой встречи и что она даст им обоим — новую муку? И, наконец, сможет ли он простить прошлое? Сможет ли забыть?

Чиверадзе внимательно смотрел на Дробышева. Он долго ждал его колебания.

— Она просит разрешить ей дежурить около тебя, — сказал Чиверадзе.

— Нет, нет! — вырвалось у Федора. — Только не сейчас, скажите ей что-нибудь.

— Мы так и сделали. Ведь ты же без сознания, — с улыбкой напомнил Чиверадзе. — Она живет в «Рице», рядом с Обловацким и Строговым. — Он помолчал. — Ты подумай, все взвесь и тогда решай. Я разговаривал с ней. Мне кажется, она хороший человек и приехала, движимая настоящим чувством. Когда будет можно, она придет к

тебе, и ты решишь окончательно! Пока отдыхай. Гриша по-прежнему в коридоре, в саду тоже есть наши люди. Только ночью, пожалуйста, окно больше не открывай, не надо!

Уже уходя, в дверях он обернулся:

— А Сандро я отправил в горы!

16

За двое суток, прожитые в Новом Афоне, Строгов обошел окрестности и территорию совхоза, в недалеком прошлом знаменитого монастыря.

По вечерам, возвращаясь в свою маленькую комнату в так называемой нижней гостинице и с трудом раздеваясь, он валился от усталости на жесткую узкую монастырскую койку и засыпал тяжелым сном. Просыпаясь, чувствовал ломоту в суставах, но, отдохнувший и посвежевший, лежа в кровати, Николай Павлович мысленно перебирал и анализировал вчерашние впечатления. Он побывал в мандариннике, в масличной роще, на огородах, на ферме и в мастерских этого большого культурного хозяйства.

Монастырь был ликвидирован несколько лет тому назад. Часть монахов уехала с Кавказа на север, некоторые расселились по окрестным селениям, другие остались в Афоне работать в совхозе. Были и такие, что не трудились. Чем они жили? Кто знает! И все ходили в монашеском одеянии — то ли донашивали, то ли продолжали наперекор всему считать себя монахами.

Встречались среди них и молодые, приторможенные скромные послушники. Большинство же монахов состояло из пожилых крестьян с темными, заскорузлыми, привычными к труду руками.

Февраль был теплый и солнечный. Немногочисленные отдыхающие ходили в легких белых костюмах, и странно было видеть на фоне чудесной природы и спокойного синего моря мелькавшие среди кипарисов фигуры в черных скуфейках и подрясниках с широкими лакированными кушаками. Проходя мимо «мирян», они покорно кланялись в пояс. На первый взгляд они казались одинаковыми, но Строгов успел присмотреться и уже различал среди них крестьян, пришедших из «мира» и продолжавших трудить-

ся теперь уже не на себя, а не на бога и холеную, упитанную церковную аристократию. Изредка среди этой почти безликой черной массы проплывала толстая фигура представителя церковной верхушки — отца-казначея или отца-ришничего, старавшихся быть незаметными. Проходившие монахи по старой привычке кланялись им и подходили по благословению. Но те, перекрестив встречного и быстро сунув для поцелуя руку, старались скрыться. Видимо, тяжело расставались они с бездумной и легкой жизнью монастыря.

Строгов часто чувствовал на себе их внимательные, настороженные и изучающие взгляды. Он не сомневался, что среди них есть враги, люто ненавидящие все советское. Еще велико было влияние на простых монахов бывшего настоятеля отца Иосафа. Строгов знал, что в декабре на траверсе Нового Афона появлялась подводная лодка. Патрулирующие здесь погранкатера спугнули ее, она нырнула в воду и уже больше не возвращалась. Какой магнит притягивал ее к этому участку границы? В монастырь продолжали приезжать верующие. Пробыв несколько дней и помолившись, они исчезали. Куда? Встречались среди них и молодые, но-военному подтянутые люди. Стандартные, московшвеевского пошива костюмы не гармонировали с выправкой, которая их выдавала. Кто они?

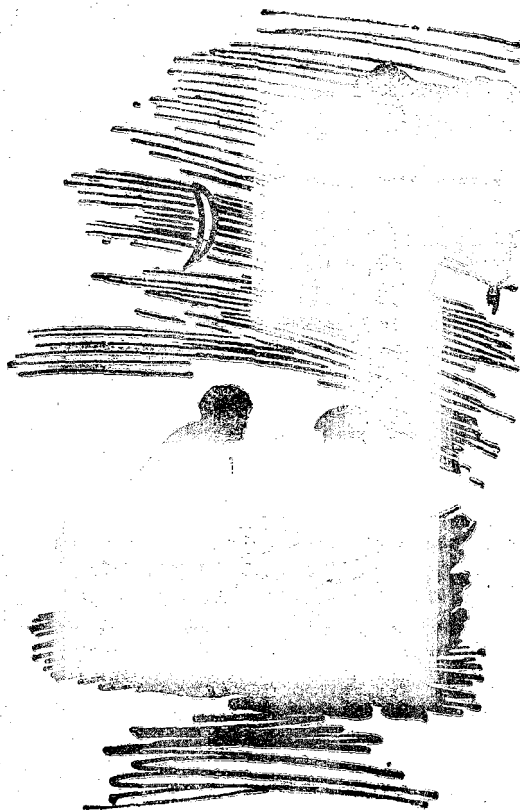
Надо было поговорить и посоветоваться с Чочуа. Строгов зашел на станцию Союзтранса и оставил записку у кассира с большими «буденновскими» усами, одетого в серую длинную кавказскую рубашку со множеством черных пуговиц.

Поздно вечером, когда жизнь вокруг, казалось, замерла, Николай Павлович пошел по шоссе в сторону недавно выстроенного дельфинного завода. Не доходя до него, он увидел знакомую фигуру, стоявшую под кипарисом у края дороги. Поздоровавшись, они спустились к морю и сели на камни.

— Ну, как дела? — спросил вполголоса Строгов.

Немногословный Чочуа рассказал о своей поездке в селение Анухва, к северо-западу от Афона, и в совхоз «Тэжэ», южной монастыря, где он видел нужных ему людей.

— Завтра они на базаре встретятся с афонцами. Вечером я кое-что узнаю. Завтра же вечером надо поехать в Эшеры, селение на полпути к Сухуму. Там живет Дзианш-

ипа, бывший князь, царский офицер и меньшевик,— закончил он.

— Что-нибудь интересное?— спросил Николай Павлович.

— Так, кое-какие предположения,— Чочуа неопределенно пожал плечами. Он не хотел говорить, не проверив того, что узнал.— А как у вас?

— Пока ничего, Даур,— вздохнул Строгов.

Тонкий серп луны висел на синем, без единого облачка небе. У ног лежало ласковое море. Далеко влево, в кон

це длинного мыса, там, где он обрывался, поблескивал огонек маяка. Казалось, что это единственный огонек на всем побережье. На дороге лежали тени высоких кипарисов. Чочуа докурил папиросу и бросил окурок. Желтоватая искорка взметнулась над водой и упала в море, мгновенно погаснув.

— Гю пора, пойдем!

Даур встал, но Строгов удержал его.

— Подожди, посидим еще немного.

Николаю Павловичу не хотелось расставаться. Он не мог налюбоваться картиной южной ночи. Строгов не успел еще опомниться от того ошеломляющего впечатления, которое произвела на него величественная природа Абхазии: бездонное небо, морской простор, горы, вплотную придвинувшиеся к берегу, торжественная тишина ночей, когда хочется думать о жизни серьезно и строго и радоваться, что ты живешь в этом прекрасном мире.

— Нет, пора, уже поздно, пойдем! — вставая и отряхиваясь, решительно сказал Чочуа.

Николай Павлович нехотя встал. Они поднялись к шоссе и там попрощались. Даур пошел вправо и через мгновение скрылся в темноте. Строгов посмотрел ему вслед, вздохнул и пошел к Афону. Подходя к небольшому домику, нависшему над водой, где помещалась почта, он сошел с дороги и посмотрел вверх. Большие белые здания монастыря были залиты лунным светом и четко выделялись на темном фоне лесистой Ашамгвы.

* * *

Однажды вечером, поорудив по ущелью, Строгов пришел на пристань, присел на берегу. Недалеко от него старик в белых холщовых штанах и такой же рубашке шпаклевал лодку. Подойдя к нему, Николай Павлович попросил прикурить.

Старик молча высек кресалом огонь. Строгов закурил, предложил лодчнику папиросу, но тот отказался и закрутил самокрутку из резаного листа. Продолжая работать, он односложно и неохотно отвечал на вопросы Николая Павловича. Из его слов выяснилось, что он из бывших монахов. Когда монастырь, как старик выразился, разогнали,

он, привыкнув к местности, остался. Рыбачит, ходит на по-
денную.

— А хорошо здесь было раньше? — спросил Строгов.

Старик исподлобья взглянул на него.

— Как кому.

— Ну вот подоимея тебе?

Рыбак ничего не ответил и только сильнее стал сту-
чать по заложенной в пазах палке.

— Монастырь-то богатый был, всего хватало, да и
паломники не забывали, — продолжал Николай Пав-
лович.

Старик, насупившись, молчал.

— Как ловится? — спросил Строгов.

— Кормит, — односложно ответил рыбак.

— А что ловишь?

— Есть и белуга и лосось, бывает и осетр.

— Наверное, подкармливаешь свежей рыбой своего
настоятеля?

Слова Строгова, видимо, задела бывшего монаха. По-
вернувшись к Николаю Павловичу, он строго сказал:

— Эх, парень, побыл бы в моей шкуре — другое запел
бы. Ты думаешь, счастье гнало таких, как я, в монастырь?
Горе да нужда. Думал — хоть хлеба вдоволь поем.

Он замолчал. Строгов не торопил его.

— Раньше что рабочий, что мужик — одинаково плохо
жили, — продолжал старик. — Вот ты, небось, отдыхать
сюда приехал? А нам раньше поесть досыта — и то мечта-
лось. Я, парень, действительную-то ломал еще при покой-
ном Александре Третьем, пропади он пропадом.

— Давно ты здесь?

— С восьмого году. — Он сел на опрокинутую лодку и
внимательно посмотрел на монастырь. — Везде здесь мой
труд, — рыбак вытянул вперед свои черные скрюченные
руки. — И в электростанции, и в садах. Клясть бы мне эту,
каторгу, ан нет, привык, хоть и чужая мне эта красота.

— Как зовут тебя?

— В миру Алексеем звали, а в монахах — Нифонтом,
что значит тверезый. Ну да это не иначе, как в насмешку.

— А отца как звали?

— Иваном.

— Значит, Алексей Иванович?

Николаю Павловичу все больше и больше нравился его
собеседник.

— Так-то так, да больше дедом кличут. Да и забыл я, как жил в миру.

— Ну в этом ты не прав, Алексей Иванович. Разве можно забыть отца с матерью, детство, молодость? Неужели ты никогда не любил? Разве можно забыть это?

Николай Павлович подошел к старику и сел рядом.

Вспомнившись, отец с матерью, — усмехнулся рыбак. — А как их помнить? Отца угнали на турка, оттуда он и не пришел. Слышал про гору такую — Шипкой зовется? Там и схоронили его. Не помню, какой он и был-то, мать сказывала — хороший, жалел ее.

— А мать помнишь?

— Помню! — Он горько усмехнулся и покачал головой.

— Помню, как по миру ходили да как под окнами стояли. — Он махнул рукой. — Разбередил ты меня, парень! Пойдем к отцу Мелитону, поднесет он нам по чарке, — сказал он, вставая.

Поднявшись по широкой, выложенной камнем лестнице, они пришли к длинному сводчатому зданию. Еще не доходя до него, Строгов почувствовал стойкий винный запах.

Старик постучал. Дверь отворилась, и Николай Павлович увидел седого, сгорбленного человека в лоснящемся подряснике. Слезающие глаза, видимо, плохо служили своему хозяину. И только внимательно всмотревшись, он узнал спутника Строгова и пропустил их в винницу.

Николай Павлович увидел широкую длинную катакомбу с огромными бочками по бокам. Перед каждой, на тумбе, под большим деревянным краном стояло глубокое блюдо и стакан. На одной из бочек лежала мензурка.

— Здравствуй, отец Мелитон! Вот привел к тебе хорошего человека. — Рыбак показал на стоявшего сзади Строгова. — Благослови, отче, чашей.

Мелитон взглянул на Николая Павловича и поклонился:

— Спаси тя Христос!

Он подвел их к одной из бочек, налил вина и ушел.

Старик посмотрел на Строгова:

— Зовут-то тебя, парень, как и кто ты такой будешь?

Николай Павлович улыбнулся и поднял стакан, наполненный густым темно-рубиновым вином.

— Давай знакомиться, Алексей Иванович! Зовут меня Николай Павлович. Я инженер из Москвы, приехал в отпуск.

— Ишь ты, такой молодой — и инженер! Ин-же-нер, — протяжно повторил он и с уважением осмотрел Николая Павловича. — Ну, господь благослови!

Рыбак выпил и ладонью вытер губы. Вслед за ним выпил и Строгов. Густое, как мед, вино приятно обожгло рот.

Подошедший Мелитон поставил на табуретку тарелку с крупными блестящими маслинами и жареной скумбрией, потом вынул из кармана большое яблоко и, разломив пополам, с поклоном молча роздал гостям.

Алексей Иванович и Строгов выпили снова. Николай Павлович подал Мелитону наполненный стакан, но тот покачал головой.

— Не принимает он, — пояснил Алексей Иванович. — В монашеском чине живет.

— Что ж, и начальство не пьет?

— Ну, там закон другой, пьют, да мы не видим.

С каждым глотком Строгов все больше чувствовал, насколько крепко это приторно-сладкое вино, и похвалил его. Монах поклонился, и Николай Павлович увидел, что ему приятна его похвала.

— Закусите ягодой и рыбкой, — сказал Мелитон. — Рыбка-то Нифонта. Он хоть вернулся в мир, а не забывает нас, чернецов.

— Хорошие люди везде есть, — отозвался Строгов.

— Ну налей по последней, отец! — Алексей Иванович протянул пустой стакан, и монах налил ему. Николай Павлович отказался.

Пора было уходить. Уже в дверях Мелитон задержал Строгова и пригласил заходить, когда будет нужда. Строгов достал из кармана деньги и протянул их монаху, но тот отвел его руку.

— Пошто обижаешь стариков-то? Не надо этого. Мы к тебе по-хорошему, а ты деньги, — с укоризной проговорил он.

Спускаясь по лестнице, Строгов чувствовал, что у него кружится голова. Он хотел пойти в гостиницу, но Алексей Иванович посоветовал посидеть на берегу.

— У воды быстрее обдует, — сказал он.

Они пришли к маленькой деревянной выкрашенной в белый цвет пристани и сели на приступке.

Необъятное спокойное море простиралось перед ними. В чистом ночном небе слабо мерцали звезды. Луна за-

ливалась своим светом и дорогу, и белые здания, и темные горы.

Хотелось молчать и слушать и слабый накат редкой волны, и чуть слышный шелест деревьев, и далекий лай собак. Вот над головой метнулась тень пролетевшей летучей мыши. Вот далеко-далеко на шоссе мигнула фара чуждой машины. Из ущелья потянуло холодком, и ветер донес чуть слышный плач шакала.

— Не спит отец настоятель! — сказал старик.

— Где? — встрепнулся замечтавшийся Строгов.

Рыбак показал на одинокий огонек, как светяк, мерцавший в гуще кустарников высоко над ними.

— Там! Падает вера, расходится народ — кто в Россию, кто на Псху, в пещеры. А он здесь!

— Где эти пещеры?

Старик махнул рукой на север, в сторону ущелья.

— Что же настоятель не пошел в совхоз? — засмеялся Строгов.

— Пойдет он! Да и не возьмут его. Из бар он. Сказывали, из царских приближенных. Сам принц Ольденбургский приезжал к нему не раз. И с Афона, и с самой Туретчины приезжали к нему часто, когда можно было. И меншаки уважали его.

— Меньшевики, — поправил Николай Павлович.

Алексей Иванович задумался.

— Показал настоятель себя при их власти, — сказал он, немного погодя.

— Что, лют был?

— Да не то что лют, да мягко стелет. Уж и не любит он вашего брата. Вот когда приезжают не нашей веры, тех любит. Да и любить-то ваших ему за что? Такую власть отняли, больше губернатора, да что губернатора — еще больше. Царя свалили, а он остался.

— И теперь приезжают к нему?

— Приезжают. Мы, хоть и темные, а видим. Ну, спать пора, пойдем, провожу.

Лежа в кровати, Строгов медленно перебирал события дня. И прошлое настоятеля, и его настроения, и приезды в Новый Афон иностранцев якобы для ознакомления с русскими святынями — обо всем этом знали. Строгов вспоминал, что перед отъездом из Москвы он слышал: летом предполагается прибытие в Сухум и Новый Афон специа-

ального американского туристского парохода с богатыми экскурсантами. Только ли экскурсанты там будут?

Уже засыпая, он подумал, что завтра много дел и надо будет повидаться с Чочуа.

17

Ночью в комнату Строгова тихо постучали. Он открыл глаза, прислушался и сунул руку под подушку. Не зажигая света, он подошел к двери и, став сбоку, вполголоса спросил:

— Кто?

— Николай Павлович, откройте!

Строгов узнал голос Чиковани и повернул ключ.

— Что случилось? — спросил он шепотом.

— В Эшерах ранен Чочуа. Сейчас там Чиверадзе и Хангулов с ребятами.

— Когда ранен?

— Часа три тому назад.

Строгов посмотрел на часы, было два часа ночи.

— Как это произошло?

— Подробности не знаю. Знаю только, что на Эшерском мосту. Там сейчас пограничники прочесывают местность.

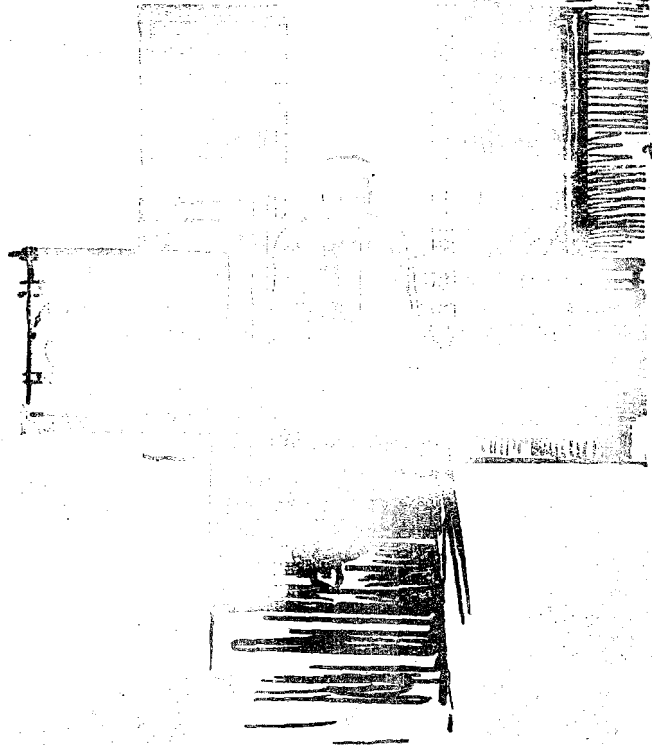
— А ты зачем пришел ко мне?

— Чиверадзе прислал. Одевайтесь скорей, машина на шоссе.

— Ну иди, я сейчас приду, а то тебя здесь, наверно, все знают.

Не закрывая двери за вышедшим Чиковани, Строгов быстро оделся и, сунув в кобуран пистолет, вышел из комнаты. Проходя по коридору, заметил, что дверь одной из комнат полуоткрыта. Спускаясь по лестнице, он по привычке оглянулся и увидел, что из этой комнаты выглядывает... Майсурадзе.

Николай Павлович, уже не оборачиваясь, быстро спустился вниз, перебежал выложенный каменными плитами дворик и спрятался за выступ стены. Осторожно выглянув, он увидел в одном из раскрытых окон второго этажа гостиной того же Майсурадзе, внимательно рассматривавшего площадку. Ему показалось странным, что, несмотря на поздний час, Майсурадзе одет.

Медленно передвигаясь вдоль стены, Строгов вышел на шоссе. За углом ожидала машина. Сидевший рядом с шофером Чиковани помахал Николаю Павловичу рукой.

— Садитесь скорей, что вы так долго?

— Потом объясню, поехали!— ответил Строгов.

В дороге Николай Павлович пытался объяснить себе странное, как ему казалось, поведение Майсурадзе. Его внезапное появление в Афоне могло объясняться служебной командировкой. Но непонятно почему он был одет ночью и почему так интересовался Строговым. «Узнал ли он меня и видел ли Мишу?»— подумал Николай Павлович. О встрече необходимо было рассказать Чиверадзе.

Уже подъезжая к Эшерам, Строгов спросил Чиковани, что слышно о Дробышеве.

— Все еще без сознания. К нему не пускают. Вы знаете, приехала его жена, и ее тоже не пускают. Мы думали, он холостой. На днях приходила его квартирная хозяйка, просила отдать ей его собаку.

— Какую собаку?

— А у Федора Михайловича замечательная немецкая собака по кличке Дин, он ее из Москвы привез. Миссочкой нес. Когда Дробышева ранили, Иван Александрович взял ее к себе домой. Только ничего у него не получилось,— он засмеялся,— выла собака. Правда, Николай Павлович, это плохая примета?

— А ты что, в приметы веришь? Ай да комсомолец!— засмеялся Строгов.

— Так это народная примета,— насупился Чиковани.

— Старушечья эта примета, а не народная. Ты, наверное, и черной кошки боишься?

— Ну уж это нет!— обидчиво ответил Миша.

Машина подъехала к дому секретаря сельской комячейки. Строгов и Чиковани направились к калитке.

— Стой, кто идет?— раздалось из темноты. Одновременно с вопросом они услышали, как клацнул затвор винтовки.

— Чиковани, к Чиверадзе,— вполголоса ответил Миша.

— А с вами кто?

— Товарищ из Афона. Хозяин знает.

— Пароль?— тихо спросил красноармеец.

— Батум!— ответил Миша.— Отзыв?

— Боек! Проходите!

По узенькой тропинке они добрались до домика, стоявшего в глубине небольшого фруктового сада. Через неплотно завешенные окна просачивались тонкие полоски света. Подойдя к дверям, Чиковани, шедший впереди, увидел Пучедалдзе.

— Вы подождите здесь, Николай Павлович,— сказал он, обращаясь к Строгову,— так велел Иван Александрович, там допрос идет,— и, открыв дверь, пропустил Чиковани. Миша шагнул в темноту, пошарив рукой по стене, нащупал дверь, открыл ее и вошел в небольшую комнату. На низком жестком диване, покрытом домотканым широким ковром, спускавшимся на чистый земляной пол, по-прежнему, как и час назад, по-восточному подогнув под себя ноги, сидел Чиверадзе. Немного в стороне у короткого круглого столика с лежащими на нем бумагами,

полевой сумкой и кувшином с водой сидел на корточках седой человек лет пятидесяти в очень старой, но опрятной черкеске без газырей. Был он, видимо, высокого роста, не по возрасту стройный и подтянутый. Человек напряженно смотрел на Чиверадзе и даже не взглянул на Мишу.

Увидев Чиковани Чиверадзе кивнул ему головой и спросил:

— Привез?

— Так точно,— вытянувшись, ответил Миша. Незнакомец, точно проснувшись, повернул голову и посмотрел на него.

Продолговатое, правильное лицо с широко расставленными глазами и небольшими подбритыми усами было незнакомо Чиковани.

— Хорошо, подожди!— приказал Чиверадзе и, обернувшись к незнакомцу, видимо продолжая разговор, сказал:

— Все, что я услышал, говорит о том, что ты хочешь порвать со своим — не обижайся — грязным прошлым. Пора, давно пора! Но все это требует проверки. Нет, нет! — проговорил он быстро, увидев протестующее движение незнакомца. — Я верю. Хочу верить, — поправился он, — что ты сказал правду. Но всю ли?

— Я все сказал, — твердо ответил человек.

— Кое-что мы знали, кое о чем догадывались, и теперь мне надо обдумать все то, что ты рассказал. У тебя двое детей?

— Две девочки, — ответил незнакомец. Говорил он по-русски почти без акцента.

— Тебе давно надо было прийти к нам. И не только ради себя, но и ради них. Пусть они вырастут, не упрекнув ни в чем своего отца. Но сейчас ты поедешь вот с ним, — Чиверадзе мотнул головой в сторону Чиковани — в Сухум, и побудешь несколько дней у нас.

— Вы не верите мне, батона? Я забыл свое прошлое и хочу, чтобы его забыли другие.

— Ты хочешь многого! Право на это нужно заслужить. Мало быть нейтральным. Ты был нашим врагом, врагом своего народа, дрался против нас, а когда тебя и таких, как ты, разбили и выгнали из страны, — вернулся. И считаешь, что только за свою нейтральность достоин уважения и доверия?

Незнакомец слушал, опустив голову. Что он мог возразить? Все это было правдой. Последний бой против крас-

ных, в котором он участвовал, был здесь же, рядом, в Афонсе. Он бежал. А когда все успокоилось, вернулся домой. Он трудился на своем участке земли, старался принимать участие в общественной жизни своего селения, думал, что с прошлым покончено. Но где-то его считали своим притаившимся, и при расчетах включали в число готовых к действию. Периодически его навещали люди, известные ему по прежним годам. Иногда от имени этих людей к нему приходили неизвестные и, поговорив, уезжали. Он прекрасно понимал, что его прощупывают. Выгнать их, запретить им посещать его дом—на это не хватало мужества.

Ранение Чочуа, приезд в селение Чиверадзе и разговор с ним послужили последним толчком. Он понял, что не может рассчитывать на доверие, не разоружившись окончательно. И он это сделал.

— Я считаю, что прощаться с детьми и женой тебе не стоит,— сказал Чиверадзе.— Я сам поговорю с ними. Обещаю тебе, что скоро будешь дома. Ну, поезжайте!— пропавшес он, обернувшись к Чиковани.

Когда они ушли, Иван Александрович встал и, открыв дверь сказал в темноту.

— Заходи, Николай Павлович!

Строгов вошел, недоумевая, почему Чиверадзе не появлялся раньше.

— Заждался?— спросил Иван Александрович.— Я не хотел, чтобы ты встретился с этим человеком. Ты видел его?

Николай Павлович кивнул головой.

— Вот это и есть бывший князь Дзиапш-ипа, бывший царский офицер, бывший меньшевик — все бывший. Будем надеяться, что с нашей помощью он снимет с себя эту приставку и будет просто гражданином Дзиапш-ипа. Как дела у тебя?

Доложив о своих встречах и планах на ближайшие дни, Николай Павлович рассказал о встрече с Майсурадзе.

Иван Александрович даже приподнялся со своего места.

— Это же замечательно, кацо! А Чиковани он видел?— Строгов пожал плечами.— Сейчас же поезжай в Сухум. В Афон пока не возвращайся. Если завтра случайно встретишься с Майсурадзе и поймешь, что он ночью

узнал тебя, скажешь, что тебя вызывали в Сухум по телеграмме из Москвы насчет твоего проекта, что ли. Ты знаешь, мне кажется, что именно Майсурадзе и был вчера вечером от Табаксоюзa у Дзиапш-ипа! Понял, дорогой! Вот сволочи, нагло начинают работать,— покачал головой Чиверадзе.

— Кто ранил Даура, Иван Александрович?

— Не знаю. Пока не знаю, но будь спокоен, скоро все узнаем. А твой рыбак — интересный старик. Значит, раньше, говоришь, был он Нифонт, а теперь Алексей Иванович. — Чиверадзе засмеялся. — Что ж, бытие определило сознание. Тебе дня через два придется вернуться к нему. Ну, поезжай! Завтра вечером встретимся!

* * *

— Заедем к пограничникам, проведем раненого, — сказал Николай Павлович шоферу.

Покрутившись по горной дороге, машина вырвалась на широкую пойму Гумисты. Слева, на холме, показался домик погранзаставы.

Увидев Строгова, Чочуа, похудевший, с большими темными кругами под глазами, поднялся с топчана, на котором лежал. Забинтованную левую руку он держал подвешенной на повязке через плечо. Они расцеловались. Николай Павлович неловко обнял Даура, задел раненую руку. Чочуа вздрогнул. Строгов разжал объятия и увидел побледневшее лицо товарища, расширившиеся зрачки и сжатые губы.

— Прости меня, Даур, дорогой.

— Ничего, ничего, — успокоил его Чочуа. — Спасибо, что заехал.

По мужественным обычаям своего народа, он не хотел показать своего боли даже перед близким человеком.

— Расскажи, как это случилось, — попросил Строгов.

— Ты помнишь, я говорил тебе о Дзиапш-ипа?

— Ну как же!

— С некоторых пор, еще до твоего приезда, — Федор знает — этот человек нас заинтересовал. Не потому, что прошлое у него неважное, нет! Нам стало известно, что у него бывают чужие люди. И всегда ночью. Мы начали присматриваться к нему. Но, кроме этих гостей, ничего худого не заметили.

Нынче зашел я к соседу Дзиапш-ипа. Он мне и рассказывал: оказывается, вечером у Дзиапш-ипа кто-то был. Мой знакомый по-соседски зашел к нему, а у того дома черт знает что делается — жена плачет, дети жмутся к матери, тоже плачут. Сам хозяин чем-то взволнован, куда-то собирается ехать. А на дворе уже ночь наступает. Ну, у нас в горах закон — нельзя быть любопытным. Если надо, сам скажет. Дзиапш-ипа молчит, только руки дрожат. Так мой знакомый и ушел ни с чем.

Рассказал он мне все это, и решил я дать знать в Сухум. Телефон есть тут, на заставе. Пошел я к пограничникам. Подхожу к мосту, смотрю — идут навстречу два человека как будто в бурках. Увидели меня, побежали по мосту назад. Я стал за дерево, жду, наблюдаю. Они прыгнули в кустарник. Я жду — пять минут, десять. Кругом тихо. Ну, думаю, молодежь гуляет. Испугал я кого-то! Что же мне, всю ночь тут стоять? Решил идти. Вышел снова на дорогу, приближаюсь к мосту.

— Темно было? — не вытерпев, перебил Строгов.

— Знаешь, временами. Луна светила, только тучи мешали.

Заметив, что Чочуа порою морщится от боли, Николай Павлович предложил ему лечь. Но Даур встал и начал ходить по комнате. — Так легче, — объяснил он.

— Ну вот, — продолжал Чочуа, — подхожу, все тихо, луна как раз открылась, светло. Прошел половину моста, сам за кустарником наблюдаю. Вдруг оттуда выстрел, другой. Пуля в руку попала. Я бросился на доски, упал ничком, пусть думают, что убили. Лежу, жду, когда темно станет. А луна светит, как назло.

— Врагу помогает! — засмеялся Строгов.

— Конечно, заодно с ним, — улыбнулся Чочуа. Но утром, что ли, валяться придется? Рукав намокает. Глаз не спускаю с тех кустов. Наконец вижу, вылезают оба и осторожно так идут ко мне. В руках винтовки. Подпустил их шагов на двадцать. И разрядил по ним всю обойму. Один вскрикнул и упал. Второй подхватил его и потащил в кусты, к морю.

— К морю? Ведь там и перекроют пограничники, — удивился Строгов.

— Наверно, растерялись.

— Ну а дальше?

— Я встал, прислонился к перилам и жду. Должны же выстрелы встревожить заставу. Рука заныла, горит. Пока стрелял, забыл про нее. Минут через пять является народ с собакой. Я рассказал им и скорей сюда, на заставу, к телефону.

— Поедем со мной в город.— предложил Николай Павлович, вставая.

— Нет, что ты! Я останусь. Вдруг понадобится Ивану Александровичу.

— Так ты же ранен!

— Пустяк,— сказал Чочуа.— Нет, нет! Езжай один. Рука перевязана, все в порядке.

18

Уже стемнело, когда Елена Николаевна вышла из госпиталя.

Широкая каменная лестница спускалась к улице имени Октябрьской революции. Справа, в густой листве, темнела большая дача в мавританском стиле, где, как ей сказали, до ранения жил Федор. А она не могла, не имела права сейчас войти в этот дом. От обиды, от жалости к себе у нее зашло сердце.

Прислонившись к высокому каменному барьеру, она осмотрелась. Впереди слева большим темным пятном лежал Ботанический сад. Редкие огни фонарей слабо освещали широкую улицу, по которой ей надо было идти, и только впереди, на набережной, было светло. Но этот свет закрывал от нее море. Где-то очень далеко играл духовой оркестр и отчетливо слышалось, как глухой бас геликона одностонно поддакивал мелодии — пу, пу, пу...

Разговор с Шервашидзе оставил неприятный осадок. Кажется, этот похититель, очень важный человек чего-то не договаривает, скрывает от нее. Она спросила о состоянии Дробышева, он, не глядя в глаза, ответил, что положение продолжает оставаться серьезным. В свидании отказал. Она попросила разрешить ей дежурить около раненого — он замахал руками. После некоторого колебания он спросил, давно ли она разошлась с Федором. Конечно, об этом ему сказал Чиверадзе, а тому — Березовский. «Зачем они вмешиваются в мою личную жизнь», — думала она. В каждом их взгляде она видела молчаливый упрек, будто бы обидела и оскорбила близкого им человека. Так

было при встрече с Березовским и Чиверадзе, так и сейчас. Нет, с посторонними людьми в поезде ей было легче. Они хоть не приставали с расспросами. Елена Николаевна чувствовала себя совсем одинокой и незаслуженно обиженной. Внезапно у нее мелькнула мысль, что Федор умер и от нее это скрывают. Она ужаснулась. Пospешив в гостиницу, Русанова позвонила по телефону Чиверадзе. Далекий незнакомый голос ответил, что он уехал и будет только утром. Она решила вернуться в госпиталь и добиться правды у Шервашидзе, но раздумала и медленно поднялась в свой номер.

Не зажигая света, Елена Николаевна прошла к залитому лунным светом балкону.

Внизу, на бульваре, под пальмами, эвкалиптами и кустами диких роз в полумраке двигались гуляющие. Сквозь шаркающий шум оттуда доносились слова, которых она не понимала. Слышался смех. Как светячки мелькали огоньки папирос.

Она вглядывалась в эту безликую шумливую толпу, завидуя ее беспечности.

— Здравствуйте, Елена Николаевна,— вдруг донеслось до нее снизу.

Голос был знаком, но она не могла вспомнить, чей он. Она наклонилась, пытаясь разглядеть, кто говорил.

— Не узнаете? Это я, Константииниди.

— О Одиссей! Зайдите ко мне!— крикнула она, продолжая всматриваться в толпу гуляющих.

— А мне тоже можно?— смеясь, спросил кто-то.

— Одиссей, не приходи домой, будешь иметь неприятности,— громко посоветовал другой.

— Гражданка, опомнитесь, у него трое детей!— предостерегал третий.

— Вот вам и тихоня Одиссей!— глухо и мысленно закончил какой-то остряк.

Елена Николаевна, не обращая внимания на шутки, выбежала из номера, быстро прошла по коридору и, наклонившись над барьером, увидела Константииниди, разговаривавшего с портье. Он знал всех, и все, видимо, знал сго. Он помахал ей рукой, потом, перепрыгивая через несколько ступенек побежал к ней, на третий этаж.

— Идемте ко мне,— сказала она. Как старые друзья, держась за руки, они прошли по коридору в комнату.

— Хотите на балкон? — предложила Елена Николаевна. Они вынесли на воздух плетеные кресла и уселись.

— Как ваш муж? Вы его видели? — первым делом спросил Одиссей. Спеша и волнуясь, она рассказала ему о разговоре с Шервашидзе.

— Быть может, он умер, и врач скрывает это? Почему меня не пускают к нему? — спросила она, тревожно глядя на Константиниди, как будто он мог разрешить ее сомнения.

— Нет, нет, он не умер, — поспешил успокоить ее Константиниди.

...Сухум — настоящий южный приморский городок. Его обитатели темпераментны и экспансивны. Местные октрословы хвастливо уверяют, что они знают о любых событиях за два часа до того, как они происходят. Приехав из Москвы, Константиниди сейчас же узнал обо всех новостях, в том числе и о перестрелке в Бак-Марани, а подробности ранения Дробышева и смерти Зарандия ему передали в таких деталях, что это вызвало бы сомнение у любого слушателя, но Константиниди был настоящим сухумчанином и не привык критически анализировать услышанное. В городе говорили, что Дробышев без сознания, но жив. Значит, это правда!

— Самое главное, дорогая Елена. Вы позволите вас называть так? — спохватился он. Она кивнула головой. — Так вот, самое главное — он жив! Тяжело ранен, но жив. И уже столько дней! А раз так, то поправится, вот увидите.

И Константиниди вернулся к своей любимой теме.

— Наш воздух, наше солнце и море не дают умереть даже очень старым людям. Нигде нет столько стариков, как у нас. Вы знаете, у нас есть горец, которому сто сорок

Ей стало легче на душе от встречи с этим простым хорошим человеком. Она уже верила, что все будет хорошо.

— Сто сорок шесть лет? — повторила она удивленно.

— Да, да, почти полтора века. Чтобы познакомиться с ним, недавно из Парижа в Сухум приезжал Анри Барбюс. Вы его, конечно, знаете? Тот самый Барбюс, который написал «Огонь»! Его интересовали проблемы долголетия, и он специально приезжал сюда.

Она поняла, что ей придется выслушать подробности.

— Анри Барбюс ездил в селение Латы, где жил этот

арик. Он познакомился с ним, пил вино. Вы только представьте себе, этому горцу было четыре года, когда началась Великая французская революция. Бетховен, великий Бетховен, был старше его на пятнадцать лет. Ему было четырнадцать лет, когда родился Пушкин. Он современник Лермонтова, Глинки, Карла Маркса, Дарвина, Энгельса, Грибоедова, Шиллера... и никого из них не знал.

Ему исполнилось двадцать семь лет, когда Наполеон вошел на Россию, но горец этого не знал тоже. Он жил в горах, сажал кукурузу, сажал табак, пил кислое вино. И вот к этому человеку приехал Барбюс, почти на сто лет его моложе, друг Горького, Ромена Роллана, друг нашей страны. Один из них прошел яркий путь борьбы, другой — прожил почти в три раза больше, но как? Страшно жить так бесполезно!

— Вы не правы, Одиссей! — возразила Елена Николаевна. — Не всем дано гореть. Этот старик всю свою жизнь трудился на своем клочке земли, растил детей. У него ведь есть дети?

— И дети, и внуки, и правнуки, и праправнуки, — рассмеялся Константииниди.

— Вот видите. Наверно, он воспитал их такими же простыми тружениками, каков сам.

Далекий протяжный гудок перебил ее. Она взглянула на море и увидела залитый огнями движущийся теплоход.

— «Украина». Из Батума, — сказал Константииниди. — Что вы думаете делать, Елена?

— Буду просить пустить меня в госпиталь, а если не разрешат, пойду работать. Не уеду отсюда, пока не увижу Федора, — она упрямо наклонила голову. — Пусть решает нашу судьбу сам, мне некуда идти, — тихо, одними губами прошептала она. Потом, точно оттолкнутая невидимой силой, выпрямилась и взглянула на своего собеседника:

— Вы очень заняты днем, Одиссей?

— Как когда. А что? — удивился Константииниди.

— Я бы хотела посмотреть город. — Она улыбнулась, вспомнив шутки гуляющих. — Хотя у вас ревнивая жена и трое детей. Это правда?

— У меня нет детей, к сожалению. Я буду рад познакомиться с вашей женой. Я рассказывал ей о вас. А насчет реплик — я их слышал — что ж, каждый острит, как умеет. У нас в Сухуме, как наверно, и везде, каждый хо-

чет быть остроумным.— Он грустно улыбнулся.— Вот у меня это не получается!

В дверь постучали.

— Войдите!— ответила Елена Николаевна.

— Я вижу, Одиссей становится у меня на пути,— до-
сказав с Овсизовой и Константииниди, сказа-
Обловацкий.

— Я был прав, говоря, что каждый хочет быть остро-
умным. Вот видите, и Сергей Яковлевич заразился этим.
Как отдыхается, курортник?

— Прекрасно, я даже загорел. Не верится, что в Мо-
скве снег, люди ходят в шубах.

С залитого электрическим светом теплохода неслись
звуки знакомой мелодии. Теплоход причаливал. Были вид-
ны стоящие у борта люди.

— Батум — красивый город?— спросила Елена Ни-
колаевна.

— Очень красивый, но Сухум лучше,— ответил за
Константииниди Сергей Яковлевич.— Вообще не задавай-
те Одиссею таких нелепых вопросов. Вы должны знать,
что лучше Сухума нет ничего! Правда, Одиссей?

— Правда, только его портят приезжие.

— Бросьте пикироваться! Смотрите, какая чудесная
почва!— примирительно сказала Елена Николаевна.— Пой-
демте, погуляем по набережной, заодно проводим Одиссея.

— А это не противоречит кавказским обычаям? Жен-
щина провожает мужчину. Как, Одиссей?— засмеялся
Сергей Яковлевич.

— Гость в доме — радость! Его желание свято для хо-
зяина дома. Это наш закон.

— Неплохой закон!— согласился Обловацкий.

— Да, но гость есть хороший. да хранит его аллах,
а есть...

— Это который ложки серебряные ворует, что ли?—
улыбнулся Обловацкий.

— Если гостю понравится не только ложка, но и буфет
со всем его содержимым, мы с удовольствием дарим ему
его. Нет, есть гость невоспитанный, не уважающий седых
волос хозяина.

— Так это если у хозяина седые волосы!— перебил
Сергей Яковлевич.

— ...Перебивающий старших,— иравоучительно продол-
жал Константииниди.

— Что же сделают с таким гостем, Одиссей? — рассмеялась Елена Николаевна.

— Я вижу, с вами невозможно разговаривать. Пойдемте, а то поздно.

Выйдя на набережную, они сразу оказались в шумной толпе. Проходя мимо открытых, ярко освещенных окон ресторана, откуда слышалась музыка, Константиныди заглянул в зал и, обернувшись к Елене Николаевне, сказал:

— Король веселится! Жирухин поднимает тост за сдачу первой очереди СухумгЭСа. — И с горечью добавил: — Они больше пьют, чем работают.

Через раскрытое окно была видна большая мужская компания за столиком у фонтана. Стоявший с бокалом вина Жирухин что-то говорил.

— Зайдемте, посидим, — предложил Сергей Яковлевич

— Нет, нет! — заторопился Константиныди. — Соблюдайте условия соглашения высоких договаривающихся сторон. Провожайте меня.

— Что с вами, Одиссей? — удивилась Елена Николаевна, когда они, увлекаемые Константиныди, завернули за угол и шли по улице Октябрьской революции.

— Простите меня, Елена, и вы, Сергей Яковлевич, но я терпеть не могу этого человека.

— Просто так, беспричинно? — спросила заинтересовавшийся Обловацкий.

— Абсолютно! Ведь я почти не знаком с ним. Но когда я смотрю на него, какая-то мутная волна злобы заливает меня. В этом человеке мне неприятно все: и его нарочитая неряшливость, и цинизм, и, простите меня, грязные ногти, и потные руки, словом, все.

— Одиссей, милый, какой вы колючий! Я не узнаю вас, — сказала Елена Николаевна, хотя ей тоже был неприятен Жирухин и претило все то, что говорил о нем Константиныди. — Что-то озлобило его и сделало таким, — продолжала она.

— Мне говорили о нем как о дельном инженере, — вмешался в разговор Обловацкий. — Возможно, Елена Николаевна и права. Представьте себе — он любил, но его бросила любимая женщина.

— У таких, как он, это исключается! — перебил Константиныди.

— Или изобрел перпетуум мобиле, но изобретение присвоил другой.

— Мне почему-то кажется, что его обидела Советская власть,— жестко сказал Константииниди.

— И эту обиду он перенес на всех окружающих? Нелогично!— заметил Обловацкий.

— О нет, не на всех. Есть люди, с которыми он совсем иной. Возьмите Майсурова. Ведь тот его трогает, а Жирухин молчит. И еще заискивающе улыбается. Нет, грязный он. Скользкий какой-то.

— Довольно об этом,— попросила Елена Николаевна.— Смотрите, как чудесно кругом, какое небо...

Они взглянули вверх. Крупные, яркие звезды горели над ними, точно кто-то щедрой рукой зажег и разбросал бесчисленные мерцающие огоньки. Лесистая возвышенность, переходящая в темную громаду Бирцхи и Яштхуа, четко вырисовывалась на фоне темно-синего неба. Еще дальше и выше белели облитые лунным светом снежные вершины Кавказского хребта. Кругом было темно и тихо. Временами мягкие порывы теплого ветра с моря ласково перебирали ветви пальм, и только тонкие кипарисы, стрелами врезавшиеся в бездонное небо, стояли неподвижно. Тишина была величава. Хотелось молчать и слушать эту тишину.

У Ботанического сада они попрощались. Как только Константииниди ушел, Елена Николаевна взглянула на здание госпиталя.

— Темно. Спят, наверно. Как бы хотелось мне быть там.

Они медленно пошли обратно к гостинице.

— Вы любите Дробышева?— спросил Сергей Яковлевич.

— Да,— просто ответила она.

— Как же получилось, что он был здесь, а вы в Москве? Впрочем, извините, если я... может быть, с моей стороны нескромно?..

Елена Николаевна ответила не сразу.

— Я много думаю над тем,— помолчав, продолжала она,— как нелепо все получилось. Встретились два человека, полюбили друг друга. Казалось, ничто не мешало их счастью. И вдруг, по глупости ли, легкомыслию или какой-то другой причине, они расходятся.

— Трещинка?

— Какое неприятное слово! Возможно. Хотя нет, глупость, просто неумение ценить то, что имеешь!

— Как в старой мудрой пословице: что имеем, не храним, потерявши — плачем.

— Да, верно! Пусть это покажется вам смешным и нелепым, но я думаю: самое страшное — это первая ложь, пусть маленькая, пустяковая, но ложь. Раз она вошла в человеческие отношения — конец. Так и со мной. Польстило девчонке почтительное внимание, приятны были глаза, с собачьей преданностью глядящие на нее. — Она усмехнулась. — Высокая культура, манеры. Казалось, вот он, человек из другого мира! А раз так смотрит, так влюблен — значит я того стою. А меня не ценят. И пошло, пошло. А тут еще горе, умер ребенок. Потом театры, в машине домой, потом рестораны. Закружилась. «Ты где была, Аленка?» — «У подружки». Ложь! Вы думаете, легко было солгать первый раз? А потом еще обвиняла Федора. Невнимательный, нечуткий. А он под утро приходил усталый, измученный и валялся на кровать — спать, спать. Он спал, а я сидела около него и думала. Временами мне было жаль его и почему-то себя. Я плакала, и мне казалось, что я в тупике.

— Который вы сами создали! Почему вы не пришли к нему, к Федору, и не сказали, что любите другого?

— Но я же не любила этого другого!

— Простите меня, но раз мы уже заговорили на эту тему, то это — нелепость и бессмыслица какая-то. Любите одного и уходите от него к другому, нелюбимому. Я считал до сих пор, что такое может быть у избалованных, за жиру бесящихся барынек. Но вы же наша молодая женщина, прожившая трудовую юность. Откуда у вас это? Ведь так поступить — значит не уважать ни своего мужа, которого, как это ни странно, вы говорите, любили, ни себя.

А почему вы считали, что я уважала себя! Все два года не уважала! Жила с человеком, мучила его, сама мучилась.

— И у вас не было желания встретить Федора, поговорить с ним, объяснить?

— Было. Я звонила ему, но он вешал трубку.

— А вы что ж, хотели, чтобы он, как собачонка, побежал к вам?

Она посмотрела на Обловацкого.

— Да, хотела! Разве это противоестественное желание?

— Противоестественно ваше поведение! — пожал плечами Сергей Яковлевич. — Вы оскорбили хорошего человека, плюнули на него, а потом звоните ему для разговоров. Ничего не понимаю!

— Вы не понимаете многого. Уж очень у вас все просто и примитивно. Черное и белое. Вот я у вас, например, черная? — горько сказала она.

— А вы думаете, я должен оправдывать вас? Ведь во всем виноваты вы сами! Хорошо, что Дробышев — крепкий человек, перенес свое горе. Видимо, товарищи поддержали, работа не давала времени ковыряться в открытой ране. Вы о нем подумали? Постигло его несчастье, один он. Ну не один, конечно, не оставили в беде товарищи, а как дорого было бы ему присутствие близкого человека.

— Я бросила все и приехала сюда!

— И гордитесь этим. Вот, мол, какая я хорошая, благородная.

— Да не мучайте хоть вы меня! Знаю, все знаю, и если он простит, — только этого и хочу! — все исправлю. Теперь я умная.

— А если он останется инвалидом?

Неожиданно для Обловацкого она грустно улыбнулась.

— Это ужасно, что я так думаю, но все равно — скажу! Знаете, временами мне хочется, чтобы он остался калекой, — тогда бы он простил меня, я ему была бы нужна. — И, увидев изумленное лицо Сергея Яковлевича, добавила: — Знаю, что это даже не глупость, а самая настоящая подлость, но я не могу больше. Идемте домой, а то я разревусь, как девчонка.

Всю остальную дорогу они шли молча. Проходя мимо ресторана, Обловацкий предложил зайти поужинать. Ей не хотелось есть, но мысль, что она сейчас придет к себе и останется одна, совсем одна со своими невеселыми мыслями, слезами и все время не покидавшим чувством страха потерять единственно близкого и дорогого человека, заставила ее согласиться.

Компания Жирухина по-прежнему сидела в центре зала, за столом, уставленным батареей бутылок. Не глядя в ту сторону, Обловацкий и Русанова прошли в угол, к большому открытому окну. Почти сейчас же к ним подошел официант с двумя бутылками «Букета» и поставил их на столик.

— Это зачем? — спросил Сергей Яковлевич. — Мы хотим ужинать. Вина не надо.

— Это вам прислали, — наклонившись к нему, произнес официант и кивнул в сторону зала. Они посмотрели туда. Александр Семенович и его знакомые с бокалами в руках, стоя, кивали им. Глаго было ответить. Обловацкий налил вино в бокалы, но в это время к столику подошел Жирухин. Его пошатывало. Отекшие багровые веки набухли, закрыв и без того узкие щелочки глаз. Придерживаясь за спинку стула, он поклонился и подчеркнуто церемонно поцеловал Елене руку. Из его длинной и не совсем связной фразы она поняла, что он и его друзья, кстати тоже москвичи, будут счастливы, если она и Сергей Яковлевич согласятся пересестъ к их столу. Елена Николаевна хотела отказаться, но Обловацкий кивнул головой, и она согласилась.

Однако, сядя за стол Жирухина, она пожалела, что уступила. Мужчины (их было четверо) были полупьяны, назойливо вежливы и в то же время открыты, почти нагло ее рассматривали. Она поняла, что Жирухин успел рассказать о ней, а возможно, говорил какие-нибудь пошлости. Елена Николаевна решила как можно скорее уйти от этих оскорбительных, оцупывающих, липких взглядов.

— Я только что рассказал своим друзьям о причине, заставившей вас приехать сюда, — сказал Александр Семенович. Все закивали головами. — Как здоровье вашего мужа?

— Он еще не пришел в сознание, — ответил за нее Обловацкий.

Официант принес на подносе несколько блюд. «Надо встать и уйти немедленно встать и уйти» — решила она. Сейчас ее не пугало одиночество, даже если бы оно продолжалось вечно. «Все, что угодно, только не эти люди!» — думала она, разглядывая сидящих. Видя, как Сергей Яковлевич ест и улыбается пьяным репликам этой компании, она удивлялась своему легкомыслию. Как она могла поддаться минутной слабости и быть откровенной с малознакомым человеком? Ей казалось, что она вынесла на улицу свое самое святое, самое сокровенное, предала, свою любовь. «Уйду, а он посмеется надо мной», — горько подумала она и поднялась.

— Простите меня, я очень устала.

Не ожидая ответа, она прошла по залу к двери, соединяющей ресторан с холлом гостиницы, и поднялась к себе. Уже на лестнице она услышала за собою шаги.

— Елена Николаевна, подождите! — Обловацкий подошел к ней. — Что вы хотите, ведь пьяные. Что вас расстро-

— Сергей Яковлевич, я в самом деле устала. Да и зачем мне эти люди? А вы идите к ним. Не беспокойтесь обо мне.

Возвратясь, он услышал громкий смех Жирухина.

— А дамочка с норовом, — сказал лысый грузный человек, обращаясь к Обловацкому. Его звали Михаилом Михайловичем.

Сергей Яковлевич почувствовал отвращение к его масляной физиономии, но, не желая восстанавливать против себя неизвестных ему людей, сдержался и сказал:

— У нее горе.

— Э, знаю я таких, им бы блудить только, — перебил Михаил Михайлович с гаденькой усмешкой. Обловацкий с трудом удержался, чтобы не ударить его по лицу.

— Как проходит ваш отпуск? — спросил его Жирухин, и Сергей Яковлевич был доволен, что можно переменить разговор.

— Не очень организованно и весело. Трагическая судьба одиночки. Я сделал ошибку — надо было поехать в дом отдыха, хотя бы в «Азру».

— Ну это ерунда. А в общем, верно, негде отдохнуть у нас хорошему человеку.

— Вы хоть окрестности посмотрите. А то уедете, ничего не увидите, а потом будете жалеть. Природа здесь хорошая! — сказал сидевший рядом с Жирухиным человек в белом кителе с отечным лицом и висячим носом.

— А куда вы посоветуете съездить? — обратился к нему Сергей Яковлевич.

— По части туристских маршрутов специалист у нас Александр Семенович. Всю Абхазию как свои пять пальцев знает — ему и карты в руки.

— Откуда ты взял, Василий Сергеевич, что я специалист? — с недовольной гримасой спросил его Жирухин.

— Да ты же излазил все горы.

— Не больше тебя! Но если ты настаиваешь — пожалуйста. Рекомендую, — он повернулся к Обловацкому, — побывать в Гульриппе.

— Нашел, что советовать. Там же каждый второй туберкулезник, да еще какой — в последней стадии, — со смехом сказал Михаил Михайлович.

— Если рассуждать как ты, то и ехать некуда. В Гульрипше больные, в Афоне — монахи, в Гудаутах — абхазцы, в Гаграх — курортники. Не слушайте их, Сергей Яковлевич! Побывайте в Гульрипше, Афоне, Гаграх. На рассвете, после хорошей пьянки, съездите в Маджарку, съешьте там хаши и выпейте маджары. И то и другое — отменное, — советовал Жирухин.

— Ну, а в Афоне что? — спросил Обловацкий.

— Как что? Во-первых, маслины, пища богов и греков, во-вторых, монашеское вино, — он прищелкнул языком, — нектар! Густое, как мед, прозрачное, как стекло, и хмельное, как первый поцелуй девушки!

— Ты ошибся в выборе профессии! Тебе бы быть агентом по распространению вина! — сказал сидевший напротив человек с умными, спокойными глазами.

— Что ж, возможно! Слова «его же и монахи принимают» мне понятны! Да еще под свеженькую форельку! Мечтал! Ты не согласен со мной, Михаил Михайлович? — повернулся к лысому Жирухин.

Тот кивнул головой.

— Вполне!

— Вы аппетитно рассказываете, Александр Семенович, — заметил Обловацкий. — Обязательно съезжу в Афон. Ну, а в Гульрипше что?

— Что рассказать вам о Гульрипше? Хоть вас и напугали туберкулезниками, но посмотреть советую санаторий. У него интересная история.

— Расскажите! — попросил Сергей Яковлевич.

— Михаил Яковлевич, Синопе — он жил и сейчас, живет в Синопе, получает персональную пенсию, — до революции на свои средства построил огромное здание, оборудовал новейшей по тем временам аппаратурой и подарил это хозяйство неимущим студентам, больным туберкулезом. До революции это было лучшее лечебное учреждение России. Да и сейчас одно из первых. Построено на горе, лицом к морю. Прикрыто от северных холодных ветров горами. В самые жаркие дни здесь прохладно, а если вы останетесь здесь на лето и осень, убедитесь, как жарко в Сухуме. Посмотреть стоит! Неужели Константинополь,

этот идолопоклонник, не рассказывал вам о Гуль-риппе?

— Нет! Ни слова. Что же еще посмотреть?

— Александр Семенович! Расскажи о Каманах, помнишь, что говорили нам старики! — напомнил Алексей

— Каманы? Что ж, стоит съездить и туда. Когда-то, давным-давно, там был город и, как в каждом приличном городе, храм. Местные аборигены утверждают, что именно здесь умер и похоронен Иоанн Златоуст. Надеюсь, вы слышали о таком? — спросил Жирухин иронически.

— Честно говоря, нет, — ответил Обловацкий.

— Ну тогда и углубляться не стоит. Так вот, сейчас в Каманах чекисты организовали «виварий», где перевоспитывают своих классовых врагов, внушают им свою «идею фикс», что труд облагораживает человека.

— И как, получается? — с ехидной улыбкой спросил Михаил Михайлович.

— А это зависит от количества мозговых извилин у каждого отдельного объекта, — рассмеялся Жирухин. И, обращаясь к Обловацкому, пояснил: — Чем меньше извилин, тем быстрее действует!

Михаил Михайлович и Василий Сергеевич рассмеялись. Сидевший напротив с сосредоточенным видом разливал остатки вина в бокалы, стараясь, чтобы всем вышло поровну. Он как будто весь ушел в это занятие и не принимал участия в разговоре.

Обловацкого поразила озлобленность этих людей, сквозившая и в тоне и в смехе, такая откровенная издевка при незнакомом человеке. Неужели это из-за опьянения? Или его проверяли? Не слишком ли открыто? Сергей Яковлевич улыбнулся, представив на своем месте Строгова.

— Мы слишком громко говорим там, где надо было бы помолчать, — сказал он многозначительно.

— Между прочим, мысль правильная и толковая, — согласился, сразу трезвея, Михаил Михайлович. — Вообще давайте закругляться. Делу время, потехе час. Мне с утра в Совнарком надо быть!

— Ты когда думаешь обратно? — спросил его Василий Сергеевич.

— Не позже пятницы.

— Далеко? — поинтересовался Сергей Яковлевич.

— «Нах хаузе». В Москву,— ответил Михаил Михайлович.

— У меня к вам просьба,— попросил Обловацкий.

— Пожалуйста,— ответил тот любезно.

— Захватите сестре в Москву посылочку и письмо.

— Пожалуйста, пожалуйста,— повторил Михаил Михайлович.— Готовьте ваш груз! Сам лично завезу и передам. Пошлите фрукты, вино, лавровый лист.

— Большое спасибо! Завтра же приготавливаю. Куда разрешите доставить?

— Давайте...— он запнулся.— Давайте посылку...— чувствовалось, что ему не хотелось называть адрес, и он мысленно перебирал места, куда можно было бы принести посылку.

— Разрешите, я занесу вам домой,— подсказал Сергей Яковлевич, желая выяснить, где остановился и живет этот человек.

— Да нет, не беспокойтесь. Лучше я зайду сам или пришлю кого-нибудь. Ведь вы живете здесь, в гостинице? В каком номере?

— В тридцать втором. Но стоит ли вам беспокоиться? Мне, право, неудобно.

Пустяковый вопрос о посылке вырастал в проблему, и, несмотря на опьянение, все это почувствовали.

— Нет, нет, ничего,— заторопился Михаил Михайлович,— я зайду сам. Ну что ж, товарищи, как говорится, нет такой компании, которая бы не расходилась. Пора и нам.

Подозвав официанта, он оплатил счет. Все встали и, продолжая разговаривать, направились через опустевший зал.

Набережная, еще недавно оживленная и шумная, была пуста. Начали прощаться. Все долго жали руку Обловацкому, а сильно опьяневший Жирухин даже пытался расцеловаться с ним. Михаил Михайлович шутя оттолкнул Жирухина и, заглянув в лицо Сергея Яковлевича, повторил, что зайдет завтра к концу дня.

Обловацкий направился к гостинице. Он не прошел и двадцати шагов, как столкнулся с Пурцеладзе. Проходя мимо Сергея Яковлевича, тот подмигнул и вполголоса спросил:

— Лысый? Толстый?

Дослав на попутной машине до Маджарки, Сандро вылез из кузова и, сказав традиционное «мадлоб»*, зашел в стоявший на стыке дорог духан. Хозяин его, изнывавший от безделья и одиночества, принес бутылку вина. Ему было скучно, и, подсев к столику, он решил узнать последние новости от приезжего из города. Разговор начался стандартными вопросами: откуда и куда едешь, как торговля? Духанщик пожаловался на конкуренцию недавно открытой столовой сельпо. Единственным козырем, спасавшим этого представителя частного капитала, были медлительность и неповоротливость кооператоров. Кроме маджары и засохшего сулугуни — соленого овечьего сыра, — у них порою ничего не было, тогда как он всегда мог предложить своим посетителям и шашлык по-грузински, и сагиви, и лобио, и купаты, и мамалыгу с сыром, и харчо, и наконец, хашин — этот деликатес гурманов.

На кухне хлопотала худая и желчная женщина лет сорока по имени Кэто. Духанщик объяснил, что это его тетка, приехала два года назад из Самтреди, когда он овдовел, и осталась в качестве поварихи. Сам он управлялся за буфетом и в зале, если можно было вообще назвать залом эту маленькую закопченную комнату. Жил он с теткой не дружно, часто ссорился. Общительного Вардена спасали посетители, с которыми он, обмениваясь новостями, отводил душу.

В этот утренний час Сандро был первой ласточкой, и Варден обрадовался собеседнику. Сандро охотно вступил в разговор, прекрасно зная, что словоохотливые духанщики осведомлены обо всем, что происходит в ближних и дальних окрестностях.

Еще в машине он мысленно обдумал, как ему выполнить поручение Чиверадзе. По словам Ивана Александровича, Минасян после перестрелки в Бак-Марани присоединился к банде и ушел с нею в лес, но через короткое время отделился от нее и теперь находится в горах, где-то около Цебельды. Не решаясь вернуться домой, он грабит одино-

* М а д л о б — спасибо (груз.).

них проезжих на дорогах и горных тропах, обирает не только проезжающих, но и местных жителей, восстановил против себя всю округу. Все больше и больше дичая, он нагнал с каждым днем и в поисках пищи отваживался появляться в крайних домах селений. Прожив всю жизнь в этом районе и не брезгуя раскованной, но выходящей контрабандой, он прекрасно знал все тропинки, лазы и проходы. Недалеко от селения Полтавское обобрал и убил одинокого путника. Предположение, что убийство было совершено им, перешло в уверенность после того, как в ту же ночь его видели пастухи, пасшие отару овец соседнего селения Ольгинского. Взяв у них хлеб и сыр, он ушел в лесистое ущелье, выходящее на Цебельдинскую возвышенность.

Задание Чиверадзе было трудным и сложным. Надо было войти в горы, найти Минасяна и суметь как-то убедить его прийти с повинной. Сандро сперва не понимал замыслов своего начальника, даже больше, считал, что не к чему так церемониться с Минасяном. О риске, связанном с заданием, он не думал. Крупный и сильный Сандро был уверен, что в решительную минуту опередит врага.

Чиверадзе, точно читая его мысли, при прощании погрозил ему пальцем.

— Смотри, Сандро, мне Минасян нужен живой, понимаешь — живой.

— А если нельзя взять живым? — спросил Сандро.

— Да пойми ты, что он ниточка, которая поможет распутать весь клубок! Он враг, но враг неумный. Смотри — он ушел в лес десять дней назад, и, пока был с Эмухвари, они ему не позволяли грабить и убивать случайных путников. Им не это надо — у них цель иная. Кого грабили Эмухвари последние годы? Кооперативы, сельские лавки, почту. Кого убивали? Коммунистов и активистов села, наших работников! — говорил Чиверадзе. — Грабить жителей им не было необходимости, значит, они обеспечены иным путем.

У отсталых элементов они приобретали некий политический капитал.

Это политика! Теперь другое: район действия банды по сути дела — все побережье от Очемчир до Гагр. Эмухвари быстро и довольно грамотно маневрируют, наносят удары, правда, незначительные, но всегда точные, рассчитанные, и на магистралях. Это продуманная тактика действий умного и хитрого врага.

Минасян — тоже, враг, но мелкий, трусоватый. Он ушел в лес не обдуманно, не по заданию, а из-за случайных обстоятельств. Для банды он сторонний человек и, возможно, даже опасный спутник. Рано или поздно он должен уйти от них — и в эту же минуту может их предать. Чем дольше пробудет он в банде, тем больше будет знать: места ночевки, явки, связи, людей. Значит, им надо отделаться от него! Мы не знаем, что послужило поводом к его уходу. Но он ушел от них. Куда ему идти? К нам — нельзя, нас он боится: простят ли? И он уходит в лес, грабит кого попало, отнимает хлеб, деньги.

Даже если мы не будем вмешиваться, рано или поздно его схватят или убьют жители, которым он мешает жить и трудиться спокойно. Знаешь абхазское: «Пусть накажет его народ!»

Далеко от своего дома он не уйдет! Надо его найти и заставить прийти к нам. Пусть расскажет все об Эмхи. Он-то их знает хорошо, сколько лет связан с ними! Понял?

— Понял! — насупился Сандро.

— Ну и хорошо, что понял. Теперь, где его искать и как взять? Первое не трудно. Ищи в квадрате Маджарка — Полтавское — Цебельда — Гульриш. Места тебе известны хорошо.

— Вторая часть сложнее, Иван Александрович!

— Легкого в жизни не бывает, Сандро! Кое-кто знает тебя; это, с одной стороны, хорошо — советские люди помогут, с другой стороны, плохо — найдутся «доброжелатели», усложнят обстановку. Но у тебя есть плюс. Ты знаешь, зачем идешь, а они не знают, зачем ты пришел. Больше общайся с людьми. У тебя есть адрес, побывай разок. Сам не узнаешь — люди узнают, скажут. Помни правило контрразведчика: меньше говори — больше слушай. Ты прав, вторая часть задания сложнее. Готовь себя к выходу в лес, это будет твой экзамен на чекистскую зрелость. Убеди Минасяна в бесполезности сопротивления. И если в нем еще осталось человеческое, он не испугается наказания и придет с тобой.

— А если нет?

— Если нет, что ж, тогда решай сам! — Лицо Чиверадзе посуровело. — Но захват его живым избавит нас от лишней крови, ты это не забывай.

Иван Александрович взглянул на Сандро, и по сердцу его прошла теплая волна. Он чувствовал глубокую симпатию к этому двадцатидвухлетнему юноше.

...Вскоре после бегства меньшевиков из Грузии, во время очередной облавы на железнодорожных путях и складах после захваченного тогда тифлисского вокзала, к Чиверадзе привели этого паренька. Его нашли в темном углу пакгауза за грудой ящиков и бочек. Окруженный группой чекистов, стоял он, оборванный и грязный, рядом с такими же подростками, закутанный в старую, потерявшую цвет телогрейку, в стоптанных тапочках с чужой ноги. Сколько ему было тогда лет? На вид — не больше четырнадцати.

Когда Сандро отмыли от грязи, переодели, поместили в детский дом, Иван Александрович не узнал его. Перед ним оказался стройный подросток с пытливыми глазами и упрямо падающей на лоб челкой, которую он не дал остричь.

Тогда-то Чиверадзе и узнал невеселую историю его короткой жизни.

Отец Сандро погиб на Кавказском фронте в семнадцатом году. Мать умерла в двадцатом. Других родных не было и Сандро пополнил ряды беспризорных, стаями бродивших по улицам Тифлиса.

Авлабарские лавочники стоном стонали от налетов голодных чумазных ребят, искавших, что бы им поесть. Их боялись и люто ненавидели. Горе было ворихке, если он замешкался и попал в руки озверевших торговцев. Смертным боем били и топтали они сжавшееся в комочек ребячье тело. Из тех времен вынес Сандро недоверчивый, настороженный взгляд исподлобья, стремительность и резкость движений.

Много дней протекало, пока стошала, отогрелась и начала открываться мальчишечья смелая и чистая душа. Сандро так понравился Ивану Александровичу, что у Чиверадзе появилась мысль усыновить мальчика. Но, подумав об этом, он со вздохом отказался от своего намерения. Чиверадзе сам был одинок, нестроен и дома бывал мало. Ребенок в его квартире был бы предоставлен сам себе — что хорошего могло бы из этого выйти? Но видеть мальчика стало для Ивана Александровича потребностью. И когда Чиверадзе направили в Сухум, он все же решился и взял Сандро с собою. Когда юноша кончил среднюю школу,

Чиверадзе определил его на работу. Вот уже третий год Сандро входил в оперативную группу, выполнял нелегкие специальные задания. В Сухуме жил мало. И где только не побывал за это время! Пешком и верхом исходил и извездил всю Абхазию, спал там, где заставляла его ночь.— в случайных домах, на дорогах, в лесу. И каждый раз то под видом одинокого туриста, то геолога, а то агента артели по заготовке «дички»—дикорастущих фруктов. Да мало ли людей ходит по горным дорогам — пойди проверь их!

Суровое детство, постоянные путешествия, жизнь на воздухе закалили Сандро. Был он высок и строен, силен и храбр, любил своего «крестного» и свою работу, которой решил посвятить жизнь.

И ничего не боялся, кроме... нахмуренного лица Ивана Александровича, когда тот бывал им недоволен.

20

— Куда едешь?— спросил духанщик.

— В Цебельду. Лошадь хочу купить.

— С деньгами едешь? Ночью не будь в дороге. Неспойно!

— Э, что сделают. Пусть останавливают туристов,— беспечно ответил Сандро.

— Этот сумасшедший плюет на обычаи.

— Кто он?

— Местный. Мерхеульский армянин. Совсем сумасшедший, на всех кидается, как бешеный.

— Бешеную собаку убить надо.

— И убьют. Ты думаешь, простят? Две ночи назад старика убил в Полтавке. Вчера ударил женщину. Понимаешь, женщину! За что ударил! Платок хотел отнять, а она не отдавала. Совсем законы забыл!

— Ты его не знал?

— Почему не знал? Хорошо знал. Когда из города домой шел, всегда у меня вино пил. «Самсун» приносил, курортникам продавал. Вчера его видел один человек из Ашткел.

— Где видел?

— На дороге недалеко от Цебельды, у источника.

— В какое время?

— Под вечер. Потому говорю: ночью не будь в дороге.

— Теперь к тебе не приходит?
— Ко мне не приходил, а дня три назад люди видели его у моста. Поздно было, темно, но узнали, что он.

— Отчаянный. На шоссе вышел!

— Наверно, дело было. Без дела не пришел бы. Когда Гурген прибежал, сказал — я даже не поверил. Хотел пойти посмотреть, да в зале гости сидели, нельзя было.

— Какой Гурген?

— С почти... Кушать будешь?

— Нет, спасибо, пора идти.

Раслажившись, Сандро вышел, постоял немного у дверей и пошел на почту. Разыскав Гургена, Сандро спросил его, как он увидел Минасяна.

— Понимаешь, стоял я на мосту, разговаривал с Христо.

— Это какой Христо?

— Акопян из Гульрипша. Он в Сухум шел.

— Пешком? — удивился Сандро.

— Говорит, на машине поехал, да покрывка лопнула. Он и решил дойти до моста, а здесь сесть на попутную. Ну стоим, курим, разговариваем. Смотрю, из-под моста человек вылез.

— Одет как?

— В бурке был, с башлыком. Мимо нас прошел, вижу — знакомый, Минасян. Хотел поздороваться, а он отвернулся и пошел в сторону Мерхеульской дороги. Темновато было. Ну, Христо и говорит: «Пора идти, а то поздно!» Попрощались. Он пошел по шоссе, а я домой.

— А когда ж ты сказал об этом Вардену?

— Через час, наверное. Я домой пришел, потом почту разобрал на утро. Спать хотел, решил вина выпить, зашел к Вардену, рассказал ему. А Христо говорит, что ошибся я, не может быть, это был не Минасян.

— Как Христо? Ты же говорил, что он в Сухум пошел!

— Я тоже удивился, когда увидел его в духане, а он говорит — поздно, лучше завтра в город поеду.

— А ты не ошибся? Видишь, и Христо сказал, что это не Минасян.

— Что я, Минасяна не знаю, что ли? Он!

— Ну, идти пора. Прощай.

— До свидания, дорогой!..

Решение Сандро пройти пешком весь путь до Цесбеля.

ды еще больше укрепились. В полдень, дойдя до места, где Гурген видел Минасяна, Сандро свернул на Мерхевскую дорогу, вившуюся в зарослях густого кустарника вдоль полувысохшей Маджарки. Припекало.

Идя по обочине, Сандро внимательно просматривал кустарник и лес, впрочем подходявшие к шоссе, но кругом было пустынно и тихо. «Чем черт не шутит,— думалось ему,— а вдруг Минасян где-то здесь, рядом». Сандро пытался представить себе, как может произойти эта встреча. Вряд ли он выйдет из кустов или из-за дерева и спросит о состоянии его, Сандро, здоровья. Вероятнее всего, вначале из кустов высунется винтовка, потом покажется лицо с настороженными, злыми глазами и раздастся голос, охрипший и простуженный от ночевки в лесу: «Давай деньги!..» Потом обязательные вопросы: «кто такой», «откуда», «куда идешь» и еще что-нибудь в этом роде. Сандро заранее прорепетировал ответы, казавшиеся ему убедительными, но поди знай, что захочет спросить затравленный, обозленный бандит-одиночка. Сандро помнил, что на вопрос «куда идешь» должен назвать фамилию жителя Цебельды Авидзба, человека, пользующегося уважением среди окрестного населения. Хорошо, если удастся, завязав разговор, внушить доверие и приблизиться вплотную. Тогда вступит в действие вариант номер первый — сбить с ног, обезоружить, связать и доставить в Сухум. «Самый легкий», — подумал Сандро. А если он не подпустит к себе? Ведь это вероятнее всего. Что тогда? Ведь эта первая встреча может решить все! Если она кончится неудачей, выполнение задания затянется, и живым взять Минасяна будет трудно.

Думая о встрече и продолжая внимательно осматривать лежащую впереди местность Сандро пошел до Мерхеул. Пробыв недолго у знакомого ему горца, он пошел дальше. Недалеко за селением дорогу пересекала Маджарка. Сандро посидел на перилах недавно отремонтированного моста, покурил и осмотрелся. Далеко впереди темнел лес, где накануне ночью видели Минасяна. Что ж, встреча могла произойти именно в этом лесу! Сандро спустился к реке, выпил холодной как лед воды и двинулся в путь. Было жарко. Идя по пыльной пустынной дороге, всматриваясь в мелкий придорожный кустарник, Сандро пожалел, что не сел на машину райпотребсоюза, шедшую с грузом из Мерхеул в Цебельду.

Подходя к лесу, Сандро увидел сидевшего у обочины пастуха. Недалеко паслась небольшая отара овец. Сандро поздоровался и присел рядом.

— Откуда? — спросил пастух.

— Из Сухума. Лошадь хочу купить в Цебельде, — на долгий миг молчал Сандро.

— А кто продает? — пастух пристально посмотрел на Сандро.

— Авидэба, — сказал Сандро.

Пастух медленно осмотрелся кругом и, уже не глядя на своего собеседника, сказал:

— Когда пройдешь Ольгинскую, зайди в крайний дом справа, у речки. Спроси Микава Николая. Он тебе скажет, что делать.

Сандро внимательно посмотрел на пастуха:

— Зачем?

— Иван Александрович так приказал. Минасян вчера был здесь, ушел в сторону Цебельды. Курить есть?

Угостив пастуха, Сандро поднялся.

— Ну спасибо, я пойду.

— Иди, иди. Я думал — не дождусь тебя.

— Передай в Сухум. Три дня назад Минасян ночью был в Маджарке, встречался с гульрипшским Христом.

— Передам. Ну иди, иди.

В лесу было тихо, прохладно и сыро. Пройдя километровую лесную полосу, Сандро вышел на поляну, где разбросались разбросанные домики селения. За ними почти вплотную стояли освещенные солнцем горы с редким лесом. Отсюда начинался подъем на Цебельдинскую возвышенность — вероятное место, где скрывался Минасян.

Сандро был готов к встрече. Он знал, что за его продвижением в горы заботливо следит Чиверадзе, готовый прийти на помощь в трудную минуту.

21

«Майсурадзе, Давид Григорьевич, 1890 г. рождения, уроженец г. Новосенаки, грузин, служащий, член КП(б) Грузии с 1929 г., образование 7 классов Тифлисской гимназии. Отец — мелкий торговец, мать — домашняя хозяйка».

Читая анкету, Чиверадзе удивился, с какой легкостью Майсурадзе после советизации Грузии менял места ра-

боты. За десять лет он успел побывать в торговой сети, в артелях промкооперации, Грузлесе, Грузтабаке. Там же был принят кандидатом в члены КП(б) Грузии («Проверить, кто его рекомендовал!»). В 1929 году направлен на работу в Абхазию для укрепления аппарата Абтабсоюза («Поверить, кто напоявил!»). Но если эти места работы были описаны подробно со ссылками на номера приказов о назначениях, переводах и премированиях, то в годы дооктябрьского периода, несмотря на то, что Майсурадзе был уже взрослым человеком, он, судя по анкете, не работал и «жил на иждивении родителей». Совсем неясно, что делал в годы меньшевистского господства («Не работал? Сомнительно! Запросить Тифлис!»). Каково его окружение здесь, в Табсоюзе и в городе? Что за странные отношения у него с этим инженером СухумГЭСа Жирухиным? («Кстати, почему молчит о нем Москва?»).

Дверь кабинета Чиверадзе приоткрылась.

— Разрешите? — спросил появившийся в дверях сотрудник.

— Да. Что у вас?

— Слухачи перехватили морзянку из Афона!

— Открытым текстом?

— Нет, шифром.

— Как только закончат расшифровку, давайте сюда! — приказал Чиверадзе.

— Есть!

Оставшись один, он продолжал читать. Его заинтересовало, что, будучи вполне здоровым, Майсурадзе не служил в царской армии, хотя в первый год мировой войны ему было двадцать четыре года, а к концу войны, когда нехватка в «пушечном мясе» была особенно велика, — двадцать восемь. «Предположим, откупился, — подумал Иван Александрович, — ну а при Бременном и при меньшевиках — тоже откупился или «на иждивении родителей»? Или служил в Народной гвардии, а то и в особом отряде Джугели? («Срочно проверить по архивам все эти годы!»). Наград не имеет («Ясно! Откуда же?»). Не судился. Да, таков старший инструктор Абтабсоюза. Не слишком ли часто он ездит в Москву и Тифлис? Не слишком ли много даже для инструктора разъезжает по районам? И потом это странное пристрастие к «бывшим», посещение их, долгие беседы. Наконец встреча с приехавшим из Москвы, из ВСНХ, Михаилом Михайловичем Капито-

новым на квартире у председателя Абсоюза Назима Эмир-оглу. Странная встреча, поздно вечером, с тщательными проверками при подходе к дому Назима. И после полуторачасовой встречи — уход по одному. На другой день, встретившись у Курортного управления, они даже не поздоровались, хотя пошли один мимо другого буквально в двух шагах. Капитонов даже отвернулся! А приезд Майсурадзе в Эшеры и его посещение Дзиапш-ипа («Предстоящий допрос, вероятно, подтвердит это!»). Нет ли связи между приездом его в Эшеры и ранением Чочуа? Или это странное, но совпадение! И, наконец, периодические свидания Капитонова с Жирухиным вплоть до сегодняшней пьянки в «Рице». Подождем до утра, когда станет известно, как и куда они разошлись после ресторана».

Звонок телефона прервал его мысли.

— Да, слушаю. Здравствуй, дорогой, как раз вовремя! Заходи.

Положив трубку, Иван Александрович поднял ее снова и попросил соединить его с квартирой главврача. К телефону долго не подходили, и Чиверадзе хотел уже повесить трубку, когда наконец сонный женский голос произнес: «Кого надо?» Чиверадзе попросил Шервашидзе.

— Здравствуйте, Сандро,—сказал он, когда отозвался сам хозяин,—простите за поздний звонок. Как наш больной?

— Что больной?! Больной хочет домой. Недисциплинированный пациент!

— И вы думаете, что...

— Я думаю,—перебил его Шервашидзе,—что через несколько дней его действительно лучше перевести домой. Так дней на десять. А потом отправить куда-нибудь в санаторий, чтобы он полностью привыкал к климату и к своей физической неполноценности. Все равно следить за ним и лечить его мы будем и дома и в санатории. А негоспитальная обстановка свое возьмет.

— Может быть, настало время устроить встречу с женой?—спросил Чиверадзе.

— Я только что хотел это предложить,—ответил Шервашидзе.

— Ну вот видите, какое у нас взаимопонимание, Сандро! Вот только насчет физической неполноценности — не согласен. Настоящий советский человек, а тем более

коммунист, во всех случаях останется полноценным членом социалистического общества. Полезным и нужным! — подчеркнул Чиверадзе.

— Но, как врач...

— Вы не правы и как человек и как советский врач. Но мы еще вернемся к этому разговору. Спокойной ночи!

Едва успел Чиверадзе закончить беседу с Шервашидзе, как в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Иван Александрович. В кабинет вошел Обловацкий. — Здравствуй еще раз, Сергей Яковлевич, — сказал Чиверадзе. — Иди, садись. Рассказывай подробно о встрече в «Рице», о пьянке. — Иван Александрович засмеялся. — Обо всем и подробно. Имей в виду, я в курсе, мне уже звонили.

— Ну, раз звонили, делать нечего, придется говорить правду, — улыбаясь, развел руками Обловацкий.

Он сел и, не торопясь, останавливаясь на деталях, рассказал о встрече с компанией Жирухина.

— Ты только подумай, какая сволочь! — не сдержался Чиверадзе, когда Обловацкий рассказал ему о разговоре. — Говоришь, нагло вели себя? — и в ответ на утвердительный кивок спросил: — Так кто был? Михаила Михайлович — это Капитонов, из Москвы — знаю мало-мало, как говорят в Батуме. Интересная птица! Потом Василий Сергеевич — Тавокин, инженер Главэлектро, тоже гусь порядочный! Потом наш общий знакомый Александр Семенович Жирухин. А кто же четвертый?

— Он больше молчал и пил вино, я так его и не «разговорил», — нахмурился Сергей Яковлевич.

— Смотри, какой неразговорчивый! — рассмеялся Чиверадзе и вызвал дежурного.

— Когда позвонит Леонов, пусть срочно зайдет ко мне, — сказал он вошедшему сотруднику. — Ну, а дальше? — снова обратился он к Обловацкому.

Сергей Яковлевич сказал о том, что у ресторана видел Пурцеладзе.

— Только его, а остальных?

— Других не видел, а были?

— Конечно, были. Дорогих гостей надо проводить домой, чтобы их кто-нибудь не обидел, — Чиверадзе немного помолчал и, улыбаясь, многозначительно добавил: — Мне Василий Николаевич с Бахметьевым голову оторвут, если я не буду внимателен к гостям.

— Иван Александрович, — внезапно перебил Обловацкий. — Я хотел вам сказать... Тяжело ей. Мечется она. Помочь надо человеку.

— Это ты о ком? — спросил Чиверадзе.

— О Русановой, жене Дробышева, — пояснил Сергей Яковлевич.

Чиверадзе внимательно взглянул на него, как-то весь собрался, лицо его стало строгим, на лбу легла глубокая дорожка. Потом усталые глаза его потеплели. «Знает, — подумал Обловацкий, — ей-богу, знает». — И продолжал вслух:

— Помочь надо человеку! Ну, ошиблась, так что ж, добивать ее? Вот мы шли с нею, — заторопился он, — она мне все рассказала. Понимаете, все. И ведь чужому человеку! Думаете, легко ей было? Простить ее нужно, — волнуясь, говорил Обловацкий. — А если не простить, так сказать все прямо, не мучить неизвестностью и ожиданием. Неужели Федор не понимает этого? И вы тоже?

Иван Александрович, став очень серьезным, встал, обошел стол и, подойдя к удивленному Обловацкому, наклонился и обнял его за плечи.

— Ты прав, конечно, прав! Хорошо говорил, сердцем. Значит, не зачерствел. Я рад, что не ошибся в тебе.

Конечно, решать должен сам Федор. Но и мы не можем, не должны оставаться в стороне. Грош нам цена, если мы, как обыватели, отвернемся от них в такую минуту! Я поговорю с ним. Будь спокоен, думаю, все устроится.

Чиверадзе вернулся к своему креслу, сел, задумчиво побарабанил пальцами по столу, затем спохватился.

— Крепкого чая с лимоном хочешь? — спросил он. — После пьянки это уж ты в Сухуме пьянствовать начинаешь, помогает!

— С удовольствием, — повеселел Обловацкий.

— Ну раз с удовольствием, пойд и скажи, чтоб принесли. Да пусть захватят поесть мне чего-нибудь. А то ты ужинал, а я ничего не ел, ждал тебя.

Когда Сергей Яковлевич возвращался из буфета, дежурный предупредил, что у Чиверадзе посетитель. Обловацкий постучал в дверь.

— Заходи, Сергей Яковлевич, — сказал Чиверадзе. — Оказывается, чай с лимоном нужен на троих. Познакомься с товарищем Леоновым.

Сидевший в кресле человек поднялся и протянул руку. Сергей Яковлевич шагнул к нему и увидел... четвертого из компании Жирухина.

— Что ты на него так смотришь, знакомый, что ли? — спросил, улыбаясь, Чиверадзе.

— Знакомый! — засмеялся Сергей Яковлевич.

— Ну раз знакомый, давай разговаривать, — ответил Иван Александрович.

22

На картах эта дорога называлась Военно-Сухумской. В далеком прошлом по ней шли римские легионы. При появлении врага горцы, поспешно собрав свой нехитрый скарб, уходили тайными тропами к горным перевалам. Смелчаки, засев за камнями и огромными деревьями, отбивали медленно и осторожно двигавшиеся колонны римлян и истратив последние стрелы, отступали в глубь гор. В отместку за сопротивление враги сжигали хранившие человеческое тепло дома, в которых, казалось, еще звучали голоса ушедших в горы и смех их детей. Кто знает, сколько трагедий разыгралось в далекие времена на этой дороге? Это было очень давно, и о тех событиях забыли уже прадеды прадедов. О прошлом свидетельствовали только огромные каменные плиты, которыми была выложена уходящая вверх дорога, да развалины когда-то грозных крепостей на окрестных вершинах.

Летом и осенью сотни туристов в широкополых соломенных шляпах, с рюкзаками за плечами, альпенштоками и просто с палками, вырезанными в пути, шли здесь к морю. Звенел смех, слышались громкие голоса. Сейчас на севере стояла зима, туристы готовились к сдаче экзаменов и в свободные часы вспоминали о путешествиях, мечтали о новых походах.

Прохладный ветер ущелья обошел Ольгинскую, расположенную у самого предгорья в долине. Казалось, солнце отдавало весь свой жар этому селению. Единственная улица была пуста, обыденная скука и тишина господствовали здесь. Даже разморенные полуденным зноем собаки забились в тень кустарника и лежали там с вываленными розовыми языками. Изредка проходивший путник мог вызвать у них лишь ленивое любопытство. Нехотя подняв головы, они молча провожали его взглядами.

Усталый, потный и злой, Сандро медленно шел по улице. Он неоднократно проезжал мимо Ольгинской, бывал здесь и знал местность.

Тут он должен был встретиться с неизвестным ему Микава.

За последним, кутно стоявшими строениями дорога втягивалась в ущелье, резко вильнула вправо, и Сандро увидел в стороне одинокий дом. Видимо, здесь и было место встречи. Сандро оглянулся и убедился, что вокруг по-прежнему тихо и безлюдно. Узкой тропинкой он направился к дому, казавшемуся вымершим, обошел его кругом и постучал в одну из закрытых ставен. В окне показалась старуха в черном платке. Она вопросительно смотрела на Сандро.

— Микава дома? — спросил он по-грузински. Она закивала головой и махнула рукой. Сандро повторил вопрос. Старуха исчезла, и вместо нее показалась мужская голова.

— Микава дома? — снова спросил Сандро.

— Что нужно? — спросил мужчина.

— Я иду в Цебельду, — сказал условленный пароль Сандро.

— Зачем?

— Купить лошадь.

— У кого?

— У Авидзба, — ответил Сандро. — Ты Микава?

Мужчина заулыбался, посмотрел по сторонам и сказал:

— Конечно, Микава! Заходи, заходи, пожалуйста, гостем будешь!

Поднявшись по лестнице, Сандро вошел в открытую дверь. На пороге его ожидал Микава — человек невысокого роста, лет сорока, с нездоровым одутловатым желтым лицом. Редкие и длинные полуседые волосы венчиком обложили лысую верхушку головы. Лицо было приторно благодушно, но глаза настороженно осматривали гостя.

— Входи, входи, пожалуйста, — сказал он, уступая дорогу и показывая рукой на дверь в глубине комнаты. Сандро не торопясь прошел по узкой домотканной дорожке, слыша за собой шаги хозяина. У двери Микава обогнал Сандро и, распахнув ее, снова пропустил его вперед. Сандро вошел в полутемную комнату с закрытыми ставнями. Через неплотно пригнанные пазы просачивались длинные столбики света, падавшие на дорожку. Освоившись с полумраком, Сандро повернулся к Микаве.

— Что хорошего скажешь?— и, не ожидая ответа, попросил рассказать обстановку.

— Хозяин сказал, чтобы ты до темноты успел в Цебельду. Минасян сегодня ночью был здесь.

— Я знаю!— кивнул Сандро.

У меня был! В этой комнате,— не обращая внимания на реплику Сандро, повторил Микава. Сандро вздрогнул.

— О чем говорили?— спросил он.

— Злой очень. Трудно говорить было. Я уговаривал его остаться отдохнуть. Не захотел он, торопился.

— Куда пошел?

— Сказал, что должен встретиться с одним человеком около Красного моста, получить письмо для Эмхи. Я уже сообщил об этом в Цебельду.

— Не узнал, кто этот человек?

— Нет, Минасян сам его не знает. Сказал, что после встречи пойдет в Бешкардаш, где должен увидеть Хуту, или его человека.

— Где сейчас Эмхи, не говорил?

— Сказал. Около города. Говорил, что они Зарандию убили, а русский пока живой. Говорил, что это плохо для них.

— Откуда он знает, что живой?

— Ты думаешь, что у них нет своих людей в городе?— ответил Микава.

— Почему они не уходят в горы?

— Он говорил, что скоро война будет. Хвастался, что большие начальники помогают Эмхи.

— Откуда он это может знать?

— Ему Хута говорил, что недолго осталось им быть в лесу.

— Большие начальники помогают, а он на дороге с женщиной платки снимает, последние копейки берет,— засмеялся Сандро.— Не обещал на обратной дороге зайти к тебе?

— Я об этом спросил, он предупредил, чтобы я много не спрашивал. Сказал, что не любит длинных ушей и длинных языков.

— Какое оружие у него, не обратил внимания?

— Винтовка.

— Наша?— перебил Сандро.

— Нет, не наша. Потом два револьвера: один наган, а другой не знаю какой. Маленький. Он его за пазухой держит. Одну гранату видел, круглую. Патронов немного, два патронташа неполных. Нож, конечно.

— А одет как?

— Бурка старая. На боку дыра, сказал, что прожег ночью у костра. Рубашка шерстяная, брюки. На ногах чусты. Плохо одет!

— Значит, когда дома был и табак сажал—лучше жил.

— Иван Александрович велел передать тебе, чтобы ты помнил о его задании. Будь осторожен, но и не тяни очень, а то лето опять прикроет банду. Есть хочешь?

— Нет, спасибо. Что еще передал Иван Александрович?

— Сказал, что ты знаешь, с кем в Цебельде связаться, но если тебе сообщат, что Минасян пошел в Бешкардаш,—иди туда. К кому там обратиться и какой пароль — тебе скажут. Ну тебе пора, а то до темноты не успеешь дойти.

— Да, пора! Не забудь передать в Сухум, что три дня назад ночью Минасян был в Маджарке. Встретился с гульрипшским Христо. После встречи Христо пошел домой. Это видел Гурген с почты, он рассказал духанщику Вардену.

— Хорошо, передам.

— Когда?

— Ты уйдешь, в Сухум брата пошлю. Ночью обратно будет. Сам бы пошел, да нельзя, вдруг Минасян придет.

Выходя, Сандро остановился в дверях, долго и внимательно рассматривал кустарник, окружавший дом, и, только убедившись, что он пуст, зашагал в сторону ущелья.

* * *

Дорога, вырубленная в горе и выложенная еще в древности огромными каменными плитами, поднималась вверх по узкому ущелью. Слева над ней нависали горы, справа она жалась к обрыву. Солнце, закрытое вершинами гор и лесом, не согревало землю. Было прохладно и сыро. Ветер, дувший в лицо, нес запахи горных трав и незнакомых цветов. На другой стороне обрыва плотной стеной стоял густой темный лес. Он отвесно спускался к реке, глухо шумевшей на дне ущелья. Пройдя короткий путь от предгорий, она рвала здесь последнее препятствие и уже

дальше, спокойно и плавно, постепенно мелея, текла по долине к морю.

Сандро обдумывал все, что удалось ему узнать. И так, Минасян должен встретиться с кем-то у Красного моста, получить письмо для Эмхи, пойти в Бешкардаш и там передать его. Кто же передал ему это поручение? Уж не суваринский ли Христо, с которым он недавно виделся? Хорошо бы встретить Минасяна до того, как он увидит человека с письмом. Во всяком случае надо перехватить письмо или помешать его передаче. Надо было торопиться! И Сандро шел широким, размашистым шагом горца, привыкшего к большим переходам. Но жара и нервное напряжение сказывались. Он чувствовал все нараставшую усталость.

За одним из частых поворотов дороги Сандро увидел бивший из горы родник. Чьи-то заботливые руки аккуратно обложили его камнями. Через переполненную запруду выливалась прозрачная струя и, проточив между плитами канавку через дорогу, стекала в обрыв. Посидев около родника, выпив холодной, чуть горьковатой воды, Сандро пошел дальше.

Недолгий отдых мало освежил его, короткое ущелье казалось бесконечным. Потом дорога стала шире и светлее. Горы как бы раздвинулись и открылся вид на широкое плато. Отсюда до Цебельды оставалось не больше трех километров. Далеко слева, за темной цепью буковых лесов выделялась вершина Лыхты. Еще дальше, на севере, в зоне альпийских лугов, освещенные заходящим солнцем, розовели снежные вершины Абхазского хребта.

— Стой! Подними руки! — послышался голос сзади. Сандро остановился и, медленно подняв над головой руки, обернулся. Шагах в десяти, у обочины дороги, стоял человек в бурке. В руках у него была винтовка, направленная на Сандро. Концы серого башлыка закрывали лицо, виднелись только темные глаза, напряженно смотревшие на него.

«Вот и встретились», — мелькнула мысль.

— Чего хочешь? — спросил Сандро, внимательно рассматривая невысокого коренастого незнакомца.

— Куда идешь?

Голос человека был отрывист и хриловат, во всей его фигуре чувствовалось столько настороженности и напря-

женности, что, несмотря на серьезность положения, Сандро улыбнулся. После минутной растерянности, вызванной неожиданностью, он успел взять себя в руки.

— Сейчас в Цебельду,— ответил Сандро.

— Зачем?

Сандро посмотрел на него.

— А ты что, кровник или милиционер? Если милиционер, то арестуй меня, отведи в Сухум, тебе хорошо заплатят, потому что я убежал из тюрьмы. А если кровник, не спрашивай, куда я иду, потому что я сам этого не знаю. И ничего не спрашиваю у тебя! У нас в колонии говорили, что в лесу около Цебельды — Эмухвари, которые помогают таким, как я.

Продолжая наблюдать за неизвестным, Сандро видел, что тот озадачен его словами.

— А не помогут, пойду через перевал, в Россию,— продолжал Сандро, следя за каждым движением своего собеседника. Но тот молчал.

— Если ты будешь говорить со мной, позволь мне опустить руки. Не хочешь говорить, позволь уйти. Мне нечего отдать тебе, у меня нет ни денег, ни оружия, ни пищи.

— А ты не будешь болтать о том, что видел меня?— наконец недоверчиво спросил, не опуская винтовки, неизвестный.

— Кому?— ответил вопросом Сандро.— Не думаешь ли ты, что ради тебя я пойду обратно в клетку, из которой убежал. Я не знаю, кто ты. Ты Эмхи?

— Я Минасян,— ответил незнакомец, продолжая пытливо всматриваться в Сандро.

— Минасян?— с сомнением спросил Сандро.

— Да! Ты слышал обо мне?— наклонив голову, подозрительно спросил Минасян.

— Слыхал! В городе говорили, что Эмхи около твоего дома убили милиционера и русского чекиста. Позволь, я сяду, я очень устал.

Теперь Сандро не сомневался, что Минасян его не тронет и постарается узнать все, что о нем говорят в Сухуме.

— Садись! Что говорят в городе еще?— спросил заинтересованный Минасян.

— Что говорят!— цокнул языком Сандро.— Много! Говорят, что ты не виноват, что Эмхи тебе не доверяют и ушли от тебя. Мало ли что болтают городские бездельни-

ки и женщины! Отними у них языки, и в городе будет скучно, как на базаре в понедельник.

Минасян опустил винтовку и, подойдя ближе, сел на землю.

Сандро продолжал болтать, рассказывая сухумские новости.

А между тем начало быстро темнеть. Вскоре Сандро уже не различал лица Минасяна, сидящего всего в не-

скольких шагах. С темнотой пришла прохлада. Далеко на дороге скрипела арба, слышался голос погонщика, торопящего своих буйволов. Где-то лаяли собаки. Наконец Сандро замолчал. Минасян притих и задумался. О чем он думал? В селениях женщины, наверно, раздували мангалы, чтобы накормить пришедших с поля мужей. Уставшие набежавшие за день дети, готовясь ко сну, из своих углов наблюдали за взрослыми. Хозяйки, разогревая еду, неумолчно тараторили, выкладывая новости прошедшего дня молчаливо сидящим у огня мужчинам. Пахло подгоревшим молоком, скотом, который мерно жевал рядом, за стеной,— уютными сельскими запахами, привычными для горца, такими заманчивыми для оторвавшегося от своего дома Минасяна. Воспоминания о семье охватили его.

Время шло. На потемневшем небе густо высыпали звезды. Вот одна из них упала, прочертив в небе гаснущий след. В кустарнике спросонья пискнула птица, одиноко гукнула сова. Сандро услышал тяжелый вздох.

— Табак есть?— спросил Минасян. Сандро достал из кармана кисет и протянул его в темноту. Рука его повисла в воздухе, потом он скорее почувствовал, чем услышал, как тот языком лизнул по бумаге.

— Спички есть?— спросил Сандро. И точно в ответ, рядом с ним ярко вспыхнул огонек, осветивший Минасяна. Левой рукой он придерживал винтовку, в правой держал спичку, поднося ее к папиросе. Момент был благоприятен. Сандро резко кинулся на этот огонек, опрокинул Минасяна и тяжестью своего тела прижал его к земле. Завязалась борьба. Минасян, напрягая все силы, пытался сбросить с себя напавшего на него человека. Помня слова Микава о двух револьверах, Сандро держал руки противника. Он понимал, что если не измотает Минасяна в этой молчаливой, яростной схватке, то рискует погибнуть или упустить его. Какими глазами он посмотрит на Чиверадзе, провалив его задание? И Сандро изо всех сил давил противника. Временами борьба этих сильных людей затихала, и тогда можно было подумать, что они отдыхают. Но каждый знал, за что он борется и что с ним будет, если он ослабеет. Короткими резкими рывками Минасян пытался выскользнуть из-под душившего его Сандро. Это не удалось, и он отдыхал, собирая силы для новой попытки. Голод, скитальческая тревожная жизнь в лесу ослабили его,

днем, Сандро не сразу осознал случившееся. Но минуту спустя ему стало ясно, что вставать нельзя, потому что малейший шорох вызовет огонь притаившегося где-то рядом врага.

Оставалось одно — затаиться, замереть. Ночь спасала его. Только не двигаться, встать как ящерица, вжаться в эту землю, в темноту и ждать. Ждать, пока не сдадут нервы у противника и он начнет уходить... Минасян мог разрядить в ночь, в дорогу, в него свое оружие, быть может, даже бросить гранату. Но нет! На это он не пойдет, много шуму. И потом, у него мало патронов и только одна граната. Так что ждать, ждать! И Сандро лежал неподвижно, напряженно вслушиваясь. Что-то пролетело и упало справа, но Сандро не шевельнулся. Ему был понятен этот нехитрый маневр. Брошенный Минасяном камень только еще больше его насторожил. Теперь он был почти спокоен, вот только сердце. Оно стучало так сильно, что ему казалось, будто этот стук слышен врагу.

Сколько прошло времени? Минута, час или больше? Сандро посмотрел на небо. Затянутое облаками, оно было низким и темным. Наконец что-то хрустнуло в нескольких шагах от него. Сандро приподнял голову и, еще ничего не видя, почувствовал, что Минасян стоит под выступом скалы. И тут же Сандро услышал прыжок, зашуршала осыпавшаяся земля. Как дикий кабан, с шумом раздирая густой кустарник, Минасян бросился бежать. Сандро следил за удаляющимся шумом. Минасян уходил не к Цебельде, а в сторону ущелья, к Ольгинской.

«Растерялся! — подумал Сандро. — Побежал совсем в другую сторону. Теперь уж не подпустит к себе никого! Задание Чиверадзе выполнить не удалось. Ну а как же его встреча у Красного моста?» — не поднимаясь с земли и прислушиваясь, продолжал рассуждать Сандро. И сейчас же решил: «Придет, конечно, придет, должен прийти! Надо немедленно связаться с Чиверадзе, сообщить о неудаче. И перехватить место встречи! Нет, еще не все потеряно», — подумал он. Выждав, когда вокруг все стихло, Сандро поднялся на ноги, и забыв об усталости, побежал в сторону Цебельды. Досада и злость придавали ему силы.

23

Тяжелый автобус, волоча за собой облако пыли, подошел к уже знакомой Строгову белокаменной станции Союза-

транса. Николай Павлович, отряхиваясь и сплевывая набившийся в рот песок, вылез из машины и сразу же пошел к пристани, надеясь встретить старого рыбака. Но обжигающие лучи солнца разогнали все живое, и берег казался вымершим. Горячий воздух был неподвижен, тяжел. Дышать было тяжело. Плотный слой известковой пыли лежал на дороге, домах и деревьях. Хотелось спрятаться от палящего солнца, забраться в холодный, влажный подвал, пить леденящую родниковую воду, от которой стынут зубы.

Постояв на берегу, Строгов вернулся на площадь. Автобус уже ушел в Гудауты, и оживленная несколько минут назад станция была пуста. «Видимо, до вечера здесь никто не появится», — подумал он и решил зайти к гостеприимному отцу Мелитону. Пройдя по запомнившейся ему дороге, Строгов подошел к винному подвалу и постучал. За дверью послышалось шарканье, дверь отворилась, и Николай Павлович увидел сухонькую фигурку винодела. Прищуривая близорукие глаза и, видимо, не узнавая, он вопросительно смотрел на Строгова.

— Не узнаете, отец Мелитон? — улыбнулся Николай Павлович. Старик, всмотревшись, закивал головой и пропустил Строгова. Пройдя несколько шагов, Николай Павлович остановился, ожидая семенившего за ним монаха.

— Где найти мне Алексея Ивановича, отец? — нарочно назвав Нифонта его мирским именем, спросил Строгов.

— Полюбился он вам? — улыбаясь, спросил монах. — Сейчас pošлю отрока, приведет его сюда.

Он повел Строгова в свою комнату, которая служила ему винодельческой лабораторией, жильем и молельней, и попросил обождать. Но посылать за рыбаком не пришлось. В дверь постучали, и, открыв ее, старик увидел Нифонта.

— Легко ты на помине — сказал Мелитон — Лавенный гость тебя ищет.

Нифонт с озабоченным лицом вошел и поздоровался.

— Нужен ты мне, Николай Павлович, — негромко сказал он Строгову, когда Мелитон отправился за вином, чтобы угостить их.

Строгов выжидательно смотрел на рыбака.

— Выйдем отсюда, поговорим, — продолжал Нифонт и потянул Строгова за рукав к выходу. В дверях он приостановился и обернулся к Мелитону, который уже возвращался с кувшином вина и стаканами.

— Погоди, отец, мы скоро придем.

Выйдя из винницы и пройдя небольшую площадку, они приблизились к широкой каменной лестнице. Окруженная ровными рядами старых кипарисов, она круто уходила от приморского шоссе вверх, к монастырскому собору.

Присев на камне, старик вполголоса сказал:

— Садись, милый, поговорить надо.

Оглянувшись еще раз, он повернулся к Николаю Павловичу и, глядя на него в упор, понизив голос до шепота, спросил:

— Ты большевик? Прямо скажи.

В его взгляде были и вопрос, и ожидание, и как будто надежда.

Николай Павлович колебался только секунду.

— Да!

— Я так и думал, — с облегчением сказал рыбак. — Ну так послушай. Вот прошлый раз сказывал я тебе про настоятеля. Что приезжают к нему, яко тати. Вот и ноне приехали двое. Живут там, — старик мотнул головой на блестящую на солнце шапку собора, — таятся. Днем не выходят. Настоятель третьеводни ночью у них гостевал. А вчерась от него ходок пошел на Псху.

— Ты подожди, Алексей Иванович, давай по порядку, — остановил его Строгов. Он почувствовал, что приезд этих двух неизвестных всколыхнул монастырь, привел в движение какие-то, силы, и необходимо выяснить обстановку более подробно.

— Когда они приехали?

— Да в ночь, как мы с тобой расстались!

— Откуда приехали, не слышал?

— Сказывали — из города.

— А примет их не знаешь? — и, заметив, что старик его не понял, он пояснил: — Ну, какие они?

— Один толстый да важный такой. Все себя по лысине гладил. С портфелем. В обращении, видать, строгий. Другой попроще. Веселый такой. А вечер приехал милицкий начальник из Гудаут. Ну, в духане-то они и встретились. Как будто невзначай. Пили, ели да говорили.

— Как выглядит этот из Гудаут? — спросил Строгов.

— Да главный там, старый уже, с седой бородой, Гумба по фамилии. Я и подумал: не должен он хлеб-соль есть с такими, как эти, что потайно с настоятелем видаются.

— А о чем говорили, не слышал?

— Не. Вначале все тихо говорили, а как выпили, все тосты зачали подымать, а Гумба все хвалился да грозился.

— Он один приезжал?

— Двое с ним. Тоже такие, как он, милицейские, только молодые.

— К долго были в духане?

— Да часа два, а потом поручкались и обратно.

— Ты сам видел?

— А как же! Главный сильно хмельной был, все сесть в седло не мог.

— Узнаешь, если увидеть придется? — спросил Строгов.

— А как же!

— А откуда ты его фамилию знаешь? — поинтересовался Строгов.

— Как уехали, я у людей спрашивал, они и сказали. Он не впервой сюда заезжал, только ранее в гражданском все больше ходил. Ты шукни в городе кому следует. У них дружба-то неспроста, как я считаю.

— Пили где? В ресторане, внизу, что ли?

— Эге, там! Где станция автомобильная. Сам заведующий им все подавал. То из кабинету не выходит и с людьми не разговаривает, а тут заместо лакея прислуживал. А ишо говорили, что партийный! — он сокрушенно покачал головой.

— А на Псху кто пошел? — Из монастырских кто-нибудь? — продолжал допытываться Строгов.

— Нет. Тут ден пять тому приехал какой-то отдыхающий. Не здешний, из России. Ходил, хозяйство совхозное смотрел, все удивлялся да хвалил, как тут-де монахи работали. А как стемнело, пошел в домик к настоятелю и заикнулся там. А утром ушел на Псху. Настоятель просто жатого ему дал.

— Кто с ним пошел?

— Да один из схимников. Там в пещерах их много.

— Ну? А кормит их кто?

— Что нужно схимнику-то? Вода да фрухта. Этого там много. А сухарей верующие принесут.

— Разве они там есть?

Нифонт посмотрел на Строгова с удивлением.

— А то как же. На их-то век хватит!

— Ну а ты сам на Псху был? — спросил Николай Павлович.

— Бывал. Еще когда монастырь был, каживал. А в прошлом годе — я уж в мир ушел — позвали меня. Настоятель просил помочь. Груз какой-то переносили. Не знаю, что там было, все тяжелое. В брезентовых мешках уложено плотно, зашито наглухо и плечевые ремни приторочены. Шло нас к перевалу восемь человек, все крепкие да сильные. Дорога туда хоть недалняя, а трудная. Всю ночь шли. Раньше ходили через хребет до селения, а в тот раз дошли только до вершины, оставили те мешки на перевале и назад воротились.

— А с грузом кто остался?

Старик пожал плечами.

— Да никто. Мешки в кустах положили, рядом с тропю, ветками прикрыли, посидели, отдохнули, да и назад.

— Да что в них было-то? Неужели не поинтересовался? — с досадой допытывался Строгов.

— Нет. Мне ни к чему, — сказал Нифонт.

— Ну ладно! А теперь скажи, почему ты все мне стал рассказывать про настоятеля и прочее? — полюбопытствовал Строгов.

Старик насупился.

— Почему да почему? Люди они не наши, неладное что-то у них там затеяно. Нам все видно.

— А почему же ты догадался, что я большевик? — продолжал допрашивать Николай Павлович.

Нифонт в ответ хитро улыбнулся.

— Ты думаешь, наш брат ничего не понимает? Давеча, как ты меня спрашивал про то, про другое, я заприметил — неспроста это. Даром, что ли я столько годов на свете живу? Молод ты еще, Николай Павлович, меня старика, провести.

Строгов рассмеялся.

— Ну, вспомни, кто с тобой ходил. И расскажи все, что про Псху знаешь. — Он наклонился к рыбаку: — Может быть, нам с тобой сходить туда придется! Только про наши разговоры и про меня — молчок.

— Что ж я, не понимаю, что ли? — обиделся старик.

Отец Мелитон несколько раз выходил из винницы. Поглядывая на сидевших у парапета и потоптавшихся в дверях, он покачивал головой и, сутулясь, уходил обратно.

Солнце быстро приближалось к горизонту, готовое коснуться потемневшей воды, зажечь ее и после короткой

вспышки потухнуть, а Строгов и старик все сидели на камнях и говорили, говорили.

Беседа была интересной. Николай Павлович все время что-то записывал в свой блокнот.

24

Готовясь к допросу Дзиапш-ипа, Чиверадзе внимательно просмотрел архивные материалы, но они немного прибавили к тому, что он уже знал об этом старинном абхазском роде. Роясь в архивах, он наткнулся на эпизод с посылкой дипломатического посольства в Англию и Францию. Случилось это в первой половине прошлого века, во время борьбы горцев с русским царизмом. Посольство было послано изнемогавшими в борьбе западнгорскими племенами за помощь. Пребывание посольства в Париже и Лондоне произвело фурор. Французов и англичан, пафки на все экзотическое, поразили оригинальные костюмы, серебряное и позолоченное оружие, гордость и восточная вежливость посланцев далекого, таинственного Caucasus. Газеты были полны описаний черкесов. Государственные деятели Соединенного Королевства, далекие от романтизма и поэтических воздыханий, на одном из деловых приемов предложили делегации признать власть Англии, обещая взамен помощь вооруженной силой и оружием. Плата за помощь была слишком велика, и делегаты вернулись домой, не приняв предложения. Во главе посольства стоял Изманл Баракей-ипа Дзиапш, из абхазского племени убыхов. Потомок этого дипломата, так гордо отказавшегося от покровительства английской короны, ждал теперь вызова Чиверадзе, чтобы решить свою судьбу и найти свое место в жизни родного народа.

Просматривая материалы. Чиверадзе до сих пор никак не встретил фамилии Дзиапш-ипа, хотя считал маловероятным, чтобы враги сбросили со своих счетов прошлое и настроения этого бывшего царского офицера, активно боровшегося против большевиков в годы гражданской войны и интервенции. Да и сам Дзиапш-ипа не скрывал, что к нему неоднократно приезжали прощупывать его. Смешно было бы не использовать всех плюсов, которые давала врагам его вербовка. Во-первых, он — офицер, военспец. Во-вторых, имеет значение его авторитет как князя у патриархальных стариков, еще ведущих за собой отсталые

элементы. В-третьих, очень важно то, что он прекрасно знает местность, где родился, вырос и воевал. И, наконец, дом его стоит в погранзоне. Море — граница. Вот оно рядом, видно из его окон. Сколько возможностей! Понятен интерес, проявляемый к нему представителями различных контрразведывательных группировок, а также и противоречивых агентов иностранных разведок. Бесплодная, бесперспективная борьба, вероятно, кое-чему его научила, разочаровала, вернула к родной земле, к семье, которую он любит. А если нет? Если эта кажущаяся искренность и смирение — маска хитрого врага. Он многое рассказал и назвал приходивших к нему людей. Но, может быть, назвал второстепенных, чтобы сохранить главных. Его фамилия не встречается нигде, но разве не может это означать, что он глубоко зашифрован и его берегут? А ранение Чочуа? Случайное совпадение или... «Нет, нет только допрос, большой кропотливый разговор внесет ясность», — решил Чиверадзе и вызвал Дмитренко.

* * *

Тяжелая форма туберкулеза привела старшего оперуполномоченного ОГПУ Дмитренко в Сухум. Исключительно спокойный и неразговорчивый, Дмитренко был полной противоположностью своих горячих и темпераментных товарищей — уроженцев юга. Слегка наклонив голову и как бы изучая собеседника, он внимательно смотрел на него и слушал, не перебивая. Он умел слушать, чтобы потом, сделав нужные выводы, исчерпывающе, точно и лаконично высказать свое мнение, с которым соглашались все. Иной по характеру, Андрей Михайлович все же чем-то напоминал Чиверадзе. Будучи моложе своего начальника, он выглядел старше его. Тяжелая болезнь ограничила круг его обязанностей, но усидчивость, пунктуальность и любовь к следственной работе принесли ему признание и уважение. Его любили товарищи, любил и Чиверадзе, прислушивавшийся к его замечаниям и советам. Дмитренко был обязательным участником наиболее сложных допросов и очных ставок, где выдержка и спокойствие являлись оружием психологических поединков.

Когда дежурный передал, что его ждет Чиверадзе, он, зная о предстоящем допросе, достал из несгораемого шкафа документы, которые могут ему понадобиться, сложил

их аккуратно в папку и, закрыв на ключ свой небольшой кабинет, не торопясь прошел к начальнику оперативной группы.

* * *

— Здравствуй, Дзиапш-ипа. Задержал тебя немного. Занят был очень, но, помня обещание, вызвал для серьезного разговора. Надеюсь, ты продумал все, о чем будем говорить?

— Ки*, батано! — поклонился Дзиапш-ипа.

— Садись. Разговор будет большой. Не обижайся, если услышишь кое-что неприятное. Мы мужчины — давай говорить по-мужски. — И видя, что Дзиапш-ипа продолжает стоять, Чиверадзе сказал: — В ногах правды нет, — говорит пословица. Садись, говорят тебе. Садись же! Чаю хочешь?

— Мадлоб? — сдержанно поблагодарил арестованный.

— Значит, хочешь! Будем пить чай и разговаривать. Захочешь курить — папиросы на столе.

Дзиапш-ипа опустился в кресло, стоявшее напротив стола, за которым сидел Чиверадзе. Иван Александрович с интересом смотрел на него.

Был Дзиапш-ипа уже немолод, весной ему исполнилось пятьдесят. Высокий, с седой копной зачесанных назад волос, он был подтянут и еще крепок. Чуть смуглое открытое лицо, перечеркнутое глубокими морщинами, говорило, что человек этот много перенес и перестрадал. Дзиапш-ипа был сдержан и на первый взгляд невозмутим. Он хорошо владел своими чувствами и движениями. Только руки давали волнение, да в глазах порою пробежали тревожные искорки. Но глаза он мог закрыть, мог отвести взгляд. А произвольных движений рук он сам не замечал. Большие и тонкие, с длинными пальцами, они беспрестанно шевелились, сжимались, разжимались и теребили кончик узкого кавказского ремня.

Старая черкеска со следами многочисленных штопок кричала о бедности ее владельца, о его аккуратности и гордости. Время и обстоятельства посеребрили большую голову, заставили ее склониться, но было во всем его облике что-то сильное и благородное, и это невольно вызывало уважение и даже симпатию к нему.

* Ки — да (груз.).

Дзиапш-ипа осматривался. Большой, немного удлинённой формы кабинет казался необжитым. Широкие темные портьеры висели на раскрытых окнах, ветер шевелил тяжёлую ткань, и она временами вздыхала и пузырилась, как живая. Настольная лампа освещала стол и сидевшего за ним Чиверадзе, оставляя в полутьме остальную часть комнаты. Изглянув на стол, арестованный увидел толстую черную картонную папку с надписью и лежащий рядом, ближе к краю стола, пистолет. Видимо, что-то изменилось в его лице, потому что Чиверадзе перехватил этот взгляд и чуть заметно усмехнулся.

«Может быть, не раз приходила ему мысль разрешить свои сомнения с помощью этой игрушки», — подумал Иван Александрович.

Пистолет был разряжен и умышленно забыт на столе. Продолжая рассматривать и изучать Дзиапш-ипа, Иван Александрович вспомнил случай, когда вот такой же пистолет без патронов помог разоблачить долго упиравшегося врага. Произошло это несколько лет назад. Во время допроса, проверяя арестованного, Чиверадзе наклонился к нижнему ящику стола. Когда он поднял голову, пистолета на столе не было.

— Положите обратно! — приказал Иван Александрович, не сводя глаз с арестованного. Тот вскочил, направляя оружие на Чиверадзе. Его рука дрожала, и черная впадина ствола прыгала перед лицом Ивана Александровича.

— Не шевелитесь! Руки на стол! Не двигайтесь, или я вас убью! — вполголоса сказал арестованный.

И хотя Чиверадзе знал, что пистолет разряжен и патроны лежат в столе, неприятный холодок мгновенно пробежал по его телу.

— Сейчас же встаньте, идите вперед, я пойду за вами. Выведите меня на улицу!

Чиверадзе ногою нажал кнопку звонка, подымая тревогу. В комнату вбежали сотрудники. Арестованный несколько раз подряд нажал гашетку, но пистолет только сухо щелкал. Он бросил на пол бесполезное оружие и, закрыв лицо руками, упал в кресло. После этого что-то в нем надломилось. Не прошло и часа, как он сознался и стал давать показания.

Пора было начинать разговор с Дзиапш-ипа.

— Расскажи о себе, все что помнишь с детства, — откинулся в кресло Чиверадзе. — И кури. Вижу, что хочешь.

— Я родился в тысяча восемьсот восемьдесят первом году в Эшерах, — начал Дзиапш-ипа. — Жил с отцом и матерью. В тысяча восемьсот девяносто первом году меня увезли в Тифлис учиться. Домой приезжал только летом, на каникулы. И так до тех пор. В последних классах гимназии вошел в социал-демократический кружок.

— «Месаме-даси»? — спросил Чиверадзе.

— Меншевики, — подтвердил Дзиапш-ипа. — Здесь все было туманным и заманчивым. Красивые фразы и мало действия. И мало риска. Мы знали о кружках Кецухвели, Цулукидзе, Сталина, а позже Виктора Курнатовского. Но нас, интеллигентов, пугала прямота, резкость и непримиримость этих агитаторов. Они обращались через нашу голову к рабочим. Наши вожди, а вместе с ними и мы, бездумно повторявшие их «истины», считали, что призваны руководить национально-революционной борьбой и представлять интересы от лица масс, оставляя им более мелкий — экономические претензии.

Дзиапш-ипа говорил медленно, обдумывая и вспоминая то, что было много лет назад.

— Были ли среди ваших вожakov люди, с которыми тебе пришлось столкнуться после революции семнадцатого года? — перебил его Чиверадзе.

— Непосредственно нет. Но много раз моими поступками руководили люди, приходившие от их имени.

— И ты верил им?

— О да! Сомнения пришли, к несчастью, значительно позднее.

— А разочарования?

Дзиапш-ипа глубоко вздохнул и развел руками.

— Тогда, когда я уже был опутан, как перепелка в силке. Что толку?

— Тебе угрожали разоблачением? — снова спросил Чиверадзе.

— Да, но это было совсем недавно. — Дзиапш-ипа помолчал. — Позвольте мне говорить по порядку. С тысяча девятьсот второго года и до начала войны четырнадцатого года я жил дома, изредка выезжая в Тифлис.

— Все эти годы ты поддерживал связь со своей партией?

— Да.

— В чем она выражалась?

Дзиапш-ипа взял папиросу, зажег ее и несколько раз затыкнулся.

— В сколачивании вокруг себя людей, — сказал он. — Восстанавливая народ против русских, мы заискивали перед дворцом наместника. Но главным была борьба с большевиками. И мы боролись. Все было на нашей стороне. И императорский Петербург, и своя национальная буржуазия, и пресса. Все — кроме народа. Он хотел действий, а мы ему предлагали слова. Большевики выдвинули свою аграрную программу, мы не могли принять ее, потому что сами были помещиками. Они организовывали забастовки — мы отговаривали от них. Бакинские, тифлисские и батумские демонстрации оттолкнули от нас рабочих. Большевики изо дня в день завоевывали массы, мы их теряли. Кое-какие нетерпеливые и недовольные нашей программой уходили к анархистам. Кто остался с нами? Интеллигенция, национально-либеральная буржуазия, лавочники, зажиточная часть села. Позже вы называли кулаками этих маленьких помещиков. За нас были патриархальные традиции и обычаи, прочно опутывавшие значительную часть крестьянства, и это еще держало нас на поверхности. Война с ее националистическим угаром заставила сказать прямо, с кем мы. Большевики из Государственной думы пошли в Сибирь, мы — в земские союзы.

— Земгусары! — засмеялся Чиверадзе.

— Да. Это было хорошо и удобно. Мы легализовали себя и не воевали.

— Ты довольно самокритичен!

— Теперь да! Тогда я, как и остальные меньшевики, кричал о «нашествии гуннов» и требовал: «На Берлин!» Приезд Николая Второго в Тифлис вылился при нашей помощи в революционно-монархическую демонстрацию под лозунгом «Единение царя с народом». Мы не чувствовали тягот войны. Цены росли. Всего не хватало, но все необходимое нам привозили из селений. В шестнадцатом году в Тифлисе появились англичане. В конце года я, тогда уже офицер иррегулярной кавалерии, был вызван в Тифлис. Один из наших лидеров — Рамишвили на подпольном совещании представителей заявил, что «надо готовиться к автономии под протекторатом Англии». Мы поняли, что Жордания договорился с «союзниками». Вы помните, наверно, что в конце шестнадцатого года фронт замер на

одном месте. Не было снарядов — на десять выстрелов немецкой артиллерии мы отвечали одним. Солдаты были раздеты и голодны. Фронт и тыл устали от войны. Нарастало недовольство. В каждой семье оплакивали погибших. Но в тылу никогда не было так весело, как тогда.

— Пиво во время чумы?

— Рестораны были полны. Белобилетники увлекались стихами Северянина, песенками Изы Кремер и фелъетонами Савоярова.

— Что делала ваша партия?

— Я никогда не был близок к верхушке, но слышал в кулуарах, что был решен вопрос об ориентации на Англию.

— Под высокую руку Джона Буля?

— Да, это был наиболее серьезный претендент на закавказскую нефть и марганец.

— Значит, распознали экономическую подоплеку этой любви к Грузии? — иронически улыбнулся Чиверадзе.

— Мы трезво оценивали положение и понимали, что нас любят не за красивые глаза, но громко об этом говорить было нельзя.

— Что же вы говорили народу?

— Вы сами прекрасно знаете эту ложь, не заставляйте меня ее повторять. Страшное пришло позже. О февральской революции мы узнали в первых числах марта. Наши газеты, враждебные большевикам, кричали о запломбированном вагоне, в котором-де приехал из Германии Ленин. Боязнь углубления революции, расширения массового революционного движения толкала нас на компромиссные соглашения с правыми, позиции которых с каждым днем слабели. Слабея сами, они убеждались и в нашей беспомощности. В поисках сильного партнера они пришли к эсерам, а позже...

Ты ушел от конкретной темы: — заметил Чиверадзе.

— Эсеры никогда не были сильны у нас в Грузии, — продолжал Дзиапш-ипа, — монопольным было наше влияние. Было бы, — поправился он, — если бы не большевики.

— Итак, у меньшевиков давно созрела мысль об автономии? — спросил Чиверадзе.

— Она зародилась еще до февраля. Революция, шатание и слабость Временного правительства помогли нам ускорить подготовку к отделению. Чтобы внушить эту идею, наши лидеры не брезговали ничем. Они извратили решения Апрельской конференции большевиков по национальному

вопросу и утверждали, что большевики согласны с нами, а отделение от России даст Грузии исключительные выгоды. Условия для сколачивания сил благоприятствовали нам. Офицеры Кавказского фронта и элементы, враждебные революции, пополняли наши кадры.

— А солдаты?

— Они стремились домой. Уходили с оружием, которое, если нам удавалось, мы отбирали. Но это было позже. В Тифлисе появились «доброжелательные» иностранцы. Было много разговоров, фантазировали до одурения. Но решиться на отделение от России, с которой нас связывали тысячи нитей? Религия, экономика, совместная борьба с соседями, жадно смотревшими на нашу землю,— все роднило нас с Россией. Конечно, царская Россия была нам мачехой, но она прикрывала нас от врагов. Нет, это страшно! Мы внимательно следили за борьбой, происходившей в Петрограде, где находились лидеры, но время шло, и обстановка складывалась не в нашу пользу. Почти прекратилось поступление промышленных товаров. А что было тогда у нас своего? Кукуруза?

— Ты говоришь об обстановке, но не говоришь о людях, которые создали и использовали ее,— перебил его Чиверадзе.— Кто окружал тебя в то время? Кто толкнул тебя на путь активной борьбы с народом? Понимаешь? Активной, вооруженной борьбы! Я жду имен.

Дзиапш-ипа усмехнулся и посмотрел на Чиверадзе.

— Я пришел сюда, чтобы сказать все,— подчеркнул он.— Я рассказал вам о своей молодости. Сейчас я перейду к людям, руководившим мной. Я проклиная их, они исковеркали меня и тысячи таких, как я, бросили нас и бежали за границу, чтобы оттуда продолжать борьбу чужими руками.

— И чужими жизнями!

— Да, чужими жизнями. Вы спрашиваете меня об именах? Я буду говорить о живых, о тех, которые здесь, и о тех, которые за рубежом.

Дзиапш-ипа остановился в волнении.

— Можно мне встать?— спросил он.

Чиверадзе кивнул. Дзиапш-ипа поднялся и прошелся по кабинету. Остановившись против Ивана Александровича, он продолжал:

— С момента советизации Грузии партии грузинских меньшевиков, национал-демократов и социалистов-федер-

ралистов ушли в глубокое подполье и развернули контр-революционную работу. По инициативе Жордания и Рамизшвили осенью двадцать второго года был создан «Паритетный комитет независимости Грузии», объединивший все антисоветские группировки.

— И вы это знали?

— Наши руководители бежали за границу, предоставив нас, боровшихся против большевиков, своей судьбе. Но и там, за рубежом, они не оставили нас в покое. Созданное в Париже «Загранбюро» установило связь со Вторым Интернационалом и с иностранными разведывательными организациями. Начиналась «большая игра». Я и многие другие, такие, как я, поняли свою ошибку и, отойдя от борьбы, заняли нейтральную позицию.

— Ты участвовал в так называемом восстании тысяча девятьсот двадцать четвертого года? — снова перебил его Чиверадзе.

— Нет! — твердо ответил арестованный.

— Но знал о его подготовке?

— Да. Я знал, что в двадцать втором году из Парижа для организации выступлений прибыл уполномоченный «Загранбюро» Ной Хомерики. Был создан «Военный центр». Исподволь началась мобилизация недовольных и бывших участников вооруженной борьбы. Приезжали и ко мне, но я отказался от участия. Мне пригрозили, но это не изменило моего решения. Вы разгромили «Военный центр». Арест Хомерики сорвал выступления. Так продолжалось до осени двадцать четвертого года, когда «комитету» удалось поднять в разных частях Грузии мятеж.

— Тебе известно, кто были его участники?

Дворянство, буржуазия, дворянство. Вы разгромили их в несколько дней. Народ был за вас.

— А ты?

— Я хотел этого разгрома, но, как крот, сидел в своей норе. Я устал от борьбы и был счастлив, думая, что обо мне забыли и они и вы. Меня не тронули, и я решил, что с прошлым покончено. Но я ошибся. Они не забыли о моем существовании. Уцелевшие от разгрома ушли в глубокое подполье. Началась реорганизация подрывной работы, причем прибывшие из Парижа представители «Загранбюро»...

— Кто именно?

— Александр Лордели, Пармен Пирцхалайшвили. Они

требовали усиления террористической деятельности и сбора шпионских сведений.

— Откуда ты это знаешь?

— Летом двадцать шестого года ко мне приехал из Тифлиса человек, назвавшийся Дати́ко. Он заявил, что явился от Лордели, которого я знал еще по двадцатому году, и предложил мне немедленно войти в военную антисоветскую группировку. Я отказался. Тогда он пригрозил мне разоблачением моей прошлой антисоветской деятельности. После крупной ссоры он уехал.

— После этого ты его видел?

— Да. Я расскажу вам об этом. Осенью двадцать седьмого года я узнал, что в Тифлисе состоялся нелегальный съезд грузинских меньшевиков, принявший решение о подготовке к вооруженной интервенции.

— От кого ты узнал о съезде?

— Это было в Сухуме. Я встретился на улице с Григорием Шелегия.

— Из курортторга? — перебил его Чиверадзе, продолжая записывать показания.

— Да, но он тогда работал в Заготскоте.

— Он был членом военной организации?

— Да.

— Продолжай дальше!

— Он рассказал мне о съезде и предупредил, что, если я не войду в организацию, мне будет плохо.

— Что это значило?

— Я понял, что меня или выдадут или убьют. Последнее вероятнее, так спокойнее для них. Только тогда я понял, что значит слово родина, край, где я родился, горы, море. Дом и сад, где похоронены мои старики, где я бегал мальчишкой. Нет, нет! Не думайте, что во мне говорил страх за жизнь. За эти годы я, быть может, впервые ощутил, что такое труд, тяжелый труд крестьянина. Я узнал и полюбил его и никогда ни на что не променяю. Разве не счастье иметь дом, семью, детей, которые уже не будут знать моих колебаний и сомнений? — Он подошел к столу. — Я столько раз хотел умереть. — Голос его дрожал.

Иван Александрович почувствовал, что именно теперь Дзиапш-ипа заговорил о самом сокровенном, высказал свое заветное, выношенное в долгих раздумьях.

— Я все время колебался, — продолжал между тем

Дзиапш-ипа.— Мне хотелось явиться в ГПУ и разоблачить их, но я знал, что это будет и моим концом, а мне так хотелось остаться в стороне. А потом, кто бы мне поверил? Я ничего не мог бы доказать. Через того же Шелегия я узнал, что военная группа Эмхи получает оружие и патроны из-за границы...

— Расскажи об Эмир-оглу,— неожиданно перебил Чиверадзе и поразился, как его слова подействовали на Дзиапш-ипа. Он резко вскинул голову.

— Вы знаете о нем?— мгновенно побледнев, хриплым голосом спросил он. Чиверадзе увидел, что у него на лбу выступили капли пота.

— Видимо, знаю, если спрашиваю,— иронически улыбнулся Чиверадзе.

— Он страшный человек,— вполголоса сказал арестованный и оглянулся в темноту комнаты.

— Что ты знаешь о нем?

— Почти все... и ничего. Я знаю, что он связан с англичанами и работает на них и на турок. Это от него приходил ко мне потом Дати́ко. Я знаю, что он связан с азербайджанскими муссаватистами и национальными контрреволюционными организациями Северного Кавказа. Наконец, я знаю, что он через Боровского и Жордания в Париже связан с «Интеллидженс сервис».

— Откуда у тебя такие сведения?

— От Майсурадзе.

— Какого Майсурадзе?

— Дати́ко Майсурадзе из Абтабсоюза. Тот самый Дати́ко. Приезжавший ко мне в двадцать шестом году из Тифлиса от Лордели.

Чиверадзе улыбнулся от удовольствия. Вот она, та ниточка, которая теперь поможет раскрутить весь этот клубок. ~~И он спокойно, спокойно...~~

— Что собой представляет банда Эмухвари?— перевел он разговор.

— Я мало знаю о ней, но мне известно, что она глубоко законспирирована и выполняет задания Эмир-оглу.

— Кто связной между ним и бандой?

— Не знаю — И, увидев внимательный взгляд Чиверадзе, торопливо повторил:— Клянусь прахом отца, не знаю.

— А Шелия знаете?— неожиданно спросил голос из темноты.

Дзиапш-ипа, до этого не подозревавший, что в комнате, кроме него и Чиверадзе, есть еще кто-нибудь, вздрогнул и посмотрел в темный угол, откуда прозвучал голос.

— Так знаешь Шелия? — переспросил Чиверадзе.

Какого Шелия? — выпадывая время спросил Дзиапш-ипа.

— Э, так не пойдет, — разочарованно протянул Чиверадзе. — Я думал, что ты будешь искренен, а ты хитришь.

— Буду, буду! — заторопился Дзиапш-ипа, инстинктивно глядя в темную часть кабинета, где находился неизвестный ему человек.

— Слушай, Дзиапш-ипа, — сказал Чиверадзе, — давай договоримся раз и навсегда. Или все или ничего. Помни, что идет разговор о тебе, о твоём будущем. И ты сам решаешь свою судьбу. — Чиверадзе посмотрел на него. — Карты на стол! Только полная откровенность. Так кто такой Шелия?

Дзиапш-ипа опустил голову. Помолчал. Потом посмотрел на не сводившего с него взгляда Ивана Александровича и жестко сказал:

— Пусть кто-то назовет меня предателем, но этот человек стоит между моим прошлым и моим будущим. Я выбрал будущее. Вы знаете Шелия-коммуниста, я знаю другого Шелия, доверенного человека Назима Эмир-оглу, связанного между ним и Эмухвари.

— Но почему ты сам не хотел говорить о нем?

Дзиапш-ипа пожал плечами.

— Мы вместе росли, учились. Он был мне как брат. Когда в Абхазию пришли Советы, он вместе со мной бежал. После разгрома в двадцать четвертом году мы вернулись в Сухум. Шелия уговорил меня вступить в организацию, рассказывал о ее людях. Он говорил, что вы не оставите меня на свободе и рано или поздно я вернусь к ним. Он говорил, что большевики принесут гнет еще худший, чем при царизме, что всех нас уничтожат, что народ восстанет. Но все было наоборот. Абхазцы сами руководили своей республикой, жизнь все время улучшалась. Строились дороги, пароходы привозили продовольствие, которого у нас не хватало. Налаживалась жизнь. Народ и не думал о восстании, как ни мучили его мои бывшие друзья. Я все видел лучше, чем они, потому что жил в селении, был с народом. Я думал, — теперь я вижу, как это было

наивно, — что жизнь убедит их в бесполезности борьбы, хотя понимал, что каждый успех, каждое улучшение жизни вызывали у них ярость, а ярость каждый раз рождала кровь. Но зная, что они не правы, я все же хотел остаться в стороне. Выходит, что это невозможно.

Он усмехнулся.

— Скажи, кто стрелял в Чочуа?

— Не знаю. — Дзиапш-ипа насунился и так сильно сжал пальцы, что они хрустнули и побелели.

— А кто это мог быть? — настойчиво допытывался Чиверадзе.

Дзиапш-ипа еще ниже опустил голову. Видимо, в нем происходила борьба между желанием скрыть какие-то известные ему подробности и стремлением заслужить обещанное прощение. Помолчав, он, не поднимая головы, медленно и тихо сказал:

— Приезжал ко мне в тот вечер Майсурадзе и после моего отказа присоединиться к ним угрожающе предупредил: «Смотри, но пеняй на себя. Сегодня ночью к тебе придут Шелегия и кое-кто еще... Он будет говорить с тобой последний раз». Как только Майсурадзе ушел от меня, я посоветовался с женой и решил уйти на время из дому.

— Зачем?

— Мне стало ясно, что если я теперь еще раз откажусь, Шелегия убьет меня. Я начал готовиться к отъезду, но тут у моста ранили Чочуа, и вскоре приехали вы.

— Значит, ты думаешь...

— Да, это был Шелегия.

— Ну, а второй, кто был второй?

— Не знаю. Хотя... — И после короткой паузы быстро, скороговоркой пробормотал: — Нет, не знаю!

— О ком ты подумал, Дзиапш-ипа? — наклонился к нему Чиверадзе. Ему стало жаль этого запугавшегося в своем прошлом человека. В его глазах было такое отчаяние, такая тоска, что Чиверадзе захотелось поддержать его и успокоить.

— Хорошо! Вернемся немного назад. Где ты был в январе двадцать четвертого года?

— В январе? — удивленно переспросил Дзиапш-ипа.

— Да, в январе двадцать четвертого года, — повторил Чиверадзе. — В то, самое время, когда умер Ленин!

— У себя в Эшерах.

- И ни с кем не встречался, и никого не видел?
- Разве вспомнишь столько лет прошло.
- Ну, а о Троцком слышал?
- Ах вот вы о ком! Нет, я не знал, не видел, хотя слышал, что он был в городе. О таком человеке, как Троцкий, знает Назим!
- Ну мы подождем спрашивать его об этом! А теперь скажи, от кого ты знаешь о Кребсе?

25

После ночного телефонного разговора с Чиверадзе, придя утром в госпиталь, Шервашидзе зашел к Дробышеву. Федор читал. Увидев входящего хирурга, он отложил книгу.

— Можете ли вы поговорить со мной? — спросил он хирурга.

— Конечно, могу, только скажите сначала, как себя чувствуете, как спали?

— Хорошо, Александр Александрович! Я вот о чем. Пустите меня домой, вы же обещали! Честное слово, я быстрее поправлюсь.

— Неужели здесь так плохо?

— Да нет, не плохо, только — как бы вам сказать, чтобы не обидеть. Словом, дома мне будет лучше.

— А ухаживать за вами кто будет?

— Александра Ивановна — хозяйка, товарищи придут. Этери обещает навещать.

— Ну хорошо. Уговорили! Согласен. Только вместо хозяйки да Этери пусть жена ухаживает, это ее желание и ее долг, а то столько дней мучается человек. Что там у вас случилось, не знаю и знать не хочу, только вижу, да, да вижу, что любите она вас, да и вы ее любите. И еще мой совет — не стыдитесь вы этого чувства.

— Поправлюсь я, Александр Александрович? — спросил растроганный Дробышев.

— А как же! Вы что же думали, конец? Вы начали — вам и кончать надо с этой мразью. И сроки даю вам самые жесткие. Недельку дома, потом в санаторий и обратно в строй. Так мы и с Иваном Александровичем договорились. Ну полежите, я скоро вернусь.

Он посмотрел на сияющее лицо раненого и торопливо вышел из палаты.

Вчера вечером, провожая Константиныди, Елена Николаевна, видимо, простудилась. Ее знобило. Хотя... возможно, причина такого состояния была другая. Утром ее вызвали к телефону. Шервашидзе, спросив о ее здоровье и не ожидая ответа, пригласил зайти в госпиталь. Привыкнув к сухой корректности хирурга, а сейчас вдруг уловив в его голосе нотки сердечности, она испугалась этого нового для нее тона. «Что-нибудь случилось с Федором»,— мелькнула мысль, и она быстро спросила, что с Дробышевым.

— Все хорошо,—ответил Шервашидзе.— Зайдите через час.

— Обязательно,—обрадовалась она и хотела расспросить подробнее, но он уже повесил трубку. Взволнованная этим неожиданным разговором, хотя все время ждала его, Елена Николаевна стояла у телефона, чувствуя, как ее постепенно охватывает лихорадочный озноб. Вспомнив, что у нее мало времени, она вернулась к себе в номер. Проходя мимо комнаты Обловацкого, хотела поделиться с ним своей радостью и постучала в дверь. Никто не ответил. Она постучала еще, но за дверью было тихо. Елена Николаевна прошла к себе, быстро переоделась и спустилась вниз. Знакомой дорогой она пришла в госпиталь.

Дежурный провел ее в приемную и предложил подождать. Елена Николаевна села на диван. Пахло аптекой. Дрожь временами усиливалась до того, что приходилось сжимать зубы, чтобы они не стучали. «Неужели меня и сейчас не пустят к нему?»

Наконец дверь отворилась, и вошел Шервашидзе. Она поднялась навстречу.

— Простите, что задержал,—сказал он, протягивая ей руку.

— Теперь можно к нему, доктор?—тревожно глядя на хирурга и боясь услышать отказ, спросила Елена Николаевна.

— Вот об этом-то я и хочу с вами поговорить. Вы не волнуйтесь, мы сейчас все обсудим и решим. Не забывайте, что Дробышев болен, очень тяжело болен, еще несколько дней назад я сомневался в благополучном исходе.— Шервашидзе доверительно наклонился к Елене.— Я хирург, моя профессия кромать человеческие тела, чтобы возвращать их к жизни. Я привык видеть людские страда-

ния! Но, бог мой, что они сделали с этим парнем! Что целого осталось у него? Голова разбита, зубы выбиты, плевро пробита, обе руки перебиты, одну мы уже ампутировали, нога перебита... ан жив, жив курилка!.. И будет жить! И от вас зависит, чтобы он был счастлив...

Елена Николаевна слушала, как во сне. Одна мысль владела ею: «Сейчас я увижу Федора, сейчас я его увижу!»

— Доктор! Федор знает, что я здесь? — резко спросила она, в упор взглянув на Шервашидзе.

— Знает! — сказал хирург. Он встал. — А теперь пойдемте к нему!

У двери палаты Шервашидзе остановился, пропустил Елену Николаевну вперед и, показав на дверь, промолвил вполголоса: — Идите вы! «Сильнодействующее!» Только смотрите у меня! — погрозив пальцем, он повернулся и быстро пошел по коридору.

Елене Николаевне никогда не было так страшно, как сейчас. Ей казалось что она не сможет войти. Пересилив себя, точно бросаясь с высокого берега в воду, она открыла дверь — и увидела Федора. В глазах у него было столь-

ко напряженного ожидания, что она, забыв о своем страхе, бросилась к нему, упала на колени и, спрятав лицо в мохнатое одеяло, заплакала.

Вот и пришло то, о чем мечталось долгими бессонными ночами, что казалось несбыточным, невозможным и мучительно трудным.

Снова они были вместе. Снова, как и раньше он гладил ее голову, прижавшуюся к нему, чувствовал теплоту ее подрагивающих плеч и был счастлив большим мужским счастьем, которое приходит, когда человек перестает быть одиноким. Желая посмотреть ей в глаза, он поднял голову Елены и увидел частые серебряные нити в черных волосах. И еще дороже стала она ему. Сколько горя принесла им ее ложь, такая маленькая и безобидная вначале, потянувшая за собой большую, заранее обдуманную и оскорбительную для обоих. «Как она изменилась,— думал он, глядя на похуевшее, осунувшееся лицо Елены с новыми для него морщинками». Да! Видимо, не одному ему было тяжело это время.

Волнение мешало им говорить.

Как она могла обмануть этого человека? Всей ее жизни будет мало, чтобы загладить причиненное зло. И не жертва это — ее будущая жизнь с ним, ее радость. Радостным и счастливым должно быть будущее, как радостен и светел этот день, это солнце, эта весенняя природа. Пусть повторится их первая встреча, теперь уже осмысленная, обоженная горем, долгой и мучительной разлукой. Она видела запавшие, истомленные страданием, широко раскрытые глаза любимого, какие-то новые и бесконечно дорогие.

Пусть же они будут счастливы!

В дверях появилась фигура главврача.

— Ну, поговорили? Я думаю, на сегодня довольно!

Он посмотрел на обоих, увидел в глазах у них так много невысказанного, что только махнул рукой и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Встретив в коридоре Этери, он задумчиво сказал ей:

— В данном случае, как говорил чеховский фельдшер, медицина бессильна. Нам с вами здесь нечего делать. Пусть лечатся сами.— И, заметив удивленный взгляд сестры, добавил:— Пусть уж она дежурит у него сегодня. А вы идите в дежурку, отдохните.

Добежав до первых домов Цебельды, Сандро остановился. Только сейчас он почувствовал страшную усталость и голод. Но Сандро понимал, что думать об отдыхе не имеет права. Надо было немедленно найти связного, организовать засаду у моста, доложить Чиверадзе обстановку.

Передохнув несколько минут, Сандро медленно пошел по улице, отыскивая в темноте нужный ему дом. Дойдя до центра селения, он свернул на боковую улицу и постучал в одну из калиток. Сразу же во дворе залаяла собака, в соседнем доме — другая, а через минуту Сандро казалось, что во все дома селения стучатся такие, как он, и все собаки Цебельды, захлебываясь от злобы, рвутся к оградкам, кидаясь на нарушителей тишины. В двух-трех домах загорелся свет и послышались голоса.

Стоя у изгороди, Сандро ожидал, когда из дома выйдет нужный ему человек. Наконец он услышал знакомый голос хозяина, своего старого приятеля, который отзывал яростного пса. Видя, что уговоры не помогают, хозяин швырнул в собаку камнем и, видимо, попал, потому что она взвизгнула и замолчала.

— Кто там? — спросил из темноты тот же голос.

— Это я, Сандро.

Человек подошел к калитке и, вглядываясь переспросил:

— Кто?

— Это я, Сандро, — повторил он. — От Ивана Александровича.

— Иди в дом! — сказал человек из-за изгороди и открыл калитку.

Чутьем угадывая тропинку, Сандро прошел в глубину сада и остановился. Перед ним отворилась дверь, блеснул свет. В комнате за столом сидел незнакомый человек. При свете керосиновой лампы он читал какие-то записки, поглядывал на карту и даже не поднял головы. Хозяин дома вошел вслед за Сандро, из другой комнаты появился Пурцеладзе. Сидевший за столом поднялся. Сандро вопросительно посмотрел на своих друзей.

— Что смотришь? — сказал Пурцеладзе. — Знакомься. Обловацкий, Сергей Яковлевич, с ним будем проводить операцию. Рассказывай, как дошел. Только не очень громко, — предупредил он, кивнув на дверь.

Сандро с жадностью наблюдал, как хозяин дома ставит на стол тарелки с едой.

— Как дошел?— повторил вполголоса Пурцеладзе.

Забыв об усталости, Сандро начал рассказывать, как он шел по дороге, почему-то твердо веря, что встретит Микаву. Говорил о встрече и схватке, он как будто снова пережил все происшедшее.

— Микава говорил тебе, что Минасян должен встретиться с человеком у Красного моста?— перебил его Обловацкий.

— Говорил. А вы откуда знаете?

— Тоже от Микавы! Мы второй день наблюдаем за человеком в орешнике Цебельдинской дачи. Днем он крутится в подлеске, недалеко от моста и дороги, а на ночь уходит в чащу. Видимо, это и есть связной,— пояснил Сергей Яковлевич.

— Как же после схватки Минасян побегал в обратную сторону?— удивился Пурцеладзе.

— А вы, Володя, хотели бы, чтобы, перепрыгнув через Сандро, он устремился прямо в Цебельду?— улыбнулся Обловацкий.

— Если бы мне предстояла встреча, я не терял бы времени,— сухо ответил Пурцеладзе.

Сандро вмешался в разговор и сказал, что, вероятно, Минасян знакомыми тропинками, минуя селение, придет к мосту.

— Надо подумать, как нам захватить обоих!— решил Обловацкий.— Давайте вашего человека!— обратился он к хозяину дома.

Тот кивнул и вышел в другую комнату.

— Кто там!— наклонившись к Пурцеладзе, шепотом спросил Сандро, но Володя сделал вид, что не расслышал.

— Ты ешь, а то голодный останешься!

За дверью раздалось покашливание, и в комнату вошел пожилой человек в черной черкеске. Не торопясь, он подошел к столу, приложил руку ко лбу, губам и груди и с достоинством поклонился. Лицо его было незнакомо Сандро.

— Садись, Измаил!— пригласил его Обловацкий.— Когда у тебя был человек с перевала?

— Три дня назад.

— Ты хорошо его знаешь?

— Конечно!

— Откуда он, как зовут и как часто ты его видел?

Измаил рассказал, что это Коста из-под Теберды, у него небольшое хозяйство. Чтобы заработать, он иногда сопровождает туристов на близлежащие вершины, а то и до перевалов. Несколько раз он приходил в Ажары, приносил письма.

— Тебе? — удивился Пурцеладзе.

— Нет. Через меня для Эмхи, — насутился Измаил.

— Сегодня мы показали тебе издали человека. Это он? — спросил Обловацкий.

— Он!

— Тогда давай решать, как захватить его и Минасяна. Садись, смотри на карту. — Обловацкий пододвинулся и освободил место на скамейке. — Вот мост, видишь? Вот дорога на Амткелы, оттуда дорога на Домбай и Марух.

— Нет. Туда он не пойдет! — уверенно возразил Измаил и погладил бороду. — Пойдет, как пришел. Через Клухорский перевал.

— Значит, здесь, вот этой дорогой?

Обловацкий провел карандашом и взглянул вопросительно на Измаила. Тот нагнулся над столом, долго рассматривал карту, потом поднял голову, осмотрел всех и сказал:

— Здесь! — и ткнул пальцем в узкую ниточку дороги.

27

За крайними домиками широко раскинувшегося селения, расположенного в седловине, дорога, крутясь по отлогому склону, спускалась в ущелье.

Далеко внизу, над пересохшей рекой, над осыпями серо-бурых обточенных камней краснела железная коробка моста. Интересуясь его, дорога уклонилась в ту сторону, где папоротник, сужаясь, круто поднималась в гору и терялась в плотных зарослях рододендрона.

На девственной земле, в разросшемся придорожном подлеске, буйно перемешивались самшит, иглица, боярышник, вечнозеленая лавровишня и множество других растений, густо затянутых лианами, колючей и цепкой ежевикой. Разлапистый папоротник и остролист плотно прикрывали редкие прогалины и прятали от любопытного взгляда их обитателей. Толстый ковер опавших и гниющих листьев скрадывал шорохи. Тишину нарушала только вода,

Скапливаясь в выемках и ямах, она упорно протачивала себе дорогу вниз и, монотонно стуча прозрачными каплями, напоминала о жизни.

Густая стена подлеска незаметно переходила в плотные ряды дуба, граба, бука и каштана. Обтянутые частой паутиной жимолости, плюща и дикого винограда, деревья, как цепями, были прикованы к этой земле. Влажная и сумрачная полутьма была полна запахов, но все их забивал одуряющий аромат азалии. Быстрые черные дятлы деловито и молчаливо перелетали дорогу и прятались в густой листве. Вертявые сойки с коротким посвистом проносились вдоль кустов. В глухой чаще, прячась от жары, залегали звери. Солнечные лучи золотыми пятнами лежали на выбеленных дорожных плитах. Из селения еле долетали редкие удары кузнечного молота.

За одним из частых поворотов, в стороне от дороги, под огромным раскидистым карагачом лежал человек, одетый в домотканную местную одежду, запыленную и грязную. После бессонной ночи он дремал, чутко прислушиваясь к шумам леса. Раздавшийся недалеко свист насторожил его. Второй свист, более продолжительный, поднял на ноги. Осторожными короткими перебежками человек направился к дороге и, подойдя к кустарнику, раздвинул густые заросли. Оставаясь незаметным, он хорошо видел залитую светом пустынную дорогу. Свист не потревожил обитателей леса. По-прежнему негромко пели птицы, не торопясь по дороге проскакал черногрудый воробей, черными бусинками глаз высматривая себе пищу и не замечая следившей за ним красной гадюки. Гревшаяся на солнце ящерица, сливаясь с расщелиной в камне, застыла неподвижно.

Третий свист, более близкий и резкий, как ветром, смахнул с дороги все живое. Человек, сидевший в кустарнике, напряженно смотрел на угол скалы, ожидая появления неизвестного ему свистуна. Выполняя задание, он после обмена примитивным паролем должен был передать письмо, узнать новости «с берега» и вернуться обратно за перевал. Три дня он шел сюда, столько же ему предстояло потратить на обратный путь. Ни автора письма, ни его содержания он не знал, но чувствовал, что оно важно для обеих сторон, и понимал, что иначе ему бы не платили за передачу. Послал же гонца священник его селения, который любил напоминать ему о долге горца и христианина

и давал разные мелкие поручения. Горещ был неграмотен и темен и за всю свою жизнь только один раз съездил в Налчик, о чем с гордостью рассказывал своим близким. Больше всего его поразила железная дорога. Испуганный пышущим и свистящим паровозом, он даже попытался назад, но самолюбие мужчины остановило горца, и, сдержав себя, он подошел ближе и внимательно осмотрел машину сбоку. Неприязнь вызывали разодетые городские жители, особенно женщины, по его мнению, без толку ходившие по улицам. На другой же день он отправился в обратную дорогу и больше в городе не бывал. Мир его интересов ограничивался селением, в котором прошла вся его жизнь. Несколько раз в доме священника он видел чужих, но кто они — не знал, хотя чувствовал, что это важные люди, потому что его духовный отец был с ними очень внимателен и предупредителен. Сейчас, ожидая в кустах, горещ пытался представить себе, кто появится перед ним.

Наконец, из-за поворота вышел человек, одетый так же бедно, как и он сам, в старой, выдавшей виды черной бурке и в башлыке, по-абхазски обмотанном вокруг головы. Незнакомый шел не спеша, осматривая кусты. Ничего не заметив, он прошел мимо и уже подходил к повороту, ведущему к Багадам*, когда горещ, продолжая наблюдать за ним, тихо свистнул. Человек быстро обернулся, в руках у него появилась винтовка, спрятанная до того под буркой.

— Кто там? — спросил он отрывисто.

— Коста! — крикнул горещ. Человек в бурке облегченно вздохнул и, не опуская винтовки, направился в его сторону.

— Ты кто? — спросил горещ из кустов.

— Арам! Арам! — нетерпеливо проговорил неизвестный и остановился.

Раздвинув ветви, горещ вышел на дорогу и подошел к нему.

28

Утром в квартиру доктора Подзолова позвонили. Жена хирурга Кира Владимировна, молодящаяся, располо-

* Ущелье на Военно-Сухумской дороге. На этом участке дороги, пробитая в горе, очень узка и опасна.

женная к полноте женщина, встала с кровати и, шлепая туфлями, пошла открывать дверь. Разбуженный звонком, невыспавшийся, злой Подзолов закурил и прислушался к разговору в столовой.

— ...Но доктор спит!— услышал он слова жены.

Из несвязного рассказа плачущей женщины Подзолов понял, что несколько дней назад во время вечеринки ее муж ранил себя в бедро. Она перевязала рану, думала, что все обойдется, но сегодня ночью у раненого поднялась температура, он бредит.

Рассказ заинтересовал Подзолова, он поднялся и, продолжая прислушиваться, спустил ноги с кровати.

— Немедленно отвезите его в больницу,— услышал он голос жены.— У него может быть гангрена.

— Понимаешь, дорогая, мой муж — ответственный работник. Пойдут разговоры, как случилось, почему...— слезливо говорила незнакомка с сильным грузинским акцентом.

Подзолов встал и, как был в пижаме, вышел в столовую. По ту сторону круглого обеденного стола стояла молодая женщина в черном, просто спитом платье. Худое, в морщинах лицо ее было знакомо Подзолову.

— Как фамилия вашего мужа?— спросил он, не здороваясь. Женщина повернулась к нему.

— Шелегия,— торопливо ответила женщина.— Муж работает в Курортторге. Вы знаете его, наверно, доктор. Несколько дней назад собрались гости,— продолжала рассказывать посетительница.— После выпивки мужчины начали хвастаться оружием, и Григорий, вынув свой пистолет и показывая его приятелям, случайно выстрелил себе в бедро. Перевязав раненого, испуганные гости разошлись, посоветовав оставить его дома. До вчерашнего вечера все было хорошо, думали, что все обойдется, но теперь ему стало плохо.

Она умоляюще сложила руки на груди и плача подошла к хирургу.

— Ради бога, доктор, пойдите к нам, посмотрите его, ему очень плохо.

— Почему вы не хотите отвезти его в больницу?— удивленно спросил Подзолов. Она снова повторила, что если это станет известно в городе, то пойдут ненужные разговоры и муж может иметь неприятности.— Пойдемте, доктор, пожалуйста, скорей,— закончила она.

На улице его спутница пыталась несколько раз **взять** чемоданчик с инструментами, но Подзолов сказал, что доцесет его сам. На Беслетской, подходя к калитке одного из домов, она пропустила доктора вперед. Они вошли в маленький чистенький дворик. Поднявшись по деревянной лестнице, женщина открыла дверь.

Снимая в передней плащ и приглаживая перед зеркалом волосы, Подзолов слышал, как в соседней комнате женщина что-то быстро вполголоса говорила по-грузински. Немного зная язык, Подзолов прислушался, но ничего не понял. Он громко кашлял, и жена Шелегия сейчас же показалась в дверях.

— Пожалуйста, проходите, доктор,— сказала она заискивающе и подвела его к высокой ковровой кушетке, на которой лежал раненый. Подзолов сел на стоявший рядом стул. Высокий, плотный Шелегия, каким доктор его знал, сейчас был неузнаваем. Эти несколько дней резко изменили черты похудевшего, небритого лица. Раненого, несомненно, лихорадило. Темные круги вокруг глаз говорили о бессонных ночах. Выпростанные поверх одеяла желтые руки беспомощно лежали вдоль тела. Больной с трудом повернул к врачу голову, и Подзолов увидел устремленные на него настороженные глаза.

— Ну, как себя чувствуете?— начал Подзолов.

С трудом раздвинув пересохшие губы, раненый чуть слышно ответил:

— Плохо, доктор!

— Где у вас тут можно вымыть руки?— обернулся Подзолов к стоявшей около него женщине.

Пройдя в маленькую кухню, он долго мыл руки, потом вытер их насухо коротким мохнатым полотенцем и возвратился к раненому.

Сняв несколько слоев марли, густо пропитанной какой-то зеленой жидкостью, врач увидел отечное бедро. Небольшое пулевое отверстие с багрово-синими краями было закрыто. Увеличенные паховые лимфатические узлы говорили о воспалении, но характерного ожога от выстрела в упор Подзолов не увидел. У него зародилось подозрение, что женщина сказала ему неправду. Продолжая искать выходное отверстие пули, врач осторожно приподнял больную ногу. Раненый застонал, но Подзолов, не обращая внимания, тщательно осмотрел всю ногу. Места выхода пули он так и не нашел. Ранение было слепое, и

доктору стало ясно, что выстрел был произведен с расстояния не меньше 50—100 метров. «Вот так выстрел на вечеринке», — мелькнула у него мысль. Он встал.

— Его необходимо сейчас же отправить в больницу. Сейчас же! — повторил он, заметив попытку женщины что-то возразить. — Иначе будет поздно!

29

Курортный сезон был в разгаре. Приморские поселки, селения и города на юге от Сочи, в те годы еще лишенные элементарных удобств, — рассадники малярийного комара, звенящими тучами висевшего над низменностями приморской полосы, — были полны приезжими. Абхазия становилась модным местом отдыха, пока еще не организованного и примитивного. Привлекало солнце, по которому так стосковались северяне, синее, спокойное море, лесистые горы и фрукты — груды всевозможных плодов, дары щедро плодоносящей земли. Берега были густо усыпаны купающимися и загорающими на солнце. Каждому хотелось привезти домой в виде загара частицу южного солнца. Дни текли спокойно и размеренно. Тишина, нарушаемая только непрерывным однотонным звоном цикад, дрожащее марево нагретого воздуха, все располагало людей к безделью и лени.

Так проходили дни и в Новом Афоне. Днем бесконечное купанье в тепловатой воде, вечером в парке традиционные киносеансы — виденные еще дома фильмы, теперь уже старые и изношенные, с частыми паузами из-за обрывов. Пока обозленный механик, чертыхаясь, склеивал оборванные концы ленты, доморощенные остряки, пользуясь темнотой, изощрялись в шутках на его счет.

После окончания сеанса все медленно расходилось по своим компаниям и укладывались спать. Некоторое время в аллеях еще мелькали неугомонные парочки, но постепенно гасли огни, и все погружалось в темноту. Так беззаботно проходило время.

Правда, иногда отдыхающие слышали по ночам выстрелы в горах (чтобы не волновать их, им говорили, что это охотники), а однажды даже взрыв (сооружали запруду, как пояснил директор). Любители ночных купаний, возвращаясь с моря, замечали на берегу усиленные наряды пограничников со служебными собаками, видели груп-

пы вооруженных горцев, уходящих в сторону перевалов, и были бы удивлены, узнав, что это оперативные работники. Скрытая война с остатками контрреволюционного подполья не ослабевала ни на минуту. Дело шло не только о том, чтобы обеспечить отдых и труд советских людей, — необходимо было ликвидировать раз и навсегда даже мысль врага о реставрации.

Итак, одни отдыхали, другие трудились, не спали ночами, пытаясь предугадать замыслы врага, сидели в засадах: «Взять живым», — такова была их задача даже тогда, когда в них стреляли, потому что они знали — мертвый ничего не скажет, не поможет приоткрыть еще кусочек тайны.

В это лето среди отдыхающих в Новом Афоне оказался и Даур Чочуа.

От болтливых администраторов стало известно, что ранение он получил в стычке с бандитами недалеко от дома отдыха, и скромный, даже застенчивый Чочуа стал самой популярной личностью. Им интересовался и московский детский писатель, стихи которого знала наизусть вся детвора, и не менее известный врач-гомеопат, профессор, тучный румяный старик с холеной бородой, и молодой, совершенно лысый инженер болезненного вида, всюду появлявшийся с женою, подвижной и очень властной женщиной. Иногда к ним присоединялся и больной туберкулезом композитор, который большей частью сидел в своей комнате и музицировал.

Чочуа терпеливо выслушивал новых добровольных помощников и передавал их сведения в Сухум для проверки.

Часто заходил в дом отдыха и Строгов, живший в нижней гостинице под видом «дикого» отдыхающего. За время своего пребывания в Афоне он приобрел много друзей, проводил время с старцем Нифонтом и был в курсе всей местной жизни. Наблюдая за настоящим бывшего монастыря, он замечал, что внешний образ жизни Иосафа не изменился. Связные от него, хотя и реже, продолжали уходить на перевал, в Псху. И Строгов и радист, следивший за работой передатчика, были встревожены тишиной в эфире. Они понимали, что тишина эта — временная. Афонский участок был закрыт, но враг где-то рядом. И Даур Чочуа, и Николай Строгов, и местные пограничники, и чекисты в Сухуме и Москве знали, что приближается момент развязки, когда надо будет одним ударом

вскрыть созревший нарыв. Пока же малейший неверный шаг мог нарушить плановость и последовательность всей операции. Поди тогда собери всех снова!

Напряжение достигло предела. Почти все было уже ясно. Вот только Кребс, полковник сэр Кребс, старая хитрая лиса, оставался неуловимым. Теперь это было единственно важной причиной, задерживавшей ликвидацию всей группировки.

* * *

Москва все больше и больше интересовалась Жирухиным. Если анкетные дореволюционные данные скупо рассказывали о его жизни, то послеоктябрьский период был известен более полно. Революционная буря бросала его с места на место. В одной из его анкет Бахметьев наткнулся на упоминание о пребывании Жирухина в Ростове-на-Дону. Шел грозный восемнадцатый год. Озлобленные офицерские полки Деникина, подкрепленные кубанскими и донскими, в основном конными, казачьими частями, обильно снабженные и вооруженные Антантой, рвались из хлебных предгорий Кавказа к магистралям. Что же бросило сюда из голодной, военной Москвы этого человека? Неужели только желание отъестся на обильных казачьих хлебах? Нет, более вероятными были страх и ненависть к новому, в таких муках рождаемому, непонятному миру, отнимавшему у Жирухина не только уже приобретенное благополучие, но и будущее.

За Ростовом следовал Донбасс, потом Киев, где Жирухин задержался на более продолжительное время и даже работал в министерстве промышленности и торговли маорионеточного правительства Скоропадского, аристократа и генерала. Приход в власть Петлюры не отразился на Жирухине. Он остался там же, сменив только хозяина. Осенью девятнадцатого Александр Семенинович успел послужить и Деникину. Но наступающие части Красной Армии заняли Киев, и, видимо, не успев убежать за границу, он остался безработным. Двадцатый год настает его уже в Москве, в Высшем Совете Народного Хозяйства, где он работает старшим инженером Главэлектро. Вероятно, в это время окончательно определилось его отношение к молодой республике, потому что в 1923 году ОГПУ арестовало Жирухина за срыв снабжения в Харь-

кове. Но вскоре его освободили, он переехал в Шахты. Потом бросил работу в этом городе и срочно возвратился в Москву. Появился в роли инженера небольшой артели с очень длинным и путаным названием, по которому было трудно определить, что это за организация. Работа, конечно, не для него — просто он перебрался. Прочел все, и по рекомендации Тавокина его направили в Сухум на строительство новой ГЭС.

Рассматривая фотокарточку Жирухина, Бахметьев видел перед собою молодого, сутулого, желчного человека с редкой бородкой. Небольшие колючие глаза смотрели неприязненно и настороженно. И биография и лицо были какими-то скользкими. Да! Вовремя пришел запрос от Чиверадзе.

30

Только убедившись, что операция прошла успешно и опасность заражения ликвидирована, Подзоллов вышел из операционной. Проходя по коридору, он увидел ожидавшую его жену Шелегия.

— Все хорошо! — сказал он в ответ на устремленный на него взгляд. — Идите домой и не беспокойтесь.

По дороге домой он зашел в комендатуру ГПУ и через несколько минут уже сидел в кабинете Чиверадзе, Коротко рассказав о посещении квартиры Шелегия и о своих подозрениях и заметив улыбку на лице Чиверадзе. Подзоллов вопросительно посмотрел на него.

— Вы что же, сомневаетесь в этом?

— Нет, не сомневаюсь, — произнес Иван Александрович. — Просто мне приятно, что вы пришли к нам. Так когда же, по вашему мнению, он ранен?

Думаю, дней семь — десять назад

— А пулю вынули?

— Да, вот она.

Подзоллов торопливо достал из кармана свернутый лист белой бумаги, развернул его, и Чиверадзе увидел продолговатый, немного сплюснутый кусочек металла. Он повертел его в руках и позвонил по телефону.

Через минуту в комнату вошел Дмитренко. Чиверадзе попросил Подзоллова снова повторить весь рассказ. Не задавая вопросов и не перебивая рассказчика, они слушали его, переглядываясь, и, наконец, Чиверадзе отпустил врача, попросив никому не рассказывать о разговоре.

— Даже своей жене ни слова! — подчеркнул он, зная болтливость докторши.

— Слушай, а не выстрелил ли это Чочуа? — кивнул Чиверадзе на лежавшую на столе пулю, когда Подзолов ушел. — И время совпадает!

— А мы сейчас проверим, — не торопясь ответил Дмитренко. — Пуля от парабеллума. У Даура тоже такие.

Оставшись один, Чиверадзе задумался. Что же, если это подтвердится, круг сужается. Но сколько еще неясного, недоказуемого. Правда, можно арестовать гульрипшского Акопьяна, его уличат показания Дробышева и Квициния. Уличат, а в чем? В том, что он приходил в дом Квициния и сообщил Зарандия о человеке с письмом? «Да, приходил, — ответит он. — Сообщил то, что видел. Возьмите этого человека, и он вам подтвердит», — скажет он, зная, что уличить его мы пока не можем, потому что Эмхи в лесу. Вот если бы Минасян был у нас в руках, одно из звеньев было бы закреплено. Или Гумба, этот бородастый абхазский Антонов*, — в чем конкретно можно его обвинить? В сомнительных связях и разговорах, достаточных для того, чтобы выгнать с работы и отнять партбилет, тогда как он враг, конечно, шпион, и должен быть уничтожен. Или Шелегия, Шелня, Майсурадзе, Жирухин и, наконец, Назим Эмир-оглу — предположения, намеки, неясные и туманные показания Дзиапш-ипа. Где банда Эмухвари? Где диверсанты, совершившие поджог чернореченского совхоза? Кто дважды взрывал шурфы в Ткварчелах, этом абхазском Донбассе? На ком лежит кровь убитых в перестрелке с бандой? Чиверадзе закрыл глаза, и перед ним возникло мальчишеское, всегда смеющееся лицо Реваза Миминошвили, самого молодого чекис-

Какую короткую жизнь прожил этот юноша, почти ребенок. Окончив школу, по путевке комсомола пришел он в советскую контрразведку. И все стремился туда, где опаснее.

Чиверадзе вспомнил, какими глазами смотрела на сына мать Реваза, провожая его в Сухум. В ее взгляде были и

* Эсер Антонов в 1918 г. с контрреволюционными целями проник в ряды тамбовской милиции, объединил антисоветские и кулацкие элементы и поднял восстание, разгромленное частями Красной Армии.

гордость и страх за своего единственного, за свою надежду. Прощаясь, она долго не выпускала руки Ивана Александровича, просила побережь, сохранить ей сына. А Реваз стоял рядом, дергал ее за локоть. «Ну, мама! Ну, мама!» Как ему хотелось быть взрослым! Думал ли он тогда о олизкой смерти? А Тарба, милиционер Тарба, уже немелодой крестьянин Очемчирского района, погибший вместе с Миминошвили?

А взрыв в Юпшарском ущелье? А попытки взрыва на стройке Сухумской ГЭС?

Где ракия новоафонского настоятеля, передающая шифром сведения, составляющие государственную тайну, и вызывающая на явки подводные лодки? Не установлена связь местной контрреволюционной группировки с московской организацией, а она есть! Приезд сюда Капитонова и Тавокина — тому доказательство. И, наконец, самое главное — Кребс, старый знакомый Кребс! А ведь он где-то близко, рядом, как опытный режиссер, разбрасывая обещания и деньги, главным образом деньги, руководит этим ансамблем.

Что может дать арест Минасяна? И много и мало. А связного? То же самое. Кто он и от кого? Ясно одно, что идет с перевала, иначе встреча была бы не у Красного моста.

Чиверадзе поднял трубку телефона, вызвал Цебельду и почти тотчас же услышал голос начальника оперпункта Двали.

— Это я, третий, что нового?

— В ожидании, — неопределенно ответил Двали.

— Ушли?

— Еще ночью!

И ничего не слышно?

— Пока тихо. Я думаю усилить группу.

— Не надо. Это будет заметно, да и не вызывается необходимостью. Лучше перекрой Латы и Ажары!*

— Уже сделал.

— Не может он уйти через Марух?**— придиричиво спросил Чиверадзе.

* Селения на Военно-Сухумской дороге, на полпути к Клухорскому перевалу, соединяющие Черноморское побережье с Северным Кавказом.

** Марухский перевал — северо-западнее Клухорского перевала.

— Не должен, это далеко в стороне.

И, почувствовав волнение в голосе своего начальника, Двали успокаивающе сказал:

— Все будет в порядке, товарищ третий. Хорошие ребята пошли!

— Смотри, Двали, голову сниму, если проморгаешь.

— Есть снять голову! — бодро ответил далекий голос.

— Ну бывай здоров, Двали! — вешая трубку, сказал Иван Александрович.

* * *

Кончив разговор, Двали задумался. Кажется, все меры приняты. Он сделал все так, как указал Обловацкий. Почему так тихо? От долгого ожидания, от этой тишины становилось тревожно.

Сидя в кресле, он лег грудью на стол, положил голову на скрещенные руки и задремал.

Он не знал, сколько времени прошло в полузабытьи. Снулся Двали внезапно. Внизу, в ущелье, вдруг зазвучали выстрелы. В эту же минуту за окном оперативного пункта забегали люди, слышались громкие голоса. Двали выскочил во двор, где у оседланных лошадей уже стояли несколько чекистов. Увидев бегущего к ним начальника, они вскочили на коней. Волнение всадников передавалось лошадям, и они, разгоряченные короткими гортанными криками и нервным подергиванием удили, загарцевали на месте. Двали с ходу вскочил в седло и, сопровождаемый группой всадников, широкой рысью выехал на дорогу, навстречу заходящему солнцу. Из ущелья доносились частые выстрелы.

Дорога, петляя, уходила все дальше и дальше от моря. Полузакрытая лесом и кустарником, она изредка выбегала на известковые, блестящие на солнце сухие плешины и снова ныряла в темную и влажную чащу. И если обожженные солнцем открытые участки дороги пустовали и казались безжизненными, то в лесу они были наполнены тысячами звуков и шорохов. Изредка проходил селянин, еще реже проезжал всадник.

Люди старались пройти этот участок если не днем, то, во всяком случае, засветло, с тем, чтобы темнота не застала их в пути и им, не дай бог, не пришлось заночевать здесь или проходить ночью Багадскую скалу. Прижавшаяся к горе дорога шириной в три-четыре шага, открытая на протяжении трехсот с лишним метров падающим сверху камням, с другой стороны отвесно обрывалась к клочущему внизу шумному Кодору. Она вызывала восхищение лишь у туристов.

И действительно, все было здесь первобытно красиво: и легкие перистые облака, зацепившиеся за вершины, и дымка влажного тумана под ногами, над рекой с ее вечным глухим шумом, и далекое, бездонное синее небо, и лес, и величавые горы. И тишина. Та особая тишина в горах, которую не может нарушить ни ветер, ни шум реки, ни эхо.

Здесь еще властвовали древние народные обычаи. Еще стояли на глухих и трудных перевалах и тропинках скамьи для усталых путников с обязательным кувшином ключевой воды, куском судугини и ломтем амгиала* для прого-

* Лепешка из кукурузной муки.

лодавшегося прохожего. Суровый горец радушно принял путника у себя дома. Женщины мыли ему ноги и чинили порванную в дороге одежду. Превозмогая сильнейшую из человеческих слабостей — любопытство, хозяин интересовался только здоровьем незнакомого ему гостя и здоровьем его семьи.

Уже темнело, когда Минасян и его спутник, перебраваясь скупыми фразами, подошли к тропе Багадской скалы. Ущелье затягивала дымка вечернего тумана. По ту сторону реки в одиноком домике блеснул огонек. Легкий беловатый дымок, неподвижно стоящий над жильем, говорил, что хозяйка готовит неприхотливый ужин. И этот дым, и желтоватый огонек, и отчетливо доносившиеся мычание коровы и блеяние коз настраивали на мирный лад. Минасян, в последнее время особенно тосковавший по семье, почувствовал страшную усталость. Вечная напряженность, ночи у лесных костров, постоянное тревожное ожидание опасности сломили этого полуодичавшего человека. Стычка с Сандро испугала его. Если до этого он не думал о приближении конца, то теперь все чаще и чаще возвращался к мысли о необходимости уйти из этих мест, где каждый был его врагом. Как-то, еще до убийства старика, у него мелькнула мысль прийти в Сухум и сдаться, но он отогнал ее, как невозможную. «Убьют. Не простят и убьют», — подумал он.

Минасян с завистью поглядывал на своего спутника. Он уже знал о его жизни, знал, что тот возвращается в свой дом к привычному труду, к своей семье.

«Передал письмо, заработал и идет домой, — подумал он. — А я останусь в лесу, опять один. Надо нести это письмо в Багнордан, к поэту? Нет, сейчас не могу пойти в Ажары, к Изманду. Он свой, не выдаст. Поем, отосплюсь».

Сознание, что до Ажар у него будет попутчик, успокоило его, и он зашагал быстрее.

Косые лучи заходящего солнца еще освещали тропу, но местами длинные тени уже лежали на камнях, напоминающая о близкой ночи. Все больше и больше сгущались сумерки в темнеющих проемах горы. Пройдя половину узкой тропы, горец замедлил шаг. Что-то темнело впереди. Он ясно помнил, что тут ничего не было, когда он шел сюда. Он остановил Минасяна.

— Видишь?— не оглядываясь, шепотом спросил он и почувствовал, как рука Минасяна остановила его и потянула к стене. В это же мгновение из темноты блеснула огонь и где-то совсем рядом хлестнула пуля. Длинное эхо отдалось в горах. Сразу же вдалеке залилась лаем собака. Инстинктивно прижимаясь к стене, открытые и беспомощные, Минасян и горец продолжали всматриваться. И наконец разглядели бревно, лежащее поперек дороги.

— Эй, Минасян!— услышали они голос из-за завала.— Бросай оружие!

Вскинув винтовку, Минасян выстрелил. Дробное эхо снова отдалось в горах.

— Бросай оружие!— дождавшись тишины, крикнул тот же голос.

Объятый страхом, чувствуя, как всего его охватывает нервная дрожь, Минасян, почти не целясь, стрелял в темноту, истратил две обоймы. Но когда эхо затихло, ему стало страшно. Огоньки выстрелов показывали, что за завалом притаилось несколько человек. Надо было возвращаться назад и скрываться в лесной чаще Цебельдинского района. Но, отнимая у него эту единственную возможность, выстрелы раздались и сзади. Это было концом! Ночью он еще мог, изредка отстреливаясь, не подпускать к себе никого, но с рассветом с ним будет покончено, да и патронов было слишком мало, чтобы продержаться до утра. Мысль его лихорадочно искала пути спасения, искала и не находила.

Стреляя, он забыл о своем спутнике, но сейчас, оглядываясь вокруг и не видя горца, тихо спросил:

— Коста, где ты?

Откуда-то сбоку, снизу, тот растерянно, хрипло ответил:

— Здесь я, что делать будем?

Присев на корточки, Минасян нащупал лежавшего Косту.

— Слушай, сдаваться нужно!— заговорил тот.— Письмо спрячем, руки подыдем. Что сделают? Поддержат и отпустят.

«Тебя-то, может, и отпустят»,— с тоской подумал Минасян и посмотрел на почти отвесно уходившую вверх темную каменную громаду, на кромку тропы, за которой глухо гудела полукилометровая пропасть. Он понял, что

теперь ему уже не уйти, сел на камень, обнял колени и, опустив голову, глубоко вздохнул.

В темно-синем казавшемся бездонным небе загорелись звезды. Коста подполз к Минасяну и, пытаясь рассмотреть его лицо, прошептал:

— Что делать будем, а?

Не поднимая головы, Минасян после короткого молчания ответил глухо:

— Молчи! Я думаю.

Коста покорно затих.

Минасян молчал. Из-за дерева не стреляли, ждали утра.

К концу ночи посвежело. Потянувший из ущелья холодный ветер пробирался сквозь бурки. По-прежнему кругом стояла тишина, нарушаемая теперь только шумом тяжело вздыхающей внизу реки.

Вдруг глухо грохнувший выстрел подбросил спавшего Косту. Вжавшись в стену, спросонья ничего не понимая, он слушал, как уходило все дальше и дальше эхо, как осыпались мелкие камни. Когда все стихло, он протянул руку туда, где должен был находиться его спутник, нащупал и, точно боясь, что услышат, начал тихонько толкать его. Минасян не шевелился.

Скоро наступит рассвет. Чуть порозовеют вершины гор, медленно поднимется с реки туман, пропоют первые петухи — на узкую тропу выйдет с поднятыми руками растерянный горец и покорно пойдет к завалу, где его уже ожидают. Не доверяя словам горца, зорко оглядывая лежащую перед ними тропу, подойдут они к оставленному под скалой Минасяну. Найдут среди его нехитрого имущества кресало с примитивным фитилем, обсыпанные мелкой хлепой и талочной пылью патроны, мушкетерские суровых ниток с глубоко воткнутой иглой. И письмо! Подберут нож и гранату, старый наган выпуска 1915 года в мягкой обтертой кобуре и новенький вальтер, который помог ему, как затравленному скорпиону, трусливо убежать из жизни.

Поскачет всадник с сообщением о смерти Минасяна. Подведут к лежащему лошадь. Кося встревоженным взглядом, животное будет храпеть и пятиться, долго не давая приторочить к седлу убитого. Медленно двинутся в обратную дорогу всадники. В середине группы со связанными руками на веревке будет идти Коста.

Дождет весть о смерти в родное селение, страшно закричит жена и будет рвать на себе волосы. Испуганные и непонимающие дети прижмутся к коленям матери, теребя ее юбку. Всплакнет старая седая мать у потухающего очага. Никто не придет их утешить и успокоить. И кто-то скажет: «Собаке собачья смерть».

* * *

Медленно двигалась кавалькада. Подковы скользили по камням, лошади шли осторожно. Впереди ехал начальник райотдела Двали. Он выполнил задание, тихо теперь будет у него в районе. Рядом с ним, вплотную, колено к колену, Пурцеладзе. За ними еще всадник. Короткая веревка, замотанная за луку седла, тянулась от него к связанному по рукам Косте. Он шел боком, сбиваясь с шага. Думал ли он о своей судьбе? Вряд ли! Был он растерян, и чем дальше уходил от перевала, за которым остался его дом, тем становился грустней. Он не понимал своей вины и со злобой вспоминал священника, пославшего его в этот так печально окончившийся путь. «Все скажу, все», — решил он с горькой обидой. Веревка больно стягивала кисти рук и резко дергала, когда он начинал отставать.

За ним шла лошадь с телом Минасяна. Он был приторочен к седлу. Голова и руки раскачивались в такт идущей лошади. Она косила глазом, нервно похрапывала, встревоженная необычным грузом. Держа лошадь за повод, рядом ехал Сандро. Только сейчас он почувствовал тяжелую усталость от долгого напряжения. Из головы не выходили слова Чиверадзе: «Мне он живой нужен, понимаешь, живой!» А ведь мог взять живым, мог, да не сумел! Сандро вспомнил поворот дороги, выступ скалы, пыльную теплую землю, глаза Минасяна, подозрительно ощупывающие своего случайного встречного, односложные вопросы, наступление темноты, огонек спички, прикрытый рукою. И свой прыжок. Было ли это ошибкой? Нет! Все могло совершиться быстро и легко, но он не сумел справиться с Минасяном. Конечно, после схватки тот мог уйти в лес, Мог! Но страх перед Эмухвари, данное обещание встретиться с Костой и наконец вера, что скоро все изменится

и он сможет выйти из леса и вернуться домой,— вот что заставило его пойти к Красному мосту, где его выследили и взяли. Правда, мертвым, но взяли.

Закрывающими были Обловацкий и Измаил. Старик ехал задумчиво, изредка тербя седую бороду. Сидел он на коне легко и коасиво, как влитый в седло.

— Измаил! — окликнул его Сергей Яковлевич.

— Я здесь, батюно! — ответил старик, оторвавшись от своих дум.

— Вот смотри, раньше ты был с Эмхи, знал их, его, — Обловацкий кивнул в сторону мертвого Минасяна. — Знал Косту. Ты сам рассказывал, что участвовал в нескольких диверсиях.

— Я все рассказал начальнику, когда пришел к вам. Сам пришел. Понял, что они против народа. И если придут турки или англичане, драться буду с ними. Знаю, что будет, если они придут сюда. Мне дед рассказывал...

Конь его споткнулся, Измаил дернул на себя повод.

— Вот седой, старый стал, — продолжал он, — а долго не видел, где правда. Пословица говорит: дурак и тот до рогу к воде найдет. У нас в селении люди в колхоз начали собираться, я пошел, а меня не приняли. Кто я? Кулак или князь? Дома женщины плакали, сыновья молчали, в глаза не смотрели. Я много думал и решил, пришел к вам.

— Ну а он как же? — спросил Обловацкий, снова показав на перекинутое через седло тело Минасяна.

Старик пожал плечами и цокнул языком.

— Все в руках аллаха.

— Как он решился? — не отставал Обловацкий.

Измаил снова пожал плечами.

— Он много знал, чтобы остаться жить, — помолчав, заметил он.

— Ты тоже много знаешь, но живешь.

— Неизвестно, как мне это удастся. Один человек ска- зал мне: простит ли тебе аллах, не знаю, а вот Советская власть — не думаю! Но он неправду сказал.

— Я знаю этого человека?

Измаил пожал плечами.

— Это тот, кто приезжал к тебе в Ажары? Шелия? — догадался Обловацкий.

Измаил кивнул головой.

— Об этом ты говорил начальнику?

Измаил кивнул головой и оглянулся на понуро идущего Косту.

— Да, — добавил он, — хорошо тому, кто мало знает! Когда подъезжали к селению, взошло солнце. Начинаясь новый день.

32

Сидевшие в приемной открыто выражали свое недовольство затянувшейся беседой председателя, всеми уважаемого Назима Эмир-оглу с находившимся у него представителем Наркомзема республики Григолом Шелия. Секретарь, немолодая сухопарая Тина Георгиевна, уже дважды пыталась напомнить своему начальнику о все увеличивающейся очереди посетителей, но каждый раз, как ошпаренная, выскакивала из кабинета. Судя по ее пунцовому лицу с дрожащим пенсне на длинном мужском носу, всегда корректный Эмир-оглу на этот раз был не особенно вежлив с секретаршей. Приход Шелия, ранее никогда здесь не бывавшего, нарушил обычную деловую обстановку. Тина Георгиевна умирала от любопытства, но подслушать что-либо ей так и не удалось. А разговор в кабинете был, несомненно, интересен.

— Зачем ты сюда явился, я же запретил тебе это! — увидев Шелия, невольно спросил Эмир-оглу.

— Мне только что звонил Платон. Убит Минасян!

Шелия, не обращая внимания на раздражение Эмир-оглу, быстро подошел к широкому, во всю стену, столу и тяжело опустился в большое кожаное кресло.

— Ну и что же? — бросил Назим. — И из-за этого ты пришел сюда?

— Подожди, дай сказать. Они устроили на Красном мосту засаду и захватили Косту.

Эмир-оглу вскочил.

— Как это случилось? Ну что же ты молчишь? — его широкое, полное, с крупными рябинками лицо покрылось красными пятнами. Большие навывкате глаза, всегда наглые, сейчас испуганно смотрели на Шелия.

— Я думаю, что и смерть Минасяна и захват Косты — случайность, хотя Платон предупредил меня, что Чиверадзе после ранения Дробышева активизировал работу своей группы, — неуверенно успокоил его Шелия.

— Собаки! Не догадались добить его, этого Дробышева,— перебил Эмир-оглу.

— Ты же знаешь, мы пытались, но эта лиса Чиверадзе предупредил нас.

— В каком состоянии он сейчас? Мне передавали, что он без сознания.

— Видимо да, потому что к нему никого не пускают.

— Датико говорил, что он ехал из Москвы в одном купе с его женой. Что же, и она ничего не знает?— удивился Эмир-оглу.

— Она несколько раз была в госпитале и у Чиверадзе, но ее тоже не пускают к нему. Охраняют его крепко. По ночам в саду стоят чекисты.

— Стоят, стоят!— передразнил Эмир-оглу.— Неужели нельзя положить ему что-нибудь в передачу? Организаторы!— зло буркнул он.

— И это делали. Сам Платон носил.

— Почему же он живет?

Шелия пожал плечами.

— Передай Датико, пусть он уделит больше внимания этой женщине, она сможет быть нам полезна.

— Хорошо,— кивнул головой Шелия.— Что ты думаешь о Дзиапш-ипа, не проболтается он?

— А что он знает?— возразил Эмир-оглу.— Да и трус. Его хвост плотно увяз у меньшевиков. Сейчас он дрожит за свою семью. С ним тоже надо кончать. Когда его освободят, пусть поживет немного дома и успокоится, а через несколько дней пошли к нему Шелегия. Кстати, как его здоровье?

Шелия неопределенно пожал плечами.

— Но осторожно!— продолжал Эмир-оглу.— Проверь у Платона. Если Дзиапш-ипа им наболтал, тогда ликвидировать его сразу.— Новым приказанием жестко произнес он.

— Слушай, Назим,— вполголоса спросил Шелия,— когда все это кончится? Временами мне становится страшно. Мне кажется, что мы ходим по краю пропасти. Каждую минуту я жду встречи с чекистами и знаю, что это будет моя последняя встреча.— Он зябко повел плечами.— Неужели ты не чувствуешь опасности?

— Ты ее почувствовал только сейчас? Мы все эти годы ходим по краю. Да, по краю,— подчеркнул Эмир-оглу.— Но разве игра не стоит свеч? Когда мы захватим

власть, я напомним тебе этот разговор, и мы посмеемся над твоей слабостью.

— Ты ничего не видишь и ничего не понимаешь! — махнув рукой, перебил его Шелия. — На моих глазах меняются люди, меняются обычаи. Помнишь, я зимой ходил к передалу? В Аджару я зашел к Имамалу И не узнал его! Увидев меня, он перепугался, точно я прокаженный, замахал руками и потребовал, чтобы я скорее оставил его дом! Он, видишь ли, хочет вступить в ТОЗ* и боится, что односельчане его не примут за связь с бандитами. Он так и сказал. Выходит, что мы с тобой бандиты!

— Ничего! Мы ему это скоро припомним.

— Я ему так и сказал, чтобы он не забыл о своем прошлом убийцы и контрабандиста. А он ответил, что аллах и люди его простили.

— Что аллах? Простит ли Советская власть?

— Я ушел от него, — продолжал Шелия, — и всю дорогу думал, что если такие, как Измаил, отходят от нас, то мы скоро останемся одни.

— Пусть тебя это не пугает — одни отходят, другие приходят. Ты прав в одном: время работает на них, но теперь уже недолго ждать. Им не удастся подчинить себе наш народ!

— А ты считаешь себя грузином или абхазцем? — криво усмехнулся Шелия.

— Дурак! Мы мусульмане и боремся за чистоту нашей религии. Мы не хотим, чтобы эти собаки диктовали нам свои законы.

— Пусть их диктуют нам англичане, верно? — съязвил Шелия.

— Что ж, из многих зол выбирают меньшее. С ними мы скорее договоримся, да и платят они неплохо. Но мне не нравятся твои разговоры.

— Они мне самому не нравятся. Что ж поделаешь, когда такие мысли лезут в голову. Но ты не беспокойся, я не уйду к большевикам, мы с тобой пойдем до конца, — перехватив испуганный взгляд своего собеседника, торопливо добавил Шелия. — Да и не примут они таких, как я.

* ТОЗ — товарищество по коллективной обработке земли, первичная форма колхозов.

В дверь снова постучали. Увидев проснувшуюся годову Тины Георгиевны, Эмир-оглу замахал на нее рукой, и она снова скрылась.

— Давай заканчивать этот разговор. Запомни, что тебе необходимо проверить через Платона, как им удалось ликвидировать Минасяна, что говорил на допросе Дзигин-ица и как ведет себя Коста. Интересно, что они у него взяли. Хотя... — он беспечно махнул рукой, — что он может им рассказать? Вот если бы Платону удалось влезть к ним в доверие, тогда бы мы действительно знали все. Ну ничего! Потерпи немного, это лето будет последним, а там мы будем хозяевами! И самое главное — сюда не ходи!

32

В середине мая Дмитренко по поручению Чиверадзе выехал в селение Михайловка, лежавшее у слияния двух небольших горных рек, километрах в двенадцати от Сухума. Вечером на дороге, проходившей вдоль реки, он встретился с нужным человеком. Они сошли с дороги и, пробравшись через густой орешник, сели на старый, поваленный бурей дуб.

Дмитренко достал портсигар, хотел вынуть спички, но человек предупредил его. Шатающийся, неяркий огонек, прикрытый рукой от ветра и любопытных взглядов, осветил его морщинистый лоб и большую седоватую бороду. Резкие, прямые, как вырубленные, черты делали его лицо строгим и даже жестким. Зная, что собеседник не курит, Дмитренко прикурил и задул огонек.

— Что нового? — спросил он, затянувшись.

— Люди говорят, что Федор совсем плохой? — полувопросительно сказал человек и почему-то вздохнул.

— Раз говорят, значит правда, — неопределенно ответил Дмитренко. — Зачем вызвал меня?

Человек зацокал языком и, вытащив из-за пазухи бутылку, протянул ее Андрею Михайловичу.

— Передай Ивану Александровичу!

— А что случилось?

Прижавшись к Дмитренко вплотную, человек шепотом, точно боясь, что его услышат, спросил:

— Инженера Жирухина знаешь? — И, не ожидая ответа, добавил: — Плохой человек, смотреть за ним надо.

— Что, что такое? — насторожился Дмитренко.

Из торопливого, прерываемого вздохами и цоканьем рассказа он узнал, что приезжавший в Бешкардаш инженер Жирухин в конторе стройучастка повздорил с техником Лукой Сихарулидзе, тем самым Сихарулидзе, у которого шесть дочерей и ни одного сына. Лука был сухумской достопримечательностью, такой, как набережная, Ботанический сад или недавно созданный обезьяний питомник.

По словам рассказчика, дело было так. На строительстве задерживали выплату зарплаты и рабочие волновались. Пришедший в контору Сихарулидзе заявил об этом инженеру.

— Ну и хорошо, пьянствовать будут меньше! — цинично бросил Жирухин. Сихарулидзе вспыхнул, сказал, что у них семьи и дети, у него самого их шесть человек.

— Знаю, знаю, шесть девочек и ни одного мальчика, — засмеялся Жирухин. Увидев, что Сихарулидзе рассвирепел, он уже спокойнее сказал: — А тебе-то что, ведь тебе, кажется, платят вовремя. Или не хватает?

Лука ему ответил, что, если не будут платить вовремя, люди уйдут со стройки. Тогда Жирухин засмеялся и, обняв его, спокойно сказал:

— И правильно сделают, если уйдут.

Видя, что Лука не успокаивается, он примирительно сказал:

— А ты-то что волнуешься за других? О себе лучше думай! — И, взяв под руку, отвел Сихарулидзе в сторону от начинавших прислушиваться к их разговору рабочих. Бригадир монтажников Азиз Царба слышал, как Жирухин спросил Луку: «Хочешь хорошо заработать?» Вечером, в бараке, Азиз спросил у пришедшего из духана Сихарулидзе, о чем ему говорил инженер, но Лука насуслился и не захотел с ним разговаривать.

— И это все? — разочарованным голосом спросил Андрей Михайлович.

— Почему все? В духане люди были, видели, как Жирухин пьянствовал с Лукой, а когда платил за стол, деньги давал ему, тебе это тоже мало? — возмущенно закончил рассказчик. — Понимаешь, покупают его!

— А где сейчас Жирухин?

— Уехал на головной участок, в Михайловку.

С моря потянуло ветром. Темнота казалась непроницаемой, но глаза, привыкшие к мраку, уже различали

отдельные предметы. Желая размяться, Андрей Михайлович встал и почувствовал, как затекли у него ноги.

— Проводи меня до дороги,— попросил он и, не доверяя своему зрению, взял спутника за руку. Человек встал и потянул его через бурелом в чащу.

Пройдя кусты, кустарник они спустились в пологооженный кювет.

Увидев смутно белеющую дорогу, Дмитренко остановился.

Человек наклонился к Дмитренко:

— Скажи, Андрей, когда эта сволочь жить нам даст спокойно?

— Скоро, скоро, Шамуг.

— Зачем так говоришь, скоро, скоро? Ты серьезно отвечаешь, когда с тобой рабочий класс разговаривает. Или тебе они не мешают?— спросил человек сердито.

Дмитренко улыбнулся.

— Мешают. Только уличить их надо, понимаешь, за руку поймать.

— Почему тогда не ловишь? Мало мы тебе помогаем? Скажи, мало помогаем?

— Нет, хорошо. Только для суда недостаточно.

— Если надо, мы все к судье пойдем, наш он суд, поверить должен рабочему человеку.

— Да нет, дорогой, здесь одной веры мало, факты нужны. И потом, не один здесь Жирухин замешан.

— Ты думаешь, мы не понимаем. Конечно, не один. Ты выясняй скорей, пожалуйста. Всех выясняй, нам жить нужно,— не отпуская руки Андрея Михайловича, настойчиво повторил человек.— Видишь, работы кругом сколько, а они мешают. Так и скажи Ивану Александровичу!

— Обязательно передам. Гиронца, Шамуг, как пора,— ответил Дмитренко, пожал своему собеседнику руку, поднялся на насыпь и, не оборачиваясь, широким шагом пошел в сторону селения.

Недалеко от поселка услышал негромкий перебор гармошки и смехок. У горки наваленных камней в обнимку сидела пара. Когда Дмитренко проходил мимо, женщина хлопнула обнимавшего ее парня по плечу, отодвинулась и нарочито громко засмеялась:

— Играй, Петро, веселей, да рукам воли не давай. А то товарищу завидно будет!

— Верно! — весело согласился мужчина и растянул меха баяна.

«Рабочие со стройки», — улыбаясь, думал Дмитренко.

Дойдя до первых домов селения, увидел огоньки, на секунду остановился, поставил пистолет на предохранитель и сунул его в каоман.

34

Сложно начиналось «второе рождение» Дробышева. Несколько дней назад его перевезли из госпиталя домой. Еще с повязками, беспомощный, он подолгу лежал с закрытыми глазами, много думал о своей будущей жизни.

В Москве, после ухода Елены, оставшись один, он часто вспоминал их совместную жизнь. Узнав о том, кто его счастливый соперник, Федор с болезненным любопытством интересовался этим человеком, пытался разобраться в своих поступках, толкнувших Елену на уход.

Будучи очень прямым и честным, он был убежден, что она разлюбила его и полюбила Замкового. И это причиняло ему мучительную боль. Временами по-мальчишески хотелось отомстить ей, он пытался встречаться с ее подругами, но вскоре убедился, что они ему неинтересны. Он начал находить во всех окружавших его женщинах только отрицательные черты и замкнулся в себе. Временами хотелось, чтобы Елена позвонила ему, но, когда это случалось, он с внезапно вспыхнувшей яростью бросал трубку. Дома все напоминало о ней: и вышитые подушки, и безделушки, расставленные на столике, но особенную боль причиняла фотокарточка, висевшая над кушеткой. Он несколько раз хотел порвать смотревшее на него веселое, смеющееся лицо, снимал фотографию со стенки, долго рассматривал начинавшие тускнеть в памяти черты и медленно вешал портрет обратно. Сжималось сердце, почему-то холодели руки и ноги. Зная, что не заснет, он вечерами долго ходил по замирающей Суворовской улице и думал, думал. Одно время он решил считать, сколько дней прошло с момента их разрыва. Потом бросил. Иногда представлял себе, что она возвращается, и мысленно вел с нею длинные разговоры. Она оправдывалась, он обвинял. Хотел — и не мог простить. Иногда он начинал думать вслух. Редкие прохожие с удивлением смотрели на человека, разговаривающего с самим собой. Однажды он загадал, что, если первым

встречным будет женщина,— Елена вернется. Но, не доходя до Преображенской площади, он встретил старика. Тогда Федор повернул назад и снова загадал женщине. Уже возле дома увидел выходящую из калитки тетю Машу. Можно ли было счесть ее встречной? Ведь она жила тут же.

— Все бродишь, полуночник,— добродушно-ворчливо сказала старуха.

— Да так, вышел погулять,— пробормотал он и, боясь расспросов, торопливо прошел к себе.

Казалось, время должно смягчить боль, но, видимо, Федор был однолюбом, потому что чувство не проходило. Он уже не мог порой представить себе лицо Елены, но прекрасно помнил ее привычки. Даже небрежность в обращении с вещами, всегда вызывавшая у него досаду, сейчас казалась милой особенностью и вызывала чувство глупого умиления. Но так было не всегда. Временами он ненавидел ее за причиненное зло, за обман, за то, что она предпochла его другому.

Как-то в декабре, поздно вечером, его вызвал начальник отдела. Приоткрыв дверь и попросив разрешения, Дробышев вошел в кабинет и остановился. Погруженную в темноту комнату неярко освещала большая настольная лампа. Бахметьев, всмотревшись в полутьму, несвойственным ему, каким-то приятельским голосом сказал:

— Ну, присаживайся, поговорим!

Оказывается, он все знал. И что ушла жена, и к кому, и знал даже, что Федор мучается.

— Вот советовались мы с Василием Николаевичем и решили поручить тебе одно интересное дело. Перспективное. Свет посмотришь, новых людей увидишь, себя покажешь. Здесь все тебе будет напоминать о ней.— Он остановился. *Дело интересное!*

— А потяну, Иван Васильевич?— спросил Дробышев.

— Потянешь!— успокоил его Бахметьев и, достав из ящика стола объемистый том, протянул Федору.— На, возьми, посмотри, завтра утром верни. Выписок не делай!

Не заснув ни на минуту, всю ночь читал Дробышев о «шакалах». Прочел и загорелся. Это было хитрое сплетение человеческих подлостей, предательств и интриг. Просматривая материалы, все время сверяясь по карте, Дробышев так реально представлял себе местность, на кото-

рой происходили эти события, точно сам участвовал во всех операциях.

Так он и уехал в Абхазию, далекую маленькую солнечную пограничную республику, о которой раньше никогда не думал. Боль и тоска по жене постепенно глохли. Но иногда, в редкие минуты отдыха, на него накатывала тоска, чувство одиночества охватывало и цепко держало душу, пока он, измученный, не засыпал.

Проходили дни и месяцы, личная переписка с Москвой почти прекратилась. Упорная кропотливая работа небольшого коллектива давала осязаемые результаты. Впервые удалось выяснить некоторые «почтовые ящики», связанных и места явок, за которыми неотступно велось наблюдение. До того были известны только преступления банды, теперь ее черные дела связывались с именами. Федор хорошо изучил состав банды. О некоторых участниках ее он мог рассказать подробно, как о людях, ему хорошо знакомых. Он знал, что старший Эмухвари жесток, спокойно-рассудителен, но доверчив, а младший брат, Хута, вспыльчив, злобен и подозрителен. Анализируя маршруты передвижения банды, он установил известную последовательность их, хотя временами банда внезапно ломала все планы и расчеты контрразведчиков и «пропадала». Однажды, перед самым ранением, он получил сведения о некоем Абшелае, жителе небольшого селения Джали Очемчирского района. С его дочерью якобы изредка встречался младший Эмухвари, что очень не нравилось отцу девушки. В Джали выехал Чочуа, сведения подтвердились. Стало ясно, что перестрелка трех неизвестных в бурках с милиционером Маргания дело рук Эмухвари.

Он был уже близок к своей цели, когда глупейшим образом дал завлечь себя в западню. И теперь вынужден

Медленно поправляясь, Дробышев все время думал о «шакалах», об их все более выясняющихся связях в Сухуме, Новом Афоне и... в Москве, обо всех «друзьях» английского разведчика Кребса, «специалиста» по Кавказу.

Постепенно зрела уверенность, что где-то очень близко к органам контрразведки враг имеет свою агентуру. Кто он, этот предатель? Не была ли ловушка для Дробышева подготовлена еще до того, как он выехал в Мерхеули? Своими подозрениями Федор поделился с Иваном Алек-

сандровичем. Кто знал о его выезде и задании? Они переправили всех сотрудников опергруппы. Быть может, кто-нибудь из них случайно сболтнул? Выяснилось, что Чиковани говорил в столовой о предстоящей поездке Дробышева. Но посторонних не было. Значит, кто-то из сотрудников, чекистов? Сколько вреда успеет причинить предатель, пока удастся его обнаружить?

В который раз мысли раненого вернулись к Елене! Думал ли он, что она вернется? И вот, когда все было кончено — и с любовью и, возможно, с жизнью, она пришла. Ушла от сильного, здорового, молодого, а вернулась к слабому, беспомощному. Был ли он счастлив сейчас? Конечно! Но как он прятал эту радость, это чувство. Все было дорого ему — и милые морщинки, разбежавшиеся по лицу, и запавшие усталые глаза, и седина, так рано поседевшая ее голову.

Когда Федор проснулся, уже наступил вечер. В комнате царил полумрак и только в углу лежал косой желтый луч от уличного фонаря. Елены не было. А ведь она никогда не уходила из дому надолго, чтобы в любую минуту откликнуться на его зов. Федор терялся в догадках. Через минуту дверь с легким скрипом открылась и вошла бледная, растерянная Елена. Федор никогда не видел ее такой.

— Что с тобой? — поднимаясь на локте, тревожно спросил он.

Плача и не скрывая охватившего ее страха, Елена тревожно рассказала, что с ней случилось. Она возвращалась с покупками из магазина. Недалеко от дома, там, где приходится проходить узкой тропинкой, обсаженной большими камфорными деревьями, ее остановил человек. Он взял ее за руку и сказал, что, жалея ее и желая ей добра, советует немедленно — он повторил это — уехать из Абхазии и ей и ее мужу, Дробышеву. Если же она не послушается его совета и не увезет отсюда Дробышева, пусть ждет несчастья.

— Ты никогда раньше не видела этого человека? — переспросил ее Федор.

Она по-ребячьему сморщила лоб, взглянула на него и задумалась.

— Так как, не видела? — повторил он.

Медленно, с трудом припоминая, Елена неуверенно сказала, что когда она жила в гостинице «Рица» и выходила

дила гулять на набережную, то, кажется, видела этого человека в приморском парке и в порту. Она даже подумала, что он там работает.

— И сможешь узнать, если встретишь?

Она кивнула головой, но сейчас же добавила:

— Он сказал, чтобы об этом разговоре я никому не говорила.

— Угрожал?

— Он сказал, что нам будет плохо, если я расскажу тебе или кому-нибудь,— повторила она, всхлипнула и, прижавшись к нему, зашептала:

— Мне страшно за тебя, уедем отсюда.

— Беги к Чиверадзе, расскажи ему все, все,— с трудом выговорил Дробышев, откинувшись на подушки и тяжело дыша.— И какой он, и что говорил. Помогите найти этого человека. Беги! Но не прямо, а покрутись по улицам, проверь, не следят ли они за тобой. Да, да, это они!— увидев ее удивленный взгляд, повторил он нетерпеливо.— Дай мне пистолет и иди скорей.

Когда Елена уходила, Федор попросил ее закрыть дверь на ключ. Он слышал, как она прошла по веранде, по двору, слышал, как хлопнула калитка, посмотрел на черные впадины окон и, протянув руку, повернул выключатель.

Прошло минут десять. Внимание Федора привлекло глухое ворчание овчарки, лежавшей во дворе. Мимо дома, громко разговаривая, прошла какая-то компания, потом голоса стихли. Немного погодя скрипнула калитка. Собака кинулась к забору, яростно залаяла. Чувя недоброе, Федор, сжимая в руке пистолет, не отрываясь, следил за окнами. Больше всего он боялся услышать звук выстрела с той стороны, куда побежала Елена.

Кто-то успокаивал собаку. Дробышев услышал осторожные шаги. Человек подкрадывался к дому. Он напрягся, ожидая, чтобы, если в окне покажется голова, стрелять, но шорох затих.

— Кто там?— разрывая томительную тишину, крикнул Дробышев. После короткой паузы человек из-под окна ответил:

— Это я! Проходил мимо, решил навестить тебя. Как ты себя чувствуешь?

Дробышев узнал голос сотрудника одного из оперативных отделов.

— Это ты, Самушия? — переспросил Федор. — Беги к Чиверадзе. У него моя жена, Елена. Проводи ее домой. Только скорей!

От напряжения он обессилел и откинулся на подушку.

— Хорошо, хорошо, — заторопился Самушия, и Федор услышал быстро удаляющиеся шаги. Собака, стуча когтями, не торопясь прошла по веранде, тяжело плюхнулась на пол.

«Как хорошо, что в такую минуту рядом оказался товарищ!» — подумал Федор. Часто встречаясь с Самушией, Дробышев знал, что тот давно хотел работать в спецгруппе. Как-то в столовой, за ужином, они разговаривались, и Самушия после некоторого колебания поделился с ним своей мечтой. Федор рассказал об этом разговоре Ивану Александровичу, но тот отмахнулся.

— Хватит, не раздувай штаты. Скоро нам самим нечего будет делать!

Продолжая встречать приветливого и любознательного Самушию, интересовавшегося ходом дела, Федор чувствовал себя будто в чем-то виноватым и старался говорить помягче и потеплей. Самушия, видимо, чувствовал это и со своей стороны стремился помочь Федору хотя бы советом. Это он подсказал, как найти один «почтовый ящик» в городе, когда Дробышев сказал ему о своих подозрениях. После ареста хозяин квартиры сознался, что он получал и передавал письма, но так и не назвал ни одного корреспондента и того, кто его завербовал. Он показал, что давно тяготился этой работой и, если бы не получаемые письма с угрозой, давно бы сам пришел с повинной. Дробышев видел и самые письма, хранимые в горшке с пышно разросшимся столетником. Они подтвердили правдивость его показаний. Письма были местные, со штампом сухумской почты. Но текст, написанный печатными буквами, мало подвинул дело. Дом был взят под наблюдение, но в квартиру никто не приходил. Гряде было рискнуть. После долгих колебаний Чиверадзе принял решение освободить арестованного. Первый день наблюдения за домом не дал ничего интересного. На второй день Хангулов видел, как освобожденный ходил в магазин, за водой к водопроводной колонке. Вечером в комнате горел свет и в окне несколько раз мелькнула человеческая тень. Потом свет погас и все стихло. Утром человек должен был пройти по городу, чтобы стало известно о его освобождении. Но дав-

но вошло солнце, соседи ушли на работу, хозяйки уже возвращались с базара, а в домике царил тишина. Человек не выходил. У Хангулова мелькнула мысль, что он скрылся. Встревоженный Виктор подошел к дому с другой стороны, перелез через невысокий заборчик и подошел к раскрытому окну. То, что он увидел, ужаснуло его. На полу, рядом с кроватью, в нижнем белье ничком лежал человек. Виктор вскопыхал на подоконник, прыгнул в комнату и подошел к нему. Все еще не веря своим глазам, Хангулов тронул лежащего за плечо, понял, что он мертв, мельком оглядел комнату, выскочил во двор и, уже не маскируясь, бросился в комендатуру.

— Неужели эта сволочь сильнее нас? — собрав группу, спросил Чиверадзе. — Кто виноват в смерти этого человека? Я ли, принявший решение выпустить его, Хангулов, не перекрывший всех выходов у дома? Кто виноват в этом? — Он посмотрел на сидящих вокруг стола. — Все! И я в первую очередь! Сейчас я знаю, что он хотел вырваться от них, верил в то, что мы защитим его. А его убили! Почти на наших глазах! Чего мы после этого стоим?

Давно не видел Дробышев своего начальника в таком возбужденном состоянии.

Чиковани наклонился к Федору и зашептал:

— Жаль, конечно, что так получилось, но убили-то ведь свои своего!

Эти слова услышал сидевший рядом Чочуа.

— Прежде чем говорить, ты бы подумал, — зло сказал Даур. — У тебя это иногда получается. Эх, Михаил, неужели ты не понял, что убили-то его потому, что он больше не хотел быть предателем.

Все это вспомнилось Федору, пока он ожидал возвращения жены. Время, шло, а ее не было.

* * *

Послышались шаги, голоса, стук отворяемой калитки, ласковое повизгивание собаки, щелканье замка. Дробышев повернул выключатель. Вошла Елена, за ней Чочуа с перевязанной рукой. Из-за его спины выглядывала улыбающаяся физиономия Чиковани. Елена подошла и молча села на кровать рядом с Федором.

— Поправляйтесь скорей, Федор Михайлович! — сказал Чиковани. — Поедем ко мне в селение, к моей матери. И Елена Николаевна поедет. Поедете?

— Конечно,— ответила она.

— И меня приглашаешь?— спросил Чочуа.

— Конечно! Все поедем! И Иван Александрович, и Хангулов, и Пурцеладзе, и Сандро. И Дина возьмем с собой. У нас в Абаша всем места хватит. Мы там Сандро женим,— смеялся Миша.

Все улыбались. Только Чочуа был серьезен. Он повернулся к Чиковани.

— Ты еще молодой, подождать должен, пока старшие скажут. Сначала все ко мне. Бзиала шваабей — добро пожаловать. Нет во всем мире места лучше, чем у нас в Гудаутах. А ты, как самый младший, будешь виноград резать. Вино пить будем. Увидите, как абхазцы друзей принимают. На гору Дюдрюпш сходим, она у нас, по преданию, священная. Отец и мать мои будут рады видеть тебя, Федор, и жену твою тоже. Ты мне брат, а она,— он кивнул на Елену,— сестра.— Он улыбнулся.— А потом можно и к Мише съездить, его вино попробовать. Только оно, наверно, кислое!

— Спасибо, Даур, спасибо,— растроганно бормотал Дробышев.

— Ну а теперь мы пойдем,— сказал Чочуа.— Ночь на дворе. А то наш молодежь и так дома мало бывает,— сказал он, глядя на покрасневшего Мишу.

Гости двинулись к двери. Чочуа задержался у постели раненого.

— Возьми,— сказал он, когда все вышли из комнаты, и сунул в руку Дробышева браунинг.— Чиверадзе прислал. Для жены. Чтоб не выходила без него. Обучи, как с ним обращаться. Понял?

И, многозначительно посмотрев на Федора, добавил:

— Молодец она у тебя! Счастливый ты!

Повернулся и пошел к выходу.

Выйдя из Наркомзема республики, Шелия, долго бродил по улицам. До встречи с нужным ему человеком оставалось больше часа.

Сумерки, быстро переходившие в темноту, застали его у здания Госбанка. Он постоял на углу, потом пересек улицу и пошел по неосвещенной стороне. Пройдя мимо

сберкассы, он юркнул в подворотню и остановился. Освоившись с темнотой и продолжая прислушиваться, Шелия осторожно выглянул. Тишина его успокоила. Прижимаясь к стене и оглядываясь, он пробежал мимо здания театра и вышел к морю.

У ветхого забора в тени орешника Шелия увидел человека.

Поравнявшись, он убедился, что это тот, кто ему нужен, толкнул ногой деревянную калитку и вошел во двор. Поднялся на веранду, по железной лестнице прошел на третий этаж, в темноте нащупал кнопку. Дребезжащий звонок трелью рассыпался за дверью, щелкнул замок, и в бледно-желтом свете Шелия увидел хозяина квартиры.

Через минуту они впустили еще одного посетителя.

Два человека осторожно вошли во двор и, прячась в кустах, внимательно смотрели на дом.

— Хитрый черт! — ворчливо пробормотал Пурцеладзе. — Ходил, ходил, я уж думал, что заметил нас. Явка здесь, наверно. Учись, как надо ходить в гости. Звонок наверху слышал? — тихо спросил он Чиковани.

— На втором этаже? — сказал Миша.

— Не на втором, а на третьем. Видишь свет? Беги, звони в отдел и скорей возвращайся. Я останусь здесь.

Редкий и теплый дождь с моря зашелестел по листьям кустов. В соседнем одноэтажном белом домике открылась дверь, и на пороге, освещенная из комнаты, показалась женщина с тазом в руках. Подойдя к кустам, где сидел Пурцеладзе, она выплеснула воду из таза и вернулась в дом. Когда за нею закрылась дверь, он тихо выругался и, как утка, начал отряхиваться, потом перебрался ближе к калитке, продолжая из глубины кустарника наблюдать за окном, где горел свет и мелькали тени. Через полчаса на улице послышались крадущиеся шаги. Появился Чиковани. Он всматривался в кусты.

— Сюда, — чуть слышно прошептал Пурцеладзе.

Медленно двигаясь вдоль кустов, Миша ощущивал низко склонившиеся ветви.

— Здесь, здесь! — одними губами позвал его Володя.

— Передал? — спросил он, когда Чиковани присел рядом.

Миша кивнул головой.

— На улице наши! Не выходили? — показал он на окна.

— Ой, какой же ты еще зеленый! — укоризненно заметил Пурцеладзе. — Разве они выйдут вместе? По одному! Если первым уйдет Шелия, пропустим его. Пойдем за вторым. — Он помолчал. — Самый важный теперь этот второй. Пойди, поставь людей так, чтобы перекрыть обе дороги. Предупреди: только за вторым! Шелия мы знаем, он не уйдет.

Дождь понемногу стал усиливаться.

Чиковани отодвинулся и зашуршал в кустах.

— Вот буйвол! — пробурчал Пурцеладзе.

Не успел он сестру поудобнее, как на стеклянной веранде третьего этажа мелькнул огонек. По лестнице кто-то спускался. От напряжения у Пурцеладзе рябило в глазах, он потер их рукою и замигал. Стало как будто легче. В этот момент скрипнула дверь, на фоне белой каменной лестницы обрисовался силуэт человека. Пурцеладзе узнал Шелия и затаялся. Шелия, рассматривая двор, кусты и пристройки, постоял на площадке, потом не торопясь спустился; но вместо того, чтобы направиться к калитке, пошел в противоположную сторону и скрылся в кустах.

Положение усложнялось.

«Прикрывает выход второго, — подумал Пурцеладзе. — Видимо, важная птица, если он так о нем заботится. Не хватает еще, чтобы сейчас вернулся Чиковани».

Тишина стала такой настороженной, что Володя слышал, как бьется его сердце. Из окна веранды третьего этажа высунулась голова. Человек внимательно смотрел на двор.

— Второй! — Пурцеладзе сжался в комок.

Мелкий морозящий дождь сетчатой пеленой закрыл темную коробку дома. Отчетливо белела лишь наружная лестница. Убедившись в безопасности, неизвестный, не останавливаясь, спустился по ступенькам и быстро пошел к воротам. Как только за ним хлопнула калитка, Пурцеладзе поднялся и поспешил за неизвестным. Он понимал, что рискует вдвойне — наткнуться на неизвестного и быть обнаруженным Шелия, если тот спрятался и наблюдает за уходом второго. Но иного решения не было. Выйдя на улицу, Пурцеладзе направился по улице Ворошилова, рассудив, что человек вероятнее всего отправится в город. Пройдя под все усиливающимся дождем несколько совершенно безлюдных кварталов, он никого не догнал, и

ничего другого не оставалось, как возвращаться домой. Предстоял неприятный разговор с Чиверадзе.

Но случилось неожиданное. У входа в комендатуру ГПУ из-за дерева к нему подскочил взволнованный Чиковани и, обняв, захлебывающимся шепотом сказал, что второй подошел к первому подъезду, предъявил часовому удостоверение и вошел в здание.

Услышав это, Пурцеладзе сломя голову бросился к подъезду.

— Кто проходил сейчас? — спросил он часового.

— Наш сотрудник, товарищ Самушия, — с недоумением глядя на возбужденного Володю, ответил боец.

Это было до того невероятно, что Пурцеладзе кинулся прямо к Чиверадзе. Не постучав, он ворвался в кабинет.

— А ты не ошибся? — спросил Иван Александрович, когда Пурцеладзе одним духом рассказал ему все.

— Да что вы, Иван Александрович! — обиделся Пурцеладзе. Ведь за ним шло двое наших.

— Ну а ты, ты-то его видел? — нетерпеливо перебил его взволнованный начальник опергруппы.

Пурцеладзе на мгновение задумался, потом твердо сказал:

— Лица не видел, но как одет — скажу!

Он вспоминал:

— В серой рубашке, в темных брюках, в сапогах, без головного убора. Дождь идет. Промок, должно быть, здорово, сволочь такая.

— Жди меня здесь, — вставая из-за стола, бросил Чиверадзе и вышел из комнаты.

«Проверять пошел, — подумал Пурцеладзе. — Ну, теперь держись! Неужели может быть такое?»

Его нервное возбуждение немного спало, сменившись спокойствием. Минуту через после Чиверадзе вернулся.

— Он у себя. В штатском синем костюме. В сухом. А голова мокрая! Причесался, а все равно блестит!

Иван Александрович на мгновение задумался, потом приказал:

— Сейчас же бери машину и вместе с Самушия поезжай в Маджарку, привези мне духанчика Вардена. Только не торопись. Посидите там, выпейте вина. Смотри, не выдай себя. И раньше, чем часа через два, не смей возвращаться. — Он посмотрел на Пурцеладзе. — Понял?

— Понял!— Володя, улыбаясь, встал. Чиверадзе увидел, что на полу под ним натекла лужа.

— Выполняй!— сказал он.— Переодеваться некогда. Через несколько минут под окном послышались голоса, зафыркала и загудела машина. Потом все стихло. Чиверадзе вышел в коридор, спустился к часовому и узнал, что Пурцеладзе и Самуший уехали. Он поднялся наверх, зашел к Дмитренко и вместе с ним прошел в комнату Самуший.

Долго искать не пришлось. В нижнем ящике письменного стола, завернутые в газету, скомканные и мокрые, лежали серая рубашка, темно-синее галифе и сапоги. Бумага промокла и разлезлась.

Самое страшное предположение подтвердилось: врагу удалось проникнуть в контрразведку. Оставалось выяснить, кто с ним связан.

36

Уже стемнело, когда инженер Капитонов, попрощавшись с задержавшимися на работе сослуживцами, вышел из здания Высшего Совета Народного Хозяйства. Перейдя пустынную площадь, блестевшую от недавнего дождя, Михаил Михайлович бульваром направился к Ильинским воротам. Аллеи были безлюдны. Он полной грудью вдыхал влажный воздух. Слева, сквозь негустую листву, на темном фоне Китайгородской стены изредка мелькали желтоватые огоньки немногочисленных машин. Напряжение и суетола рабочего дня осталась позади, и Капитонов бездумно шагал по влажному гравию, чувствуя, как ноги вязнут в мягкой, податливой земле. Мелькнула мысль даже посидеть на одной из пустых скамеек, но Михаил Михайлович прохладный душ, облачиться в привычную пижаму и полежать на диване с «Вечеркой». Он любил после детального смакования четвертой страницы, полной разнообразных объявлений и анонсов, неторопливо перейти на третью, где его ожидали театральные рецензии и заметки «Из зала суда». На середине страницы Михаил Михайлович каждый раз чувствовал, что его неудержимо тянет закрыть глаза. Все его слабые попытки перебороть сон терпели крах. Газета, так и не дочитанная, выскальзывала из ослабевших рук, и он засыпал, как говорил, «на несколько минут».

Поднявшись в гору и пройдя часовенку — памятник гренадерам, погибшим под Плевной, — Капитонов подошел к трамвайной остановке, но вспомнил, что в десять часов вечера к нему придет Тавокин, и решил зайти в магазин на Маросейке, чтобы купить чего-нибудь к чаю. Принципиальный холостяк, он любил организовывать столик легкого закуски «а-ля фуршет» и получал особенное удовольствие от их приготовления.

— Простите, вы инженер Капитонов? — услышал он голос. Михаил Михайлович обернулся и увидел незнакомого человека в серой кепке.

— Да, я. Чем могу... — начал Михаил Михайлович, вглядываясь в незнакомца, но тот мягко взял его под руку.

Капитонов, удивленный этой фамильярностью, хотел выдернуть руку, но незнакомец сжал его локоть и, наклонившись, вполголоса сказал, что он из ОГПУ и просит, не поднимая шума, сесть с ним в машину.

— Какую машину? — все еще не понимая, переспросил Михаил Михайлович, оглянувшись, увидел в нескольких шагах сзади большой открытый автомобиль и услышал, как скрипнули тормоза. Рядом с шофером сидел человек. Как только машина остановилась, тот вышел и приблизился к Капитонову.

— Вам объявили, что вы арестованы, гражданин Капитонов?

— Нет... — растерянно пробормотал Михаил Михайлович, еще не сознавая, что происходит. — Это, видимо, недоразумение. Простите, кто вы такие? — спросил Михаил Михайлович, но в душе уже понимал, что на него надвинулось то страшное и непоправимое, о чем он старался раньше не думать.

— Вам же сказали, сотрудники ОГПУ! — ответил человек в кепке, и Михаил Михайлович больше не сопротивлялся.

Уже сидя в машине, он пытался взять себя в руки, сосредоточиться, наметить линию поведения и первых разговоров, от которых, как ему казалось, зависело все. Он вдруг вспомнил, что в кармане пиджака у него лежит письмо Эмир-оглу из Сухума. Внешне оно выглядело безобидной перепиской двух приятелей, но если его будут читать умные, наблюдательные люди, то ему будет трудно объяснить им некоторые строки. Капитонов сунул руку в карман. Нашупав конверт, он скомкал его и хотел незамет-

но выбросить, но сидевший рядом с ним, не поворачивая головы, сказал:

— Выньте руку из кармана. Это бесполезно.

У подъезда, освещенного двумя большими молочными шарами, стоял подтянутый красноармеец с винтовкой. Все остальное было, как во сне. Широкая ковровая дорожка скрадывала шаги. Все же он заметил и строгую, какую-то тождественную тишину и часовых на каждом этаже, и затянутые металлической сеткой пролеты лестничных клеток. У одной из многочисленных дверей второго этажа чекисты остановились.

— Прошу,— один из них открыл дверь и пропустил Михаила Михайловича вперед. Он вошел в небольшую, строгую приемную, в которой не было ничего лишнего.

— Разденьтесь!

Михаил Михайлович снял плащ, кепку и повесил их на вешалку.

— Сядьте!

Он покорно сел. Михаил Михайлович чувствовал, что у него пропадает уверенность в себе и его охватывает противная беспомощность и безразличие. С ним еще никто не говорил, ни о чем не спрашивали, а ему уже стало страшно.

Наконец отворилась дверь кабинета, и Капитонову предложили войти. Он встал, машинально пригладил волосы. У него дрожали ноги, противная мелкая дрожь поднималась все выше и выше и охватывала все тело. Попытка взять себя в руки не помогла. К своему стыду он заметил, что у него дрожит подбородок. Его обыскали. Вместе с документами, бумажником, ключами от квартиры взяли и злополучное скомканное письмо от Назима Эмироглу. Он уже не помнил, что хотел говорить, как вести себя. Растерянный и испуганный, вошел он в кабинет Березовского.

— Здравствуйте, Капитонов!— услышал он.— Пройдите, садитесь.

Михаил Михайлович подошел к столу, неловко поклонился и сел. Дрожь прошла, и он стал понемногу успокаиваться. Перед ним сидел немолодой седовласый человек.

— Вот ордер на ваш арест. Прочитайте и распишитесь.

Михаил Михайлович взглянул, увидел свою фамилию, вписанную широким размашистым почерком в печатный текст, и поставил свою подпись в указанном месте.

— Вы поздно вышли с работы, не обедали и, наверно, хотите есть,— продолжал Березовский.— Вас арестовали по дороге домой, и, таким образом, мы в какой-то мере виновны в этом. Я предлагаю вам пообедать.— Увидев растерянный взгляд Капитонова, он добавил:— Вас это удивляет?

— Да, но я думал...— начал Михаил Михайлович. Березовский перебил его.

— Вы, думали, что вас начнут сразу допрашивать, ставить каверзные вопросы, требовать признания в поступках, которых вы не совершали... Не так ли?

Он говорил медленно, чуть растягивая слова, и его тон успокаивал Михаила Михайловича.

— Вы понимаете сами, что если вас привезли сюда, то, значит, оснований для этого достаточно. Поешьте, не нервничайте, и тогда поговорим.

Березовский показал на небольшой столик с обеденным прибором, накрытым белоснежной салфеткой.

— Я не могу есть,— признался Капитонов, —лучше уж сразу.

— Как хотите,— согласился Березовский. И, переходя на другой, чуть суховатый, официальный тон, продолжал:

— Я бы мог начать с того, что предложил бы ответить на вопросы анкетного порядка, хотя мы знаем вашу анкету, как вы и предполагаете, достаточно хорошо. Но я буду разговаривать иначе, чтобы вы сразу поняли, как обстоит дело. Прежде чем принять решение об аресте — а с этого момента вы арестованы,— мы внимательно, пристально наблюдали за вашей деятельностью. Думаю, вы не сделаете ошибки, если будете искренни и откровенны. И чем скорей вы это поймете, тем лучше будет и для вас и для нас. Так вот,— после короткой паузы, как бы набирая дыхание, продолжал он,— не задавая вопросов, попробую сам рассказать вам о вас. Если я в чем-либо ошибусь, прошу меня поправить.

Березовский нажал кнопку.

— Принесите все, что было изъято при личном обыске у арестованного,— приказал он появившемуся в дверях сотруднику. Затем вновь обратился к Капитонову.

— Февральская революция застала вас преуспевающим инженером, каких было в то время немало, и, немного вслугнув, скоро убедила, что по сути дела ничего не изме-

нилось. Даже больше — открылись широкие возможности карьеры, потому что вы были представителем той части технической интеллигенции, которая бурно пробивала себе вместе с национальной буржуазией дорогу вперед, к деньгам, к власти.

Вошел сотрудник и молча положил на край стола бумаги, деньги и ключи, отобранные у Капитонова.

Михаил Михайлович ничего не понимал. Начало разговора чем-то напоминало ему лекции и диспуты в Политехническом музее на тему «О путях русской интеллигенции».

— Октябрьская революция, — продолжал Березовский, — встревожила вас уже по-настоящему. Во-первых, вы потеряли свое черниговское имение, что-то около трехсот десятин пахоты и леса, не правда ли?

Капитонов, теперь уже заинтересованный, кивнул головой.

— Во-вторых, был закрыт Волжско-Камский банк, в котором у вас были «небольшие сбережения». Кажется, вы так писали в Совет Народных Комиссаров, прося о возврате их. Что-то около ста тысяч, да?

Капитонов снова кивнул головой.

— Словом, материально вас ударили довольно сильно. Но самое главное, вы потеряли перспективу. Хотели уехать за границу. Это вам обещали устроить в шведском посольстве.

— Но я же не уехал! — вырвалось у Капитонова.

— Верно, не уехали. Но только потому, что после переезда иностранных послов в Вологду лопнула и ваша поездка. Крах этой надежды вас очень огорчил, и вы об этом говорили своим друзьям. Тогда же это стало известно и нам, — улыбнулся Березовский. — В этот же период вы пытались перебраться на юг. Вам понятно, о каком юге я говорю? Но, приехав в Москву, вы испугались трудностей и опасности перехода советско-украинской границы. В это же время вы встретили Пальчинского. Вы знали инженера Пальчинского?

— Знал.

— Вы рассказали ему о ваших настроениях и планах, и он предложил вам остаться в Москве и... Ну, я думаю, теперь вы сами продолжите рассказ о себе. Если ошибетесь, поправлять буду я. Итак, вы остались в Москве.

Тут Березовский откинулся в кресле и выжидательно

посмотрел на Капитонова, давая понять, что предоставляет слово ему.

Капитонов в упор посмотрел на Березовского.

«Что они знают?» — возникла у него мысль. Видимо, глаза его выдали, потому что Березовский улыбнулся.

— Знаем, многое знаем мы, — сказал он, и Капитонова поразило, что его мысли прочитаны. — Во всяком случае, чтобы внести ясность, скажу, что некоторые из ваших друзей уже арестованы.

Капитонов вздрогнул.

— Вас, несомненно, интересует, кто именно, да?

В дверь постучали, и, не ожидая разрешения, вошел Бахметьев.

— Входи, входи, Иван Васильевич, — взглянув на него, проговорил Березовский. — Вот Капитонов интересуется, кто арестован еще.

Михаил Михайлович протестующе замотал головой и пожал плечами.

— Не интересуетесь? — удивился Березовский. — Что ж, хорошо! Садись, Иван Васильевич! — предложил он Бахметьеву. — Он знает о вас немало, — обратился Березовский к Капитонову, — пусть послушает. Мы остановились на том, что Пальчинский предложил вам остаться в Москве. Продолжайте.

— Сейчас, сейчас, — заторопился Капитонов. «Кто же арестован, — не оставляла его назойливая мысль, — что они знают?»

— Вы долго собираетесь с мыслями, Капитонов! — поторопил Березовский. Но Михаил Михайлович уже медленно и раздельно начал.

— Пальчинский устроил меня в Главуголь, помог в этом. Я был ему очень обязан. Работая в Восточном Совете Народного Хозяйства, я встречал многих знакомых по Петрограду, перекочевавших в Москву. Так я стал москвичом. Из бесед со старыми и новыми друзьями я сделал твердый вывод, что поражение Советов неизбежно и весь вопрос только во времени. Приезжавшие нелегально в Москву с белого юга, рассказывая о все нарастающей помощи Антанты, требовали ясного ответа, с кем мы.

— Я вас перебею. Два вопроса: первый — кто это приезжавшие с юга?

— Я, право, не помню имен.

— Тогда я позволю себе напомнить, с кем вы встре-

чались. Один из них полковник Хартулари. Теперь вспомнили?

— Я не слышал такой фамилии. Возможно, я знал его под другим именем. Но если вы знали о двух-трех встречах, почему я не был тогда привлечен к ответственности, как другие?

— Ну об этом мы будем говорить позже. И давайте договоримся, Капитонов.— вопросы здесь задаем мы! А кто этот Хартулари, вы знали?

— Если мы говорим об одном и том же лице.

— Конечно, о том же,— усмехнулся Березовский,— о том самом, с которым вас познакомил Шер. Вы знали Шера?

— Да,— упавшим голосом пробормотал Михаил Михайлович. Ему становилось не по себе. Если им были известны такие детали, о которых он и сам успел забыть, дело плохо.

— Так вы знали, кто это Хартулари?— настойчиво повторил Березовский.

— Какой-то инженер...

— И только?

— ... представитель прогрессивных промышленных кругов.

Березовский и Бахметьев засмеялись.

— Вы не лишены остроумия, Капитонов! С каких пор начальника деникинской разведки вы считали «прогрессивным промышленником»? Но довольно!— Березовский открыл один из ящиков стола и протянул Капитонову фото.— Он?

На Михаила Михайловича с улыбкой смотрел бравый офицер со значком генерального штаба, с небольшими черными, тщательно подстриженными усиками. Свешивающийся от тяжести аксельбанта погон, на котором чернел вензель Николая Второго, свидетельствовал, что его владелец — ~~французский дипломат~~ последним царя.

— Он!— с трудом выдавил из себя Михаил Михайлович.

— Ну, видите, как хорошо. Вот мы и договорились!— с явной иронией сказал Березовский и спрятал карточку в стол.— Ну, а ротмистра Донина вы знали тоже? Он ведь чаще бывал в то время в Москве.

— Я видел его один раз у Щепкина, с которым был связан.

— По «тактическому центру»? — быстро перебил его Бахметьев.

— Нет, по работе в ВСНХ. («Боже мой, как много они знают», — беспомощно думал он). Люди, о которых вы говорите, были арестованы и понесли заслуженное наказание.

— Значит, вы понимаете, что они заслуживали смерти?

— Но их не расстреляли!

— Да, им заменили расстрел.

— Но я не был даже арестован.

Он сейчас упрекнул себя в том, что сказал глупость. Березовский улыбнулся.

— Ну, на это были особые причины. Вы замечаете, Капитонов, что уже начинаете оправдываться?

И, точно отвечая на тайные мысли Михаила Михайловича, обратиться к Бахметьеву, Березовский продолжал:

— Сколько лет прошло. Казалось, все забылось и травой поросло, а — нет, кто-то помнил, хранил в своей памяти и встречи, и разговоры, и действия.

Да, действия, — продолжал он, снова поворачиваясь к Капитонову, — потому что за словами всегда следуют и поступки. Вы захотите внушить нам мысль, что разговоры, мол, были, а действий не было. Так я вас понял? Вы направляли, координировали действия других, а это еще хуже, больше! Действие может быть случайным, несознательным, руководство же поступками других — всегда осмысленное.

Наступила короткая пауза. Березовский перелистал дело.

— Леонтьева вы знали? — спросил он немного погодя.

— Сергея Михайловича? Конечно! Это очень уважаемый человек.

— Его нужно было расстрелять! — оронув Бахметьев. — Советская власть заменила этому «уважаемому» человеку расстрел тюрьмой.

— Мы считали его жертвой судебной ошибки, — нерешительно пробормотал Капитонов.

— Кто это «мы»?

— Я говорю о той части технической интеллигенции, которая противопоставляла себя Советской власти.

— Вы находились среди этих людей?

— Тогда я еще не мог определить своего места, но, конечно, мои симпатии были с ними.

— А позже?

— Я не утверждаю, что стою на советской платформе, но я всегда был лоялен.

— И никогда не принимали участия в антисоветских группировках? — перебил Березовский.

— Конечно, никогда! — оскоробленно воскликнул Михаил Михайлович. Но страх змейкой уже проник в сердце и знакомой мелкой дрожью рассыпался по всему телу. Где-то в подсознании все время, в такт пульсирующей крови, бился тот же вопрос: «Что они знают?» Эта мысль вторглась в его сознание и путала все остальные.

— Значит не принимали?

Капитонов зажмурил глаза и вдавил голову в плечи. Нет, молчать дальше нельзя. Здравый смысл требовал протестовать, возмущаться, хотя бы и без надежды выйти из этой игры. Но не поздно ли это после сделанных полу-признаний некоторых встреч. Какую-то часть его прошлого они знали. Знали, но не привлекли к ответственности, ну хотя бы по «тактическому центру», видимо считая его незначительным участником организации. «Да, надо говорить», — решил он и сейчас же мысленно поправился: — Но только о прошлом. Быть может, признание облегчит судьбу».

Раздался телефонный звонок. Березовский взял трубку и долго слушал, изредка поддакивая своему собеседнику. Закончив разговор, он вновь обратился к Михаилу Михайловичу.

— Я смогу облегчить ваши колебания. Тавокин только что дал исчерпывающие показания!

«Бог мой, значит, и он арестован», — с ужасом подумал Капитонов, чувствуя, как страх снова охватил его.

— Видите, он оказался умнее и дальновиднее вас и многих сдвигавшихся, — продолжал Березовский.

«И здесь вырвался вперед, спасает себя и топит остальных», — со злобой думал Капитонов. И, охваченный диким, животным страхом не опоздать, не потерять этого последнего права на снисхождение, на пощаду, он заговорил. Сидевшая у стены за столиком маленькая тоненькая стенографистка, которую он не сразу заметил, с трудом поспевала за этой захлебывающейся исповедью.

Беря папиросу за папиросой из лежащего на столе портсигара, он сознавался во всем. Почти во всем. Он цеплялся за крохотную, жалкую надежду, что кое-что о нем еще неизвестно.

Он кончил и попросил воды. Березовский придвинул графин и стакан. Капитонов налил воды и выпил.

— Ну, а как сухумские дела? — улыбаясь спросил Березовский, когда тот напился.

— Какие сухумские? — растерянно пробормотал Капитонов. Он попытался сделать вид, что не понимает, о чем идет речь, но не выдержал и отвернулся.

— Слушайте, Капитонов. Но ведь это же наивно! Вы сознались, многое припомнили, даже с подробностями, и вдруг, оказывается, забыли об этом городе, куда ездили совсем недавно с тем же Тавокиным. Вы встретились там с инженером Жирухиным, были на квартире у Назима Эмир-оглу. Или, может быть, вы не ездили в Сухум? — с улыбкой спросил Березовский. — Ну так как же, ездили или нет?

Не поднимая головы, Михаил Михайлович пробурчал:

— Ездил.

— Сколько вы получили от Кребса?

Капитонов изобразил удивление.

— Не от него непосредственно, — пояснил Березовский, — а от Эмир-оглу. Ведь мы знаем, что вы получили от него деньги за привезенные и переданные документы. Правда, мы приняли свои меры. Вы дали ему устарелые, да и не совсем верные данные. Такие, которые устраивали нас. Сколько же вам уплатили?

— Никаких документов я не передавал и денег не получал. И вообще... я отказываюсь отвечать на вопросы. Я все уже сказал, — внезапно упрямо пробормотал Капитонов.

— Это, конечно, ваше право и ваше дело, — холодно сказал Березовский. — Но напрасно отказываетесь и зря отрицаете факты. Я вам не советую. Мы уже знаем точную сумму. А на днях получим еще и показания Эмир-оглу, и вашего общего шефа. Я буду рад встретиться с Кребсом. Придется напомнить ему, что он нарушил данное им честное слово не интересоваться нашими делами. Впрочем, какое же у подобных господ честное слово?

Тут Березовский, будто забыв о Капитонове, повернулся к Бахметьеву:

— Мы взяли его здесь, в Москве, вместе с одной командой в особняке, в Петровско-Разумовском. Это еще в гражданскую войну. Он тогда только капитаном был. Разговор был серьезный, и мы условились, что он «больше не будет», — иронизировал Березовский. — Но он, как видишь слова не сдержал.

Снова обращаясь к Капитонову, он продолжал:

— До чего же вы докатились? Служите у английского разведчика. Неужели забыли, что вы русский. Где ваша русская гордость? Неужели вы не поняли, что Советская власть пришла навсегда. Возврата назад не будет!

Капитонов сидел подавленный, уничтоженный.

— Все ясно! — говорил между тем Березовский. — Вас уличают и будут уличать ваши так называемые друзья. Некоторые из них сознаются из страха перед грозящим наказанием, желая смягчить его, другие — потому что поняли, против кого они пошли. Имейте же мужество понять, что вы сделали, и признаться в этом!

Михаил Михайлович сжал голову руками и потом закрыл лицо ладонями. Наступило молчание.

— Вам трудно, Капитонов? — наклонился к нему Бахметев.

— Хотите, перенесем допрос на завтра. Подумайте. Согласны? — спросил Березовский.

Что было думать? Охваченный отчаянием, Михаил Михайлович не двигался. Потом он медленно, будто просыпаясь, отнял руки от лица и выпрямился.

— Нет, говорить надо сейчас, только сейчас, — сказал он разбитым голосом, побледневший, сразу будто осунувшийся. — Вы правы, надо отвечать за преступления против своей страны. — Он криво усмехнулся. — Плохо только, что мысли о родине пришли слишком поздно. Но что случилось, того уже не поправишь. Пусть уж мои ошибки — а ведь все началось с ошибок — и мои преступления послужат кому-нибудь уроком. — Он помолчал немного и уже почти твердым голосом сказал: — Да, я виновен, записывайте, теперь расскажу все.

В конце июля Федор вернулся в оперативную группу. Москва и Тифлис настаивали на форсировании дела. Иван Александрович направил Березовскому и в Тифлию

тщательно разработанный план, который предусматривал начало ликвидации в первых числах сентября. Аресты в Москве подтвердили наличие широко разветвленной антисоветской группировки, связанной с националистическими кругами Закавказья. Показания Тавокина и недолго заперавшегося Капитонова помогли разоблачить Жирюкина, а он выполнял роль связного между Москвой и Сухумом. Достаточно изобличенных Шенгеля и Шенгелия. Наблюдение за Назимом Эмир-оглу не прекращалось ни на минуту. С некоторых пор Чиверадзе ввел в дом Назима своего человека. Каждый шаг Эмир-оглу стал известен Ивану Александровичу, а вот, поди же, все это очень мало подвинуло раскрытие важных связей этого матерого волка. Уличить его, несомненно, могли бы показания его подручных, но они пока находились на свободе и было неясно, как поведут себя на допросе. А Чиверадзе не любил рисковать. Смелый и решительный, он начинал «тянуть» в надежде на какую-то ошибку Назима.

Разоблачение Платона Самушия было тяжелым ударом для Ивана Александровича. Враг проник в органы! Как много удалось ему узнать? Нужно было время, чтобы ответить на этот вопрос. А вдруг, кроме него, есть еще какой-нибудь «двойник»? Чиверадзе не мог назначить точную дату ликвидации «шакалов» и о своих сомнениях сообщил в Тифлис.

В один из вечеров в кабинете Ивана Александровича раздался телефонный звонок. Дежурная телефонистка доложила, что с ним будет говорить Тифлис. Иван Александрович взял трубку и услышал знакомый, резкий голос одного из начальников отделов ГПУ Закавказья.

— Что же ты медлишь? Развел у себя предателей и либеральничаете с ними! Почему не арестовываете своего? — вместо приветствия услышал Чиверадзе

— Еще не выявлены его связи, — начал Иван Александрович.

Собеседник грубо перебил:

— Ты не мудри! Сейчас же арестуй его и вышли под усиленным конвоем к нам.

— Но это вспугнет его сообщников, — возразил Чиверадзе.

— Никуда они не уйдут! Ты что ж, не сумеешь добиться нужных нам показаний?

Ивана Александровича передернуло от цинизма этих слов, но он сдержался и ответил, что Москва согласилась с его планом реализации дела в сентябре.

— А ты согласовал этот план со мной? — угрожающе сорвался тифлисский собеседник, но после короткой паузы уже спокойно продолжал: — Хотя, возможно, ты прав! Хорошо, арест не нужен. Завтра под каким-нибудь предлогом командируй его к нам. Мы его здесь прощупаем и тогда решим что делать.

— Я думаю...

— А ты не думай, выполняй приказ. Завтра пусть выезжает!

Приказ оставался приказом, и на другой день, утром, Самушия, вызванный к Чиверадзе, получил распоряжение отвезти в Тифлис объемистый пакет с одним из старых архивных дел.

Случаи, когда роль фельдъегеря выполняли оперативные работники, бывали довольно часты, и это не могло насторожить Самушия. Сотрудники любили такие короткие командировки в столицу республики: это давало им возможность, закончив служебные дела, походить по магазинам и выполнить многочисленные и разнообразные поручения домашних и друзей.

Невысокий, худощавый, с пышной шевелюрой цвета воронова крыла, Самушия, польщенный тем, что направляют в Тифлис его, а не другого, заметил, что Чиверадзе внимательно смотрит на него, и подтянулся.

С трудом сдерживая отвращение к стоящему перед ним на вытяжку человеку, Иван Александрович сказал:

— Поедешь сейчас же, а то не успеешь на четырехчасовой в Самтредиа. В Тифлисе не задерживайся. Деньги и документы возьми в финотделе. О своей поездке никому не говори. Ну все, поезжай! — и не подавая руки, кивком головы отпустил его.

Как только за Самушию закрылась дверь, Чиверадзе позвонил в Тифлис, сообщил, что приказ выполнен, «свой» четырехчасовой выедет, и попросил долго его не задерживать... Ему хотелось верить, что в Тифлисе поймут риск, связанный с задержанием Самушия, и не пойдут на это. Надо было все же принимать свои меры. Вызвав Дробышева, Чиверадзе распорядился усилить наблюдение за всеми «подопечными». Возмущение вновь охватило его, когда он рассказал Федору о приказе.

— С ума сошли! — вырвалось у Дробышева. — Неужели они рассчитывают, что этот мерзавец так легко сознается. Я не могу понять, что это: головокружение от успехов, глупость или полное неумение работать?

— Ты прав, — Чиверадзе откинулся на спинку кресла.

— Ладно, хватит об этом, — продолжал он. — Как у тебя дома?

Вопрос был задан неожиданно и застал Федора врасплох. Он как-то сжался и несмело ответил.

— Привыкаем друг к другу.

От Ивана Александровича не ускользнула перемена в настроении Дробышева.

— Когда ты лежал в госпитале, помнишь, я с тобой говорил о ее приезде, — сказал Чиверадзе. — У тебя было время подумать и принять решение. Ты, видимо, ничего не решил, предоставив все времени. Что значит это «привыкаем»? Ты простил ее?

Дробышев молчал, не зная что сказать.

— Не понимаю. Простил и забыл о ее ошибке? — настойчиво допытывался Чиверадзе. Федор посмотрел в глаза Ивану Александровичу и медленно произнес:

— Простил, да! — И немного подумав, тихо добавил: — Но забыть не могу! Не могу!

На другой день утром Чиверадзе позвонили из Самтредии и сообщили, что ночью в результате собственной неосторожности Самушия, возвращаясь из буфета в вагон, попал под колеса встречного поезда и погиб. Вздволенный этим сообщением, он командировал в Зугдиди Дробышева и позвонил в Тифлис. Секретарь, всегда такой предупредительный и четкий, долго и нудно мямлил о том, что «хозяин» занят и не может взять трубку. Чиверадзе резко потребовал немедленно соединить его. Наконец после длинной паузы и явно слышимого шушуканья Иван Александрович услышал знакомый недовольный голос. Едва Чиверадзе начал докладывать о происшествии в Самтредии, начальник отдела перебил его:

— Не оправдывайся! Даже такой простой вещи не мог организовать. Ну и черт с ним!

— Как это черт с ним? — возразил Чиверадзе. — Ведь мы так и не выяснили до конца роль этого предателя и его сообщников.

— Одним мерзавцем меньше — и то хорошо! — сказал

начальник. И внезапно спросил: — А не может быть, что твои люди ошиблись?

Чиверадзе был ошеломлен. Как? Его пытаются убедить, будто Самушия не виновен? Кажется, собеседник ждал именно такого ответа. Ивана Александровича возмутила эта попытка, и, не сдержав себя, он резко ответил:

— Нет! Ошибка исключена! Я сам убедился в предательстве.

— Ну что ж, расследуем, разберемся. — недовольно ответил далекий голос. — И виновных накажем!

На этом кончился разговор, оставивший Чиверадзе в тяжелом недоумении.

38

Перед самым отходом рейсовой машины на Михайловку к станции Союзтранса подъехал Жирухин. Рассчитавшись с извозчиком и взяв из пролетки свой чемодан, он пересек базарную площадь и подошел к автобусу, заполненному колхозниками и рабочими со строительства. Задние места были заложены многочисленными мешками и чемоданами, уже обвязанными веревкой, но, несмотря на это, шофер предложил положить чемодан туда. Жирухин поблагодарил и отказался. Протиснувшись через ряды плотно сидевших пассажиров, он занял свое место и поставил чемодан на колени. Как только он сел, его сжали с обеих сторон.

Шофер, желая заработать, видимо, перестарался. Маршрут был новый, «глубинный», не опасный насчет проверок, и он почти не рисковал, набирая пассажиров сверх нормы. Его окружили колхозники с тяжелыми мешками, совали в руки скомканные деньги и упрашивали посадить. Жирухину надоела эта суетня, и он, окликнув шофера, резко спросил его, когда наконец они отправятся.

— Сейчас поедem! — не оборачиваясь, бросил тот и направился в переднюю часть. Резкий гул мотора покрыл голосный шум. Не успевшие сесть забегали около машины, но она уже зафыркала и, тяжело скрипя, начала медленно разворачиваться.

Пройдя центральную часть города, автобус повернул на шоссе. У здания музыкального техникума Жирухин увидел Константиныди с группой студентов. Александр Семенович хотел отвернуться, но заметив, что «музы-

кант», как он его иронически называл за глаза, смотрит на него, заулыбался и приветливо замахал рукой.

Как только проехали больницу и машина вошла в затемненное и сырое Остроумовское ущелье, Жирухин начал придирчиво рассматривать своих случайных попутчиков. Не найдя знакомых, он успокоился, закрыл глаза и под ласковое урчание мотора задремал.

Резкий толчок внезапно разбудил его. Он инстинктивно схватился за чемодан, поднял голову и открыл глаза. Все еще находясь в расслабленном полусне, он не сразу понял, где находится, но осмотрелся и увидел, что машина стоит у здания строительства. Пробежав взглядом по немногим встречающимся, Жирухин убедился, что Сихарулидзе среди них нет, чертыхнулся и не торопясь слез с машины. Приходилось идти в контору. С тяжелым чемоданом он медленно поднялся по скрипучим деревянным ступенькам и открыл дверь.

В комнате, глядя на него в упор, стояли начальник участка инженер Бедия, несколько рабочих и Сихарулидзе. За столом сидел незнакомый ему военный в форме ГПУ. От неожиданности Жирухин отшатнулся, сделал шаг назад, но наткнулся на какого-то человека, шедшего по лестнице. Жирухин обернулся и узнал одного из ехавших вместе с ним. Незнакомый шутливо обнял его и иронически сказал:

— Ну что ж вы, растерялись, что ли? Входите, входите, видите, вас ждут!

Жирухин все понял. Он бросил чемодан и ударил неизвестного в лицо. От неожиданности тот повалился назад и тяжело покатился по лестнице. Жирухин перескочил через него и побежал по улице. Сзади раздался выстрел, топот многих ног, потом крики: «Стой! Стой! Стрелять буду!..» Но это только подстегнуло Жирухина. Вжав голову в плечи и не оглядываясь, он бежал все быстрее и быстрее. Он хотел свернуть в маленький переулок, но что-то мелькнуло перед ним и бросилось под ноги. Он споткнулся и упал. В ту же минуту на него навалились несколько человек. Кто-то схватил его за ногу, чья-то рука очутилась около лица Жирухина. Он укусил ее. Человек вскрикнул от боли и ударил его.

— Вставай, гадина! — услышал он голос Бедия, того самого Бедия, который всегда был с ним так почтителен и внимателен.

— Мерзавцы, взбунтовавшаяся сволочь, я покажу вам,— выкрикивал Жирухин. Ненависть к этим людям, столько лет скрываемая, ярость от сознания своего бессилия, мысль, что это конец его стремлениям и мечтам, душили его.

— Это ваш чемодан? — спросил Пурцеладзе, после того как Жирухину развязали руки и обыскали его.

— Дайте мне стакан воды,— вместо ответа вызывающе попросил Жирухин.

— Керосина ему надо дать, а не воды! — посоветовал Сухариндов, стоявший у дверей с группой рабочих.

Жирухин посмотрел на него злым взглядом и, обращаясь к Пурцеладзе, сказал:

Если вы не уберете из комнаты всех этих людей, я не скажу ни слова.

— Попробуем выполнить вашу просьбу,— улыбнулся Пурцеладзе. — Спасибо, товарищи, за помощь, можете идти.

— Так это ваш чемодан? — переспросил Пурцеладзе, когда в комнате остались только он, Жирухин и его злополучный попутчик, сбитый им с ног.

— Этот человек такой, как вы? — кивнув на него, спросил Жирухин.

Пурцеладзе засмеялся.

— Наконец-то догадались! Ну, теперь ответьте на мой вопрос.

— Вы о чемодане? Да, мой. Я предполагаю, вы знаете, что в нем находится? — с издевкой спросил Жирухин.

— Конечно, знаю. Об остальном мы поговорим в Сухуме!

За окном послышались частые сигналы автомашины.

— Ну поехали! Только не вздумайте еще раз драться и бежать,— предупредил Пурцеладзе. Он хлопнул по плечу Хангулова, одетого по-крестьянски, и засмеялся.

— Смотри, как бы тебе еще не попало!

Дежурный по оперпункту станции Самтредиа, проверив у Дробышева документы, рассказал довольно подробно о чрезвычайном происшествии прошлой ночи. По его словам, Самушия был пьян и, выйдя из станционного буфета

после гудка отправления, побежал к своему составу, стоявшему на третьем пути, но встречный поезд «Тифлис — Батум» сбил его, втянул под колеса и «раздавил, как бог черепаху», — почему-то весело закончил он. На вопрос, где тело, дежурный ответил, что по распоряжению Дорожного отдела труп на мотодрезине отправлен в Тифлис.

— Есть ли свидетели происшествия? — спросил Дробышев.

Дежурный пожал плечами и посоветовал поговорить с его сменщиком, который все знает.

— Но он утром ушел домой, — добавил он.

Узнав адрес, Дробышев пошел на квартиру. Молодая милостивая грузинка отворила дверь и, не зная русского языка, долго не могла понять, что ему нужно, наконец, услышав повторенную несколько раз фамилию мужа, закивала головой и скрылась в глубине комнаты. Прошло, однако, не меньше четверти часа, прежде чем на пороге появился высокий молодой парень с заспанным лицом, в туфлях на босу ногу. На ломанном русском языке он не особенно любезно спросил Дробышева, что ему нужно. Узнав, что тот из Сухума, от Чиверадзе, он резко изменил тон и пригласил в комнату. Сидя за столом, часто зевая и потягиваясь, он рассказал то небольшое, что знал о гибели Самушия.

— Были ли свидетели? — повторил свой вопрос Дробышев.

Немного подумав, сменщик ответил, что один из носильщиков видел, как Самушия бежал из буфета через пути к вагону.

— Вы его допрашивали? — перебил Федор. Тот удивленно поднял брови.

— А зачем? Понимаешь, кацо, несчастный случай. Сам виноват. Мы сообщили в отделение, они в Тифлис. Начальник пришел, по телефону говорил, приказал мертвого отправить в Доротдел. Мы нашли моториста, уложили тело в ящик, погрузили на дрезину.

Узнав, что больше ничего не узнает, Дробышев поблагодарил и пошел в станционный буфет.

Сидя за одним из столиков полупустого зала и слушая, как за открытыми окнами перекликаются разногласные гудки маневровых паровозов, Федор (в который раз!) пожалел, что не владеет грузинским языком. Разглядывая зал, он заметил, что привлек внимание буфетчика.

Толстый, с красным, лоснящимся, апоплексическим лицом, поминутно вытирая не особенно чистым полотенцем струящийся пот, он время от времени бросал на Федора внимательные, оценивающие взгляды. Поездов не было, местные завсегдатаи работали и могли прийти сюда только в вечерние часы, а этот неизвестный русский сидел за столиком, ничего не заказывал и только лениво посматривал по сторонам. Интриговало и то, что при нем не было никаких вещей.— значит, не пассажир. Любопытный как все духанчики, буфетчик с удовольствием расспросил бы незнакомца, но не на кого было оставить буфет, да и положение хозяина зала обязывало ожидать, когда посетитель обратится сам.

Видя, что никто не подходит, Федор постучал по пепельнице и посмотрел на буфетчика. Тот пожал плечами и в свою очередь поманил его пальцем. Как Дробышев и предполагал, пришлось пить самому и угощать своего собеседника.

Когда они кончали вторую бутылку, Федор кое-что узнал о смерти Самушия. Не так уж часто на станции происходили подобные события. Буфетчик — его звали Гиви — утверждал, что покойный сидел за столиком не один.

— Как не один? А с кем? — насторожился Дробышев. Но буфетчик так и не мог припомнить приметы собеседников Самушия.

— Сколько же человек сидело за столиком? — спросил Федор.

— Трое, — ответил Гиви. — Сидели вот там, — показал он рукой на крайний столик в углу.

— Кто их обслуживал?

— Официантка Маро.

— А где ее можно найти?

— Сейчас позовем.

Приоткрыв дверь, ведущую в кухню, буфетчик крикнул что-то, затем обернулся к Дробышеву и, наклонившись через прилавок, доверительно спросил:

— Ты из ГПУ, следовательно?

Федор кивнул головой.

— Спрашивай, пожалуйста, — сказал Гиви.

— Сколько стоял поезд?

— Пятнадцать минут. Батумский всегда так стоит.

— Чего же он бежал, ведь ехал-то в Тифлис?

— Как в Тифлис? — удивился буфетчик. — Ты что-то путаешь. В Батум он ехал. В Батум! Под Батумский и попал. — Гиви присвистнул, — а тифлисский за час до этого ушел.

Это было неожиданно и странно, но Дробышев не стал спорить.

— А кто видел, как это случилось? Люди на перроне были?

— Почему не были! Много народу было. Кто встречал, кто провожал, пассажиры тоже были, — ответил буфетчик.

— А кто видел, не знаешь?

— Должно быть, никто не видел. На первом пути стоял товарный, не успели убрать. Скорый пришел на второй. Хотя, подожди. Нико видел.

— Какой Нико?

— Носильщик на станции. Когда это случилось, он в буфет приходил, говорил, что видел. Да его вызывали ваши, допрашивали. А вот и Маро. Иди сюда, Маро, человек хочет с тобой поговорить.

Федор обернулся и увидел невысокую полную блондинку с ярко накрашенными губами. Это была русская девушка. Вероятно, ее звали Марией, а не Маро. Она улыбнулась и подала руку.

— Гиви говорит, что вы обслуживали вчера вечером человека, которого переехал поезд, — не отпуская ее большой крепкой шершавой руки, сказал Дробышев.

— Да, он за моим столиком сидел.

— Расскажите подробно и по порядку, как все это было, — попросил Федор.

Она вопросительно посмотрела на буфетчика.

— Поговори с товарищем, расскажи ему, — сказал толстяк и вернулся за стойку.

Маро пригласила Дробышева сесть за столик. Чувствовалось, что работа в ресторане приучила ее не теряться и не смущаться перед посторонними. Ей не надо было заботиться, как ей вести себя. Она быстро поняла, что от нее ничего и с чисто профессиональной наблюдательностью рассказала о человеке, который, встав из-за ее столика, через несколько минут трагически погиб. Она никогда раньше его не видела, но запомнила многие характерные черточки. Из ее рассказа Дробышев узнал, что Самушия вошел в зал с двумя мужчинами. (Маро подробно описала их). Один из них заказал вино, водку и еду. Пили много,

почти не закусывая. Она немного знает грузинский разговорный язык и поняла, что встретились товарищи по работе. Несколько раз они называли какие-то фамилии, но она их не запомнила. Сидели за столиком что-то около часа.

— А о чем они говорили, не слышали? — спросил Дробышев.

— Когда я подходила к столику, они замолкали. Позже, когда выпили, мне удалось услышать несколько раз слово Батум.

— И только?

Она замялась.

— Ну говорите же, что вы слышали еще! — настаивал Дробышев.

— Мне показалось, что двое требовали, чтобы третий, ну тот, который попал под поезд, ехал в Батум.

— А он что же, не хотел?

Она кивнула головой:

— Да!

— И еще что?

— Говорил, что в Тифлисе должен увидеть «самого».

— Кого?

— Один из них заметил, что я стою рядом, и громко засмеялся. А мне велел уйти. Я не расслышала.

— А кто платил?

— Тот, который заказывал.

— Был ли в руках погибшего портфель? — поинтересовался Дробышев.

— Да, был, — ответила она.

Маро показалось, что в портфеле были деньги или документы, потому что он не выпускал его из рук. Но когда они уходили, то портфель нес один из его спутников.

— Они были пьяны, когда уходили?

— Больше всех был пьян, который погиб, — объяснила Маро. — Он шел, а те двое его поддерживали под руки. Знаете, — сказала она, задумавшись, — чему я удивилась? Целый час они пили и разговаривали, а как объявили о подходе батумского, заторопились, поскорей расплатились и к выходу почти бежали. А пьяный упирался. Потом слышу крик: «Человек под поезд попал!»

— А этих двоих, кто с погибшим был, раньше не видели?

— Нет не видала.

— Почему вы их запомнили?

— Да они какие-то не такие, как все.
— Как это не такие? Чем же они отличаются? — спросил Дробышев.

Маро помялась.

— Не такие. Строгие. Не улыбнулись, не пошутили.

Маро не умела объяснить толком свое впечатление. А дело было просто. Она привыкла к фамильярностям не трезвых посетителей, к заигрыванию, к ошущивающим взглядам, двусмысленным шуткам. А эти люди не обращали на нее никакого внимания. И это было непривычно.

— Вы их после катастрофы не видели?

— Нет, они не появлялись.

— Кто-нибудь вас вызывал, допрашивал?

— Никто, — ответила Маро.

— А куда же портфель погибшего девался?

— Откуда же мне знать?

Больше ничего она, видимо, не знала. Дробышев поблагодарил за беседу.

— Пожалуйста, — сказала она, улыбаясь, — если надумаете, приходите сюда вечером, — продолжала Маро, впадая в привычный наигранно-веселый и игривый тон разбитной официантки.

Дробышев решил продолжать свои поиски. О его приезде и беседах уже стало известно сотрудникам местного оперпункта, и, когда он попросил их найти носильщика Нико, несколько человек бросились выполнять его просьбу. Не прошло и двадцати минут, в течение которых он успел просмотреть запись о происшествии в книге дежурного, как длинный и сухопарый носильщик уже сидел перед ним. В небольшой комнате оперпункта собрались сотрудники, свободные от дежурства, и с любопытством наблюдали за Дробышевым. Разговаривать в такой обстановке было трудно, но Федору не хотелось обижать их, и он, положив перед собой блокнот, начал стучать.

Нико объяснил, что он видел, как через тамбур товарного перелезли трое. Один из них был очень пьян, и двое других его поддерживали. Вагоны закрывали свет перронных фонарей, на пути было темновато, и он не смог рассмотреть людей, да это его и не интересовало. Чего-чего, а пьяных на станции хватало. На пути он находился, чтобы встречать пассажиров, — это его обязанность. Но как только мимо него прошел электровоз и поравнялся с этими тремя, он услышал крик, скрип и скрежет тормозов.

зов. Когда он подбежал к вагону, под колесами которого лежал человек, около уже никого не было.

— А те двое, которые поддерживали пьяного? — перебил носильщика Дробышев.

Нико пожал плечами.

— Их не было. Я на это сразу и не обратил внимания. Потом начали подбегать люди: машинист, пассажиры. Возможно, эти люди были в толпе, но меня ослепила пассажир, и я понес вещи.

— Нашли ли портфель? — поинтересовался Дробышев.

— Да, я видел черный портфель, он лежал на путях. Его подобрала и сдала в оперпункт.

«Пусть думают, что меня беспокоит, где документы», — подумал Федор и повернулся к дежурному.

— Где же портфель?

— Отправлен вместе с телом в Тифлис, — ответил тот.

Ближайший обратный поезд на Ново-Сенаки шел в одиннадцать вечера. В оставшиеся до отхода поезда два часа Дробышев решил побродить по городу. Он уже направился к выходу, но к нему подошел сотрудник оперпункта и сказал, что его вызывает Сухум. Взяв трубку, Федор услышал голос Чиверадзе.

Что ты там шумишь? — спросил Иван Александрович. Он добавил иронически: — Даже Тифлис всполошил! — Чиверадзе помолчал. — Первым же поездом возвращайся домой, — строго закончил он.

Проходя мимо буфета, Дробышев вспомнил, что с утра ничего не ел, и зашел в зал. Почти все столы были заняты. Буфетчик, увидев его, улыбнулся как старому знакомому и помахал рукой. Пробираясь к свободному столику, Федор столкнулся с Маро. Она побледнела и, пройдя вплотную, шепнула, чтобы он прошел в угол к ее столику. Как только он сел, она подошла и, протянув карточку, вполголоса сказала:

— Мне надо вам что-то сказать. — Первый раз она не улыбалась. — Быстро идите на улицу. Я выйду за вами.

Голос ее был тревожен. У Федора пропало желание есть, он встал и направился к выходу. Овернувшись в дверях, увидел, что Маро испуганно оглядела зал и смотрит на него. Спустившись по лестнице на площадь, Дробышев завернул за неосвещенный угол — оттуда ему было хорошо виден вокзал — и приготовился ждать. Не прошло и минуты, как он увидел вышедшую Маро. Она быстро

спустилась по лестнице и, перебежав площадь, юркнула за угол, где ее ждал Дробышев, схватила ничего не понимающего Федора за руку и быстро зашептала, что через час после их беседы в зале появился один из тех, кто сидел с погибшим. Отозвав ее в сторону, он спросил, о чем она говорила с приезжим русским. Она сделала вид, что не узнала его и ответила, что русский спрашивал, не вспомнит ли она людей, которые были на вокзале с убитым, а она будто бы сказала русскому, что за день у нее перед глазами проходит много народу и она не помнит, кто сидел за ее столиком. Неизвестный, видимо, успокоился, но все же предупредил, чтобы она держала язык за зубами, потому что русский уедет, а она останется!

Нервы Маро сдали, она заплакала.

Дробышев смотрел и думал: «Никуда я не уеду отсюда, пока не разберусь до конца! Убили Самушия ведь,— решил он,— убили, чтобы не выдал других. Кто эти двое? Один здесь. А другой?»

Маро побежала к вокзалу. Федор, обойдя вокруг здания, через перрон направился в оперативный пункт.

Дежурный соединил его с Сухумом, и через несколько минут сквозь треск, разряды и какие-то разговоры он услышал голос Ивана Александровича.

— Необходимо задержаться на один-два дня,— сказал Дробышев,— совершенно необходимо! Очень важные сообщения. Очень! — подчеркнул он. — Разрешите?

— Догадываюсь! Не случайная смерть? Разберемся! Но сам выезжай!

— Надо остаться! — повторил Федор.

— Выезжай немедленно! — вскипел Чиверадзе, — понимаешь, немедленно обратно. Понял?

— Понятно! — обиженно ответил Дробышев. — Через час выезжаю.

40

Прошли только сутки, как Федор уехал в эту срочную командировку, а Елену Николаевну уже томили страх и предчувствие каких-то опасностей.

День промелькнул в сутолке хозяйственных дел и забот, но к вечеру, оставшись одна, она загрустила. С сумерками возвратились и волнения за мужа. Елена Николаевна знала, что некоторые жены телефонными звонка-

ми надоедали начальникам своих мужей — куда поехал? Надолго ли? И чуть не задавали вопрос «зачем?» Им говорили о примерных сроках командировок, но на остальное отвечали неопределенно и, как им казалось, загадочно. Наиболее дотошным и надоедливым сухо напоминали, что их мужья работают не в промкооперации и что женам чекистов любопытство противопоказано. По возвращении из командировок с мужьями таких ревниво-любопытных разговаривали. Разговоры были неофициальные, но неприятные и оканчивались, как правило, дома слезами «слабого пола». К счастью, таких жен было не так уж много. Большинство женщин, вышедших замуж за чекистов, мирились с неизбежной скукой довольно частых одиноких вечеров. Многие из них работали, у многих были дети. Это скрашивало семейную жизнь. Кое-кто иногда не выдерживал. Застигнутый врасплох слезами жены, муж гладил поникшую, дорогую ему голову и, взволнованный, успокаивал свою подругу словами, которым сам не очень верил, о том, что нужно подождать, сейчас не такое время, чтобы отдыхать. Елена тоже прошла через это. В сущности что, как не это, толнуло ее к Григорию Самойловичу?

По ее расчетам, Федор завтра должен был вернуться.

Она читала, когда в окно постучали. Отодвинув занавеску, Елена увидела за стеклом незнакомое лицо. Человек что-то говорил, но она видела только раскрывающийся рот. Она открыла окно. Человек сказал, что он из госпиталя, от доктора Шервашидзе. Она испугалась.

— Не случилось ли чего-нибудь с Дробышевым?

— Не знаю, но доктор сказал, чтобы вы немедленно пришли в больницу.

Елена Николаевна растерялась. Она схватила платок, надела его, потом сняла. Чувствуя, что у нее дрожат ноги, она села, но сейчас же вскочила и выглянула в окно. Незвестный ожидал. Она крикнула ему, что идет, и, забыв даже погасить свет, выскочила из комнаты. У калитки, ласкаясь, к ней подбежал Дин. Увидев собаку, Елена вспомнила, что дома никого не осталось, и крикнула: «Домой!» Дин неохотно повернул обратно, но, пройдя несколько шагов, остановился и, стараясь не попадаться на глаза расстроенной хозяйке, побежал за ней. Схватив провожатого за руку, ничего не соображая от волнения, Елена заторопилась. Незвестный успокаивал, но она не

слушала. Воображение рисовало ей страшную картину нового ранения Федора. Ранения? А может быть, даже смерть? Она уже бежала. Видимо, спутник ее был не совсем здоров, не поспевал за нею, снова уговаривал не спешить, потом начал отставать. Когда она вышла к Ботаническому саду и обернулась, его уже не было.

Редкие городские фонари обогнали этот квартал. Елена скорей угадывала, чем видела тропинку, ведущую к насыпи, за которой начинался подъем к больнице. Густо разросшиеся ветви деревьев свешивались из-за железной ограды, закрывали сад. Елена слишком торопилась, чтобы ожидать провожатого теперь, когда были уже видны огни больницы. Ей показалось, что здание освещено ярче, чем всегда. «Ну, конечно, что-то случилось с Федором», — продолжая бежать, думала она. В эту минуту какой-то человек преградил ей дорогу. Она толкнула его и хотела бежать дальше, но неизвестный схватил ее за руку. Темнота мешала рассмотреть его, но человек и не думал прятаться.

— Подождите, Елена Николаевна! — сказал он вполголоса, и она узнала Майсурадзе. Он тянул ее к ограде. Если на улице, затененной деревьями, был полумрак, то там было совсем темно.

— Что вы делаете? — возмутилась она, пытаясь выдернуть руку. Елене на мгновение показалось, что Майсурадзе, случайно встретив ее, пытается воспользоваться безлюдностью и темнотой, чтобы возобновить свои пошлые ухаживания. Она гневно оттолкнула его, но он бесцеремонно схватил ее за плечи. Елена хотела крикнуть, но рука Майсурадзе закрыла ей рот.

— Не кричите! — услышала она свистящий шепот.

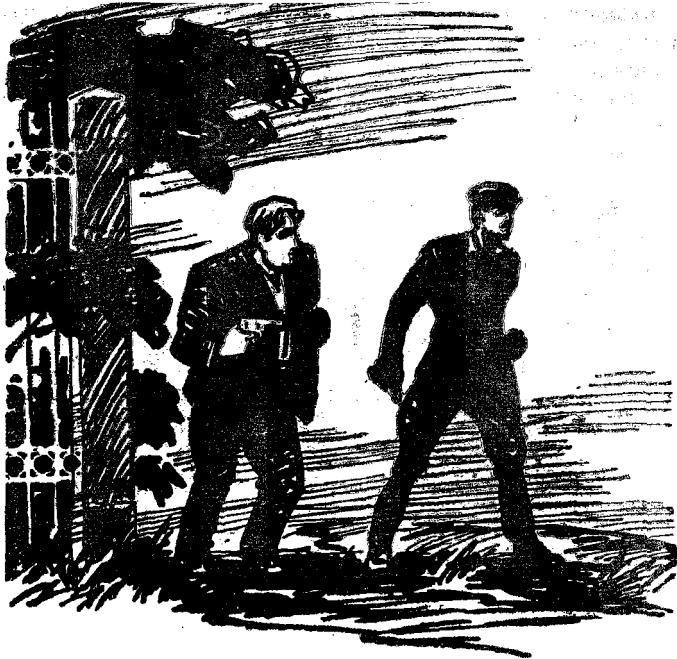
— Что вам нужно?

— Пойдите спокойно, я не собираюсь за вами ухаживать. — В голосе Майсурадзе послышалась явная угроза.

— Меня срочно вызвали в больницу, — начала она.

— Вас вызвал я. Иначе вас трудно вечером вытащить из дому. Слушайте внимательно. Мужу, да и вам грозит опасность!

Теперь Елена уже не сопротивлялась, не пыталась бежать. Ей вспомнился незнакомец, встреченный недавно возле дома. Что-то общее было у Майсурадзе с тем человеком.

— Вам нельзя доверять, потому что вы болтливы, — продолжал Майсурадзе. — Но опасность слишком велика, и у нас мало времени.

— Болтлива? — стараясь быть спокойной, удивилась Елена.

— Да, болтливы и, видимо, легкомысленны, — продолжал Майсурадзе. — С вами разговаривали, предупредили, чтобы вы никому не говорили об этом. А вы сейчас же все рассказали мужу и по его указанию бегали в ГПУ.

«Так вот в чем дело! — подумала она. — Значит, прав Федор, что врагов еще много. Того человека она не знает, но этот...»

— Что вы рассказали мужу и что говорили в ГПУ? — продолжал допрашивать Майсурадзе. Теперь он был не заискивающий, не вкрадчивый, как в поезде, нет, жестокий, чужой, угрожающий. Так вот какие бывают враги! А она-то думала, что у них хищные, полуприкрытые мас-

ками плакатные лица шпионов и вредителей. Елена чувствовала, как в ее душе растет презрение и ненависть к этим людям с двойными лицами, фразами и поступками.

— Что же вы рассказали вашему мужу? — как сквозь сон, услышала она настойчивый голос Майсурадзе.

— Что вам надо от меня? — крикнула она.

— Она смеется над нами, — произнес кто-то сзади.

Елена обернулась и увидела загородившую ей дорогу большую темную фигуру. И тогда со вспыхнувшей яростью, уже не владея собой, она закричала и бросилась бе-

жать, бежать к свету, к людям, чтобы рассказать им, предупредить об опасности. Она услышала за собой топот, площадную брань и визгливый крик: «Кончай ее!» И сейчас же грянул выстрел, за ним второй, третий. Она почувствовала удар, перед глазами вспыхнуло и погасло огненно-яркое, ослепительное пламя.

В это же мгновение из темноты выскочила огромная собака, бросилась на Майсурадзе и опрокинула его на землю. Острые клыки впились в руку. Убийца вскочил и в упор выстрелил. Овчарка взвизгнула и тяжело свалилась на траву.

41

В середине августа прошли проливные дожди. Сплошные потоки воды обрушились на побережье. Сразу потемнело и похолодало. Со склонов гор к морю медленно сползали огромные массы разжиженной земли вместе с цветами, виноградниками и кустами табака. Погибали плоды тяжелого труда тысяч людей. Бедствие росло и ширилось. Шоссе, проходившее вдоль берега моря, не становило оползней. Реки вышли из берегов. Сообщение между селениями и городами было прервано. Единственным видом транспорта остались буйволы, флегматично

двигавшиеся по этому бездорожью. Море, еще неск — это
дней назад спокойное и синее, теперь побурело и ог
ными валами тяжело бухало о гранитные па^Б Эмух-
Только крайняя необходимость заставляла челове^Б Беш-
кидать свое жилье, мокнуть, скользить, вязнуть, с труд^Б
передвигать ноги. Непогода остановила и железнодорож^Б
ное движение. Скорый поезд из Москвы, не дойдя двад-
цати километров до Сочи, застрял в районе селения Ниж-
нее Лоо. Огромные глыбы известняка, нависавшие над
дорогой, обрушились и завалили железнодорожное полот-
но. Пассажиры отсиживались в вагонах, «забивали коз-
ла», играли в карты и в шахматы; уныло бродили по со-
ставу и, кляня непрестанно льющийся дождь, жадно при-
слушивались ко все растущим слухам.

Осмотрев камни, преградившие путь, и переговорив
с главным кондуктором, Березовский убедился, что помо-
щи дожидаться не скоро, и решил вместе с сопровождаю-
щим его сотрудником пешком пройти полтора-два кило-
метра до станции Лоо, оттуда связаться по телефону с
Сочи и любым способом добраться до Сухума. Надо
было торопиться. Допросы Тавокина, Капитонова и дру-
гих помогали окончательно установить наличие в Абхазии
хорошо законспирированной антисоветской организации,
тесно связанной с московским центром. ОГПУ теперь рас-
полагало точным списком участников контрреволюционно-
го подполья и конкретными фактами их преступной
деятельности. Судя по последним сообщениям из Сухума,
вражеские элементы активизировали свою деятельность,
и Березовский отправился в Абхазию, чтобы руководить
операцией по ликвидации затянувшегося дела «шакалов».

В один из этих же дождливых дней Пурцеладзе и
Сандро были вызваны к Чиверадзе. Иван Александрович,
всегда подтянувший и чистый, в последнее время чувст-
вал недомогание. Сутулясь, он дремал в своем кресле. Уви-
дев вызванных, зябко повел плечами.

— Отдохнули?

Голос у Ивана Александровича немного хрипел. Чиве-
радзе протянул руку к коробке «Самсуна», достал папи-
росу, долго разминал табак пальцами, зажег спичку и за-
курил. Наблюдавший за ним Сандро заметил, что рука
Чиверадзе дрожала — Ивана Александровича лихорадило.
Сыроватый табак долго не раскуривался. Наконец после
нескольких глубоких затяжек он выдохнул из себя серо-

они, ты молчи. Даже лучше! Пусть расстреляют патроны, у них мало, легче будет брать... живыми...

Сил больше не было. Иван Александрович отвалился на подушку, прикусил бескровную губу и закрыл глаза.

— А если их в селении не будет? — обратился Сандро к Дмитренко. — Как тогда с письмом?

— Тогда жди! День, два, смотря по обстановке. Если Эмхи там не будут, Метакса найдет способ сообщить им о твоём приходе. Это, конечно, хуже, — нельзя скапливать наших людей до их прихода — заметят. Нет, нет, они должны быть там, — решил Дмитренко. — Пограничники предупреждены и в курсе всей операции.

Сандро и Пурцеладзе закивали головами.

— Тогда давайте; выполняйте!

Выйдя из кабинета, Дмитренко вызвал к Ивану Александровичу врача. Дежурный доложил, что звонили из Сочи, приехавший из Москвы Березовский спрашивал, можно ли проехать на машине от Пиленково до Сухума. Узнав, что дорога в нескольких местах разбита, он просил передать Чиверадзе, что выезжает погранкатером и к ночи будет.

* * *

Да, это было тяжелей, чем в прошлый раз. До Келасури Сандро шел по шоссе, под несмолкающий шум дождя, обходя выбоины, полные воды. Еще не выйдя из города, он промочил ноги. В сапогах противно хлюпало. Он попробовал сойти с шоссе и идти по обочине, но вскоре вернулся обратно. Там было еще хуже. Ноги скользили, он дважды падал, измазался в глине и вымок еще больше. Идущая по пустынной дороге, Сандро думал о том, как будет выполнять задание. Оно было сложным, очень опасным и не совсем понятным. Вот хотя бы этот путь. Он засмеялся, вспомнив, что следом за ним идет Пурцеладзе. «Наверное, так же падает, как и я», — подумал он. От сознания, что недалеко от него находится друг, Сандро стало как-то теплее.

Можно было идти прямо на Михайловку, а Дмитренко почему-то требовал, чтобы они шли кругом, через Келасури, вдоль реки до Александровки, потом повернули на Павловку и через Константиновку, с юга, вышли к

Бешкардаш. Для чего это? Дмитренко пояснил: идти так, как шел бы Минасян.

Перейдя Келасурский мост, Сандро повернул влево по дороге вдоль реки. Тропа то и дело пропадала в густой траве, Сандро, сбиваясь с пути и, отыскивая дорогу, возвращался назад. Ущелье то расширялось, то сужалось. Огромные грабы, окутанные внизу большими зелеными шапками лавровишни и рододендрона, тянули к солнцу свои кроны. Вдоль стволов, свешивая зеленые гроздья, вился дикий виноград. Воздух был полон густым влажным испарением.

Обступившие дорогу густые кусты стали попадаться реже, лес поредел и незаметно перешел в рощу гладкоствольных буков. После очередного спуска Сандро ступил на ветхий деревянный мост, дрожавший от непогоды, старости и тяжести пешехода. За мостом он поднялся вверх к небольшому греческому селению, не останавливаясь, прошел вдоль маленьких домиков, спрятанных в густой листве фруктовых садов, и присел у нависшего над тропой огромного обломка гранита, решив подождать идущего сзади Пурцеладзе. Надо было еще раз договориться о совместных действиях, уточнить условленную сигнализацию.

Через полчаса на тропинке показался Володя. Он шел возле Сандро. Они еще раз все обсудили.

— Ты смотри, не спутай,— напомнил Пурцеладзе,— и не лезь на рожон. Помни, что говорил Иван Александрович.

— Помню, помню,— обиженно отмахнулся Сандро.— Ты сам смотри лучше.

После короткого раздумья он добавил:

— Я думаю, не успеет приехать Иван Александрович. Не ушли бы они.

Пурцеладзе внимательно посмотрел на него.

— Ты это о чем? Опять за свое? Понял, не стрелять! А то сорвешь всю операцию! Пошли! Я уже продрог. Ночуй в Константинополе у Улановского. В семь утра выходи на Бешкардаш. Я пойду следом. Теперь уж разговаривать не придется до самого конца.

Дверь оказалась закрытой. Дробышев постучал и прислушался. Подождав немного, постучал сильнее, но в

комнате было тихо. Что ж! Придется ждать. Она могла пойти в город, в магазин, к врачу. Это бывало и раньше.

Спускаясь с веранды в маленький, заросший густой травой дворик, он вдруг заметил, что из-за неплотно пригнанных досок забора на него смотрят две женщины. Дробышев узнал в них соседа, поздоровался. Они почему-то растерялись. Не обращая на них внимания, он сел и закурил. Женщины перешептывались, не отходили от забора. Это удивило Федора. Бросив недокуренную папиросу, подошед ближе, он спросил: давно ли ушла жена. Они переглянулись и замолчали. Потом одна из них сказала:

— Вам надо скорей пойти в ГПУ.

— За мной приходили?

— Нет, вам надо идти туда.

Отойдя от дома, Федор вспомнил, что не видел собаки. «Куда же делся Дин? Может быть, Елена взяла его с собой?»

Часовой при входе в управление, козырнув, сказал с несвойственной ему ласковостью и участием, чтобы Федор зашел к Дмитренко.

— А «хозяин» здесь? — спросил Дробышев.

— Товарищ Чиверадзе болен, — сказал часовой.

Встречавшиеся сотрудники здоровались, как-то странно смотрели и торопились уйти, но Федор этого не замечал. Постучав, он открыл дверь кабинета и увидел стоявшего у сейфа Дмитренко.

— Здравствуй, Федор Михайлович! Когда приехал?

— Только что!

— Дома не был?

— Заскочил на минуту, — коротко ответил Федор. — Что случилось, что с Иваном Александровичем?

Андрей Михайлович подошел к Федору, обнял его за плечи и, усадив на небольшой старенький диван, сел рядом.

— Возьми себя в руки, Федор Михайлович! Случилось несчастье, но мы — мужчины и должны уметь переносить любое горе.

— Несчастье? — переспросил Дробышев. — С Иваном Александровичем?

— Нет, не с Иваном Александровичем, — ответил Дмитренко, — а с твоей женой.

— С Еленой? — все еще не понимая, переспросил Федор. — Что могло случиться с Еленой?

— Ее вчера вечером убили.

Смысл этих простых слов не сразу дошел до сознания Дробышева. Он взглянул на Дмитренко, увидел его суровое лицо, угадал за внешней сдержанностью глубокую взволнованность близкого человека и тогда только понял все. Елены нет! Никогда он не увидит ее лица, улыбки! Никогда не услышит ее голоса — никогда! Он чувствовал мягкое прикосновение руки Дмитренко к своему плечу, слышал какие-то слова, которые не разобрал, и понимал одно — Елены нет! Маленькими и незначительными сейчас показались ему их споры, ее уход, измена, его мучения. И даже его одиночество! И это случилось теперь, когда она вернулась к нему, в самую тяжелую, страшную для него минуту. Вернулась... чтобы умереть! Еще два дня назад они были вместе и он не знал, как сложится у них жизнь. Ему казалось, что прошлое, ее прошлое будет стоять между ними. Она пришла к нему, а он не понял, ничего не понял! Не оценил ее любви, видел ее нежность и не ответил на нее. А теперь ничего не будет, опять он остался один!

Резкий стук в дверь перебил Дмитренко.

В комнату вбежал дежурный.

— Вас срочно вызывают в аппаратную.

Звонил из Афона Строгов. Из его лаконичных фраз Андрей Михайлович понял, что необходим немедленный выезд всей опергруппы.

— Что у тебя случилось? — спросил Дмитренко. Он понимал, что только очень важные причины могли побудить Строгова вызывать всю группу. — Передатчик, что ли?

— И он тоже! — загадочно буркнул Строгов. Выезжайте скорей, буду ждать на шоссе у почты.

И он повесил трубку.

Дмитренко вторично вызвал переговорную Афона, но телефонистка ответила, что Строгов уже убежал. Так и сказала: убежал. Видимо, случилось что-то очень серьезное. Дмитренко приказал дежурному немедленно собрать всю опергруппу и приготовить полуторку.

— Пусть горячего возьмут побольше! — крикнул он вслед уходящему дежурному, хотя ехать-то нужно было всего двадцать километров. — За руль, Абзиганидзе!

Вернувшись в свой кабинет, Дмитренко позвонил на квартиру Чиверадзе. К телефону подошел Шервашидзе.

— Как там Иван Александрович? — спросил Дмитренко.

— Довели до ручки, а теперь спрашиваете, — ответил Шервашидзе.

— Можно к нему хоть на несколько минут? — попросил Андрей Михайлович.

— Даже на секунду не пушу. Хватит, повеселились! — В ответ на просьбы Дмитренко, переходя на ты, зло буркнул: — Ты что, похоронить его хочешь? Сказал: не пушу! — и повесил трубку.

Тем временем опергруппа собиралась в его кабинете. Дробышев, потрясенный, сидел на диване, возле расположился Обловацкий. На краю письменного стола, упершись ногами в валик дивана, сидел Хангулов. Что ж, это не так плохо. Четыре человека, Абзианидзе пятый. В Афоне ожидали Строгов и Чиковани — семь человек. В крайнем случае можно на месте привлечь програницников и милиционеров.

— Ивану Александровичу очень плохо, придется ехать без него. На сборы пять минут, — сказал Дмитренко, — возьмите по два пистолета, винтовки, гранаты и по патронташу. Да, не забудьте фонари. На месте все узнаем от Строгова.

Обловацкий и Хангулов вышли. Андрей Михайлович подсел к Дробышеву и, обняв его, спросил:

— Может быть, тебе лучше не ехать, Федор?

43

Через несколько минут полуторка неслась по улице. Горевшие в полнакала желтые лампочки слабо освещали витрины магазинов и многочисленных кафе. В некоторых окнах тем же желтым светом теплились керосиновые лампы и даже свечи. Под слабо натянутым, хлопающим от порывов холодного ветра тентом в машине было тепло.

Здесь стало хуже. Гудел ветер, пытаясь сорвать старенький брезент в многочисленных дырах и заплатках. За Лечкопом море, до этого бухавшее рядом, ушло влево, и машина покатила по мягкому гравию. Наконец под колесами дробью протарахтели балки Гумистинского моста, справа мигнул огонек погранзащиты, и полуторка ненадолго нырнула в плотную темноту Эшер. Проехали мост, около которого недавно ранили

Даура Чочуа, и снова запетляли по разбитой дороге. Все думали об одном: «Что случилось в Афоне?» Обловацкий припомнил слова Бахметьева, что разгадку ключевых вопросов надо искать в Афоне. События последних двух месяцев не подтвердили этого. «Афон давно затих,— думал Обловацкий,— активны Сухум и побережье южной города. Да и банда сейчас сосредоточена в районе Бешкардаш. Вот не вовремя заболел Чиверадзе».

Невыспавшийся Хангулов дремал, несмотря на ложь и толчки. Дмитренко через короткие промежутки снимал фуражку, чтобы ее не сорвало ветром, и, просунув голову в дырявый брезент, пытался рассмотреть окрестность. Саша Абзианидзе, обычно разговорчивый, вцепившись двумя руками в баранку, молча смотрел на дорогу, на которой прыгали и плясали лучи фар. Сидевший рядом с ним Дробышев тоже не был расположен к разговорам. Неизвестно откуда пришла и теперь уже ни на минуту не покидала его настороженность. Хотя, чем еще могла наказать его судьба? Вот сейчас он ехал на операцию, по сути подготовленную им,— итог упорной почти годовой работы. Не было той знакомой, веселой злости, которая владела им прежде, когда приходилось идти брать врага. Впервые захотелось тишины и покоя.

Абзианидзе резко затормозил, машину тряхнуло, и Федор головой ударился о перекладину. Дробышев хотел отчитать неловкого водителя, но невольно взглянул на дорогу и увидел в нескольких шагах от автомобиля Чиковани с поднятой рукой. С него стекали струйки воды, он вытирал лицо и что-то кричал. Миша вскочил на подножку. Абзианидзе отъехал к краю дороги, остановился, заглушил мотор и выключил свет.

— Что случилось? — вылезая из кузова, спросил Дмитренко.

* * *

В доме отдыха решили повеселиться, послушать новые стихи отдыхавшей здесь молодой ленинградской поэтессы и новую музыку московского композитора. Дауру Чочуа казалось, что поэтесса внимательна к нему и как-то выделяет его из числа остальных.

Чочуа готовился к вечеру — побрился, подшил новый воротничок. Строгов, сидя на соседней кровати, наблюдал

за тщетными попытками Даура продеть раненую руку в рукав гимнастерки.

— Ты чем-то напоминаешь мне Грушницкого,— иронически заметил он.

— Раненой рукой? Того же ранило в ногу,— не поднимая головы, произнес Чочуа.

— Ты, как и он, хочешь сделаться героем романа.

— Я похож на него, как ты на Печорина,— возразил Даво.

— Ты прав!— примирительно согласился Строгов.— Но поторапливайся, а то кто-нибудь более энергичный уведет твою поэтессу.

Они вышли вовремя. К столовой, где должен был состояться вечер, под дождем, прикрывшись плащами, халатами, а порой и просто газетами, перебегали отдыхающие. Молодежь затеяла танцы. Вообще танцами начинали и кончали любое развлечение, затеянное местным массовиком. Остряки утверждали, что он перешел в дом отдыха из ликвидированного монастыря, где выполнял обязанности, не связанные с необходимостью думать. Наконец в зале с еще не закрашенной на стенах росписью на религиозные темы появилась поэтесса. Платье из темно-синего бархата обрисовывало ее красивую фигуру. Длинные, заплетенные в две косы волосы были уложены вокруг головы. Проходя мимо сидевших в первом ряду Даура и Строгова, она кивнула головой, улыбнулась и села за стол на сцене. Массовик постучал карандашом по графину с водой. Но он успел сказать только: «Товарищи!», как в задних рядах у двери послышался шум. В столовую вбежал юноша в милицмейской форме, насквозь промокший, без шапки, нашел глазами Строгова и замахал ему рукой. Николай Павлович поднялся и поспешил к выходу. В дверях его нагнал Чочуа.

— Ты это куда собрался?— недовольно спросил Строгов и, зная заранее, чего хочет его друг, продолжал:— Иди назад, без тебя справимся.

Чочуа побледнел и обидчиво поджал губы. Николай Павлович похлопал его по плечу:

— Ну куда ты пойдешь с раненой рукой! Только мешать будешь. Смотри, какой дождь хлещет! Возвращайся назад,— он улыбнулся,— а то поэтесса обидится!

В коридоре Строгов остановился.

— В чем дело?

— Радист сказал, чтобы ты шел скорей! — ответил милиционер.

Строгов побежал через двор. Дождь продолжал лить как из ведра. Милиционер еле поспевал за Николаем Павловичем.

На втором этаже оперативного пункта милиции, в маленькой комнате, за столом, уставленным радиоаппаратурой, сидел радист с наушниками. Склонившись над столом, он торопливо что-то записывал и даже не обернулся к Строгову. Пододвинув табурет и ожидая окончания приема, Николай Павлович хотел закурить, но папиросы промокли, и он бросил отсыревшую пачку на стол. Передача шла шифром, уже известным Строгову. Видимо, боясь быть непонятым, корреспондент повторял текст. Сильно мешали разряды.

Наконец передача закончилась. Сорвав наушники, но не выключая радию, радист встревоженно сказал:

— Установили двухстороннюю связь. Видимо, из Афона кто-то хочет бежать, но не понятно только не то одиннадцатого, не то от одиннадцати. Начала я не захватил, погода мешала. В общем, чертовщина какая-то, смотрите сами. — Он протянул Строгову бланк, на нем прыгающими буквами было записано:

«...обстановку. Выясните причины провалов... проинструктируйте... согласен выезд... ценностями... от... одиннадцатого сектора Б тире четыре... ...димо ликвидировать... Обеспечьте выполнение последнего задания... Все... Точка. Подтвердите прием. Точка И-2...»

Было ясно, что радиостанция находилась где-то недалеко, в радиусе собора.

Радист снова надел наушники, но радия, точно почувствовавшая опасность, замолчала. Строгов снова и снова перечитывал текст передачи. Корреспонденту, видимо, стало известно о прошедших арестах. Он предлагал проинструктировать... Вспомнив, что это указание относилось к тому, кто оставался вместо уезжающего или уезжавших. Кому-то разрешалось покинуть нашу территорию, но требовалось выполнить задание в неустановленном секторе «Б» тире четыре.

Граница была морская, связь с заграницей могла поддерживаться через море. Агенту предлагалось в определенном месте, возможно в том же секторе «Б», ожидать транспорта. Какого? Очевидно, это должна была быть

подводная лодка. Время встречи? Между словами «от» и «одиннадцатого» был пропуск. Здесь могли быть обозначены часы. Например, от десяти до половины одиннадцатого. Итак, зарубежный корреспондент получил тревожную шифровку о провалах и, разрешая выезд с горящей под ногами территории, инструктировал неудачливого агента. Но кого? Бывший настоятель монастыря — копейкий, волевой человек — не имел основания для панических выводов. Аресты непосредственно его не касались. Вероятно, кроме того, он был глубоко зашифрован. Жирухин на допросе ни одним словом не упомянул о настоятеле, а ведь, как показало следствие, он знал многое и многих.

Узнав, что Чиковани не приходил, Строгов решил пройти к домику, где жил настоятель. Милиционер нагнал его на лестнице и попросил разрешения пойти вместе. Николай Павлович согласился.

Дорога шла ущельем в сторону электростанции, потом поворачивала. Дальше тропа, носившая название Царской, уходила круто в гору. В конце прошлого века Александр III, находясь в Афоне, как-то проследовал по этой дороге в верхний монастырь. С тех пор название Царской так за нею и осталось. Никто не помнил, как она выглядела в то время, но сейчас идти по ней было трудно. Дождь немного утих, из отвесно падающего перешел в косой и редкий. Из ущелья потянуло холодным, пронизывающим ветром. «А говорили, что здесь вечное лето, — поеживаясь от холода, подумал Строгов. — Вот так «бархатный» сезон!» Не доходя до перекрестка, он свернул на тропу, ведущую к небольшому одноэтажному домику, спрятавшемуся в кустарнике. Теперь здесь жил выселенный из своих покоев отец Иосаф. Строгов знал примерное расположение двух небольших комнат с окнами, выходящими на море, маленькой кухоньки и еще меньшей кладовки с окном и дверью, упиравшимися в крошечную площадку, служившую входы

Думал ли властный хозяин всего Афона, что когда-нибудь ему придется жить в домике, в котором раньше ютился скромный смотритель хозяйственного двора, жить в ожидании, что в любую минуту его могут выселить из Афона совсем. Это его-то, кому целовали руку «земные владыки». Да, изменились времена, изменились! Все меньше и меньше бывало посетителей. Редкие гости бывали теперь преимущественно вечерами, а то и ночью. Приходи-

— Радист сказал, чтобы ты шел скорей! — ответил милиционер.

Строгов побежал через двор. Дождь продолжал лить как из ведра. Милиционер еле поспевал за Николаем Павловичем.

На втором этаже оперативного пункта милиции, в маленькой комнате, за столом, уставленным радиоаппаратурой, сидел радист с наушниками. Склонившись над столом, он торопливо что-то записывал и даже не обернулся к Строгову. Пододвинув табурет и ожидая окончания приема, Николай Павлович хотел закурить, но папиросы промокли, и он бросил отсыревшую пачку на стол. Передача шла шифром, уже известным Строгову. Видимо, боясь быть непонятым, корреспондент повторял текст. Сильно мешали разряды.

Наконец передача закончилась. Сорвав наушники, но не выключая рации, радист встревоженно сказал:

— Установили двухстороннюю связь. Видимо, из Афона кто-то хочет бежать, но не понятно только не то одиннадцатого, не то от одиннадцати. Начала я не захватил, погода мешала. В общем, чертовщина какая-то, смотрите сами. — Он протянул Строгову бланк, на нем прыгающими буквами было записано:

«...обстановку. Выясните причины провалов... проинструктируйте... согласен выезд... ценностями... от... одиннадцатого сектора Б тире четыре... ...диме ликвидировать... Обеспечьте выполнение последнего задания... Все... Точка. Подтвердите прием. Точка И-2...»

Было ясно, что радиостанция находилась где-то недалеко, в радиусе собора.

Радист снова надел наушники, но рация, точно почувствовавшая опасность цикада, замолчала. Строгов снова и снова перечитывал текст передачи. Корреспонденту, видимо, стало известно о прошедших арестах. Он предлагал проинструктировать человека. Возможно, что это указание относилось к тому, кто оставался вместо уезжающего или уезжавших. Кому-то разрешалось покинуть нашу территорию, но требовалось выполнить задание в неустановленном секторе «Б» тире четыре.

Граница была морская, связь с границей могла поддерживаться через море. Агенту предлагалось в определенном месте, возможно в том же секторе «Б», ожидать транспорта. Какого? Очевидно, это должна была быть

подводная лодка. Время встречи? Между словами «от» и «одинадцатого» был пропуск. Здесь могли быть обозначены часы. Например, от десяти до половины одинадцатого. Итак, зарубежный корреспондент получил тревожную шифровку о провалах и, разрешая выезд с горящей под ногами территории, инструктировал неудачливого агента. Но кого? Бывший настоятель монастыря — крепкий, волевой человек — не имел основания для панических выводов. Аресты непосредственно его не затрагивали. Вероятно, кроме того, он был глубоко зашифрован. Жирухин на допросе ни одним словом не упомянул о настоятеле, а ведь, как показало следствие, он знал многое и многих.

Узнав, что Чиковани не приходил, Строгов решил пройти к домику, где жил настоятель. Милиционер нагнал его на лестнице и попросил разрешения пойти вместе. Николай Павлович согласился.

Дорога шла ущельем в сторону электростанции, потом поворачивала. Дальше тропа, носившая название Царской, уходила круто в гору. В конце прошлого века Александр III, находясь в Афоне, как-то проследовал по этой дороге в верхний монастырь. С тех пор название Царской так за нею и осталось. Никто не помнил, как она выглядела в то время, но сейчас идти по ней было трудно. Дождь немного утих, из отвесно падающего перешел в косой и редкий. Из ущелья потянуло холодным, пронизывающим ветром. «А говорили, что здесь вечное лето, — поеживаясь от холода, подумал Строгов. — Вот так «бархатный» сезон!» Не доходя до перекрестка, он свернул на тропу, ведущую к небольшому одноэтажному домику, спрятавшемуся в кустарнике. Теперь здесь жил высланный из своих покоев отец Иосаф. Строгов знал примерное расположение двух небольших комнат с окнами, выходящими на море, маленькой кухни и еще маленькой кладовки с окном и дверью, упиравшимися в крохотную площадку, вырубленную в горе.

Думал ли властный хозяин всего Афона, что когда-нибудь ему придется жить в домике, в котором раньше ютился скромный смотритель хозяйственного двора, жить в ожидании, что в любую минуту его могут выслать из Афона совсем. Это его-то, кому целовали руку «земные владыки». Да, изменились времена, изменились! Все меньше и меньше бывало посетителей. Редкие гости бывали теперь преимущественно вечерами, а то и ночью. Приходи-

ли с оглядкой, стараясь закрыть лицо от случайных встречных. Не было прежнего благолепия и торжественности. Отдышавшись и убедившись, что послушник закрыл за ними двери на засов, гости здоровались с хозяином дома и деловито начинали разговоры на интересовавшие их мирские темы. Он и сам был мирским, хозяином, баринном, с холеными, белыми, немного пухлыми оуками с аккуратно подпиленными ногтями. Настороженные и холодные глаза его внимательно смотрели на собеседника, и немногие могли выдержать этот взгляд. Всегда опрятный и подтянутый, он был брезглив и капризен. Только со своим молодым женоподобным служкой без растительности на лице он всегда был ласков. Об их взаимоотношениях ходили злые сплетни, но чего только не говорят люди, когда хотят «оскорбить святую православную церковь и ее иерархов...»

В узкие щели занавешенных окон тускло пробивались тонкие лучи света. Строгов остановился, подождал, пока подойдет его спутник, и шепотом напомнил ему об осторожности. Они сошли с дорожки и стали пробираться кустами. Возле дома Строгов выбрался из кустарника, осторожно перебежал площадку и прижался к стеклу, пытаясь рассмотреть, что делается в комнате. Ничего не увидев, он так же осторожно вернулся к своему спутнику и, не сводя глаз с домика, присел на корточки. Милиционер толкнул его в бок и шепнул:

— Здесь Чиковани!

— Где он? — спросил Строгов. В кустах тотчас же зашелестело, и к нему подполз Миша.

— Хорошо, что вы догадались прийти, — шепнул он. — Я уже хотел бросить все и бежать к вам. Ну и дела! Недавно сюда пришел человек, наверно не местный, с плотно набитой сумкой. Подходил осторожно. Постучал в окно. Когда изнутри приподнялась занавеска, я видел его лицо.

— Знакомый?

— Нет, не знакомый. Но, по-моему, где-то я его видел.

— Какой из себя?

— Невысокий, плотный, немолодой.

— Усы, борода?

— Нет, бритый.

— Одет как?

— Черт его знает, не разобрал хорошо. Что-то черное. Не то куртка длинная, не то пальто короткое.

— На голове что?

— Кубанка.

Минут через пять во двор вышел послушник, постоял, потом обошел вокруг дома, ушел обратно.

— Ты не подходил к окну?

— Подходил, только ничего не видел. Через час, наверное, занавеска приоткрылась и сам настоятель в окно вглядывался, даже свет в комнате погасил, чтоб лучше видно было.

— Тебя не мог заметить? — забеспокоился Николай Павлович.

— Нет! — Чиковани усмехнулся. — Я сам себя не видел!

— Ну а дальше что было?

— Да ничего. Только уж очень подозрителен приход этого гуся. Это в такую-то погоду. И осторожно шел, собака. Я замерз совсем, хотел сбегать вниз погреться и вас предупредить, да боялся упустить.

— И правильно сделал, что не пошел, — похвалил Строгов и коротко рассказал о перехваченном радио.

— Удирать собирается, точно! — сказал Миша. — Кто бы это мог быть?

— А ты как думаешь?

— Черт их знает! Не собирается ли сам настоятель? высказал он предположение.

— Все может быть, дорогой, все.

В это время негромко хлопнула дверь. Чекисты насто-рожились. Из-за угла показалась фигура послушника. Постояв минуту, он прошел мимо кустарника, где сидел Строгов, и не оглядываясь, двинулся по тропинке.

— Оставайтесь здесь, следите за настоятелем и гостем. Если будут уходить — сопровождайте, старайтесь установить, куда идут. Задерживайте только в том случае, если увидите, что они могут скрыться. Я пошел за ним, — прошептал Строгов, поднимаясь. — Постараюсь скоро вернуться.

Подбежав к развилке дорог, он посмотрел вниз и вверх и увидел спускающегося по Царской дороге служку. Юноша шел по середине дороги, более светлой и удобной. Строгов следовал за ним, прижимаясь к темному краю, почти вплотную к кустам, метрах в двадцати сзади. В ущелье, проходя мимо освещенной огнями шумящей электро-

станции, послушник неожиданно остановился и посмотрел назад. Строгов еле успел отскочить в сторону и прижаться к кипарису. Дождь лил по-прежнему. Служка продолжал свой путь. Перебегая от дерева к дереву, Строгов следил за ним. Но, когда, пройдя базар, они вышли на шоссе, Николай Павлович решил задержать монаха. «Будет водить меня по дождю, а там уйдут,— подумал он.— Может быть, это перепроверка на всякий случай, а то и отвод на второстепенного, чтобы вывести из-под возможного наблюдения главного. Надо задержать и быстрее возвращаться обратно. А что, если он идет к главному, кому адресована шифровка? Задержишь монаха и не узнаешь, где находится этот человек. Нет, надо подождать».

Но чем ближе подходили они к морю, чем светлее становилось кругом, тем все больше зрело решение арестовать послушника. Молочные шары фонарей тускло освещали пустынное блестящее шоссе, лужи с булькающей водой, намокшие, озябшие деревья.

«Нет, буду брат»,— окончательно решил Николай Павлович и, ускорив шаги, начал нагонять юношу, подходившего уже к станции Союзтранса.

— Руки вверх!— резко скомандовал Строгов, поравнявшись с монахом. Тот обернулся, испуганно взглянул и поднял руки.

— Быстро в милицию!— не давая службе опомниться, продолжал Строгов и слегка подтолкнул его револьвером. Монашек свернул с шоссе и, не выбирая дороги, зашлепал по лужам. Он так испугался, что да самого оперпункта так и не опустил рук.

Обыскивая задержанного, Строгов во внутреннем кармане его опрятной курточки нашел письмо и плотную пачку денег. Когда Николай Павлович вскрыл конверт и начал читать, служба заволновался. Заметив это, Строгов отложил письмо.

— Что написано, знаешь?

Монах отрицательно мотнул головой.

На белой плотной бумаге с цветным изображением белого здания собора на фоне зеленой Афонской горы было написано:

«Благословенны дела и люди!

(От Матфея, гл. XXI)»

Ниже шел написанный от руки деловой текст:

«Выполняя волю известного вам господина «Д», я выезжаю из Афона. Пусть это вас не смущает, и не беспокоит. Все остается по-прежнему. В своих действиях в настоящее время вы должны быть более энергичны и с сегодняшнего дня автономны (это было подчеркнуто). Из соображений осторожности избегайте общения с городом. Необходимо форсировать ваши действия, с тем чтобы в начале октября закончить все дело (подчеркнуто). Условия встреч остаются старые. В случае необходимости транспорт будет на прежнем месте, при изменении сроков вас известят. Молю Всевышнего, чтобы он отвел горести от своих детей и благословил их деяния во славу Его.

Да будет Его милость с нами!

Ваш духовный отец

Р. С. Посланный отрок передаст деньги. Возвращаться ему не нужно. Задержите или оставьте его у себя, а можете и... В общем, судьбу его решайте сами. О нашем отъезде он не осведомлен, но знает многое».

Ниже широким размашистым почерком другими чернилами было дописано:

«Согласен с соображениями святого отца и прошу ими руководствоваться».

В конце стояла подпись, напоминающая заглавную букву Д с закорючкой на конце.

«Так вот кто готовится бежать,— подумал Строгов,— значит, вправду горит земля!»

— Кому нес письмо, говори!— обратился он к понуро стоявшему монаху. Тот еще ниже опустил голову.

— Говори!— подходя вплотную, потребовал Строгов.

Монашек молчал. Теперь нельзя было терять ни одной минуты! Строгов еще раз тщательно обыскал его, пересчитал деньги. В пачке оказалось сто десятифунтовых банкнот. Передав задержанного и деньги дежурному, Николай Павлович предупредил:

— Арестованного в одиночку! Тюмни, головой ответишь, если с ним что-нибудь случится!

Спрятав письмо в бумажник, он выбежал на площадь и только сейчас подумал об огромной ответственности, которая легла на него. Необходимо было немедленно сообщить в Сухум и вызвать сюда Чиверадзе с людьми. И он побежал на почту.

Позвонив Дмитренко, Строгов заторопился обратно. Оперативная группа могла приехать в лучшем случае че-

рез час. За это время надо было проверить, как обстоят дела у Чиковани.

Поднимаясь по главной аллее, он почувствовал, как устал и продрог. Поднявшись на площадку, выложенную красными плитами известняка, Строгов вскоре снова вышел на Царскую тропу, теперь уже с другой стороны. Подходя к домику настоятеля, он все больше и больше настораживался, прижимался к затененному краю дороги, готовый в любую минуту нырнуть в чащу и слиться с ней. У тропинки, ведущей к домику, он остановился, присел на корточки и долго всматривался в окружающую темноту, потом поднялся, перешел дорогу и осторожно, короткими перебежками начал приближаться к кустам, где находился Миша. Поравнявшись с окнами, через которые по-прежнему чуть заметными полосками просачивался свет, он на толкнулся на Чиковани, сидевшего за кустом жимолости. Тот потянул его за ногу. Строгов присел рядом. Милиционер лежал тут же.

— Ну как? — шепотом спросил Николай Павлович у Чиковани.

— Тихо. А как монах?

Строгов рассказал о письме и о разговоре с Сухумом.

— Выходи на шоссе, у почты жди машину с нащими, — закончил он. — Когда встретишь, Расскажи им обстановку, и пусть кто-нибудь один идет в оперпункт допрашивать монаха, остальных сюда — здесь развязка. Еще раз предупреди пограничников. И давай скорей! — подтолкнул он Чиковани.

Дождь то ослабевал, то усиливался. Намокшая листва уже не удерживала потоков воды, безостановочно и монотонно ливших с затянутого темными тучами неба.

В домике все так же уютно горел свет, в окне несколько раз неторопливо промелькнула тень. От напряжения рябило в глазах. Строгов время от времени закрывал их и отдыхал.

«Лишь бы не вышли раньше времени — хумаа...» — где а если выйдут? Браты! Сейчас же братья! А как же транспорт? Подлодка или фелюга? Подойдет, подождет условленные полчаса-час и уйдет в море. Ведь отстаиваться негде. Бухт много, но прошли времена, когда они укрывали, прятали непрощенных гостей. Так и уйдет в море, ожидая более благоприятного случая...»

Как медленно тянулось время! Чиковани, наверное

уже дошел до почты, встретил машину, рассказал и ведет сюда группу. Теперь не уйдут!

Как-то, года два назад, под Москвой, в Пушкинском районе, с охотниками он обложил волчий выводок. Пока загонщики гнали зверя, он сидел в засаде, ждал появления волков. И как теперь, его трясла тогда нервная дрожь ожидания. Только сегодняшние волки посерьезнее, страшней. Те не шли на человека, а эти пойдут! Будут в лоб пробивать себе дорогу к морю. Вот этот подтянутый, не по летам стройный игумен. Строгов видел его не раз, когда он гулял по Афону. Бровастые опухшие губы, прятались в небольшую холеную бородку. Не молод, а шаг легкий, пружинистый. Спортсмен! Кто знает, не вспомнит ли он в минуту опасности свою молодость, когда был лейб-гвардейцем, кирасиром Ее Величества, не выльет ли всю свою ненависть на ставшего ему на пути. Ну а второй, кто этот второй? Что он принес с собой в плотно набитой сумке? Сегодняшний вечер должен ответить на вопросы.

Милиционер привстал, подался вперед и толкнул задремавшего Строгова. У крайнего проема, ближе к двери, стоял человек. На фоне светлого окна сквозь мутную пелену дождя Строгов увидел невысокую, плотную фигуру в темной, до колен, куртке и кубанке. Гость! Неизвестный стоял спиной к дому и, как показалось Строгову, разглядывал кусты. «Неужели уйдет один?» — подумал Николай Павлович. Человек повернулся к дому, постучал в окно. Сейчас же там погас свет. Фигура стала еле заметна. Строгов услышал, как негромко хлопнула дверь. Рядом с неизвестным появился второй. Настоятель? О чем-то поговорив, они миновали сидевших в кустах Строгова и милиционера и пошли в сторону Царской дороги, впереди — более высокий, хозяин домика, в двух-трех шагах сзади — гость. Шепнув милиционеру, чтобы он шел за ним, Строгов выскользнул из кустов и пошел по тропинке. На развилке, как и в первый раз, он остановился и прислушался, но, кроме шумящего дождя, ничего не услышал. Вниз или вверх? После короткого раздумья он наповалил милиционера вверх, а сам двинулся вниз. Дорога была пустыня, но вероятнее всего они пошли именно по ней. Спускался Строгов быстро, почти не маскируясь. Слишком уж велика была опасность потерять их из виду. Добежав до ущелья и увидев тусклые огни электростанции, Строгов остановился и осмотрелся. То, что он увидел, встревожило его.

По кипарисовой аллее к морю быстро шел один человек. Кто он, рассмотреть не удалось, да и времени оставалось мало, и Строгов широким шагом двинулся по краю дороги за незнакомцем.

Около базара и оперпункта милиции неизвестный остановился. Спрятавшись за выступом кооперативного ларька, Строгов наблюдал за ним. Теперь, при свете фонарей, он узнал в нем игумена. Переброшенная через плечо переметная сума, видимо, была тяжела, потому что он опустил ее на землю. В этот момент со стороны почты раздался выстрел, за ним второй, третий... Строгов понял, что гость поднялся верхней дорогой и перестрелка идет с милиционером. Выстрелы всполошили игумена. Он поднял суму и, непрестанно оглядываясь, побежал в противоположную сторону. На мосту через Псырцу настоятель снова остановился, посмотрел на часы, взглянул в сторону почты и решительно зашагал по шоссе по направлению к Гудаутам. Цепь редких фонарей обрывалась у поворота дороги, и игумен уже подходил к этой границе света.

Строгов резко ускорил шаг и, выхватив револьвер, начал быстро приближаться к уходящему настоятелю. Когда до монаха оставалось шагов тридцать, Строгов крикнул, чтобы тот остановился. Игумен обернулся, в руках у него тускло блеснул пистолет. Строгов выстрелил, стараясь целиться в ноги. В ответ блеснул огонь, рядом жикнула пуля. Но Строгов успел подбежать к настоятелю, револьвером ударить его по руке — и сбил с ног. Вывернув монаху руку, Строгов вырвал оружие и отбросил в сторону. Он сильно сжал запястье настоятеля, заставил своего противника перевернуться лицом к земле и сел на него. Через минуту он уже связывал ему руки ремнем, но, видимо, сильно затянул петлю. Монах застонал. Отброшенная в сторону сума лежала в двух шагах. Строгов подтянул ее к себе. Рассчитывать на чью-либо помощь не приходилось. Он поднялся, ощупал руки задержанного, и убедившись, что монах не сможет освободиться, обыскал его. Карманы игумена были полны сумками и свертками. Строгов пытался заставить монаха подняться, но задержанный стонал и упорно тянулся к земле.

— Ну и лежи, черт с тобой! — выругался Строгов.

По мосту затарахтела повозка: «Вот на ней и повезу» — подумал он. Из-за поворота выехала линейка. Николай Павлович вышел на дорогу и поднял руку. Си-

двигавший на линейке человек с наброшенным на голову ку-ском брезента натянул поводья, переводя лошадь на шаг.

— Кто такой, куда едешь?— спросил Строгов.

— В Приморское,— не поворачивая головы, ответил возница.

— Подожди! Я из ГПУ. Надо отвезти задержанного обратно в Афон!

Возница остановил лошадь, оглянулся по сторонам.

— Где он?

— Вон лежит!— показал Строгов в сторону связанного настоятеля.— Помоги поднять его!

— Я лучше к нему подъеду,— недовольно пробормотал хозяин линейки, зачмокал и задержал поводьями.

Все дальнейшее произошло мгновенно и неожиданно. Линейка поравнялась с лежащим, Строгов наклонился, чтобы поднять связанного игумена, и в этот момент тяжелый удар сзади сбил его с ног. Что-то твердое, ребристое скользнуло по его голове, больно ободрало ухо и ушибло плечо. Падая, Строгов споткнулся об игумена, перелетел через него, на мгновение потерял сознание. Возница наклонился над монахом, вынул нож, собираясь разрезать ремешок, связывающий его руки. Но сознание уже вернулось к контрразведчику. Строгов сжался в комок, вскочил на ноги и бросился на неизвестного.

Борьба проходила с переменным успехом. Противник оказался упорным и сильным, хорошо натренированным. Знал он и приемы «джиу-джитсу», о которых Строгов слышал только мельком. Игумен, встав на колени и не имея возможности развязать руки, напряженно следил за быстро перекатывающимися по земле противниками. Шатаясь, он подошел к линейке и сел на нее. Наконец возница взял верх. Очутившись на Строгове, он ударил его кулаком в лицо, вскочил на ноги, прыгнул на повозку и ударил по лошади. Она рванула, связанный монах потерял равновесие и упал на шоссе. Лошадь понеслась. Строгов вскочил и выпустил последние пули из своего нагана вслед беглецу.

Николай Павлович задыхался от обиды, от сознания, что упустил врага. Вспомнив, что где-то поблизости должен быть пистолет монаха, отброшенный им во время схватки в сторону, он начал шарить вокруг. Наконец нашел оружие у края дороги и дважды выстрелил вверх. И

сейчас же услышал невдалеке ответные револьверные хлопки.

Дождь почти прошел. По темному небу, перегоняя друг друга, неслись клочья косматых, оборванных туч, робко мерцали редкие, но яркие звезды. Из-за поворота выскочила крытая машина. Рядом с Абзианидзе сидел Дмитренко. Строгов вышел на середину дороги и поднял руку. Грузовик не успел остановиться, как из его кузова высыпали люди. Он показал на лежащего монаха, на суму. Игумена быстро перенесли в машину, забрались в нее сами, и полуторка, набирая скорость, пошла в сторону Гудаут.

Проехали Приморское, машину остановили пограничники. Узнав от них, что повозка к Гудаутам не проезжала, Дробышев предложил вернуться.

Когда миновали железнодорожный виадук, за одним из поворотов Дробышев остановил машину.

— Андрей Михайлович! Командуй. Здесь! — произнес он вполголоса и первым соскочил с грузовика. — Оставь двух человек с задержанным. Я поведу.

Он коротко объяснил план действия. Рассыпавшись редкой цепью, сотрудники опергруппы вместе с пограничниками быстро двинулись к берегу моря. Не успели пройти и полсотни шагов, как слева донесся крик Хангулова. Дробышев и Дмитренко бросились туда. Недалеко от кювета они увидели бегущего навстречу Виктора и пограничников.

— Там лошадь и линейка! — показал он в темноту.

— Скорей! — скомандовал Дробышев и прыгнул в кусты. Пробираясь через шибляк, затянутый частой паутиной ежевики и колючего кизильника, он наткнулся на храпящую лошадь. Вздрагивая и кося глазами на вынырнувшего из кустов Дробышева, она била ногами по спутанным постромкам. Рядом, почти вплотную, лежала опрокинутая линейка. Торчащие вездеходы и машины продолжали свой бег. Авария произошла только что. Пока Дробышев обшаривал кусты, около него появились все участники группы.

— Он где-то здесь! И, конечно, идет к морю, — пробормотал Федор.

— Тогда надо прочесать весь кустарник до берега, — решил Дмитренко. — Не стрелять, брать только живым! — Он бросился в чащу. За ним, рассыпаясь веером, двину-

лись остальные. Точно огромные светляки, замелькали огоньки фонарей, быстро приближающиеся к морю.

Гость как в воду канул. «Быть может, чувствуя опасность, он ушел обратно в горы и будет выжидать более удобного момента», — подумал Дмитренко. Надо было закрыть берег и ждать до утра.

— Разреши мне с Хангуловым пройти к Чобанлуку, — сказал Дробышев.

— Ты считаешь, что...

— Да, мысок!

— Что ж, иди, — согласился Дмитренко.

Дробышев с Хангуловым, стараясь не выходить на открытый мелкой галькой берег, двинулись влево по краю кустарника. Штурм забросал берег корягами, намыл груды камней. Медленно продвигаясь к мысу, Федор и Виктор внимательно осматривали местность. Обрывки туч летели в небе. Сильный ветер с моря гнал крутую волну.

Это уже был не вчерашний, прорвавшийся с севера холодный «кубанец», стало теплей и светлей. Через каждые тридцать-пятьдесят шагов контрразведчики прижимались к земле, всматривались в темноту, слушали. Когда до мыса оставалось метров четырехста, дорогу преградила одна из бесчисленных горных речушек. Чуть заметная в обычное время, сейчас она разбухла и с шумом несла свои воды. Переходя ее, они промокли до пояса. Вода была холодна, согреть могла лишь быстрая ходьба, а им пришлось идти все осторожнее и медленнее.

Вдруг Хангулов заметил, как у самой кромки прибоя, рядом со спускающимся тропом к воде, встал синий, синеватый огонек. Он хотел сказать об этом Дробышеву, но тот схватил его руку и прошептал: «Вижу!» Огонек коротко мигнул еще раз. Не сводя глаз с места, где находился неизвестный сигнальщик, они пошли быстрее. Полоса глинистой, рыхлой земли преградила им путь. Обходить ее не было времени. Пошли напрямик. Дробышев споткнувшись, упал, поднялся и упал опять. Вставая, он увидел темную тень Хангулова, бегущего к мысу, услышал его крик:

— Стой!

Из кустов брызнула вспышка огня, прогремел выстрел. «Они!» — понял Дробышев и бросился вперед. В эту же минуту из крайних кустов, почти рядом с белой пеной прибоя часто захлопали выстрелы. Падая, поднимаясь и снова падая, почти задыхаясь, Дробышев добежал до мыса и бросился на землю рядом со стреляющим по кустам Хангуловым.

— Их там несколько человек! — возбужденно крикнул Виктор. — Разрешите, я брошу гранату — повеселим их.

— Бросай! — ответил Дробышев, продолжая стрелять по вспыхивающим огонькам. Хангулов поднялся, сорвал кольцо, метнул гранату и упал в траву. Ухнул взрыв. Дробышева обдало водной теплой воздухом, по веткам зашлепали падающие комья влажной земли. Тотчас же впереди, за кустами, затарахтел движок моторной лодки. Продолжая стрелять, Дробышев и Хангулов поднялись и побежали к воде. Выскочив на берег, они увидели шагах в сорока

от себя уходящую в море лодку с подвесным мотором. В ней было трое. Один копался у чихающего мотора, двое стреляли. Пули чиркали по камням. Дробышев метнул гранату, услышал приглушенный взрыв и увидел в нескольких метрах сзади моторки медленно оседающий столб воды. Не достал!

Уходящих в море заметили и остальные контрразведчики. Частые огоньки выстрелов замелькали вдоль берега.

А лодка уходила все дальше и дальше.

Из Батума, Поты и Сухума на перехват вышли погранкатера. Поиск продолжался остаток ночи и все утро. На рассвете начали поступать сообщения о последствиях шторма. На песчаный берег селения Пичвнари, расположенного в пяти километрах северней Кобулет, выбросило фелюгу, приписанную к турецкому порту Ризе. Людей в ней не оказалось, но в трюмах обнаружили контрабанду. Рядом с вымоченными тюками английской шерсти лежали пачки с французской парфюмерией, предупредительной санитарией и тщательно упакованные коробки со шведскими швейными иглами любых размеров. У селения Гагида, в восемнадцати километрах южней Очемчир, на берег выбросило небольшую турецкую шхуну дельфинобойцев. Поступил сигнал бедствия с вышедшего из Батума судна «Мария Клеомена» из Пирея. Потеряв управление, греки просили о помощи. В Сухуме волны повалили стоявший мол. Утром погранкатера начали возвращаться на свои базы, но никто из командиров не мог похвастаться успехом. Единственным трофеем была небольшая лодка, выловленная на траверсе Сухума. Штурвальный «ПК-194» заметил в мерно вздымающихся волнах днище. Вытащенная на борт, лодка удивила моряков новой, оригинальной

формой кия, тщательностью отделки и небольшим, но мощным съемным мотором с фабричной маркой «Б-Д Бирмингам». В бортовой и подводной частях пограничники обнаружили несколько рваных отверстий, видимо и послуживших причиной того, что лодка была брошена. Вероятно, на ней-то и ушел шпион. Но где были люди?

На рассвете дождь так же внезапно, как и начался, перестал. Проснувшись, Сандро увидел, что комната залита солнцем. Слышно было, как во дворе с кем-то перекликается хозяйка. Через раскрытые окна виднелись обступившие дом дикие груши и яблони. Между ними розовели кусты кизила и алычи. Все такое привычное и родное, что Сандро улыбнулся, быстро оделся и, напевая, вышел во двор. Около глиняной печки, приготавливая гостю завтрак, суегилась жена Христофора. Весело потрескивали горящие сучья. Из короткой трубы тянулся тонкий столбик голубоватого дыма. Ярко светило ослепительное солнце, согревая вымокшую и озябшую землю.

Постояв у плиты, где варилась кукуруза, Сандро подошел к изгороди, оглядел улицу и увидел Пурцеладзе, сидящего невдалеке на поваленном бревне. Заметив Сандро, он покачал головой и, оглянувшись по сторонам, погрозил ему кулаком. Сандро засмеялся. Пора было выходить. Быстро поев и сунув в карман приготовленный на дорогу сверток с едой, он вышел со двора, помахал рукой провожавшей его хозяйке и зашагал в сторону Бешкардаш, до которого оставалось километра три.

Как устроен человек! Шел он навстречу опасности и не знал, будет ли для него завтра так же светить солнце, будет ли он так же шагать по каменистым тропам, видеть это голубое небо и дышать этим напоенным ароматом цветов воздухом. А он шел беспечно, сбивал прутом тлянувшихся к нему мушек, слышал вдали шум моря, ветра и лес. Печаль бродила в нем, как молодое вино, и даже в грустные ее напевы он вкладывал веселые нотки. Все радовало. И солнце, после долгого дождя согревшее землю, и прозрачная струящаяся даль, ограниченная каменными громадами ближних гор, среди которых он родился и вырос, и молодость, для которой нет преград.

Потом его опять начал беспокоить все тот же вопрос:

почему не вернулся домой Христофор? Два дня назад ушел в Бешкардаш, чтобы проверить на месте обстановку, и не вернулся. На брошенный вскользь вопрос жена Христофора ответила пожатием плеч. Не знали? Предупрежденный Сандро не стал ее расспрашивать. «Э, обойдется и без него», — успокоил он себя и больше не возвращался к этому. Давно он не спал так крепко и спокойно, а утром увидал залитую солнцем комнату и окончательно утвердился в своей вере в успех.

Только подходя к Бешкардаш и спускаясь с высоты, откуда открывалось селение, он обернулся. Метрах в ста пятидесяти из-за деревьев вынырнул его неотступный спутник. Сандро не утерпел и по-мальчишески помахал ему рукой, потом, зайдя в кусты, еще раз внимательно осмотрел себя. На нем была серая домотканная рубаша с рукавами навывпуск, опоясанная тонким кавказским ремешком с серебряной, потемневшей от времени насечкой, такие же домотканные брюки, выворотные сапоги, стянутые сыромятными ремешками, а поверх надеты чусты. На голове красовалась мягкая сванская шерстяная шапочка с небольшими полями. Сбоку на пояском ремешке висел крохотный охотничий нож и кожаный кисет с табаком, трутом и кре-салом; через плечо переброшена черная куртка. Чем не пришедший издалека горец! Осматривая себя, он машинально ощущал грудь, где в кожаном мешочке лежали письмо полковника Чолокаева и старая вытертая справка Нижне-Тебердинского сельсовета, годичной давности, на имя Косты Беталова. Под рубашкою, под мышкой, на ремне, затянутом через плечо, в плоской кобуре лежал вальтер с двойной обоймой калибра 7,65 — последняя новинка немецкого производства, предмет восхищения и зависти тех, кому удалось посмотреть эту нарядную игрушку. Сандро с трудом получил разрешение Чиверадзе взять ее с собой без надежды использовать. Стараясь не думать об оружии, он все время чувствовал стягивающий грудь ремень.

Сейчас он выйдет из кустарника, и с этой минуты порвется его связь с миром. Нет, не так! И там, в Бешкардаше, есть люди, много людей, близких ему, так же, как он, любящих свой край, его друзей и единомышленников. Но там есть и враги, Эмухвари, открыто противопоставившие себя народу, жестокие, безжалостные, отрезавшие себе путь отступления, путь раскаяния. В тесной связи с именем Эмхи в сводках несколько раз промелькнуло название се-

ления Бешкардаш, заставившее работников оперативной группы насторожиться. Работа уже подходила к концу, когда совершенно неожиданно выяснилась важная роль этого маленького селения в предгорьях Абхазского хребта, служившего местом сбора банды. Здесь у Эмки были сообщники, такие, как Метакса, — связной, «почтовый линик», информаторы, лезгива явок, люди, люто ненавидящие все то новое, что вошло в их жизнь. У них были свои счеты с Советской властью, они притаились до «лучших дней». Образ жизни этих людей ничем не отличался внешне от жизни их соседей — они работали, выступали на собраниях, критиковали недостатки, аплодировали докладчикам. Даже очень близкие люди не знали их подлинного лица. До поры до времени это спасало их от разоблачения. Но шло время. Чувствуя свою обреченность, они все больше и больше ожесточались и становились опасней.

Сандро спустился в долину, на противоположной стороне которой по холму были размещены утопавшие в зелени домики. Над некоторыми из них курились дымки. Изредка слышался ленивый лай собак. Тишина и покой! Чувство неясной тревоги зародилось в сердце Сандро.

К первым домикам Сандро подходил уже готовый ко всяким неожиданностям. Он украдкой оглядывался, запоминал все мелочи. Увидя проходившую с ведром женщину, спросил ее:

— Где дом Метакса?

— Какого? — ответила она.

Сандро совсем забыл, что в селении их несколько.

— Константина, — добавил он и в первый раз пожалел, что не дождался возвращения Христофора: тогда бы не пришлось спрашивать встречных, да и обстановка была бы не такой туманной:

Женщина оглядела его.

— На том краю! — и махнула рукой в сторону горы.

Поднимаясь по неширокой улице, он подумал, что о его приходе скоро станет известно всем женщинам Бешкардаша, а через них — и всему селению. Не так уж часто посещают посторонние этот медвежий угол, чтобы это не представляло интереса для его обитателей.

Он внимательно оглядывал дома. В окнах не видно людей, улица пустынна. Впереди, в нескольких десятках шагов, она кончалась, переходила в тропу и убегала в кустарник. Дальше темнел лес. Надо было кого-нибудь спро-

силь. Он подошел к одному из крайних домов. У калитки обернулся. Следом за ним неторопливо брел Пурцеладзе. Сандро взглянул на другую сторону. Из окна домика напротив на него удивленно и, как ему показалось, испуганно смотрел Христофор! Сандро почувствовал опасность и замедлил шаг. Из дома вышел человек и изрек нечто к нему. «Кто бы это мог быть?» — думал Сандро и весь содрался, как для прыжка.

— Здравствуй, — сказал подошедший. Внешность и одежда обличали в нем грека. — Кто тебе нужен?

— Я ишу дом Метакса. Константина Метакса.

— Это здесь. Заходи, гостем будешь, — сказал грек, отворяя калитку.

Сандро вошел во двор — и остановился.

— Прошу тебя в дом, — настойчиво повторил хозяин. Сандро поблагодарил.

В комнате никого не было. Но только что здесь находились люди. На столе стояла еда и стаканы с вином. На большом, обитом железном сундуке лежала бурка. Подушка еще сохраняла вмятину от головы. Из-под сундука высовывалось голенище сапога, со скамейки, раскачиваясь, свешивался пояс. Стоя у дверей и рассматривая комнату, Сандро понял, что его появление испугнуло обитателей дома. И не только хозяев, но и гостей. Вот хотя бы того, который спал на сундуке, на своей бурке. Можно было догадаться, что этот гость не грек, как хозяин дома, потому что греки не носили бурок. Взглянув на открытую дверь в другую комнату, Сандро мысленно представил себе, как за стеной стоят эти гости и напряженно прислушиваются. В сенях загремел засов, хозяин закрывал входную дверь. И сейчас же Сандро услышал его голос:

— Проходи, садись, пожалуйста!

Сандро сел у стола. Продолжая улыбаться, напротив сел хозяин. Теперь Сандро не сомневался, что это Метакса.

— Ты Метакса? — спросил он.

— Да.

— Константин?

— Константин! — подтвердил он. — А ты кто?

— Мне нужен Хута, — не отвечая на вопрос, сказал Сандро.

Метакса перестал улыбаться и с плохо сделанным удивлением спросил:

— Какой Хута?

— Я пришел к Хута, — упрямо повторил Сандро, — от Арама Минасяна. — Увидев, что Метакса делает вид, что не понимает его, он добавил: — Если ты не знаешь Хута и Минасяна, прости меня, я пойду. — И встал.

— Подожди, — заторопился хозяин; — я сейчас. Он выскочил из комнаты. Сандро снова сел и услышал, как за стеной зашептались.

«Здесь! Ну теперь держись. Сандро», — подумал он. Наконец шепот затих, в дверях показался хозяин.

— Ты прости, пожалуйста. Сейчас придет тот, кто тебе нужен. — сказал он и извиняющимся тоном добавил: — Сам знаешь, какое время! Кушать будешь? — Не ожидая ответа, он налил вина, пододвинул хлеб и мясо. Сандро поблагодарил и уже собрался выпить, но в дверях показался рослый горец. Сандро взглянул и поставил стакан на стол.

В прошлом году, когда Сандро включили в состав оперативной группы и знакомили с делом «шакалов», Дробышев показал ему фотокарточку Эмухвари.

Интересная была история, как удалось снять этого матерого диверсанта. Осенью 1930 года на одну из многочисленных свадеб в Очемчирском районе явился гость. Никто не спрашивал, кто он и откуда. Приглашенный из Очемчир фотограф в надежде на заработок без конца шелкал затвором, снимая молодых, родителей и многочисленных гостей. Вернувшись в город, он отпечатал наиболее удавшиеся снимки и стал ожидать заказчиков. Но вместо них однажды в его фотоателье с громким названием «Ренессанс» явился сотрудник ГПУ и забрал все фотографии и негативы. После допроса фотографу вернули негативы и фотокарточки. Все, кроме одной, о чем перепуганный хозяин ателье так и не догадался.

Внимательно разглядывая фотографию, Сандро хорошо запомнил черты этого красивого, продолговатого лица. Все в нем было крупным и запоминающимся — и нос с хищным вырезом ноздрей, и большой рот, и темные глаза, и огромные, как крылья летучей мыши, уши. Исключением были маленькие, коротко подбритые усики, открывавшие большие пухлые губы.

Прошел год, и вот теперь перед Сандро стоял этот человек, пировавший когда-то на свадьбе.

Интерес к Хута был так велик, что заставил Сандро на

минуту забыть об опасности. Эмухвари в чустах на босу ногу, в серых брюках и синей шелковой рубашке с расстегнутым воротом, с руками, заложенными назад (конечно, с оружием), стоял в дверях и пылливо смотрел на неожиданного пришельца.

Когда Чиверадзе окончил свой доклад, Березовский поднялся, прошелся по комнате и остановился у кровати больного.

— Ты не находишь, Иван Александрович, что в вашей работе много кустарщины?

— Чего?— Чиверадзе даже приподнялся с подушки.

— Кустарщины,— повторил Березовский.— Смотри! На захват Минасяна ты посылаешь одного сотрудника.

— В окружении принимало участие семь человек,— перебил Чиверадзе. Василий Николаевич улыбнулся.

— Ты понял, что сделал ошибку, и подключил шестерых.— И, увидев протестующий жест своего собеседника, продолжал:

— Ну что сделано, то сделано. Возможно, в данном случае у тебя не было другого выхода. Заметь, я говорю — возможно. Теперь дальше. В Афон поехали четыре человека.

— А Строгов, а Чиковани, а шофер?

— Ну если ты будешь считать шофера, я вынужден буду скинуть Дробышева. Одной рукой в такой операции много не сделаешь.

— Он знает обстановку лучше других!— с горячностью сказал Чиверадзе.

— Не сомневаюсь! Но в момент ареста помощь его будет невелика. И потом, его состояние.

Зазвонил телефон. Березовский взял трубку.

Чиверадзе долго слушал, потом спросил—Взяли?— Через некоторое время он повторил снова:— Взяли?— Березовский понял, что звонят из Афона.

— Что, что?!— голос у Чиверадзе сорвался.— Как ушел?— Его лицо покрылось пятнами.

Через минуту он положил трубку и рассказал Березовскому, что произошло в Афоне.

— Кто это был? — спросил Василий Николаевич.

Чиверадзе пожал плечами.

— Приедут — узнаем!

— Видишь, кто-то ушел. Кто же? Где сегодня ночевал Назим?

— Нет, это не он. Он в Сухуме, но в курсе всех событий. Об аресте Жирухина в этот же день ему сообщил Шелия.

— А этот узнал от кого?

— Вечером к нему приезжал из Михайловки заведующий сельмагом. Как только он ушел, Шелия позвонил по телефону, вышел из дому и на набережной встретился с Назимом. Разговаривали минуты две-три и разошлись. Назим пошел домой и больше не выходил.

— А Шелия?

— С ним сложнее, — Чиверадзе усмехнулся. — Покрутившись по улицам, он у Союзтранса взял с ходу машину и поехал в Гудауты.

— Машину установили?

— Да. По дороге он заезжал в Афон.

— К монаху?

— В том-то и дело, что нет. Зашел в ресторан, побыл у заведующего минут десять и поехал дальше.

— К Гумбе?

— Да. С машины слез у дома отдыха кожевников, рассчитался с шофером, дал ему двадцать пять рублей. Как только шофер уехал, начал опять крутить по улицам. Ходил, ходил и привел все-таки к дому.

— Ну?

— Гумбы не было, но, видимо, оттуда позвонили на работу, и он скоро пришел.

— Долго Шелия там был?

— Часа полтора. Потом к дому подошла машина райотдела, и Шелия уехал на ней в Сухум.

— Вот это здорово! Машина милиции перевозит диверсанта и шпиона. И учти, не в качестве арестованного, а по личным делам. Забавно! Приехав в Сухум, он, наверно, еще шоферу-милиционеру дал на чай.

Чиверадзе обидчиво поджал губы и промолчал.

— И Назим, и Шелия, и Шелегия исключаются, — на-

хмурился Березовский и вопросительно посмотрел на своего собеседника.— А Майсурадзе?

— Тоже! Все они в городе. Я с них глаз не спускаю,— пробормотал Иван Александрович. Настроение у него было отравительное. Одно к одному. Заболел, да еще в такую минуту. Столько лет работали, готовили — а на тебе! — думал он. — Мало людей, но разве нехватка их может служить оправданием? Вот и результат: Минасян застрелился. Взять Жирухина поторопились. Надо было позволить ему еще «погулять», — сколько интересного он бы дал в эти тревожные для них дни. Да побоялись, как бы чего не вышло. Еще хорошо, что успели предотвратить диверсию», — оправдывал себя Чиверадзе.

— Не будем гадать, подождем настоятеля. Но вот с Бешкардашской ударной группой из двух человек надо что-то делать. И сейчас же! — после долгого молчания продолжал Березовский. — Ты хотел послать туда еще людей?

— Конечно. Я считаю, что ребята успеют вернуться из Афона.

— Ты уж больно точно все рассчитываешь. По секундомеру. Смотри не ошибись. Когда Сандро должен выйти из Константиновки?

— Утром, часов в семь-восемь.

— А прикрывающий?

— Идет следом.

— А кто подготавливал операцию на месте? — поинтересовался Василий Николаевич и сел на кровать.

— Строгов. Часов в десять Сандро будет в Бешкардаше. — Чиверадзе посмотрел на часы. — Сейчас шесть. В восемь отправим людей.

Березовский перебил его

— Пограничники не участвуют?

— Зачем? Их задача закрыть границу, а это далеко в горах. А вообще связь у нас всегда крепкая.

— Не зависимо от этого сегодня после допроса служки и настоятеля начинай аресты. Наблюдение за всеми не снимай до самого конца.

— Конечно!

— Ну, готовь людей на Бешкардаш. Я поеду с ними.

— Это зачем же?

— Не бойся, мешать не буду. Все-таки в случае опасности лишний ствол будет.

В одиннадцатом часу утра к двухэтажному каменному зданию Гудаутского районного отдела милиции подъехала легковая машина. Сидевший рядом с шофером Чиковани поманил пальцем скучавшего без дела дежурного. Оправляя на ходу пояс, милиционер полбежал к автомобилю и, откозыряв, доложил, что начальник у себя. Чиковани, перепрыгивая через ступеньки грязной, захламленной лестницы, поднялся на второй этаж. На площадке и в коридоре было полно стоявших и даже сидевших на корточках людей. Пройдя мимо них, он постучал в одну из дверей с надписью «Начальник». Никто ему не ответил, он открыл дверь и вошел в комнату. В глубине ее за стандартным канцелярским столом сидел начальник районного отдела Гумба, уже пожилой, полный человек, за глаза фамильярно именуемый «бородой». Чиковани приходилось по работе встречаться с ним. После традиционных приветствий Миша доверительно наклонился к Гумбе и, хотя кроме них, в комнате никого не было, вполголоса, по секрету, рассказал, что ночью у Приморского была какая-то перестрелка и «хозяин» очень недоволен, что из района ему об этом ничего не сообщили. Встревоженный Гумба ответил, что о перестрелке он знал еще ночью, но посланный им оперативник так ничего и не выяснил. Сейчас в Приморском и Чобанлуке находятся его люди, и, как только они вернутся, он сообщит Чиверадзе.

— «Хозяин» сам приехал туда, — сказал Чиковани. — Злой, как черт, недоволен, требует тебя, кричал, что за других работать не будет. Поедем скорей! — закончил он.

Гумба заторопился. Они вышли к машине. Тут Гумба вспомнил, что не взял из сейфа оружие.

— Мы не перепелок стрелять едем, — засмеялся Миша. — Послали, — поторопился он.

Рядом с шофером лежал какой-то сверток, поэтому они сели на задние места. Быстро проскочив центральную часть городка и спустившись с горы, машина вышла на шоссе. Километра через полтора, у виадука будущей железной дороги, Абзианидзе увидел Дробышева и Облоуцкого.

— Давай, давай, кацо, по пять рублей с человека, — смеясь, крикнул он, тормозя машину.

— Поезжай скорей за «хозяином» в Сухум,— перебил его Дробышев, садясь рядом.— Сергей, садись назад!— бросил он Обловацкому. Обернувшись, он сказал Гумбе:— А, ты здесь, здоров! Едем, Саша!

— А я зачем?— спросил Гумба, зажатый между Обловацким и Чиковани, когда они проехали виадук.

— Чиверадзе сказал, чтобы ты тоже приехал,— усмехнулся Дробышев.

— Ты подожди, я сойду, неожиданно завопел Гумба и положил руку на плечо шофера.— Останови машину!

Саша вопросительно посмотрел на Дробышева. Федор Михайлович незаметно толкнул его ногой и удивленно повернулся к «бороду».

— Ты шутишь, что ли?— сказал он.

— Дай сойти, говорю,— уже упрямо повторил Гумба. Кровь отлила от его багрово-красного, винного лица, и оно побелело.

— Видишь, Саша не может остановить машину... и сними руку! Не мешай водителю!

Гумба внезапно навалился на Чиковани, тяжестью тела вжал его в угол и, пытаясь выскочить из машины, рванул дверную ручку. В это же мгновение Обловацкий схватил его за шею, опрокинул на сиденье. Гумба хотел наотмашь ударить Сергея Яковлевича в лицо, но Миша перехватил его руку. Машина продолжала идти на большой скорости. Ярость душила Гумбу. Он бросил злобный взгляд на спокойно наблюдавшего за борьбой Дробышева и хрипло спросил:

— Что это значит?

— Успокоился? Вот так-то лучше,— ответил Дробышев.— Оружие есть?

— Нет!— коротко отрезал Гумба.

— Нет оружия,— сказал и Чиковани,— в сейфе остался!

— Нет, есть!— вытаскивая пистолет из заднего кармана брюк продолжавшего сопротивляться «бороду», перебил его Обловацкий и, глядя на Мишу, укоризненно покачал головой:— Эх ты, Шерлок Холмс!

До Афона, отдыхая от утомившей всех схватки, ехали молча, но, когда миновали площадь, Гумба попросил отпустить руки.

— Потерпи, выведем на шоссе, отпустим,— пообещал Дробышев.

Не поднимая головы и растирая онемевшие руки, Гумба невнятно пробормотал:

— Что все это значит?

— Ну, если не понял, скажу: ты арестован! Не шуми и не сопротивляйся. Бесцельно, да и для тебя лучше будет!

До конца никто больше не сказал ни слова. Только выйдя из машины и подходя к подъезду со стоящими у дверей часовыми, Гумба остановился и осмотрелся кругом. Взглянул на каменный мостик, переброшенный через шумящий поток, на обступившие его тонкие стволы кипарисов, на зеленеющие так близко горы, на синее, без единого облачка небо.

— Ну пошли. Руки назад!— услышал он резкий голос сзади, тяжело вздохнул и вошел в здание.

48

В сених что-то упало и загремело. Сандро повернул голову и заметил, что в темноте мелькнула чья-то тень.

— Ты спрашивал Хуту?— сказал Эмухвари.

— Да,— продолжая сидеть, ответил Сандро.

— Зачем он тебе нужен?

— А ты кто, Хута?

Эмухвари кивнул головой. Тогда Сандро встал, почтиительно поклонился и, стараясь сдержать охватившее его волнение, начал рассказывать о поручении, о встрече с Минасяном и перестрелке с неизвестными. Рассказ заинтересовал Эмухвари. Постепенно он все ближе и ближе подходил к столу, у которого стоял Сандро, и, когда тот начал рассказывать о ранении Минасяна, сел на скамейку. Метакса, не желая мешать, вышел из комнаты. Когда Сандро сказал, что Минасян, чувствуя, что ему не уйти, поручил ему отнести письмо сюда, Эмухвари всполошился.

— Его захватили живым?

Сандро пожал плечами и объяснил, что, отойдя с километр, он слышал выстрелы. Кто знает, что там было?

Хута вскочил и забегал по комнате, потом крикнул:

— Подожди!—и выскочил в сени. И сейчас же в комнату вернулся хозяин.

«Э, не доверяют»,— подумал Сандро.

— Дай есть,— попросил он.

— Кушай, пожалуйста!— кивнул головой Метакса. Сандро перекинул ноги через скамейку и пододвинул к себе несколько тарелок.

— Ты вино пей!— пригласил Метакса и, оглянувшись на дверь, заговорщицки наклонился к Сандро:— Его живым взяли, да?

В тоне Метаксы звучала тревога. Сандро прекратил есть, посмотрел на него, цокнул языком, не торопясь налил в стакан вина и выпил. Потом ладонью вытер рот и спешно вышел.

Как только за дверью послышались шаги, Метакса отодвинулся. В комнату вернулся Хута. Следом за ним вошел другой, лет сорока, с такими же крупными чертами лица.

— Здравствуй! Письмо у тебя,— сказал он отрывисто.

Сандро кивнул головой.

— Давай!

Сандро расстегнул рубашку, достал сумку и протянул неизвестному пакет. Читая его, тот изредка бросал быстрые взгляды на Сандро. Закончив, подозвал Хуту и вполголоса что-то сказал ему по-абхазски. Теперь Сандро уже не сомневался, что перед ним старший Эмухвари. «Если младший — руки, то старший — голова»,— вспомнилось ему определение Дробышева. По отзывам, он был более спокойный... и человечный, если такое слово можно вообще было применить к этим не знающим жалости людям.

Поговорив с братом, старший Эмухвари заставил Сандро повторить свой рассказ сначала. Когда Сандро дошел до встречи с Минасяном, он перебил его:

— В Ажарах ты заходил к Измаилу?

— Нет,— ответил Сандро и сейчас же насторожился: «Почему Эмухвари спросил об этом?»— Зайду на обратной дороге.

— Не заходи!— жестко приказал Эмухвари.

— Но отец Георгий говорил...— начал Сандро.

Старший Эмухвари злобно перебил его:

— Дурак твой Георгий! Измаил проданся чекистам. Его видели в Сухуме.

Сандро вздрогнул. Внимательно смотревший на него Хута понял это по-своему и успокоил:

— Ничего, не бойся, в городе все узнают и сообщат нам.

— Мы достанем его и там! — добавил он с вспыхнувшей яростью.

— Я свое сделал, — покорно сказал Сандро, — и пойду домой. Мне ничего передавать не надо? — спросил он у старшего.

Тот посмотрел на брата и, обменявшись с ним взглядом, махнул рукой.

— Ты проведешь пойдешь через лес по другой дорожке через Семенли на Келасури, а оттуда на Марух. Хорошо пойдешь — завтра днем пройдешь черевал, послезавтра дома будешь! Деньги есть? Нету! — не ожидая ответа, решил он. — Сейчас письмо напишу. Деньги дам. Кто знает, может быть, скоро гостем у тебя буду. Примешь? — он невольно засмеялся.

— Гость в доме — хозяину радость, — кланяясь, пробормотал Сандро.

Как только братья вышли, Метакса снова подошел к Сандро.

— Как думаешь, живой он? — спросил он тихо.

«Боишься?» — глядя на растерянное лицо хозяина дома, злорадно подумал Сандро.

— Не такой он человек, этот армянин, чтобы сдаться живым! — успокоительно сказал он. — А ты чего боишься?

Но Метакса только махнул рукой — лучше бы убили — и вышел из комнаты.

Оставшись один, Сандро подошел к окну. Как и час назад, улица была пуста и тиха. Даже собаки не лаяли.

«Ну хорошо, возьму письмо, уйду, из леса смотреть буду, пока не подойдут наши, — рассуждал Сандро. — Ну а если они побоятся оставаться здесь и пойдут следом за мной? Что делать тогда? Или еще хуже — наши задержатся. В темноте не очень-то возмешь их. Что решать, как решать? Нет, не по мне эта дипломатия! А что, если попробовать самому? — мелькнула мысль, но он сейчас же оторосил ее: — Нет, не справлюсь!» — и уже больше к этому не возвращался.

Услышав за спиной шаги, Сандро обернулся — к нему подходил Метакса.

— Хута сказал, чтобы я провел тебя до Семенли.

— А это далеко? — поинтересовался Сандро. «Не доверяют или хотят помочь?» — подумал он.

— Версты три. Дальше сам пойдешь.

Что-то толкнуло Сандро. А если попробовать?

Получив письмо и деньги («Пару баранов купишь!»—сказал Эмухвари), Сандро попрощался и вместе с хозяином дома вышел во двор. До дверей его провожал Хута. Сандро взглянул на дом — у окна стоял второй Эмухвари.

— Подожди здесь!— направляясь к калитке, бросил Метакса. Он подошел к изгороди и осмотрел улицу. Потом вернулся и махнул рукой.— Пойдем, никого нет!

Выходя из калитки, Сандро взглянул на противоположный дом. У него потеплело сердце: из окна смотрел Христофор. Сандро даже показалось, что тот помахал ему рукой.

Пройдя несколько десятков шагов и выйдя на небольшую лужайку, они поравнялись с дремавшим в траве человеком. Лицо спящего было прикрыто от солнца платком. Рядом с ним лежали сапоги и небольшой хурджин. Минував его, Сандро обернулся. Человек переворачивался на другой бок, платок сполз с его лица, и Сандро увидел улыбающегося Пурцеладзе.

Откладывать разговор с Метакса не было смысла. И Сандро решился.

— А если армянина взяли живым и он все расскажет чекистам, знаешь, что тебе будет?— спросил он шедшего рядом грека.

Тот замахал руками.

— Что ты, что ты! Совсем пропадем. Им что, ушли в лес—ищи их. А здесь—дом, хозяйство, семья.—Представив себе приближающуюся беду, Метакса схватился руками за голову и застонал:— Что будет, что будет!

Сандро остановился.

— Спасать себя нужно, вот что! Бояться их будешь—сам погибнешь!

— А что делать?— опуская руки, растерянно спросил грек.

— Пойдем, помогу,— Сандро показал на лес.

В пятнадцать ноль-ноль закончили окружение села. Особенно тщательно были перекрыты выходы и тропы северной части. Но кто мог предугадать маршрут врага? Наблюдение за домом убеждало, что Эмухвари еще там и, судя по их спокойному поведению, не догадываются о надвигающейся опасности. Возможно, они ожидали еще ка-

кого-нибудь связаного? Или хотели дожидаться темноты, чтобы незаметно уйти?

Напряжение нарастало. Наконец в пятнадцать тридцать пять из комнаты вышел уже возвратившийся из леса Метакса, постоял на веранде, посмотрел кругом и вернулся в дом. Строгов, наблюдавший в бинокль, заметил в его движениях какую-то нервозность. Дальнейшее ожидание становилось опасным, и он позвал запятого Березовского, Хангулова и Пурцеладзе. Минут через двадцать посланный им Христофор вернулся с ответом. Березовский соглашался с предложением Николая Павловича окружить дом, предложить Эмухвари сдаться, а в случае отказа еще до темноты ворваться в комнаты и взять их силой. Конечно, нужно стараться взять живыми.

Но Березовский рекомендовал начать не в шестнадцать ноль-ноль, а в восемнадцать. Пурцеладзе ответил Строгову лаконично: «Командуй—будем выполнять». От Хангулова посланный не вернулся. Строгов прильнул к биноклю. Неожиданно Христофор толкнул его в бок и показал рукой на улицу. К их дому подходил Дробышев. Борода и большие пушистые усы, прикрытые соломенной шляпой с широкими полями, совершенно изменили его лицо, но рука, рука! По ней-то да еще по хорошо знакомой походке вразвадку и узнал его Строгов. Как только Дробышев вошел во дворик, Строгов тихо свистнул, и через минуту они уже лежали вместе на чердаке и сквозь оторванную доску наблюдали за домом Метаксы.

— Зачем ты пришел?—укоризненно покачал головой Строгов.

— Я дрался с этими людьми целый год. А теперь, когда дело подошло под занавес, ты считаешь, что я должен быть дома? Нет, брат! Мое место сейчас здесь.

— Но тебе будет трудно,—мягко сказал Николай Павлович.—Мы закончим это без тебя

Дробышев грустно улыбнулся.

— Я слишком много потерял в этой борьбе, чтобы не иметь права быть теперь с вами.

Образ Елены проплыл перед его глазами. Не молодой, веселой, жизнерадостной, какой он знал ее в Москве. Нет, иной! Той, которую он запомнил в последние дни. Смерть Елены покончила все счеты, все сомнения. Осталось одно: она любила его и вернулась. Горькое чувство сдавило сердце Дробышева.

Не сразу удалось ему взять себя в руки.

— Расскажи, как обстоят дела,— попросил он Строгова, справившись, наконец, с собой.

Николай Павлович, не отрываясь от бинокля, подробно рассказал об обстановке.

— А где именно засады?

Строгов показал расположение постов.

— Ты здесь бывал раньше?— спросил он Федора Михайловича.

— В прошлом году, мимоходом,— ответил Дробышев.— Примерно представляю себе местность. А с этим Метакса не сорвется?

— Черт его знает!— нахмурился Строгов.— Сандро сообщил, что он согласился помочь. Спасает свою шкуру. Пришлось рискнуть, другого выхода не было.

— Судя по местности, уходить они должны на Семеновли,— высказал предположение Дробышев.

— Мы тоже так думаем. Там их встретят Березовский, Сандро и милиционер. В случае нужды слева поможет Пурцеладзе. Он с другим милиционером рядом.

— А Виктор?— спросил Федор Михайлович.

— Напротив нас и тоже с милиционером. Они с той стороны дома, там есть тропа на Андреевку. Перекрыли на всякий пожарный,— засмеялся Строгов.— Обидели парня. Он в бутылку лез, требовал, чтобы его поставили там, где Сандро и Березовский. Говорил, что, когда тебя ранили, клятву дал отомстить.

— Также мне кровник!— улыбнулся Дробышев.— А клятву действительно давал.

Выстрел, раздавшийся за домом Метакса, перебил его. Они насторожились. Сразу залаяли молчавшие до этого собаки.

— Смотри, смотри!— зашептал Строгов.— Метакса на балконе машет шапкой.

— Значит, вышли! Только поздновато он выскочил, уже стемнеет.

— И точно в подтверждение этих слов за домом в направлении засады Хангулова послышалась частая дробь выстрелов. Казалось, в пустой кастрюле пересыпают горох.

— Надо перекрыть на всякий случай дорогу на Михайловку,— заволновался Дробышев.

— На развилке дорог — опергруппа милиции,— сказал Строгов.

— Ну, тогда порядок! Давай выходить.

Уже спускаясь с чердака, они услышали крик: «Скорей!» Перегоняя друг-друга, оба выскочили во двор и с пистолетами в руках кинулись к ограде. Через улицу, обхватив руками голову, бежал Метакса. Из-под его пальцев, заливая лицо, тянулись все увеличивающиеся яркие полосы крови.

Попав на Андрееву! — испуганно крикнул он, пробегая мимо.

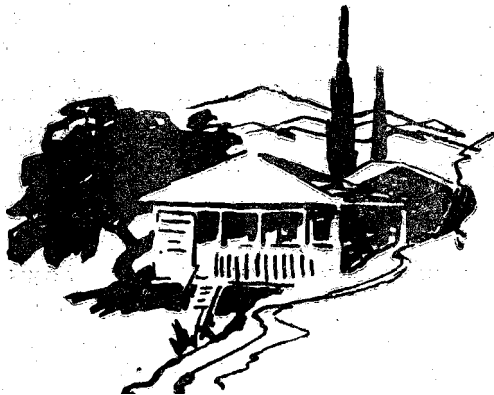
Лихорадочная стрельба начала затихать. Выстрелы, постепенно перемещаясь вправо, раздавались реже, огонь велся прицельный и более опасный. Несколько раз высоко над головами Дробышева и Строгова тоскливо пропели шальные пули.

Маскируясь за деревьями, контрразведчики короткими перебежками достигли дома Метакса, обогнули его и очутились на маленькой вытоптанной полянке с плотно обступившим ее кустарником. Выстрелы теперь слышались отчетливей и резко перемещались вправо. Перестрелка шла в движении. Видимо, Эмухвари нарвались на Хангулова и, отстреливаясь, уходили туда, где засел Пурцеладзе.

Надо было торопиться. Строгов и Дробышев бросились в направлении уходящих выстрелов. Продираясь через чащу, они снова слышали частую стрельбу. Совсем рядом зачиркали пули: бандиты приблизились к Пурцеладзе, и он встретил их огнем. Пришлось залечь и ожидать, пока Эмухвари примут решение. В поисках лазейки они могли пойти правее и наткнуться на Березовского или начать отход и попасть под огонь Дробышева и Строгова. Третьего пути у них не было.

Неожиданно ухнула граната, за ней вторая. На короткое время перестрелка затихла. В тревожной тишине особенно четко слышался треск сухих ветвей: несколько человек, не выбирая дороги, шли на них. Дробышев и Строгов приготовились к встрече, но шум неожиданно начал уходить вправо, на Березовского. Враг чувствовал, что его обкладывают, в поисках щели бросался из стороны в сторону. Наткнувшись на третью засаду. Эмухвари будут прорываться к тропе, ведущей на перевал, а в случае неудачи — через Бешкардаш на юг. Отход их через селение был особенно опасен — возможны жертвы среди жителей. Оставалось перекрыть этот последний путь отступления. Строгов и Дробышев поднялись, прошли сотню метров вправо и снова вышли к дому Метакса. У зеленой полянки они остановились. Сколько человеческих ушей настороженно прислушивалось к наступившей обманчивой тишине. Наконец она прорвалась — часто захлопали выстрелы, грохнул взрыв гранаты и застрочил ручной пулемет: бандиты наткнулись на засаду Березовского. Частые хлопки выстрелов порой сливались в сплошной гул, изредка покрываемый разрывами гранат. На какие-то доли се-

кунды огонь стихал, и тогда ясно слышалось однообразное постукивание пулемета. Бандиты упорно пробивали себе дорогу на Семенли.

— Да! Жарко там сейчас! — произнес побледневший Дробышев.

Нетерпеливый Строгов предложил:

— Может, ударим сзади?

— Спокойно! Теперь скоро. Не уйдут! — сдержал его Дробышев. Трудно брать их будет, — продолжал он, поднимаясь и отдирая мешавшие ему усы и бороду, — но надо кончать!

Они пересекли полянку, быстрым шагом прошли вдоль стены дома, очутились у изгороди и залегли. Перед ними лежала улица, по-прежнему пустая и настороженная.

Стрельба затихла. Противники затаились и, высматривая друг друга, изредка обменивались огнем. Отчетливо слышался полет пуль. Вот одна, над головами, сломала ветку, другая глухо ударила в зазвеневший ствол. Вдоль улицы, стелясь по дороге, как бы предупреждая об опасности уныло чиркали невидимые шмели. Некоторые из них, задев каменистую землю, поднимали столбики пыли и, извивнувшись, уходили вверх.

Пезаметно подкрались сумерки. Темнота наступала со стороны моря, будто пытаясь нагнать уходящее за деревья солнце.

Из-за угла крайнего от леса дома появился один из Эмухвари. Согнувшись и прихрамывая, он пробежал по улице и тяжело упал в придорожную траву. Следом за ним из-за дома показался второй. Осматриваясь и прижимаясь к изгороди, он подбежал к первому и лег рядом. Они поднимались, делали короткие перебежки, вновь падали и снова вскакивали. Чувствовалось, что они спешат выйти из опасной зоны. Им казалось, что путь на юг через селение свободен, и они торопились им воспользоваться. Когда Эмухвари поднялись для очередного броска, Федор Михайлович резким, срывающимся голосом крикнул:

— Бросай оружие!

Эмухвари выстрелили и кинулись в траву. Дробышев и Строгов ответили. Перестрелка велась в упор. В сгущавшейся темноте, вспыхнули огоньки выстрелов. Наконец Федор заметил, что огонь со стороны бандитов прекратился. Контрразведчики вскочили, перепрыгнули через бровку ограды и кинулись вперед.

Дробышев первым набежал на тела Эмухвари.

— Стро-о-го-в! — нарушая наступившую тишину, протяжно кричал из темноты чей-то голос. — С-т-р-о-г-о-в!

— Мы з-д-е-с-ь! — также протяжно ответил Дробышев.

— К-а-к д-е-л-а?

Федор узнал Пурцеладзе.

— С-ю-д-а! — вмешался в переключку Николай Павлович.

Вскоре около неподвижно лежавших Эмухвари собрались все. Враг не ушел.

Чекисты не сразу хватились, что с ними нет Сандро. Березовский вспомнил, что в самом начале перестрелки Сандро был ранен и отполз в сторону, в кусты, чтобы перевязать рану.

Встревоженные, все двинулись на поиски. Недолго пришлось им блуждать! Сандро лежал на боку в десятке шагов от места засады, подобрав ноги, сжавшись в комок. Горькая гримаса боли искривила его лицо. Чекисты поняли, как тяжело умирал их мужественный и веселый друг.

50

Крысы бежали с тонувшего корабля, а Чиверадзе говорила себе: «Подождем немного, подождем еще. Ну еще денек, ну еще один...» Это становилось опасным. Дмитренко не раз докладывал ему, что интересующие их лица нервничают. Как бы чего не случилось! А Иван Александрович только усмехался и, просматривая сводки, требовал не прекращать наблюдение ни на минуту. Казалось, его не беспокоило, что работал без отдыха, сотрудники выматывались, засыпали на ходу. Когда об этом говорили, он отмахивался: «Нужно потерпеть, скоро все кончится!» Чувствовалось, что он сам на пределе и может снова заболеть. Большого напряжения стоили непрекращающиеся допросы Жирухина, настоятеля, Гумбы и других.

Непохожие друг на друга, с разными характерами и взглядами, эти люди были объединены одним: ненавистью к советскому строю, к народу. Присутствуя при допросах, Чиверадзе удивлялся, как окружающие раньше не замечали их звериной злобы.

Понятна была ненависть бывшего настоятеля Ново-Афонского монастыря, Отца Иосафа, в миру Евгения Павловича Зубовича, ротмистра лейб-гвардии кирасирского Ее Величества полка, желтого кирасира, своим прошлым чем-то напоминавшего князя Касатского из толстовского «Слзда Сергия». Барин, аристократ, отпрыск старинного рода, записанный в бархатную книгу столбового дворянства, он, даже уйдя из «мира», оставался «белой костью». Было ясно, почему он стал врагом. Но Жирухин? Что толкнуло его в лагерь врагов? Что сделало его озлобленным и непримиримым?

На допросах он бравировал своими политическими убеждениями, еще несколько дней назад так тщательно скрывааемыми. Цинично рассказывая о своей преступной деятельности, он не щадил своих сообщников и, как ни странно, не пытался спрятаться за спины других. Гумба вел себя иначе. Отрицая вначале все предъявленные обвинения, он отступал, прижатый фактами, понемногу сдвывая позицию за позицией. Упорнее всех был отец Иосаф — Зубович. Когда его спросили, где радиостанция, он удивленно посмотрел на Дмитренко и Чиверадзе и, пожав плечами, ответил, что вообще в своей жизни никогда ее не видел.

Но здесь неожиданно помог служба — Маринец. Вообще он знал много, этот маленький монах, помимо своей воли втянутый в эту компанию. Зубовичу пришлось сдаваться. Наконец на одном из последних допросов он назвал имя своего последнего гостя. Так следствие пришло к Кребсу. Услышав эту фамилию, Дмитренко обменялся взглядом с Чиверадзе и прекратил допрос.

— Пора, Иван Александрович! — сказал Дмитренко, когда они остались одни. И тогда Чиверадзе, уже не колеблясь, ответил:

— Хорошо! Сегодня!

Первым в управление был доставлен Назим Эмир-оглу, задержанный в тот момент, когда он садился на теплоход «Грузия», шедший в Батум. В его маленьком чемоданчике, кроме обязательных зубной щетки, мыла, полотенца и пижамы, обнаружили небольшую тетрадку с непонятными на первый взгляд записями. Даже пустой, чемоданчик все же оставался тяжелым. Вскрыли дно и увидели плотно уложенные пачки денег купюрами по десять фунтов стерлингов. Втиснутый между ними лежал массивный золотой портсигар. Кроме подлинных документов, в заднем карма-

не брюк были обнаружены паспорт, разные справки на имя Шония, деньги в советских знаках и... пистолет Дробышева.

Почти следом за Эмир-оглу привезли Шелия. Входя в помещение комендатуры, он из-за нерасторопности дежурного мальком увидел Назима. У него тоскливо сжалось сердце. Изредка, в бессонные ночи, к Шелия приходила мысль о возможном аресте, но он обманывал себя надеждой уйти в последнюю минуту в лес, к Эмухвари. «Ну а дальше что? — задавал он себе вопрос. — Что ж, так всю жизнь в лесу?» И успокаивал себя тем, что это ненадолго, все переменится, а если нет, можно уйти за реку Чорох в Турцию. На этот случай он кое-что скопил и хранил в потайном месте. Как-то в разговоре с Назимом он поделился с ним своими опасениями, но тот успокоил его: до этого не дойдет, а если и случится, то есть люди посильней, чем мы с тобой, они позаботятся о нас.

Не успели оформить арест и поместить в одиночку Шелия, как два сотрудника привезли Шелегия. Этот производил впечатление обыкновенного уголовника с грубыми, вульгарными манерами, шуточками и матерной бранью. Он наивно верил в то, что ему твердили его руководители: «Ничего не бойся, выручим!» И он не боялся. В протоколе обыска значилось, что у него отобраны пистолет и револьвер с большим количеством патронов, а в комнате, за ковром, обнаружена кавалерийская винтовка. В прошлом он уже неоднократно судился за кражи и грабежи. Обыск и камера не были чем-то новым и неожиданным для него. Правда, раньше им больше интересовался уголовный розыск, «уголовка», как называл он. Там все было проще. Тогда среди проходивших мимо сотрудников розыска он узнавал знакомых по прежним арестам, но в этот раз сотрудники узнавали его и зачастую в шутливой форме спрашивали о здоровье и делах. Он с наигранной беспечностью отвечал, ожидая, пока его отведут в камеру, где уж наверняка он встретит своих «корешей» — друзей по профессии, таких же «блатных», как он. Здесь, в ГПУ, все было иначе. Испугало Шелегия, что его поместили в одиночку. «Чуют легавые», — подумал он, но чувство тревоги холодком обожгло сердце.

Прошло несколько часов, а Чиковани, посланный за Майсурадзе, не возвращался. Он уже звонил Чиверадзе и Дробышеву, докладывая, что нигде не может его найти.

Иван Александрович нервничал и не отходил от телефона, ожидая сведений. Были перекрыты все места, где Майсурадзе мог появиться, — и никаких проблесков. Он и его «хвост» точно провалились.

— Когда последний раз звонили с поста? — спросил Дробышев.

— А? — переспросил занятый своими мыслями Чиверадзе.

Дробышев повторил вопрос.

— Часа три назад.

— А просочиться на «Грузию» он не мог?

— Нет, этого не могло быть. Там же были люди, следившие за Назимом, они бы увидели. Нет, нет, это исключается!

— А выходы из города?

— Что ты, экзаменуешь меня, что ли? Ведь его же водят наши люди. Куда пропали они? Если бы потеряли — позвонили бы немедленно. Нет! Он, конечно, в городе.

— Иван Александрович! Можно мне связаться с Союзтранспортом, с заведующим? Он не из болтанвых, я его знаю. Предупрежу: на всякий случай.

— Звони!

Федор Михайлович снял телефонную трубку и попросил Союзтранс.

— Директор, ты? — спросил он. — Здравствуй! Говорит Дробышев. Когда у тебя ушли последние машины на Сочи и на Гали? И больше не будут? Будут? Когда?

В эту минуту их разговор перебила междугородная. Срочно вызывал Афон.

— Давайте! Алло, алло, кто? — взволнованно крикнул Дробышев.

Телефонная связь тридцатых годов! Но сейчас она не подвела.

Говорил старший смены:

— Майсурадзе только что приехал на попутной машине в Афон, машину не отпускает, зашел в ресторан. В разговоре с шофером сотрудник выяснил, что пассажир просил отвезти его в Сочи. Что делать?

Дробышев посмотрел на Чиверадзе.

— Пусть берут! — ответил Чиверадзе. — Только предупреди, чтоб осторожно, он наверняка вооружен. И чтоб по дороге не выбросил чего. Спроси, вещи при нем есть? Чемодан? Что это они все с чемоданами разъезжают, как

курортники? — в первый раз за весь день улыбнулся Иван Александрович. — Ну, пусть берут! И немедленно сюда!

Чиверадзе тут же вызвал оперпункт Афона и приказал, как только машина уедет, произвести тщательный обыск в кабинете и на квартире директора ресторана, арестовать его и срочно доставить. Вешая трубку, Иван Александрович с облегчением вздохнул.

— Уф, гора с плеч! Китов собрали, кажется, всех. Осталась мелкая рыбешка.

Он повернулся к Федору.

— Организуй посменный отдых, пусть ребята отоспятся!

Это входило в привычку. После работы Замковой торопился домой убежденный, что Елена вернулась и ждет его. Нетерпение подстегивало. Он ускорял шаги и, подходя к дому, почти бежал, но, поднимаясь по лестнице, замедляя шаг, заранее смакуя радость встречи. Он так отчетливо представлял себе эту минуту, что ясно видел черты ее лица, почему-то слезы... и останавливался. Ему хотелось продлить это состояние. Передохнув, он медленно поднимался на четвертый этаж. Остановившись у дверей со своей табличкой, прислушивался, но в квартире было тихо, и тогда постепенно в нем проходило это чувство восторженности. Он устало нажимал кнопку и долго не отпускал руку, слушая, как разносится дребезжание звонка. В передней слышалось шарканье туфель Евдокии Андреевны, и дверь открывалась. По ее лицу он видел, что ничего не изменилось, никто не приехал, и к нему возвращались старческая усталость, безразличие и апатия. Это становилось маниакальной болезнью. Временами ему казалось, что он сходит с ума. Пытаясь бороться, он навязывался в гости, но с некоторых пор заметил, что его избегают. Как-то вечером, сидя у своих друзей, он неожиданно попросил дать ему водки. Выпив и ничем не закусив, старчески пожевал губами и... заплакал. Все бросились к нему, начали успокаивать, но он плакал все сильнее и сильнее. Его лицо, никогда не бывшее красивым, в эту минуту было неприятным и жалким. Видимо, устыдившись своей слабости, он извинился и ушел. Об этом случае стало известно. С ним пытались говорить, он молча слушал, соглашался, качал

головой... и молчал. Говорили, что он начал пить. Все это было очень неприятно и стыдно. Так понемногу он остался один. Нет, не один. Дома всегда его ждала верная нянька, Евдокия Андреевна, понимавшая причину его состояния, его слез. Желая успокоить, она садилась напротив него и не торопясь рассказывала о ней, о том, что рано или поздно она вернется и ей будет неприятно видеть его таким, и они снова хорошо заживут. Видя, как он с посветлевшим лицом слушает, как в уголках его глаз накапливаются слезы, она тоже начинала плакать. Успокоившись, поила его чаем и, как маленького, укладывала спать. Так прошло лето. Осенью в Москву из Сухума возвратилась отдыхающая там семья его хороших знакомых. Перед отъездом Евдокия Андреевна втайне от Григория Самойловича попросила их навести справки о Елене Николаевне. Не думая выполнять просьбы, они пообещали, но совершенно неожиданно в разговоре с портье гостиницы узнали о трагической гибели Русановой. Это их заинтересовало, и после небольших усилий им стали известны подробности ее смерти. Возвратившись в Москву, они хотели сообщить об этом Григорию Самойловичу, но когда им рассказали о его состоянии, отказались от этой мысли, поделившись по секрету новостью со своими друзьями. Вскоре это стало известно всем, кто знал Замкового. Всем, кроме него. Один из его приятелей, решив, что клин выбивают клином, как-то днем, зная, что Замковой на работе, приехал к нему домой и рассказал Евдокии Андреевне о смерти Елены Николаевны. Она растерялась, долго плакала, и как ни странно, жалела не убитую, а Григория Самойловича. Договорившись, что она постепенно подготовит Замкового, приятель уехал, считая, что выполнил свой долг. Но шли дни, а старуха так и не решалась нанести удар. Понемногу другие новости и события вытеснили из памяти людей эту трагическую смерть. В начале ноября на очередном заседании комиссии по планировке города к Григорию Самойловичу подошел один из архитекторов и после небольшого служебного разговора, вспомнив услышанный рассказ о его драме, выразил соболезнование. Григорий Самойлович вначале ничего не понял и попросил объяснить. Его собеседнику стало не по себе. Он понял, что сделал глупость, пытался уклониться от дальнейшего разговора, но встревоженный Замковой резко изменился в лице и, взяв под локоть и отведя в сторону, твердо потребовал рассказать все. Кляня себя за неосторожность, архитек-

тор передал Григорию Самойловичу, что знал сам. Кругом стояли и ходили люди. Разговаривали, спорили, смеялись, рассказывали анекдоты, курили. А в углу, у окна, мало-знакомый человек, подбирая слова, говорил ему о гибели самого близкого и родного человека. Выслушав до конца, Григорий Самойлович, сдерживая себя, поблагодарил своего собеседника, пожал ему руку и хотел отойти, но почувствовал, что ноги не слушаются его. Он сел на подоконник, опустил голову и задумался. Боль была слишком велика, чтобы он мог плакать. Почему-то вспомнились их первые встречи, совместная жизнь, но в памяти проходили только хорошие, ясные моменты их отношений. Она стояла перед ним как живая, улыбающаяся и веселая, такая осязаемая, что он начал тихо разговаривать с ней. Он был спокоен, почти спокоен, чтобы думать о том, что больше никогда ее не увидит. Что ж, он будет один. В конце концов, ведь это ненадолго, — усмехнувшись, подумал он, и внезапно у него возникло безумное желание увидеть Дробышева. В нем не было зависти к молодому сопернику, нет. Сейчас это был самый близкий ему человек, с которым он мог поговорить о мертвой. Если она ушла к нему, значит, он был хороший, лучше, чем он. Все, что она ни делала, было хорошо и правильно. И никто в мире не мог разуверить его в противном. И никого впускать к себе, в свой внутренний мир он не собирался! Он напишет туда, в Сухум. Дробышев не сможет отказать ему во встрече, в дружеской беседе... К нему подошли, напомнив, что уже поздно. Он засуетился, но, встав, взял себя в руки, выпрямился и вышел на улицу.

52

За военным городком шоссе идет вправо и, уткнувшись в каменную стену, отгораживающую море, резко сворачивает влево. Сейчас же за поворотом у дороги начинается кладбище. Каменная стена обрывается, и с шоссе видно море, залитый солнцем берег, слышен неумолчный прибой волн, крики купающихся. Жизнь! А здесь, за ветхим деревянным, местами обвалившимся забором тихо. Холодок и полумрак от закрывающих небо кипарисов.

Ноябрь, но еще бушует лето, все в цвету. Разве только изредка в воздухе медленно проплывает желтеющий лист. Плавно раскачиваясь, он ложится на еще зеленую траву и напоминает о близкой осени.

Невдалеке от входной калитки, почти над обрывом, в заросшей гуще орешника — могила. Ни таблички, ни надписи. У обложенного свежим дерном холма с уже увядшими цветами сидит человек. Он смотрит на холм, на дорожку, посыпанную красным дробленным кирпичом, на неподвижные ветви орешника. Он думает о чем-то своем, изредка по-хозяйски поправляет еще не сросшуюся дернину.

С дороги доносится шум проходящих машин, женский смех.

Из оврага тянет сыростью и тлением. Человек поднимает голову и видит через покачивающиеся пики впаот-

ную стоящих кипарисов кусочек синего неба. Это очень высоко и далеко. Тишина. Кажется, так было всегда. Он думает о том, что где-то рядом борются, работают, смеются и плачут, любят и ненавидят.

Наконец человек встает. Теперь видно, что он высок и, несмотря на седицу, молод. Военная форма ладно сидит на его подтянутой фигуре. Он смотрит на могилу, точно хочет надолго запомнить дорогое ему место, надевает фуражку со светло-синим, цвета неба верхом и машинным околышем и решительно идет к выходу. И только сейчас вспоминает о своей спутнице. Возвращается назад. У могилы на скамейке — сжавшаяся фигурка. Он ласково кладет руку на плечо женщины. Она встает, и он видит ее заплаканное лицо.

— Что с вами, Этери? Почему вы плачете?— говорит он, глядя ее голову, долго успокаивает и ласково, но настойчиво берет за руку и ведет к выходу.

— Что с вами, Этери, дорогая?— упорно допытывается он.

— Ничего, ничего,— отвечает она, продолжая всхлипывать.— Просто мне очень грустно. Ведь ваше горе давно стало моим. Вот вы уедете, и все кончится, все!— бормочет она, потом смотрит ему в глаза и медленно говорит:— Вы ничего, ничего не поняли, Федор... Федор Михайлович! Идите, идите, оставьте меня здесь!

В ее голосе Дробышев слышит такую решительность и враждебность, ее глаза так отчужденно смотрят на него, что он чувствует себя смущенным и в чем-то виноватым.

«Неужели это Этери, хохотушка Этери, еще так недавно сидевшая ночами у моей кровати, кормившая меня с ложечки»,— думает он. Ему кажется, что она ждет от него каких-то решающих слов, ответа на незаданный вопрос. Но он ничего не может ей сказать. Поворачивается и быстро идет по аллее. Идет и знает, что потерял еще одного близкого человека, которого, вероятно, уже не встретит.

У калитки он останавливается. По шоссе идет веселая стайка молодежи. Юноши и девушки смотрят на Дробышева, переводят взгляды на кладбище. Стираются улыбки и замирает смех. Они с сочувствием смотрят на человека с грустными, усталыми глазами и седыми висками. Он поднимает к фуражке левую руку, приветствует их. И улыбается.

Что ждет его впереди? Будет много горя и радостей, подъемов и ошибок, встреч и расставаний. Одни события обогатят, другие — разочаруют. Будут дни колебаний и сомнений. Будут войны, которые потребуют напряжения всех сил, физических и духовных. И будет каждодневный труд, оправдывающий человеческое существование на земле.

Но что бы ни случилось, он навсегда запомнит эти дни, эти годы возмужания и становления характера.

И где бы ни был, на всем своем пути он будет чувствовать направляющую руку партии!

* * *

Сквозь листву проглядывало море. Синее и спокойное, оно уходило к чуть видимой линии горизонта, сливалось с темнеющим бездонным небом и пропадало. Вечерело. Даль становилась неясной, расплывчатой. В комнату вместе с сумерками вошла тишина.

— О чем задумался? — Чиверадзе подошел к стоявшему у открытого окна Дробышеву.

— Обидно, Иван Александрович, — проговорил Федор, — сколько труда, сколько сил затрачено. Каких товарищей потеряли. Сандро. Забыть его не могу! А Кребс ушел. Выходит, все жертвы напрасны!

— Жаль товарищей, это верно, — грустно ответил Чиверадзе. — Только не прав ты, не напрасно все это. Нет, не напрасно! Сколько врагов выловили — забыл? А ликвидация Эмухвари? Окончилась охота за этими волками. Конечно дело «шакалов»! Ну а Кребс, что ж. Кребс ушел, но мы еще встретимся с ним. Все равно встретимся! Ведь он «специалист», «знаток» России. Попыток своих не оставит, хозяева заставят его прийти. — Чиверадзе взглянул на море, на темнеющий купол неба: — Да, чуть не забыл! Москва сообщила: в Стамбул прибыла подводная лодка. Делегация...

Федор утвердительно кивнул.

— Его сняли на носилках и перевезли прямо на квартиру британского морского атташе. Вызвали посольского врача, а потом и хирурга.

— Неужели ранен?

— Да, в ногу, выше колена. И, видимо, серьезно. Насчет ампутации не знаю, но хромать во всяком случае будет долго. Когда ты едешь?

— Завтра утром.

— Зайди в обком. Звонил Нестор Апполонович, попрощаться с тобой хочет.

Чиверадзе сел на диван и подозвал к себе Дробышева.

— Посиди. По старому обычаю это полагается. Приехал ты сюда молодым, — он усмехнулся, — а уезжаешь убежденный сединой. У нас в Грузии считают, что седина — признак ума. Ну это дело спорное, а вот насчет опыта, знания жизни — согласен. И срок тоже небольшой — два года, а смотри, сколько пережито, сколько сделано, как объединила и породнила всех нас работа. И кровь товарищей, братьев. Уедешь — не забывай друзей, край, где так много перенес, возмужал, где выполнял задание Родины. И еще один совет — подбодрись, не раскисай. И выбрось мысль, что ты больше никому не нужен. Нужен, понимаешь, очень нужен. Делу нашему, стране, товарищам. Все еще у тебя будет — и радости, и огорчения... и любовь. Все впереди! Голову выше, генацвале! — Чиверадзе встал.

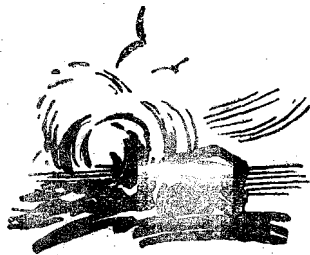
— Спасибо, Иван Александрович! — дрогнувшим голосом ответил Дробышев, поднимаясь с дивана. — За все спасибо. Ничего не забуду.

— Дай я тебя обниму.

Они долго не разжимали рук. Наконец Чиверадзе мягко оттолкнул Федора.

— А теперь иди, иди, друг! До свидания, будь счастливым! — он резко отвернулся.

Дробышев вышел.

ЭПИЛОГ

Всю дорогу полковник Дробышев играл в шахматы с соседом по купе, высоким, красивым грузином, студентом Института народного хозяйства. Кончились экзамены, и его молодой попутчик ехал на каникулы к родным в Сухуми. У него недавно умер отец, и он еще носил на рукаве традиционную траурную повязку.

— Как фамилия вашего отца, Зураб? — поинтересовался Дробышев.

— Брегвадзе, — ответил студент. — Вы кого-нибудь знаете в Сухуми, бывали там? — в свою очередь спросил он своего пожилого партнера.

Дробышев усмехнулся.

— Сколько вам лет, Зураб?

— Двадцать первый.

— Когда-то знал многих. Но это было давно, и вас мой милый бакалавр, тогда еще не было на свете. И вашего отца, Ванечку Брегвадзе, одного из первых председателей колхоза Гальского района, знал! Я не ошибся? — улыбаясь, посмотрел он на удивленного собеседника.

— Правильно! Мы из Гали. Но последние годы, после возвращения из армии, отец работал в союзе партии. Значит, вы бывали в Абхазии?

— Бывал, бывал, — добродушно подтвердил Дробышев.

— Вы теперь его не узнаете, наш Сухуми, — с гордостью сказал Зураб.

— Узнаю! — твердо ответил Федор Михайлович. — Друзей, как бы они не изменились, всегда узнают. Ну а теперь спать, спать пора! — видимо не желая продолжать

разговор, закончил он. — Если не проспите, разбудите, когда подъедем к Туансе. Хорошо?

За окном быстро темнело. Поезд часто нырял в туннели, и тогда казалось, что уже наступила ночь. Вагон мягко покачивало. Федор Михайлович лежал с закрытыми глазами, но сон упорно не шел к нему. И опять воспоминания завладели им.

— Как быстро прошла жизнь — думал он. Вот минувала война, которую он провел на фронте. Куда она его ни бросала! Венгрия, Чехословакия, потом Германия. Потом пришлось выехать на Дальний Восток.

И опять началась кочевая беспокойная жизнь на границе. За это время Дробышев исколесил побережье Приморья, Сахалина, Курил и Камчатки. Граница была морская, растянутая на сотни, тысячи километров, и каждый участок требовал постоянного внимания. На смену обессилившей «Интеллидженс сервис» пришел новый противник. Наглый, самоуверенный, с еще не прошедшим хмелем победы, один во многих лицах, но с разными именами, будь то «Си-Ай Джи», «Си-Ай-Си» или «Эм-Ай-Джи», но с одной задачей, с одной целью.

Перед Дробышевым расстилались воды Японского моря, стремительные проливы Лаперуза, Курильской гряды и Беринга, бесконечные просторы Тихого океана.

На далеких горизонтах дымили груженные до ватерлинии военные транспорты, цепочкой шедшие к берегам побежденной страны восходящего солнца и освобожденной от японцев Кореи.

В небе, в подозрительной близости к границе, мелькали реактивные самолеты со знакомыми опознавательными знаками. «Заблудившись», они часто пытались пролететь над нашей землей. Как только в воздух поднимались краснотелые «ястребки», они отваливали и уходили в море. Чужие перископы бороздили морскую поверхность. Заслышав приглушенные выхлопы советских торпедных катеров, они торопливо ныряли в глубину.

Как-то в руки Дробышева попала «Дейли Мейл». На восьмой странице он наткнулся на фамилию Кребса. Все знающий репортер сообщал читателям газеты, что прибывший в Шанхай полковник сэр Томас. Ю. Кребс недавно за особые заслуги награжден орденом Британской Империи II степени. Значит, вместе с наградой он получил звание рыцаря — командора ордена.

Дробышев улыбнулся, вспомнив, как в осеннюю ночь тридцать первого года этот «рыцарь», спасая свою жизнь, бежал по размытому штормом морскому берегу.

Командировка Дробышева затянулась, и только осенью тысяча девятьсот пятьдесят шестого года он возвратился в Москву. У товарищей были семьи, дети, а он так и остался один. Дробышеву показалось, что он старик, никому не нужен и пора идти на покой. Федор Михайлович пошел к генералу Бахметеву. И опять, так же как и двадцать, пять лет назад, оказывается, его начальник все знал. Знал, что он захандрил, и устал, и постарел.

— Ну выкладывай, что у тебя там, — разглядывая Федора, улыбнулся Бахметев.

Услышав, что Дробышев думает идти в отставку, Иван Васильевич усмехнулся.

— Значит, в старички записался! Смотри какой! А я что же — молодой, не устал? Нет, ты это, брат, брось. Хандра на тебя напала, это так. Видно, плохо, что тебя никто не пилит, — сказал он, вспомнив слова двадцатипятилетней давности. — Ну да мы тебя женим.

Эх, нет в живых Василия Николаевича, он бы тебя пропесочил. Знаешь что? Ты вот до командировки на Восток просился в отпуск. Поезжай-ка в Сухуми, посмотри знакомые места. Поброди по берегу, попей вина, вспомни молодость и возвращайся. Поверь, все будет в порядке! А там, гляди, еще и женатый приедешь, так бывает. И всю хандру как рукой смахнет.

На другой же день Дробышев выехал в Абхазию.

Была поздняя осень, самое прекрасное время года, время созревания плодов, медленного увядания природы. Дни становились короче. Было еще тепло, но по ночам холодало.

Наконец-то он сможет удовлетворить свое тайное, все эти годы не проходившее желание — встретиться со своей молодостью. Знал, что это будет очень грустно, но отказаться от этой встречи не мог. Кто знает, придется ли еще когда-нибудь поехать туда. Хотелось побродить по знакомым местам, посидеть на берегу моря, встретить друзей, навестить могилу Елены. Наконец-то он признался себе в этом самом сильном желании.

Сквозь полусон Федор Михайлович почувствовал чье-то прикосновение.

— Подъезжаем к Сочи, — раздался негромкий голос. — Вы просили...

Дробышев поднялся, взглянул в окно и засмеялся.

— А как же Туапсе?

Он взглянул на сконфузившегося Зураба и вышел в коридор.

Действительно, все вокруг было новым. Вместо маленьких деревянных платформ выросли белоснежные и вычурные колонны нарядных станций, огромные клумбы и бетонные вазы с яркими южными цветами. Всюду в горах и ущельях из-за деревьев выглядывали дома отдыха и санатории с разбегавшимися во все стороны дорожками. Непрерывное полотно пляжа с бесчисленными гигантскими цветастыми зонтами пестрело белыми и коричневыми купающимися. Одни из них восторженно махали руками проходящему поезду, другие провожали его ленивым взглядом. В пене прибоя, выбирая яркие ракушки и обточенные водой камешки, деловито копошились дети. Снова мелькали забытые названия — Шепси, Аше, Лсо, Дагомыс, Сочи.

Наконец после длинного туннеля открылась залитая солнцем Гагра с цветами, морем, толпами отдыхающих.

Поезд снова ушел надолго в горы. Слева промелькнуло Бзыбское ущелье с матовой ниточкой дороги к Рице, неповторимому Голубому озеру. Справа, в дымке, показалась и исчезла Пицунда. Снежные вершины подошли совсем близко. Похолодало и стало темней. Когда-то в погоне за неуловимой бандой он исколесил эти места — где верхом, где пешком, спал одним глазом в холодных кошках, сидел в засадах, напряженно прислушиваясь к шорохам и посвистам ночного ветра. А сейчас? Да! Изменилась древняя Абхазия «страна Души».

Поезд прошел лесистую полосу Гудаутского района и, вырвавшись из нее, начал спускаться снова к морю. Дробышев открыл окно и, горя от нетерпения, смотрел вперед. После короткой остановки в Гудаутах, разросшихся и похорошевших, поезд шел вдоль берега. Вот виадук, около которого он арестовал Гумбу, вот окруженный пеной подводный камень, памятный по последней перестрелке. Вот Приморское, а за ним Ахали-Афони с его белой громадой монастыря, с санаториями, со старыми ивами и прудами. Справа проплыла свеча маяка. Скоро и Сухуми, незабываемый город неповторимой молодости!

Кто остался у него там, кто помнит его? Выросли новые люди, бегавшие при нем в коротеньких штанишках.

Они ничего не помнят: ни борьбы с врагами, которую вели их отцы и деды, ни боев на перевалах с отборными полками альпийских стрелков, всяческих «эдельвейсов» последней войны. Не помнят пустого, обезлюдившего моря, проволоочных заграждений на этих нарядных пляжах, всей этой ошестинившейся границы. Все создано для них, и они принимают это как должное.

Он действительно не узнал его. На месте малярийного болота, как в сказках Шехеразады, вырос великий дворец с ажурной вязью колонн, с острыми шпилями, уходящими в небо, огромный, залитый солнцем.

Новенькая «Победа» за несколько минут доставила его в город. У воздушной, легкой и белой платформы Бараташвили* он попросил шофера остановиться, перешел широкую асфальтированную улицу и остановился у изгороди Ботанического сада. Не было тенистой запущенной аллеи, по которой когда-то бежала Елена.

Шарообразные, аккуратно подстриженные, стояли декоративные буксусы и лавровые деревья, между ними пламенели канны. На одной из магнолий белел не успевший упасть цветок. По-летнему светило солнце. У Дробышева сразу ослабели ноги, он присел на камень у ограды. С другой стороны улицы за ним удивленно наблюдал шофер. В машине монотонно отстукивал счетчик. Рядом с такси, в ларьке, изнывая от жары и скуки, продавец ел мороженое. Прошел электровоз с длинным составом товарных вагонов, прогудел и скрылся в туннеле. Было тихо и буднично. На противоположной стороне стояли большие дома из белого камня с нарядными балкончиками. Раньше здесь прятались в зелени маленькие деревянные домики. Он поднялся и пошел к машине.

Вечерело. Кое-где вспыхивали огни лампионов. С наступлением сумерек все больше гуляющих заполняло набережную, улицы и сады.

Отдохнув, Федор Михайлович вышел в город. Кафе на против было полно. Он смешался с толпой и направился в сторону центра. Гуляя здесь раньше, он не успевал здороваться. Сейчас не увидел ни одного знакомого лица.

Он прошел мимо гостиницы «Ткварчели», где останавливался, когда впервые приехал сюда, мимо «Рицы», где

*Бараташвили Николоз — крупнейший грузинский поэт-романтик XIX века.

жила Елена, увидел новое здание театра с цветными каскадами фонтанов. Гора, некогда приют «шакалов», была залита электрическим светом. Общительный прохожий охотно пояснил, что гора теперь называется Сухумской, там парк и на вершине ресторан.

— Владение нашего Луки, — добавил он с улыбкой.

— Что за Лука? — продолжая рассматривать гору, поинтересовался Федор Михайлович.

А ты приезжий, курортник! — спросил прохожий.

Дробышев кивнул головой.

— Э это наша знаменитость. У него, понимаешь, шесть детей — и все девочки.

— Сихарулидзе?! — воскликнул Дробышев.

Сухумец удивленно посмотрел на него и разочарованно протянул:

— А говорил приезжий! — и, махнув кому-то рукой, скрылся в толпе. Итак, первый знакомый был найден. Федор Михайлович решил немедленно идти на гору, но раздумал и пошел бродить по набережной.

Долго ходил он в этот вечер по чудесному городу. Из заалитых светом домов и санаториев доносилась музыка, в аллеях и парках звенели смех и песни. А над всем этим постепенно затихающим шумом, на черном бездонном небе горели большие яркие осенние звезды. Только они были прежние. Они и море!

Так же как и раньше, оно покорно лежало у ног, мягко шелестело прибоем, и серебристая лунная дорога, переливаясь и играя, уходила к чуть светлой линии горизонта.

В гостиницу Дробышев вернулся поздно, послал записку Сихарулидзе и лег, но заснул только на рассвете.

— Открыто, входите! — не поворачивая головы, сквозь сон крикнул с кровати Дробышев. И скорее почувствовал, чем услышал, что кто-то стоит в дверях и переминается с ноги на ногу.

Федор Михайлович повернулся и увидел седого человека. Что-то кольнуло в сердце. Знакомыми были и сутулая фигура, и большие добрые глаза, пристально рассматривавшие его, и мягкая застенчивая улыбка.

— Андрей! — крикнул Дробышев, спрыгнул с кровати и, как был в трусах, бросился к своему другу.

Так произошла встреча с Андреем Дмитренко. И не только с ним. В коридоре стоял, не решаясь войти, Лука

Сихарулидзе, тот самый Лука, который помог разоблачить Журухина.

— Как дочки, Лука?

Все было в порядке, все замужем. И Сихарулидзе — давно дедушка.

Они сидели в номере, на балконе, бродили по городу, обедали на горе, в ресторане. И говорили, говорили. Дмитренко узнал, что генерал Березовский убит в последних боях у озера Балатон в Венгрии, Хангулов работает в научно-исследовательском институте, женат, у него трое детей.

— А Обловацкий, Строгов живы?

— Оба живы. Строгов воевал. Недавно вернулся в Москву. Женился, получил квартиру.

— Ну, а Обловацкий?

Оказалось, что Сергей ушел из органов, окончил «Плехановку».

— А где Иван Александрович? — нерешительно спросил Дробышев, точно чувствуя, что его нет в живых, раз сам Андрей не сказал о нем ни слова.

— Убит наш Иван Александрович, — вздохнул Дмитренко. — В конце сорок второго, в боях на перевалах. А какой человек был.

— Кого видел из наших?

— Приезжал сюда из Тбилиси Пурцеладзе, полковник, толстый и важный стал. Миша Чиковани здесь. Работает, по-прежнему влюблен в свою жену. Двое ребят у них. Хотя какие там ребята — здоровые парни. Чочуа — в Совете Министров. Вот уж кто не изменился совсем, такой же скромный и неразговорчивый. Как-то встретил Шервашидзе, помнишь, твой хирург. Старый стал, но все такой же подвижной, энергичный. Спрашивал, где ты, жив ли? Он теперь профессор.

Узнав, что Дробышев в городе, Дмитренко предложил проводить его. Когда они вдвоем проходили мимо обкома, к ним подошел Константииниди. Здороваясь с Дмитренко, он посмотрел на Федора Михайловича:

— Товарищ Дробышев? — спросил он неуверенно.

— Дробышев! — ответил Федор, пытаясь вспомнить, кто это. Константииниди затряс ему руку. Чувствовалось, что встреча его взволновала.

— Я Константииниди, из музтехникума, Одиссей Константииниди, — повторил он. — Вы, наверное, не помните.

Вот Елена Николаевна...— он запнулся...— Мы с ней познакомились, когда вы были ранены. Какой он был человек, какой милый человек!— схватив Дробышева за руку, скороговоркой говорил он.— Вы простите меня. Мы много говорили о вас.

Услышав, что они идут на кладбище, Константииниди решил сопровождать их, но, только дойдя до Красного моста, выходящего на Ибилиское шоссе, вспомнил, что кладбища-то нет.

— Как нет!— всполошился Федор Михайлович.

— Теперь там парк. А кладбище перенесли.

— Все равно пойдем!

За невысокой каменной оградой лежал сад. Они прошли по аллеям, пытаясь угадать место, где была могила. Но время и перепланировка сделали свое.

— Что-ж, пошли назад!— внезапно предложил помрачневший Дробышев и быстро направился к выходу. Ему захотелось остаться одному, скорей добраться до гостиницы, броситься на кровать, закрыть подушкой голову и ни о чем не думать.

— Ты долго пробудешь у нас в Сухуми?— догоняя его, спросил Дмитренко.

Федор замедлил шаг, остановился и, немного подумав, сказал:

— Нет. Завтра еду домой, в Москву!

Всю дорогу шли молча. Только подходя к гостинице, Федор Михайлович вспомнил:

— А Дзиапш-ипа, надеюсь жив?

— Нет, умер. Верней, убит.

— Убит?— вскинул голову Дробышев.

— Да. Впрочем, это темная история. Ты уехал в тридцать первом. В тридцать третьем в Эшерах в него стреляли. Позже, когда девочки подросли и им надо было учиться, он переехал в город. Работал. В тридцать седьмом, тридцать восьмом, во время болезни, когда он лежал один, загорелся его дом. Дверь комнаты оказалась запертой снаружи, хотя дочери утверждали, что, уходя, они ее не закрывали. И, если бы не соседи, выломавшие дверь, он бы сгорел. Тогда этому не придали значения.

Теперь Федор шел рядом, внимательно вслушиваясь в каждое слово.

— Во время войны, кажется в сорок первом, он вернулся в Эшеры. Девочки кончили десятилетку, учились в пед-

институте. А в сорок втором его убили. Не знаю точно. Помоему, убили. Говорили, что он пропал из дому. Его искали и на второй день нашли... в кустах на берегу моря, с проломленной головой. Удар был нанесен сзади.

— Убийцу поймали?

— Занимался этим уголовный розыск, но так ничего и не сделал. Сам знаешь, какое было время: на перевалах — немцы, в море — немецкие подводные лодки. с Кубани и Крыма забрасывали парашютистов.

— А семья?

— Девочки учительствуют где-то на селе, — закончил Дмитренко.

«...Убили все-таки Дзиганш-ипа! — думал Дробышев. — Значит, еще есть где-то притаившееся охвостье старого. И новые наследники Кребса. Ведь там тоже растет смена, молодые, натасканные! Их ничему не научила война...»

А он хотел уйти от борьбы, на покой. Нет! Он не имел права на отдых! Во имя тех, кто погиб, кто своей кровью сделал Родину такой великой и прекрасной!

Рядом с шоссе, за невысоким барьером глухо ворочалось море, било в стену.

Дробышев подошел к каменному парапету, спрыгнул на берег. Ветер развел беспокойную зыбь. Частая волна била по камню, рассыпалась каскадами блестящих на солнце брызг.

Далеко в море, по краю горизонта ходили темные валы, сталкивались, над ними вспыхивали белые гребешки и исчезали. Пологий берег тонул в мягкой туманной дымке, за ним проглядывали спокойные лесистые горы.

Все эти годы где-то в глубине души таилось не проходившее чувство, что жизнь сведет его с Кребсом.

«Мы еще встретимся, полковник Кребс!» — подумал Дробышев. — Встретимся! — вслух повторил он спокойно и твердо, поправил кобуру с пистолетом и пошел вдоль берега.

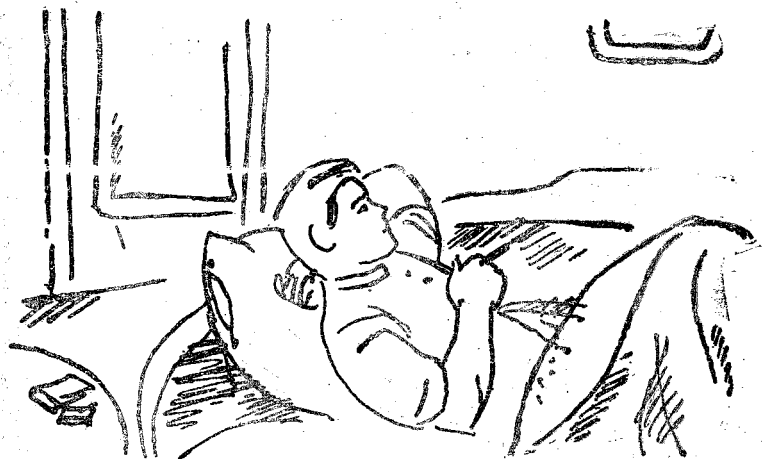
1955—1957 гг.

Москва — Сухуми — Москва.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧНАЯ

Георгию Мдивани

Ночью Марков внезапно проснулся. Неясная тревога толкнулась в грудь, сжала сердце. Он открыл глаза, и, еще не понимая причины, осмотрелся. В большом трехстворчатом окне, на фоне начинавшего светлеть неба, смутно вырисовывалась блестящая от прошедшего дождя темная крыша дома на противоположной стороне переулка. Ветви большого раскидистого дерева, как длинные человеческие руки, раскачиваясь, тянулись к окну. Правее, в верхнем окне, желтел огонек. Непонятная взволнованность на оставляла Сергея. Он прислушивался ко всему, что происходило в комнате. Было так тихо, что он слышал звон в ушах и четкие удары сердца. Привычным движением протянул руку к ночному столику, нашел портсигар, размял папиросу, закурил. Неяркий, колеблющийся огонек осветил знакомые очертания комнаты — белую дверь, угол шкафа, полки с книгами. Сергей глубоко затянулся, повернул голову к большому портрету в простой раме над диваном и сразу понял причину тревоги. Ему была видна полуобнаженная, с ниточкой жемчуга шея, резко очерченный подбородок и тонкие, недобрые губы. Огонек папиросы погас и скрылся за спиной.

щины, но он и в темноте помнил широкий лоб, блестящие черные затянутые волосы с пробором посредине и косой разрез настороженных глаз...

...Рядом кто-то вскрикнул. Марков поднял голову и взглянул в полутьму. На другом конце скамейки ссутулилась фигура женщины. Сжавшись в комочек, она плакала, по-детски шмыгая носом. Мелкой дрожью ходили ее плечи. «Как она здесь очутилась? Неужели вздремнула и не заметил, что она села?»

Сергей пришел в парк, чтобы отдохнуть от тяжелого напряженного дня, забыть обиду. Еще бы!.. Он был уверен, что вопрос об отпуске решен. Сегодня должен был пройти курортную комиссию и через несколько дней, мягко покачиваясь в вагоне поезда «Москва — Сухуми», приближаться к морю. А там месяц отдыха — двадцать четыре бездумных дня, теплый песок, прогулки по горным тропам, неторопливые беседы по вечерам на веранде санатория... Солнце, горы! И постоянное приподнятое состояние взволнованности от лежащего рядом моря. Огромного, синего и удивительно спокойного, меняющего свои цвета от мутно-зеленого и нежно-голубого до черного. Черного моря!.. Утром, когда он собрался в поликлинику, его вызвал начальник отдела, которого за глаза звали «стариком», и объявил, что отпуск откладывается. Заметив расстроенное лицо Маркова, «старик» покрутил в руках карандаш и, глядя в глаза, утешающе сказал:

— Ничего, поедешь в октябре! Осенью там еще лучше!

«Да, лучше,— с обидой подумал Сергей.— Тебе хорошо, для тебя лучше Малаховки нет ничего».

Значит, надо было ждать еще три месяца, дышать раскаленным асфальтом, задыхаться, не спать по ночам. Нет, нет, Сергей имел основание чувствовать себя усталым и обиженным...

Женщина громко вздохнула и вскрикнула.

«Э, здесь горе посильнее моего!» Жалость шевельнулась в сердце Маркова, и он снова взглянул на свою соседку. Прижавшись головой к коленям, она продолжала плакать, видимо не замечая постороннего. Сергей подвинулся к ней, и, наклонясь, участливо спросил:

— Почему вы плачете? Случилось что?

Женщина не ответила, заплакала еще сильнее.

— Не надо, успокойтесь! Что с вами? — продолжал говорить Марков и слегка тронул женщину за руку, но она, не поднимая головы, дернула плечом.

Сергей уже пожалел — «еще вообразит, что пристаю», — и хотел вернуться на свое место. Но женщина подняла голову и взглянула на него. Смуглое, с крупными чертами лицо было некрасиво, но чем-то привлекало к себе. Легкая пушистая косынка сползла с головы, открыв черные, блестящие, чуть вытянутые волосы с прибором посредине. Узкие, чуть косые глаза смотрели открыто и внимательно.

— Вы так громко плакали, что...

— ...Что вы решили проявить внимание и заботу? — чуть иронически, но не враждебно перебила женщина.

«Острая! — подумал Сергей. — И поделом мне! Не лезь в чужие дела!»

— Простите, если это вас обидело, — отодвигаясь, пробормотал он.

— Нет, это вы простите меня, — порывисто ответила женщина, — я не права!.. Мне показалось, что... — она замедлась, — теперь я вижу, что ошиблась... — И после недолгого раздумья продолжала: — Мне было очень грустно. Не смейтесь, пожалуйста! Неужели не бывает вам тоскливо?

— Нет, почему же!

— Вот видите! А здесь так хорошо. Тихо. Где-то далеко играет музыка, рядом проходят и смеются люди. А ты одна со своим горем...

— Горем?

— Да, горем! Почему это удивило вас? Или вы думаете, что на земле его уже нет?

Он улыбнулся.

— Конечно, есть! Но горе горю рознь. И помяните слово, оно пройдет, и вы будете смеяться, вспоминая эти слезы.

Я никогда не смогла бы это сделать — серьезно сказала она. — Я не могу смеяться над своей болью, даже если это боль прошлого... — Она задумалась и, видимо разговаривая с собой, медленно окончила: — Даже когда не стоило бы плакать!

В аллее совсем стемнело. В ветвях кустарника шевелились серебряные листья — отблески далеких фонарей. Стало прохладней. Отчетливей слышался смех и шарканье ног гуляющих. Теперь Сергей с трудом различал ее лицо.

Блеснул огонек спички. Женщина закурила. Сергей успел увидеть, что она откинулась на спинку скамейки.

— Представляю, как хорошо сейчас где-нибудь на юге, у моря,— вслух подумала она.

— А вы там бывали?— чтобы не молчать, спросил Сергей.

— О, каждый год. Я люблю Крым. А вы?

Нет, я предпочитаю Кавказское побережье. Там естественнее.

— Там сыро. Мне с моими легкими нельзя.

— Что же мешает вам поехать на свой любимый Южный берег?— полюбопытствовал Сергей.— Или не пришло время отпуска?— Он вспомнил о своем...

— Нет, я не работаю.

— Значит, не пускает изверг муж?— улыбнулся Марков.

— И этого нет!

— Что, не изверг?

— Нет. Просто у меня нет мужа. Был и нет.

— Разошлись?

— Да,— коротко сказала она.

Ему показалось, что разговор ей неприятен. Но он не отставал:

— И это было причиной слез?

Она кивнула головой.

— Раз он ушел, значит, не стоит жалеть и плакать!

— А если наоборот?

— Тогда тем более!

— Все значительно сложнее, чем кажется со стороны,— медленно сказала она. Желтоватый огонек папиросы мелькнул в воздухе и упал в кусты.— Много лет назад я видела фильм. Помню его название: «Человек остался один...»

— О чем?

— Об одиночестве. О том, как человек остался один. Ему было тяжело, но в последнюю минуту его поддержали...— Она помолчала.— В кино так бывает всегда. В жизни реже!

— Мне кажется, вы слишком мрачно смотрите на вещи. Ну, разошлись, так что ж, и жизнь кончилась? Будете работать! Вы раньше работали?

— Да!

— Ну и снова начнете,— он засмеялся,— и замуж вый-

дете еще! Если плакать не будете. Мужчины не любят пассивных женщин.

— А вы?

— Что я?

— Вы тоже не любите?

— Честно говоря, нет! Боюсь. Из-за этого и не женюсь...

— Чувствую, что боитесь! — она немного помолчала. —

Это встречается редко и поэтому хорошо! Я болтлива, не правда ли? Вы так подумали обо мне, я угадала?

Марков запротестовал.

— Нет, подумали! — уверенно сказала она и уже тише и как-то теплей проговорила: — Не приписывайте себе в заслугу и не думайте обо мне плохо, но так бывало в том фильме. Мир полон людей, а человек один. Стало грустно, он заплакал. И ему захотелось поговорить с кем-нибудь, поделиться своим горем.

Она закурила снова, и в свете горящей спички Сергей заметил, что рука ее дрожит.

Сергей засмеялся, встал и поклонился:

— Спасибо!

— Не обижайтесь! Кто я для вас? Первая встреча. Встанем — и разойдемся в разные стороны. Быть может,

пройдут годы, прежде чем мы встретимся где-нибудь в метро или в троллейбусе. И не узнаем друг друга. Нет, нет... Просто стало очень тоскливо, и я заболталась.— Она задумалась.— Это плохо, когда человек один...— В ее голосе Сергей услышал грустные нотки.

Ему захотелось поддержать ее, подбодрить. Но он опасался, как бы этим не обидеть, не оскорбить. Она действительно верно замечала, что он боится железа. Нет, не боится, конечно, но стесняется, робеет. И где-то в глубине души завидует тем, кто свободно чувствует себя в женском обществе. Ему хотелось сказать ей хорошие слова, дружески протянуть руку, помочь. Но как это сделать — не знал.

— У вас есть родные? — неуверенно спросил он.

— Нет, никого. Теперь нет даже своего угла, потому что я ушла от мужа.

— Как же будет дальше?

Она не ответила. Сергею показалось, что она пожала плечами. Теперь они сидели почти рядом, но он скорей чувствовал, чем видел ее.

— Как же будет дальше? — спросил он снова.

— Буду искать работу, — тихо сказала она, это не так уж трудно.

— А как же с комнатой?

— Пока сняла угол у одной старушки. Дайте мне, пожалуйста, папиросу, — попросила она, и Сергей увидел протянутую руку.

— У меня сигареты.

— Все равно! Спасибо!

Она закурила и сейчас же встала.

— Пора идти, уже поздно. Прощайте!

— Можно проводить вас? — попросил он, вставая.

Она засмеялась, но смех был невеселый.

— Стоит ли? Я не могу быть интересной собеседницей

— Я провожу вас, — твердо сказал он и пошел следом за ней.

На широкой освещенной матовыми шарами аллее они остановились.

— Давайте знакомиться, — сказал Сергей. — Марков, Сергей.

Женщина засмеялась, протянула руку:

— Ирина Гутман. — Рука была мягкая и холодная. Лицо усталое, с мелкой сетью морщинок. Глаза их встре-

тились, и на мгновение Сергею показалось, что по тонким ее губам скользнула улыбка.

— Ну, познакомились, теперь пойдем. Как ваше отчество?

— Алексеевич. А ваше?

— Просто Ирина.

И снова ему показалось, что она улыбнулась.

Обойдя небольшой пруд, они вышли на Крымский вал и медленно пошли к мосту. Ему хотелось, чтобы она говорила о себе, о людях, которые ее окружали, а она, не торопясь, точно подбирая слова, искоса поглядывая на Сергея, рассказывала о прочитанных книгах, о спектаклях и кинокартинах. Он слушал и не мог перевести разговор. На мосту она остановилась, подошла к перилам.

Под ними медленно текла широкая темная река. Местами на воде шевелились отраженные огни фонарей набережной. Слева, весь в огнях, раскинулся парк, откуда, как эхо, доносились звуки перебивающих друг друга оркестров.

Женщина облокотилась на каменный парапет и, забыв о своем спутнике, долго смотрела на воду, парк, на темные пролеты далекого моста.

— О чем вы думаете? — не выдержав молчания, спросил Сергей.

— О себе! — подумав, ответила она, не отрывая взгляда от реки.

— Вас тревожит будущее? — Сергей помолчал. — Или вы думаете о прошлом?

— И то и другое! Все страшно плохо. Быть может, только сейчас я начинаю это понимать. — Она передернула плечами, резко подняла голову, взяла руку Сергея: — Не будем больше говорить об этом, хорошо?

— Не будем!

Преодолев улицу, она попросила взять ее под руку. Ему приятно было идти рядом с этой женщиной, приятно, что встречные смотрят на нее. Нравились ему и медленная, усталая походка, и мягкая женственность, и беспомощные слезы, и даже резкие переходы от горя к смеху. «Кто мог, кто посмел ее обидеть?» — спросил он себя. Ему хотелось знать о ней все, быть рядом. «Первая встреча! — вспомнил он. — Что ж! А как же встречаются люди? Вот Лешка Костылев познакомился в очереди у телефонной будки. А как живут...»

Она смеялась, вспоминала забавные пустяки, смешные

чёрточки знакомых, и он не узнавал ее. Точно там, по ту сторону моста, она оставила слезы и заботы о завтрашнем дне. Временами голос срывался, в нем слышались истерические нотки, но Сергей не замечал, радовался, что удалось помочь ей забыться, смеялся вместе с ней. Подходя к дому, они замедлили шаги. Если бы она сказала, что живет где-нибудь у заставы, Сергей был бы счастлив. Но он понял, что они пришли, и это огорчало. Он сжал локоть, почувствовал теплоту ее тела, и ему показалось, что она на мгновение прижалась к нему.

У подъезда небольшого двухэтажного старенького дома, видимо еще помнившего времена Пушкина, она остановилась:

— Вот я и дома! — Сергею почудилось в ее голосе сожаление.

Он посмотрел ей в глаза, но она отвела взгляд в сторону. И тут Сергей заметил, что в профиль она просто красива. Резкие черты ступевались, стерлись. Тени исчезли. Лицо стало молодым, почти юным.

Словно почувствовав его восхищенный взгляд, Ирина медленно обернулась.

«Сейчас уйдет!» — понял Сергей. Предложил пройти еще, но она мягко погладила его руку:

— Поздно, мне не откроют дверь. — Потом помолчала и как-то тепло, тихо сказала: — Вот и все! Смотрите, как хорошо! Случайно встретились, было очень грустно, а поговорила с вами — и стало легче. Спасибо! Вы правы! Конечно, все уладится и будет хорошо... — Она снова помолчала и уже совсем тихо закончила: — Вот только вас я больше не встречу.

Он горячо запротестовал:

— Почему? Нет, нет, мы должны встретиться! У вас есть телефон?

Она улыбнулась.

— Дайте мне, — попросил он, доставая записную книжку.

— Это не совсем удобно. Он у соседей. Дайте лучше ваш.

Он назвал.

— Это домашний... А служебный? Вдруг захочется позвонить днем.

На мгновение он заколебался, но тотчас же сказал. Она попросила, чтобы Сергей записал сам.

— Ваш муж в Москве?— спросил Марков.

Она улыбнулась.

— Сережа, милый! Вы меня допрашиваете? Уж не работаете ли вы в милиции? Тогда помогите мне с пропиской!

Он сконфузился и извинился.

— Кстати, а где?

— В одном из институтов.

— О, будущий ученый!

Сергей пожал плечами.

Шло время, они стояли у парадного, он держал в своих руках согретую им руку и готов был стоять до утра. Наконец она первая вспомнила, что ей пора.

— До скорой встречи!

Сергей ясно увидел, как глаза ее блеснули.

— До завтра!— крикнул он. Улица была пуста, но, если бы кругом стояли люди, он крикнул бы все равно. Захлопнулась дверь, и у него сжалось сердце.— До завтра!— повторил он тихо, повернулся и, уже не оглядываясь, пошел в сторону метро.

На противоположной стороне от затененного подъезда большого серого дома отделился человек и, прикрывая лицо кепкой быстро пошел за Сергеем. Когда Марков дошел до угла, человек махнул рукой, из-за дома вышел второй, в сером пыльнике, и пошел за первым...

Дойдя до станции метро «Кропоткинская», Сергей остановился у входа. Двери были открыты, но он огляделся по сторонам, взглянул на небо, усыпанное большими мерцающими звездами. «Странно, звезды в Москве!»— подумал он. Он никогда не замечал их раньше. Их было очень много, все небо усыпано ими. Ему показалось, что они подмигивают ему. Он засмеялся и широким шагом, минуя метро, пошел по бульвару. У памятника Гогаля остановился, взглянул на небо и счастливо подмигнул.

— Когда я тебя увидел, ты плакала, когда мы шли, ты грустила, позже ты смеялась,— вслух подумал он,— завтра я тебя увижу. Все будет хорошо!..

На скамейках сидели забывшие о времени парочки, но Сергей им не завидовал, верил, что будет так же сидеть с Ириной, обязательно будет!.. Подойдя к Никитским воротам, Сергей почувствовал, что устал. Вспомнив, что у него остался один рубль, махнул рукой проезжавшему

такси, шофер притормозил, Сергей сел рядом и на вопрос «куда» — показал рукой: прямо!

Как только машина под желтым светом светофора проскочила площадь, из тени домов выскочили двое, забежали, заматались, но площадь была пуста.

— Черт! Уехал! — выругался человек в пыльнике. — Я запомнил номер! — спросил он второго.

Тот кивнул головой.

...Поднимаясь по Рождественскому бульвару, Сергей услышал щелчок, увидел на циферблате счетчика выскокивший рубль и, подъехав к остановке трамвая, остановил шофера.

— Стоп! Приехали! — достал единственную бумажку, вышел из машины, вошел в подворотню дома и спрятался за выступом. Когда такси проехало мимо, Сергей вышел из ворот, прошел мимо комиссионного магазина и пошел по Сретенке домой. Не доходя до Колхозной площади, свернул в переулок и поднялся к себе на четвертый этаж.

Спал он плохо, ворочался, просыпался, часто курил и все время думал о встрече...

...Первые солнечные лучи скользнули по комнате, заполнили светом, убрали из углов серые тени, позолотили стекла трехстворчатого окна.

Сергей с трудом оторвал от подушки голову и, проваливаясь в приятную муть сна, увидел в окне покачивающиеся зеленые ветви, длинные, как человеческие руки...

II

Гутман попала в поле зрения органов государственной безопасности. Там стало известно, что в 22.40 она быстро вышла из дома, села в такси и приехала к главному входу Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Отпустив машину, прошла к будкам телефона-автомата, где ее ожидал сотрудник американского посольства Кемминг. Поговорив, они направились в парк. Пройдя мимо пруда, свернули влево, в полутемную аллею, и остановились. Кемминг попрощался и пошел домой, а Гутман вошла в затемненную аллею и села на скамейку, где находился неизвестный мужчина. Вначале она и неизвестный сидели в разных концах скамейки, а позже сели рядом и разговаривали. В 23.35 они встали и вышли на главную аллею, где, смеясь, поздоровались и продолжали разговаривать,

медленно направились к выходу, вышли на Крымский вал. Дойдя до середины моста, несколько минут стояли у перила, потом, перейдя проезжую часть, пошли по Метроостровской. Переходя улицу, неизвестный взял Гутман под руку. У дома № 6 они остановились, разговаривали, смеялись, причем неизвестный несколько раз брал девушку за руку. Во время разговора что-то записал в блокнот и бумажку передал ей. В 0.25 Гутман и неизвестный попрощались. Она вошла в подъезд, он, крикнув «до завтра», пошел к станции метро. Постояв у входа, посмотрел по сторонам и на небо, засмеялся и быстро пошел по Гоголевскому бульвару, в сторону Арбатской площади. Подойдя к Никитским воротам, остановил проходившую автомашину такси и поехал в сторону улицы Горького. Непредвиденные обстоятельства не позволили выяснить личность неизвестного. Знали, что ему лет—24—25, он выше среднего роста, среднего телосложения, волосы светло-русые, зачесанные назад. Одет—костюм серый, спортивная, голубая тенниска, коричневые полуботинки, без головного убора.

Полковник Агапов зло крякнул и заерзал на стуле. Потом снова перечитал документ, в котором были данные, собранные на неизвестного, позвонил секретарю.

— Смирнова!— не поднимая головы и продолжая подчеркивать цветным карандашом некоторые места текста, бросил он появившемуся у дверей сотруднику.

«Как это могло случиться?— спрашивал он себя и сейчас же ответил:— Разгильдяи! Прошляпить такую связь...» И это в ту минуту, когда он хотел предложить приступить к реализации всего дела. Компрометирующих материалов было достаточно для того, чтобы арестовать девчонку, а этого слишком бестактного и наглого «дипломата» через Министерство иностранных дел объявить персоной нон грата. И если при объяснении в МИДе посол великой державы попытается оправдывать своего не в меру энергичного сотрудника, можно будет ему сказать, что скрывалось за этими невинными поездками по стране, назойливыми приставаниями к советским людям, излишним любопытством к военным объектам, вопросами и предложениями случайным знакомым. И, наконец, фотографирование... Не памятников старины, музеев и новостроек, а всего того, что «за забором». Нетрезвая жизнь этого человека дала свои результаты—забытый в «Национале» новенький

портативный «Контакс». В кассете оказалось тридцать шесть кадров экспонированной пленки одного из военных ракетогидрометров. Кстати, хозяин «Контакса» так и не заявил о своей потере.

III

Поздним июньским вечером локационные установки «Кавказской» неопознанный самолет, на большой высоте нарушивший советскую границу южнее станции Агин Закавказской железной дороги.

На голубоватых экранах индикаторов появились вспышки — светящийся пунктир чертил едва заметную, дрожащую линию, быстро уходящую на северо-восток.

Не дойдя до Дилжана, самолет резко повернул на север.

Части наблюдения считывали данные на командные пункты и, передавая «гостя» от пункта к пункту, ждали приказа.

Обойдя Тбилиси с запада, не снижая высоты, самолет прошел над небольшим, потонувшим в садах городком Каспи, изменил курс и, временами снижаясь до пяти — восьми тысяч метров у Крестового перевала, полетел вдоль Военно-Грузинской дороги.

Севернее Дарьяльского ущелья он вышел на чистый запад и пошел вдоль малонаселенного Кавказского хребта.

Под крыльями самолета проплывали скрытые туманной дымкой, сверкавшие под лунной ледники и оснеженные вершины Шхары, Джоражбы, Чатын-тау, а он, опускаясь и снова набирая высоту, точно играя, шел и шел к морю.

Докладывая о движении загадочного «визитера», проходившего такой пустынной, безлюдной дорогой, службы наблюдения отметили, что за Марухским перевалом самолет снова изменил курс на северо-восток и начал снижаться... У Армавира он опять резко взмыл вверх, свернул на запад-юго-запад и, продолжая снижаться, на приглушенных моторах пошел в сторону моря.

Странный зигзагообразный маршрут с тщательными обходами крупных населенных пунктов, частыми снижениями и подъемами, видимо, подходил к концу. А команда «продолжать наблюдение» не менялась.

Каждый раз, когда самолет приближался к земле, наземные станции получали приказ прочесать местность, и в

резьбис возможных парашютистов включались органы государственной безопасности, милиция и население, но сообщений о задержании подозрительных не поступало.

Под крыльями лазутчика теперь лежала холмистая местность, по мере приближения к побережью переходившая в горы с густыми лесами, ущельями, бурными реками и редкими селениями. В семидесяти — восьмидесяти километрах от Адлера самолет сделал два круга над Кавказским заповедником и, теперь уже набирая высоту, снова пошел к морю...

С пограничных аэродромов на перехват поднялись истребители... Через короткое время далеко в вышине глухие пушечные удары заглушили гул моторов, темное беззвездное небо прочертили трассирующие снаряды и пулеметные очереди, замигали огни вспышек, потом раздался далекий взрыв, факелами осветивший небо, и все стихло.

И только высоко-высоко висела яркая, любопытная луна да слышался рокот моторов — истребители не уходили с поля боя...

IV

В последние дни мысль полковника Агапова все чаще и чаще возвращалась к найденному в «Национале» фотоаппарату.

Проверка показала, что за последние шесть месяцев ни один из иностранцев там не был. Предположение, что снимки произведены кем-либо из работников объекта, проверялось, но пока результатов не дало. Кто же фотографировал?..

— Разрешите? — отворив дверь, спросил офицер.

— Входи, входи, Владимир Петрович! Что скажешь? — не поднимая головы, спросил Агапов.

— Плохо дело, Михаил Степанович.

— Как плохо? Шифера также опросили?

— Так точно. Он заявил, что пассажир сошел, не доезжая Сретенских ворот, и вошел в подворотню углового дома 22/23 по Рождественскому бульвару.

— Дом проверил?

— Да. Но там его не оказалось. Видно, хитрый парень, заматал следы.

— Может быть, приезжий? Временно остановился у кого-нибудь?

— Его и не было в этом доме, — уныло ответил Смирнов.

— Что дальше делать думаешь, капитан? — насупился Агапов.

— Сейчас интересуюсь соседними домами.

— Ну а если и там не будет?

— Прощаясь с Гутман, он конкнул «до завтра». Встретятся — тогда узнаем.

Агапов покачал головой:

— Плохо, плохо работаем, капитан. Даром хлеб едим. За такую работу наказывать надо, крепко наказывать.

— Придется. А жаль, ребята хорошие. Такого никогда не было. Отдыхать отказались пока не найдут.

Смирнов подошел вплотную к столу и тихо попросил:

— Разрешите сориентировать аппарат? Приметы есть — пусть посмотрят.

— С такими, брат, приметами в Москве тысяч сто людей.

— А помните Серого? Данные были почти такие же, а взяли.

Видимо, это убедило.

— Ну, если встреча сегодня не состоится — согласен, но только в радиусе Сретенки. И так, чтоб никто ничего не заподозрил. Понятно? — Агапов сердито постучал карандашом по столу.

— Есть, чтобы не заподозрили, — ответил повеселевший Смирнов. — Разрешите идти?

— Иди, только помни — сорок восемь часов срока...

Когда за Смирновым закрылась дверь, Агапов задумался, мысль его снова вернулась к найденному фотоаппарату. Последнее время любознательный иностранец, названный им «Веселым», все больше и больше интересовал его. Он действительно был веселым, этот уже немолодой, лысеющий орлюнет с длинным носом, в роговых очках, с несвойственной его возрасту прыткостью. Сидя за рулем своего нового восьмицилиндрового форда, со всегда залепленным грязью номером, он успевал за день отмахать не одну сотню километров, появляясь в самых неожиданных местах. Особенную любовь проявлял этот Кемминг к ресторанам и пивным, которые посещал ежедневно по нескольку раз. Умел подсесть к незнакомым, особенно подвыпившим, завести беседу. Порой можно было подумать, что посещение этих мест — его единственное занятие, хотя

официально был помощником военно-воздушного атташе заокеанской державы. Но ходил и пешком. Как-то, слегка пошатываясь, он вышел из «Америкен-хауза», прошел по набережной и, видимо устав, на площади сел в такси. В пути, разговаривая с водителем-женщиной, вел себя бес тактно, что заставило ее насторожиться. Вопросы, которые он задавал, не отличались оригинальностью. В конце поездки на хорошем охском языке с характерным для иностранца четким окончанием слов, предложил встречаться и информировать его о жизни советской столицы и, хотя женщина не курила, сунул ей пачку «Кемэл». Женщина внимательно посмотрела на пассажира, пожалала плечами и ничего не ответила. Эта пачка сигарет вместе с заявлением женщины сейчас лежала в сейфе у Агапова, напоминая об очередной глупости «дипломата».

Вообще этот, с позволения сказать, разведчик вел себя неумно. Видимо чувствуя непродолжительность своего пребывания в «дружественной стране», торопился и делал глупости.

«А пленка? — спросил себя Агапов. — Как оказалась у него катушка? Ведь он же не выезжал из города. Значит в ресторане был кто-то передавший ему аппарат с пленкой, и этот момент нами не был зафиксирован!»

У Агапова постепенно крепло убеждение, что за спиной этого человека стоял и действовал другой. Более умный и осторожный, отводящий внимание его, Агапова. Возможно, Кемминг — «болван», агент, заранее обреченный на провал, для того чтобы уцелел и мог продолжать «работать» другой, более опасный. Или?.. Или?.. А Гутман? «Значит, противник жертвовал и ею? — снова спросил себя Агапов и, подумав, ответил: — А чем они рискуют, что знает она?»

В прошлом году она познакомилась с Кеммингом в Ялте, где он выдавал себя за журналиста Майкла Бреккера, а стенографистку посольства за свою секретаршу. Когда они уехали в Москву, Гутман, видимо выполняя поручение своего нового знакомого, без особенного успеха знакомилась с отдыхающими мужчинами. Правда, серьезным был момент, когда она пыталась передать маленький пакет на борт теплохода иностранцу, путешествующему по путевке «Интуриста», коммерсанту из города Нашвилла штата Теннесси. Какой-то галантный отдыхающий, стоявший рядом, хотел помочь, но печаянно уронил сверток в

воду, и, таким образом, передача не состоялась. После отхода «России» пакет подняли, но восстановить текст не удалось.

Проверка показала, что коммерсант Джон Лонг в Нашвиле никогда не проживал, и кто он, видимо, известно только Центральному разведывательному управлению.

Агапов встал и, разминая затекшие ноги, прошел по кабинету.

После неудачи с пакетом Гутман в завуалированной форме сообщила об этом в Москву.

Событие на пристани, несомненно, взволновало ее, потому что она перестала бывать на пляже и только несколько раз ходила на почту. На следующий день получила телеграмму: «Маму будут оперировать срочно выезжайте». Вернувшись в гостиницу, закрылась в номере и несколько часов не выходила из комнаты. Вечером, когда ужинала в кафе на набережной, лицо ее было заплакано. Видно, крепко взял ее в руки этот Кемминг. На другой день выехала через Симферополь в Москву. И сейчас же встретилась с Кеммингом. Агапов помнил, как это произошло. Позвонив по телефону, она поехала на Преображенскую площадь и зашла в небольшой, но особенно опрятный ресторанчик «Звездочка». Через некоторое время на своей машине приехал Кемминг, подсел к ее столику. Прошло немного времени, и они уже смеялись, чокались бокалами. Потом сели в машину, он отвез ее домой. Встречалась она с ним раза два в месяц в кинотеатрах или ждала где-нибудь на улице — он подъезжал, она садилась и, поколесив по улицам выходила и ехала домой. Но по телефону разговаривала часто и все намеками. Квартиру ее ни Кемминг, ни знакомые мужчины не посещали — боялась тетки, сухой, с характером старой девы, работавшей зубным врачом в одной из городских поликлиник.

Иногда не ночевала дома — соседям говорила, что остается на ночь у приятельниц. Окружающие ее жалели, считали неудачницей. «С такой мордочкой и не может устроиться». Только ворчливый старик пожарник, живущий в этой же квартире, называл ее несколько иначе.

Агапов временами даже жалел — куда заводит глупость и легкомыслие. Совсем недавно попросил разрешения задержать ее. Он вспомнил разговор с начальником управления.

— Все торопишься, Михаил Степанович? — с иронической улыбкой сказал тогда генерал. — Пусть попрыгает. Не думаю, чтоб уж очень весело ей было.. Сам ведь докладывал, что последнее время нервничает, плачет. Чем черт не шутит — еще сама к нам придет...

— Она за это время такое наворочает, что...

— Ну уж и наворочает! — с усмешкой перебил его начальник упоавления. — Вижу, ты к старости пугливым становишься... А ты посматривай, может, кто и клюнет вроде того инженера из НИИ или мальчишек, любителей подержанных заграничных штанов.

«Как в воду смотрел, — досадливо подумал Агапов, — так и есть, клюнула. Встретилась, а мы упустили. Как идти на доклад? Или подождать денек? — мелькнула соблазнительная мысль. — Сегодня встретятся, завтра и доложу. Победителя не судят! Тогда и расскажу, как потерял..»

Частые гудки телефона перебили его размышления. Агапов взял трубку, услышал окающий говорок генерала и, не ожидая вопроса, начал докладывать о «ЧП»...

V

В Москве Митин зашел в парикмахерскую на вокзале. Выбрав удобную минуту (мастер отошел за салфеткой), нащупал вшитый во внутреннюю полу пиджака сверток. Каждый раз, когда ему становилось тревожно, он гладил рукой тайник и успокаивался. Казалось, пока он есть — все в порядке, ничего не случится.

Правда, деньги были и еще. Митин усмехнулся, вспомнив тугие, плотно набитые водонепроницаемые мешки, зарытые в лесу, далеко от Москвы. Чего там только не было — портативный радиопередатчик с комплектом запасных элементов, миниатюрные фотокамеры, радиомаяк, средства тайничков, оружие, даже конверты с деньгами и маскировочные халаты для обратного перехода. Наконец, главное — деньги — пачки новеньких советских двадцатипяти и десятирублевых, американские доллары, английские фунты, турецкие лиры, часы, золотые монеты. И ампулы!..

На рассвете, после приземления, Митину с Зуйковым пришлось долго разыскивать запутавшийся в листве сбро-

шенный груз. Зеленый парашют в полутьме сливался с зеленью леса, и найти его было нелегко. Они стянули его на землю и тут же зарыли.

С гор наплывала туча, заволокла вершины деревьев. По лесу, цепляясь за стволы, ползали белесые, рваные облака. Моросило.

Усталые и мокрые, они забились в чаще пихтарника, густо заросшего, обсыпанного ярко-красными цветами рододендрона и разлапистой лавровишней. Над ними плотной пеленой лежали грязные туманы, дымными клочьями висел на ветвях, а они, прижавшись друг к другу, дремали, чутко прислушиваясь к таинственным шорохам леса. Из травы с шумом вылетел черный дрозд и, недовольно квохтая, скрылся в чаще. Митин рванулся, что-то забормотал. Зуйков выглянул из-под плаща и медленно осмотрелся. С соседней пихты, по-змеиному вытягивая голову и воровато кося глазом, на него смотрела сойка. Зуйков злобно выругался и нырнул под плащ.

— Когда рыть будем? — осипшим не то от простуды, не то от волнения голосом спросил он, но Митин не ответил.

Еще в разведшколе, отрабатывая поведение после выброски, инструктор предложил нарушить традицию — не уходить с места приземления. Наоборот! Забиться в чащу, замаскироваться и залечь. Пусть ищут! Пройдет день, два, три, пять — розыск ослабнет, уйдет к дорогам, железнодорожным станциям, городам. Там, а не здесь будут приглядываться к пришлым людям, проверять, но пройдет какое-то время, и все станет на свое место. Вот тогда-то и можно выйти из убежища, осмотреться и, используя обстановку и местные условия, идти, ехать к назначенному месту сбора...

Днем прохладно, прохладно солнцу, они определяют место выброски... и залягут.

Еще там, за рубежом, в Южной Баварии, в условиях, близких к этим, они ходили по лесным массивам, подзали по заброшенным каменоломням, а вернувшись в школу, тщательно изучали карты зеленого квадрата, набитого горами, полными зверья, лесами, нехоженными тропами и бурными реками, корпели над двухверстками последней войны, рассматривали многочисленные фотографии, снятые иностранными туристами, читали книги об этом запо-веднике. Как это было красиво на снимках и заманчиво в

красочных туристских справочниках. Действительность была суровее.

Ампулы! Митин вспомнил, как на одном из занятий инструктор, которого звали Дью,—американец, хорошо говоривший по-русски,—показывал, как в крайнюю минуту воспользоваться спасительной «легкой» смертью.

Подняв руку, он быстро прокусил рукав своей клетчатой рубашки. Глубоко вздохнув и театрально закатив глаза, повалился на пол. Пролежав несколько секунд, встал и, отряхивая запыхавшиеся брюки, обыденным, скучноватым голосом сказал:

— Вот и все. Легко, тихо и быстро. Не расставайтесь с ней!— посоветовал он. С улыбкой достал из кармана ампулу — плоскую и мягкую, наполненную бесцветной жидкостью, и, подняв ее на свет, сказал многозначительно:— Цзан!

«Ну и кусал бы сам!»— с неприязнью подумал тогда Митин.

В самолете, когда они уже летели, Митин несколько раз машинально погладил рукав рубашки, чувствуя едва заметную выпуклость обшлага, и тогда же решил при первой возможности избавиться от нее. Скосив глаза на сидевшего рядом Зуйкова, увидел, что тот, сгорбившись от тяжести ранца, не отрываясь следит за сигнальной лампочкой и тоже поглаживает обшлаг рубашки. Что ж, видно, и он тоже думал так!

...Светлело. Высоко над кронами деревьев медленно проплывали оранжевые облака, освещенные встающим из-за гор солнцем. Пронизанные светом мутные столбы водяной пыли дрожали в влажных зарослях. Ключья тумана жались к стволам деревьев, бледнели и таяли. С ветвей свисали мохнатые седые клоки лишайника. И несмотря на кажущуюся безлюдность, лес жил. Где-то рядом деловито стучал дятел, под ногами в густой траве шелестели листья, еще дальше, в глубине, слышался пересвист, цоканье и щебет птиц. Вдали, ломая кустарник, прошел зверь. Зверь— не человек. Больше всего Митин и Зуйков в эти минуты боялись людей...

...Дни проходили медленно и утомительно. Все перемешалось — днем спали, под вечер, осторожно осмотревшись, выползали из своего логова. Яму вырыли они на славу —

под еще крепким дубком — глубокую и сухую, обвитую канатами толстых корней. Обложенная мхом и пожухлыми прошлогодними листьями, она надежно прикрывала от любопытных глаз. Продуктов было вдоволь, вода из неторопливо журчащего ручейка — рядом. Это даже мешало. Круглые сутки к воде тянулись звери. Влажная черная земля, выбитая оленьими и кабаньими копытами, не успевала отдохнуть от гостей...

На третий день, осмелев, Зуйков днем продрался через чащобу, заросшую ошиником и дикой малиной, и выбрался на небольшую, залитую светом поляну. После затхлого влажного полумрака, увидав солнце, он повеселел. Солнечные лучи лежали на ярко-зеленой траве, покрытой пестрым ковром цветов. В синем без облачка небе парил орел. Опершись на сваленный полусгнивший ствол дерева и наблюдая за пустынной поляной, Зуйков впервые, за много дней, наслаждался покоем. Внезапно по ту сторону поляны в зарослях азалий хрустнула ветка. Рука Зуйкова машинально потянулась к пистолету. Густая листва скрывала виновника тревоги, но, взглядевшись, Зуйков увидел застывшую ланку. Встревоженная, чувствуя, но еще не видя опасности, она косила глаза, но, видимо успокоившись, сорвала лист, пожевала и, мелькнув рыжим боком, пропала.

Треск валежника уходил в глубь леса, становился глуше и наконец затих. И снова тишина — только монотонное пчелиное жужжание, звон цикад да резкий посвист невидимых птиц.

Узкая тропа вилась в высокой траве, уходила в лес. Зелено-желтые пучки омелы и клоки лишайника, свисая с ветвей, отгородили Зуйкова от остального мира. Вначале настороженно, потом, поверив тишине, уже смелее он перемещался до тех пор, пока не успокоился, убаюканный этой тишиной... Покой. Он медленно охватывал Зуйкова, настраивал на воспоминания и размышления. Привалившись к обросшему мхом стволу, он задумался. Мысли бежали легко, не останавливаясь, и он как бы со стороны следил за жизнью человека, страшно похожего на него самого. С таким же характером, внешним обликом, такой же судьбой и фамилией. И хотя переживания и опасности, через которые шел этот человек, были его опасностями — он спокойно, со стороны, наблюдал за ними. Не анализируя и не критикуя,

фикси́ровал поступки своего двойника, зная, что изменить ничего не может. В его собственной судьбе не было ничего, что могло привести к этому падению. Ни прошлого, которое порой тяжелым грузом тянет назад, ни преступлений. Ничего! Кроме желания жить, выжить. И, как ни странно, это чувство пришло не на фронте, во время боев, упорных и ожесточенных, а зачастую и просто страшных по своей обреченности, а в плену.

Возможно, это было закономерно, ибо там выковывались характеры и познавались подлинная цена человека. Он или оставался человеком или превращался в животное. Воюя, Зуйков был неплохим солдатом, делал, как все, свою нелегкую работу — отходил, наступал, окапывался, стрелял, питался всухомятку — словом, был таким, как миллионы других, одетых в такие же шинели. Но, попав в плен, растерялся. Фронт откатывался на запад. Вначале медленно, потом увереннее, быстрее. И вместе с успехами русских его, русского, увозили все дальше и дальше от родины. Он видел, как гибли те, кто не подчинялся, не смирился, пытался бежать. Их ловили, били, убивали. А он хотел жить и ради этого способен был на любую подлость. Он был не одинок, но другие приходили к этому иначе. Сразу. На глазах происходило перевоплощение. Человек превращался в некое согнутое, всему покоровшееся существо, безропотное и безликое. Номерок на груди куртки только подчеркивал, что все человеческое потеряно. Попытки товарищей по плену убедить, разбудить чувство достоинства результатов не давали. Его подкармливали, отрывая от себя последнее. Он жадно съедал собранный для него хлеб... и оставался таким же. Жалким, приниженным, старательным в работе... Это было страшно.

В трапе с шуршанием и писком пробежала полевка, с любопытством разглядывая непрошенного гостя. Тревожно зацокал дрозд, и точно в ответ где-то в глубине вместе с друстом сухостоя донесся человеческий говор. Зуйков вздрогнул, поднял голову и... быстро, эмеей, пополз к поре...

Прошло еще два дня. Они освоились со своим жильем, небольшим участком окружавшего их леса, и им порой казалось, что некоторых зверей и птиц, они узнавали. Митин — инертный и флегматичный, больше спавший, даже подкармливал смелого мышонка, жившего где-то рядом.

Частые дожди загоняли их в убежище, и через узкую щель они наблюдали за потускневшим небом, слушали лесную капель.

Привыкли они и к новому образу жизни. Все повторялось. После ночи приходил влажный, серый рассвет, его сменял день, и золотистые кинжалы света, дрожа и переливаясь, прорезали чашу. На разные голоса переговаривались в ветвях птицы, в шорохах и тресках сучья пала прожидала невидимая, осторожная лесная жизнь. Потом медленно, точно устав, уходило солнце, сгущались синие тени, тонули в золоте заката, темнели. Вспыхивали первые яркие звезды. Лесные шумы становились таинственными и загадочными. Снова приходила ночь. В вершинах шумел ветер, глухо скрипели деревья, спросонок кричал дятел, протяжно ухала неясить, трещали сверчки, стонала совиная переключка, хрустел сушняк — в темноте бродили звери, — лес был полон звуков, шорохов, шумов. Зуйков и Митин затаивались в своей норе.

С первыми лучами солнца Зуйков выползал из тайника и пускался путешествовать, с каждым днем уходя все дальше и дальше. В одну из таких вылазок он добрался до мелкого, осыпавшегося известняка, за которым гудела река. Уцепившись за свисающий куст можжевельника, Зуйков заглянул вниз. В глубокой теснине, пенясь и перекладывая огромные камни, в тумане и брызгах тяжело дышала Белая. Так постепенно определилось место их выброски.

Прошла неделя пребывания здесь. Надо было идти. С вечера они побрились, почистились и, заложив лаз, направились к зарытому контейнеру. Разложив мешки, отобрали необходимое, самое необходимое — по бесшумному пистолету, миниатюрному, со спичечную коробку, фотоаппарату, документы на разные фамилии, по несколько плиток шоколада и питательной пасты. Отложив иностранную валюту, взяли по две пачки новеньких двадцатипятирублевых, несколько золотых монет и часов и, точно сговорившись, распоров обшлага рукавов, вынули ампулы с ядом и положили в мешки. Умирать они не собирались!

Перед тем как закопать груз. Зуйков достал рацию, накинул на ветку антенну, сверил время, и в эфир ушел лаконичный сигнал, повторенный трижды. Задерживаться больше было нельзя — рацию могли запеленговать. Запа-

ковав, они опустили контейнер в яму, утрамбовали землю, забросали листьями. Осторожный и хозяйственный Митин обсыпал порошок лужайку, а за одно и подошвы ботинок, и они двинулись в сторону станции Хаджох, до которой им предстояло идти не менее двух дней.

Сейчас они были похожи на заготовителей промысловой кооперации или охотников, идущих проверить капканы, а может быть, на немолодых туристов, оставивших на тур-базе свои дорожные рюкзаки...

VI

Переходя площадь, Ирина невольно взглянула на городские часы. До начала сеанса оставалось пятнадцать минут. Она замедлила шаги, пропустила несколько машин и теперь, уже не торопясь, пошла к «Метрополю». На лестнице кинотеатра она впервые оглянулась, — следом за ней шла женщина в ярком цветастом платье с плотно набитой хозяйственной сумкой в руках. «С рынка!» — подумала Ирина. Несколькоими ступеньками ниже поднимался мужчина средних лет в форме железнодорожника, еще ниже — какие-то безликие люди, занятые своими мыслями, делами мужчины, женщины, подростки.

«Нет, не они!» — решила она, тряхнула головой и вошла в фойе, уже наполненное ожидающими. Она хотела войти в буфет, но звонок предупредил о начале сеанса. Вместе с остальными Ирина вошла в зрительный зал, нашла свое место у прохода. Зал быстро наполнялся. Какая-то женщина пыталась сесть рядом, но Ирина предупредила, что кресло занято, откинула сиденье и положила сумочку. Свет начал медленно тускнеть, послышалась знакомая музыкальная мелодия, на экране замелькали первые кадры хроники, почти одновременно с первыми словами диктора в зале послышался смех. Человек сел, под ним что-то хрустнуло, мужчина вполголоса выругался, вытащил из-под себя сумочку и положил ее на колени Ирины. Как всегда, от него пахло вином. Лишенный элементарной вежливости, не здороваясь, он повернулся к своей соседке:

— Познакомились?

Ирина, продолжая смотреть на экран, утвердительно кивнула.

— Кто он?

— Из какого-то института. Марков, Сергей Алексеевич.

Теперь кивнул мужчина, и, скосив глаза, Ирина увидела, что он улыбнулся. «Значит, не ошиблась!» — подумала она, и, кажется, в первый раз это ее не обрадовало.

— Понравились?

Она привыкла к лаконичности его вопросов, но сейчас ее покособило от этой бесперемонности

— Кажется, да!

— Телефон дал?

Она опять кивнула, вынула записку и протянула Бреккеру. Он, не глядя, сунул бумажку в карман.

— Сам написал, — не утерпев, похвасталась она.

— Сам? — удивился Бреккер. — Очень хорошо. Как думаете дальше?

— Мы договорились встретиться, сегодня позвоню ему.

Бреккер оживился, похлопал ее по руке:

— Не надо! Позвоните, но не встречайтесь. Звоните по несколько раз в день! — повторил он. — Интригуйте, кокетничайте, а встречаться пока не нужно.

Ирину это удивило. Раньше он всегда торопил, она встречалась, через несколько дней где-нибудь в ресторане знакомила своего спутника с «случайно» оказавшимся за соседним столиком Бреккером, и, как правило, на этом ее обязанности кончались.

Она давно поняла свою роль, и с каждой новой встречей у нее пропадало уважение к людям. «Неужели все такие?» — спрашивала она себя, радуясь, что больше никогда не встретит своего очередного знакомого. И хотя понимала, что иная встреча и иной результат могли бы быть для нее опасными, в глубине души оплакивала свою веру в людей.

— ... в курсе о каждом разговоре! — успела уловить она конец фразы. Нет! Думать, размышлять при встречах с Бреккером было нельзя. И тем более смотреть на экран.

Сзади кто-то зашикал, и недовольный мужской голос посоветовал:

— Дома договоритесь, дайте смотреть картину!

— Ну, я пошел! — приподнимаясь, тихо сказал Бреккер, и она, боясь опоздать, перебила его:

— У меня нет денег!

Он точно ждал этого, сунул руку в карман, протянул ей свернутую в трубочку тонкую пачку, встал и, слегка согнувшись, быстро пошел к выходу.

Ирина на ощупь пересчитала деньги, положила в сумочку, уселась поудобнее и приготовилась смотреть фильм, но неясное чувство тревоги мешало сосредоточиться и понять смысл происходящего на экране.

Не глядя на картину, полузакрыв глаза, она думала о знакомстве с Марковым и о том новом, с чем встретилась впервые. Она не могла еще разобраться, что именно подкупало в нем: то ли впервые встреченная чистота, ненайгранная чуткость, забота и внимание. Не любопытство, а именно внимание и тревога за нее. Ей захотелось шаг за шагом восстановить в памяти знакомство с ним, разговор, его вопросы, вначале робкие и осторожные, точно руки хирурга, исследующие рану больного. Беседу, которую она вначале умело направляла, пытаясь заинтересовать нехитрым вариантом «одиноким женщиной», на который так падки ищущие случайных встреч на улицах. Встреч, ни к чему не обязывающих ни одну из сторон, но интригующих, в которых каждый хочет быть остроумным, оригинальным — не таким, каков он в действительности. Вот в такие-то минуты наблюдательный человек и узнает, что стоит его случайный знакомый. Сергей был искренен, в этом она была убеждена. Как женщина, она чувствовала, что нравится, и, кажется, в первый раз гордилась этим, но позже пожалела. Ну еще встреча, ну еще... А потом? Отдать его Бреккеру и больше никогда не увидеть? Значит, и он окажется таким, как те несколько человек, с которыми она знакомилась!

Отсрочка, которую дал канадец, ее и обрадовала и насторожила. Последнее поручение Бреккера было не так давно. Он потребовал, чтобы она познакомилась с немолодым канадцем — следствием какого-то инцидента. Она пыталась вспомнить, какого именно, но не смогла. Не смогла вспомнить и его фамилию. Анатолий Андреевич, Анатолий Андреевич... Это все, что осталось в памяти. Марков, по его словам, тоже работал в каком-то институте. Каком? Совпадение? Нет, нет! Возможно, «они» замыкали какую-то цепь, значит, в институте было что-то, что «их» интересовало! «Они»! Так впервые она разделила мир на две части — «мы» и «они». Впервые отделила

себя от «них», впервые начала анализировать поступки Бреккера и свои.

И то, что раньше казалось простой и легкой игрой, за которую платили, сейчас приобретало другую, мрачную окраску... Как все это началось? Как ни странно, с Олдриджа!

В такой же солнечный день, год назад, под Ятой положив голову на полотенце, лежала она на мелкой гальке Золотого пляжа и бездумно смотрела вверх. Высоко в небе рваными кусками прозрачной вуали застыли облака. В солнечном мареве дрожал душный расплавленный воздух, давил на землю. Ирина хотела повернуться, как кто-то рядом, старательно выговаривая слова, громко сказал — А Джеймс в Гагре.

— Что ему там нужно? — лениво спросил женский голос.

— По-прежнему увлекается подводным спортом. Охотится с аквалангом, — засмеялся мужчина.

Перед отъездом из Москвы Ирина смотрела итальянский цветной фильм об этом новом виде спорта, она скосила глаза в сторону говоривших. В нескольких шагах, накрыв лицо легкой косынкой, лежала женщина. Рядом с ней, поджав под себя ноги, сидел молодой мужчина и бросал камешки в набегавшие волны. Ирина прислушалась.

— Изменил Средиземному? — спросила женщина. Говорила она медленно, неуверенно подбирая слова.

— Не Средиземному, а Красному. С Красного перешел к красным — логично! — сострил мужчина. — Даже пишет здесь. Что-то с очень претенциозным названием: «Хочу, чтобы он умер...» Или наоборот.

— О русских?

— Нет о своих соотечественниках и Египте. Кстати, приехал сюда с семьей...

— Модная тема!

Ирина приподнялась и посмотрела на своих соседей. Мужчина поклонился.

— Мы разбудили вас своей болтовней? — Он улыбнулся. — Простите пожалуйста. Мы изучаем русский язык и спорим.

Женщина стянула с лица косынку и с любопытством разглядывала Ирину...

Так произошла встреча. Была ли она случайной? Не

так ли, позже, Бреккер учил ее знакомиться? Раньше Ирина никогда не задумывалась над этим...

В первый же день Джен (так звали спутницу иностранца) подарила ей свой купальный костюм. Белый с черной окантовкой. Ирина была счастлива. Как же, заграничный, плотно облегавший тело, он вызывал восхищение кое у кого из женщин. С пляжа уже шли вместе Ирина узнала что ее новые знакомые — журналист Майкл Бреккер и его секретарша. Расставаясь у санатория, они договорились о встрече на другой день здесь же, на пляже. С этого и началось.

На следующий день втроем ездили к Байдарским воротам, обедали в Мисхоре. Бреккер был подвижен, любопытен, всем интересовался и непрестанно щелкал «Контаксом». Коробила фамильярность и бесцеремонность, с какой он выпрашивал обо всем, что только попадалось на глаза.

Через день он знал, что она разошлась с мужем, о ее денежных затруднениях и с каким трудом достала путевку.

Как-то через несколько дней, когда она сказала, что хочет уйти с работы, Бреккер фамильярно похлопал ее по плечу:

— Ничего, my darling, устроим, я помогу! — И сейчас же добавил: — А с работы уходить не надо, не торопитесь, — и быстро перевел разговор, предложил выпить. Кстати, делал он это довольно часто.

Вечером, когда Ирина провожала его и Джен в гостиницу, он задержался у дверей, обнял ее за плечи, попросил подождать и вошел в комнату. Она осталась в коридоре. Через минуту вернулся и сунул ей в руку небольшой сверток.

— Что это? — встревоженно спросила Ирина.

— Так, пустяк. Посмотрите дома. — Он похлопал ее по плечу: — На память о нашем знакомстве. — И, видимо ожидая возражений, повернулся и, не прощаясь, ушел в номер.

На улице Ирина не вытерпела, развернула бумагу — в шуршащем целлофане с маленьким золотистым клеймом лежали серые прозрачные чулки и белая нейлоновая кофточка с перламутровыми пуговицами. Первое, что мелькнуло в голове, это возвратить подарок, она даже повернулась, что-

My darling — моя милая, любимая (англ.).

бы сделать это, но, пройдя несколько шагов и увидев матовые шары входных фонарей, остановилась. Желание иметь нарядные вещи было слишком велико, чтобы так легко отдать их. Но вернуть было нужно, сейчас же... Хотя... К чему ее обязывало, если она оставит это себе? «Отдать, не отдавать?»... — рассуждала она. — Сейчас неудобно, что он подумает, да и спать уже легли, наверно. Отдам завтра — после недолгого колебания решила она и повернулась, чтобы идти домой. Мимо Ирины медленно прошел человек, чуть задел плечом и внимательно посмотрел на нее. Ей показалось, что он улыбнулся. «Нахал!» — подумала она и заторопилась к себе.

Подарок она решила не возвращать!

...Топот ног и хлопанье сидений вернули ее к действительности. Ирина встала и пошла в людском потоке к выходу. На лестнице толкались, обменивались впечатлениями, кое-кто успел закурить. Выйдя на площадь, она вспомнила, что нужно позвонить Маркову, прошла к автомату.

Трубку взял Сергей. Услышав ее голос, обрадовался, спросил, когда они встретятся. Как ей хотелось сказать — сейчас же, но, помня наказ Бреккера, замялась, отговорилась занятостью.

— Значит, сегодня нельзя? — спросил Сергей упавшим голосом. — А завтра?

Она пообещала позвонить. Ей не хотелось кончать разговор, в груди стало пусто и одновременно что-то тяжелым камнем легло на сердце.

— Что вы делаете сейчас, Сережа? — спросила она, первый раз назвав так этого совсем чужого ей и такого близкого человека.

В стекло будки стучали, напоминали, что пора кончать разговор.

— Я позвоню завтра, хорошо? А то здесь очередь, — шепотом закончила она, хотела положить трубку, но промахнулась, задела рычаг и

сразу услышала частые гудки отбоя. Повесила трубку и вышла на площадку...

Дорога была тяжелой. Могучий пихтарник сменился густолесьем. Бук, дуб, ольха, плотно перемешанные одичавшими яблонями, грушей и алычой, мешали движению.

Выматывали силы частые переходы через многочисленные горные ручьи и речки. Одни они перепрыгивали, не замочив ног, другие переходили вброд. Падали в ледяную воду, чертыхаясь, вылезали на берег, сушились, снова шли, чтобы вымокнуть в очередном потоке и снова обсушиться.

Только к концу дня, спотыкаясь о частый ветровал, вышли на тропу, уходившую вниз. Узкая и едва заметная, она видлась в высоких травах и путаных колючих зарослях дикой малины.

На небольших, залитых солнцем полянах, покрытых ярко-зеленой травой, радугой горели цветы. Звенела тишина, и ее нарушал только убаюкивающий пчелиный гул да нараставший шум реки. Он-то и служил ориентиром.

Сняв ботинки и опустив в прохладную траву натруженные ноги, отдыхали. Устало переговариваясь, лениво ковырялись в консервной банке с осточертевшей за дни сидения печеночной пастой, изредка прикладывались к горлышку плоской фляжки с коньяком.

— Может, заночуем здесь? — предложил разомлевший Митин. Рядом, под густо разросшимся рододендроном, он приметил уютный лаз, покрытый плотной непримятой дерниной. Примеривался к ней. Но Зуйков упрямо мотнул головой:

— На дорогу к ночи выйти надо. Ночью пройдем Даховскую. К рассвету на станции будем. Поезд на Белореченскую в пять двадцать.

— С ума сошел! Это как же мы за ночь отмахаем

— А ты на людях идти хочешь? — с злой издевкой поинтересовался Зуйков. Митин не ответил, махнул рукой и начал надевать ботинки...

...Опасность зримо подошла, как только они вышли на дорогу. Рядом, пенясь и прыдая, с грохотом неслась стремительная река. В звенящем шуме дрожали серебряные брызги, дымилась как пар над кипящим котелком. В быстро темневших сумерках из-за поворота вышел человек в форме военного покроя — синих брюках-таллифе, зеленой

гимнастике. С плеча свешивалась винтовка. Увидев его, Митин сунул руку за борт пиджака, где под мышкой висел длинноствольный бесшумный пистолет, но Зуйков протянул ему коробку «Кавбека»: «Закурим!» Это успокоило. Митин взял папиросу, размял ее и, прикуривая, на мгновение скосил глаза на проходившего, успев рассмотреть фуражку со значком — перекрещивающимися золотистыми дубовыми листьями. Человек скользнул взглядом по кустикам, не торопясь пересечь реку, и сел на колено, вразвалку, прошел мимо. Дойдя до выступа, за которым дорога сворачивала в ущелье, неизвестный остановился. В сгущавшейся темноте мелькнул огонек — человек закуривал. Опасность, видимо, миновала.

— Если ты, чертова баба, каждый раз за оружие хвататься будешь — иди один, — распаляясь, пригрозил Зуйков.

— А ты чего выверился? — спокойно ответила Митин. — Кончили бы без шума. Документы взяли бы — почин дорожке денег. Забыл, что Дыюшка говорил? Бей где можно, чтоб тихо только. А документы забирай!

— Так то тихо. Форму видел — объездчик это, как там у них, наблюдатель, что ли!

— А мы его в кусты да в яму, — не сдавался Митин.

— В яму, — передразнил Зуйков, — его к утру искать кинутся. В наряде небось.

— Мы к тому часу, — Митин присвистнул и махнул рукой, — э, где будем.

— Коль приметят, далеко не уйдешь. А документ, на кой ляд он? Еще будут! Подальше от этих мест уходить нужно.

Митин вскинул голову.

— А что оставили?

— Ну это когда прикажут. — В эту минуту у Зуйкова в мыслях не было возвратиться к зарытым в лесу мешкам без разосещения человека, с которым они должны были встретиться.

Сумерки окончательно перешли в ночь. Идти стало трудней. Спасали яркий свет молодого месяца да белая лента вихляющей, уходящей вперед дороги. Рядом, вжатая скалами, шумела серебром река, вздыхала, ворочала камни. Шли широким шагом в ночь, в неизвестность, к незнакомой станции, к людям, каждый из которых был врагом. Не хотелось ни говорить, ни думать.

В темноте вспыхивали перелетавшие дорогу светляки. Идущие привыкли к ним, но когда за одним из частых поворотов, за рекой, неожиданно мелькнуло желтое пламя костра и они почувствовали горьковатый смолистый запах горящего дерева, остановились и, точно сидевшие у огня могли их заметить, пригнув головы и ускорив шаги, прошли мимо...

Глубокой ночью прошли какие-то без огоньков строения, потом дорога выливая вправо и они вышли на мост. Похолодало. Серп луны устало лежал на дороге, серебрил неутраченную реку.

— До утра успеем? — поинтересовался Митин. — Э, черт! — отбрасывая подвернувшийся под ноги камень, выругался он.

— Шагу прибавим, успеем. Видишь, как хорошо, что сейчас идем. Днем здесь от туристов одних не протолкаешься...

— Туристы, — усмехнулся Митин. — Вот живут, сволочи! Когда работают...

— И ты гулял, поди, до войны...

— В деревне жил я: у нас летом, что зимой работы хватало. Не то что городским...

— Ну завел шарманку, — перебил его Зуйков. — По тебе выходит, в деревне только и работали. Я вот слесарем втыкал, дай бог... Да и жил ничего!..

— Чего же от такой жизни убежал? — зло спросил Митин, не упуская случая подтрунить над своим спутником. — Жилось хорошо, — повторил он, пытаясь на ходу закурить, но Зуйков ударил по руке, выбил папиросу:

— Сдурел что ли? А чуть что опять за карман хвататься будешь... — и, возвращаясь к начатому разговору, окончил: — А почему убежал, не твоего ума дело. Ты небось не лучше!..

И опять замолчали. Не сбавляя шаг, прошли узкое ущелье, где темнота была настолько плотной, что несколько раз они натыкались на сжавшие дорогу каменные стены. Прижавшись к выступу скалы, Зуйков накрылся плащом, осветил карандашом с миниатюрной лампочкой карту. Определился — прошли Сюково — самый тяжелый участок ночного пути. До Даховской оставалось километров семь, надо было торопиться, чтобы затемно прийти на станцию. Не зная, как занять себя, Митин, не переставая, жевал шоколад, хотелось пить, но он терпел, боясь отстать в темноте.

Река медленно уходила влево, вместе с ней затихал речной гул, на смену входили шумы леса, осторожные и вкрадчивые. Поскрипывали деревья, где-то наверху слышался протяжный и тоскливый волчий вой, хохотала неясно, спротонок тревожно вскрикивали птицы, трещали сверчки, но за время сидения в лесу они привыкли к этим ночным разговорам и не обращали внимания.

Зуйков был прав — ночная дорога была безлюдна, а значит, безопасна, но жизнь здесь Митин представлял себе иначе. Знал, что придется выполнять задания неведомого ему начальника, по занятиям в разведшколе догадывался, что именно придется делать, и относился к этому спокойно. Давно привык к мысли, что за хорошую жизнь надо платить. Под хорошей жизнью понимал — сытно есть, пить, не думать о завтрашнем дне. Воровать или убивать — это не имело значения. Что ж, он готов был к этому. Но вот так маршировать по ночной дороге, не спать? Это надоело ему еще на Западе, когда, по предложению начальника лагеря, поступил в «полицию порядка», созданную американской военной администрацией зоны. Особенно отказываться он не мог... Прежний начальник лагеря штурмбанфюрер войск СС Гетлинг «тепленьким» передал и его, и его «личное дело» приехавшему из Мюнхена для приемки лагеря победителю — мешковатому, немолодому американскому лейтенанту.

Читая «дело», американец так похмыкивал да покручивал головой, что Митин вначале испугался — не посадят ли, а то еще хуже — передадут советскому командованию. Ответ держать пришлось бы за многое. Но обошлось. Видимо, такие, как он, были еще нужны. От него взяли подписку, что он отказывается вернуться на родину и просит о политическом убежище. Подписывал бумагу Митин с удовольствием, это уберегло от наказания. Но надо было думать о дальнейшем, не оставаться же в осточертевшем лагере, на голодной баланде, чувствовать на себе настороженные взгляды военнопленных, давно раскусивших его. По лагерю ходил слухок, что вербуют в Африку, в Иностранный легион, неплохо платят, вольготная жизнь, но знакомый капо предупредил, что договор на пять лет, да и не так уж там хорошо — арабы отлично стреляли. И пошел Митин в полицию. Натрудил там ноги — пришлось походить, поездить по боварским асфальтам да по приглашенным лесочкам. Патрулировал в шахтерских поселках, ожи-

дая за каждым углом удара. Обозленные, голодные рабочие волком смотрели на сытых полицейских. Совсем плохо стало, когда пришлось стать штрейкбрехером. Стихийно возникали забастовки, появлялись рабочие пикеты — обстановка накалялась. В многочисленных стычках преимущество всегда было на стороне полиции — брандспойты с водой, баки со слезоточивым газом, наконец оружие делали свое дело. С обеих сторон бывали и убитые и раненые, правда далеко не в равной пропорции. Волнения глушились, затихали, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Работа была тяжелой, изматывающей.

Случайно Митину подвезло. Как-то в маленьком баре на Фридрихштрассе он познакомился с иностранцем, хорошо говорившим по-русски. Узнав, что Митин русский, работает в полиции, поинтересовался:

— Довольны?

Уже выпивший Митин оглянулся по сторонам, наклонился к незнакомцу и доверительно сознался:

— Не очень. Насчет жалованья не скажу. Ничего, на пиво хватает, да только не то делают. Разве так работают?..

Сосед оказался интересный. Все больше слушал, поддакивал, изредка задавал вопросы, трижды заказывал подхридившему кельнеру. Увлечшись, Митин и не заметил, как опьянел на дармовщину. И наконец поделился одной, давно вынашиваемой мыслью — подсылать к бастующим своих людей. Пусть входят в доверие, активничают, выясняют, кто чем дышит. И по одному убирать. На улице, в переулке, вечером, но тихо без шума. Иностранец усмехнулся. Чуть заметная улыбка скользнула по губам и пропала.

— Да как же вы пришли к этому?

Митина понесло. С человеком, который угощал, платил, можно было быть откровенным. И он рассказал, как работал в лагере. Незнакомец слушал внимательно. Потом сказал:

— Что ж, ничего. Только способ уж очень старый. Как человечество...

Прощаясь, незнакомец предложил встретиться еще здесь же. Митин, конечно, согласился. Договорившись о дне, они разошлись, видимо довольные друг другом. В условленный день Митин пришел вовремя, но иностранца не оказалось. Через несколько дней зашел снова и опять впустую — незнакомец как в воду канул. Прошло какое-то

время, и Митин начал забывать о приятном знакомстве, но как-то, спустившись в бар и оглядывая полупустой зал, за одним из столиков увидел его. Оказывается, тот уезжал из города, но теперь все «о кей!», и предложил Митину интересную работу.

Митин спросил, какую именно, но новый знакомый написал на бумажке адрес и сказал, чтобы он зашел к нему завтра: там и поговорят...

...К рассвету разнепогодилось, над горами повисли грязные облака, обложили небо, гроыхнул гром, и холодные капли застучали по дороге, по пешеходам. Пустынную, притихшую Даховскую прошли под неутихающим ливнем, и, как ни упрашивал Митин переждать непогоду где-нибудь под крышей, Зуйков упрямо шел и шел вперед.

На полпути к Хаджоху выглянуло солнце, разогнало тучи, дождь перестал, но через мгновение со склона, по низине, потянуло дымкой, ее накрыл туман, снова заморосило. Густая сетка закрыла горы и небо. Дорога по-прежнему была пуста. Только раз мимо прогремела полуторка, доверху набитая мокнущими, прыгающими на ухабах пустыми ящиками...

Состав стоял на пути, когда они вышли на привокзальную площадь. Зуйков взял два билета до Белореченской, и они вошли в вагон.

Показалось — все опасности позади.

VIII

Они встретились в воскресенье утром, бродили по затитым солнцем, пока полупустым и прохладным, праздничным улицам, потом Ирине захотелось в зоопарк, и они поехали туда.

Сергей, все время наблюдавший за Ириной, поддался ее животной радости. Они шли, бросая животным хлеб и сахар, предусмотрительно купленный в киоске, и были похожи на окружающих их детей. Только раз она изменила себе. Проходя мимо клетки, в глубине которой лежала рысь, Ирина остановилась. Рысь поднялась и, лениво потягиваясь, медленно подошла к железным прутьям. Женщину и животное разделяло узкое пространство.

Сергей предостерегающе взял Ирину за руку, потянул назад. Она остановилась, продолжая смотреть на животное... Марков бросил взгляд на зверя — сильные ноги

застыли на месте, тело спружинилось для прыжка, точно между ним и людьми не существовало решетки. Круглые, большие, под цвет шерсти, золотистые глаза не мигая смотрели на женщину, будто вокруг не было ни толпы, ни неумолкаемого шума — криков, смеха. Рысь застыла в неподвижности, только на кончиках настороженных ушей вздрагивали смелые рыжеватые кисточки. Ирина сжала руками шершавый прут барьера и не отрываясь смотрела на животное. С ее лица медленно сходил румянец, она бледнела и, забыв об окружающих, не отрывала глаз от зверя.

Сергею стало не по себе.

— Ирина! — крикнул он, нагнулся, шагнул и встал между женщиной и животным. Рысь оскалилась, зарычала и словно нехотя отошла в глубину клетки.

Сергей обернулся — женщина завороченно смотрела на клетку. Марков осторожно отнял от барьера ее руки, обнял сразу обмякшее тело и медленно повел к скамейке. Когда они сели, Ирина закрыла лицо руками, плечи ее начали вздрагивать. Ничего не понимая, Сергей пытался ее успокоить и, боясь привлечь внимание проходившей публики, оглянулся.

По ту сторону клетки из-за прутьев на них внимательно смотрел высокий, немолодой, но подтянутый человек в сером спортивном костюме.

Встретившись взглядом с Марковым, он, прикрыв рукой грудь, резко отвернулся и быстро пошел прочь... Сергею показалось, что на груди незнакомца, в распахнувшихся полах пиджака блеснуло стекло объектива. «Фотографирует рысь», — подумал Марков и взглянул на Ирину — она смотрела вслед уходившему, и в ее глазах была такая пустота, такая тоска, что ему стало страшно.

Светило солнце, кругом шумели и смеялись люди, а Сергею показалось, что рядом с ним огромное, человеческое, непонятное ему горе. Он почувствовал себя страшно одиноким, старым, много пережившим и... глупым.

— Ну успокойтесь, Ирина, — попросил он и пошутил: — Неужели вас испугала эта большая кошка?

Женщина отсутствующими глазами посмотрела на Сергея, медленно перевела взгляд на клетку с распластавшимся зверем, за которой зеленела листва кустарника, встряхнула головой, точно отгоняя от себя какие-то мысли, улыбнулась и доверчиво прижалась к своему спутнику.

Может быть, ей все это приснилось и ничего не было, подумала она, ни вбирающих в себя, страшных по своей пустоте глаз зверя, напоминавших о других глазах, глазах человека, только что стоявшего за этой решеткой. «Вот бы его туда, в клетку!» — мелькнула мысль. Вот, значит, для чего он сказал, чтобы она приехала с Марковым в зоопарк. А она в своей радости забыла об этом. Значит, теперь он захочет, чтобы она привела Сергея в какой-то ресторан, потребует познакомиться с ним... «Нет, не отдам, — решила она, — не отдам!» И попросила:

— Уедем отсюда. Поедем в парк Горького.

Как ему хотелось защитить ее от горя, от какой-то опасности... От чего, он не знал сам. Возможно, от прошлого...

— Вот она, наша аллея... Скамейка... Милая моя скамейка, — Ирина наклонилась и погладила планки сиденья.

Марков хотел сесть, но она удержала его:

— Подождите... Посмотрите на нее со стороны. Вы узнали ее Сережа? — она подняла голову, улыбнулась. Взяла за руку.

— Давайте сядем, Ирина.

— Хорошо, но вы садитесь первым. Я посмотрю на вас, вспомню как было. — Она быстро прошла по аллее, повернулась и теперь уже медленно начала приближаться к Сергею.

Марков с нежностью наблюдал за подходившей к нему женщиной.

— Ну, а теперь садитесь. — Он протянул руку, но она снова отошла и остановилась в глубине аллеи.

Солнце залило парк. Золотистые полосы, пробивавшиеся через густую листву, лежали на дорожке, посыпанной красным кирпичом.

— Вот так это было, — сказала она издали, — вы сидели здесь. И... закрыли руками голову и о чем-то думали... О чем вы думали, Сережа? — Она все чаще называла его по имени. Казалось, это доставляло ей удовольствие.

— О вас, — пошутил он, усаживаясь поудобнее и доставая папиросы.

— Нет, серьезно. Мне показалось, что вы были чем-то встревожены... Неприятности?..

— Да, но теперь я рад им, иначе не пришел бы сюда... Вы сядете в конце концов?

Она покачала головой... и медленно направилась к нему.

— Вот так я шла. Было темно и немного страшно. И если бы не вы, я ни за что не осталась здесь... Хотя очень хотелось побыть одной,— она подошла к скамейке, села, закинула руки за голову.— Смотрите, как устроен человек. Никого не хотелось видеть — я вообще не очень высокого мнения о своих ближних, — а без людей страшно.

Сергей с удивлением смотрел на нее:

— Что с вами?

Она вскинула голову и резко сказала:

— А почему я должна их любить? Что они сделали мне хорошего?..

— Неужели развод с мужем так ожесточил вас, что вы о всех людях судите по нему?

— Какого мужа? — она запнулась, на мгновение задумалась, злобный огонек мелькнул у нее в глазах: — Ах, при чем тут он! А вы что встречали хороших?.. Чутких, внимательных к чужому горю? — с раздражением спросила она. Резкость, с которой это было сказано, удивила Маркова.

— Встречал! — ответил он и твердо повторил: — Встречал! Да что там встречал, каждый день вижу, они вокруг меня...

— Хороших, отзывчивых? — запальчиво перебила его женщина.

— Конечно! — спокойно подтвердил он.

— Ну, знаете...

— Что знаете? Я-то знаю, а вот вы...

— И я хорошая?.. — с горечью, видимо думая о своем, спросила Ирина.

Сергей удивленно взглянул на нее — никак не мог припомнить, в каких переломах от теплых, ласковых слов и ироническим репликам, обидным, а порой и злобным. Его пугало, когда улыбка сменялась горькой гримасой, смех — озлобленностью. Он заметил, что все время ждет этого перехода, взрыва. Так было и сейчас.

— И вы! Вы просто не представляете себе, какая вы замечательная!

Женщина улыбнулась, лицо стало ласковым и милым. Как будто не было только что тяжелых воспоминаний, злых мыслей, резких, обидных слов. Точно подменили че-

ловека... Такой, только такой он хотел ее видеть и уже простил и резкость и оскорбительную отчужденность.

Из центральной аллеи выскочила девушка в белом платье и с громким смехом пробежала мимо. Ее нагнал юноша, обнял, и они, не замечая сидящих, смеясь, медленно пошли по дорожке. В их бездумной радости было столько чистоты и света, что Сергей не удержался:

— И они вот тоже... плохие? — сказал и пожалел.

— Не знаю! — снова нахмурившись и помрачнев, проворчала Ирина и опять с иронией добавила: — Я не знакома с ними!..

День был скромный. Воскресный, солнечный день, которого так ждал Сергей, — думал, что он что-то решит, что-то изменит. «Что ее мучает, что сделало такой?» — подумал он и внезапно вспомнил, что поразило, испугало его, — глаза, взгляд там, у клетки. Только один раз он видел такие же, с такой же пустотой и безысходностью, — у матери, когда она получила «похоронку» — извещение из военкомата о смерти мужа... Мгновение, согнувшее, превратившее в старуху. За несколько минут до звонка почтальона она смеялась весело и задорно, точно ей не было тридцати двух, а столько же, как ее сыну, ну, может быть, на десять лет больше. Тогда он тоже плакал, прижимаясь к большому, статному телу матери, теперь единственному близкому на свете человеку, а она молча, машинально гладила по голове своего восьмилетнего сына... С тех пор Сергей не видел на ее лице улыбки. Учился он на «отлично» и, приходя из школы, с гордостью показывал ей дневник. Мать гладила непослушные вихрастые волосы, подводила к обвитому черной креповой лентой портрету отца, висевшему над диваном, рассматривала, точно никогда не видела раньше. С портрета на них с улыбкой смотрел полный веселый человек в военной форме с двумя кубачками на белых петлицах гимнастерки. Таким, как на фотографии, Сергей и запомнил своего отца.

Шли годы. Тяжелые, военные. Жили они скромно, тихо, никто у них не бывал. Одно время зачастил товарищ отца, инженер, устроивший на работу мать. Как-то вечером Сергей, готовя в спальне уроки, услышал (дверь в соседнюю комнату была открыта, и мальчик невольно прислушивался к неторопливому, перемежающемуся длинными

паузами разговору), как инженер сказал матери, что давно любит ее и просит быть его женой.

У Сергея заглодело сердце, он так и застыл, напряженно вслушиваясь, что будет дальше. Ему стало стыдно, что он подслушивает. Стыдно и обидно от одной только мысли, что мать может изменить памяти отца.

«Нет, нет», — наконец услышал он голос матери.

После долгого молчания Александр Иванович (так звали инженера) снова заговорил, теперь уже тише, и Сергей, весь в напряжении, разобрал, что он говорит о нем.

— Я ему отцом буду, поверьте, Валя!

Сергей боялся пошевелиться.

— Не надо, Саша, — в голосе матери мальчику почудились просящие нотки, — никогда больше не говорите об этом, пожалуйста. Вы для меня после Сережи самый близкий человек. Спасибо вам за все, что вы сделали для нас, но не надо...

Сергей снова слышал голос дяди Саши, говорившего совсем тихо, но настойчиво, словно он боялся, что мать откажет ему опять. Сергей встал со стула и вошел в комнату. Мать подняла голову и, увидев стоявшего в дверях сына, протянула руки, точно искала у него защиты.

Александр Иванович замолчал, зазвенел ложечкой по стакану с остывшим чаем.

Сергей подбежал к матери, прижался к груди, спрятал лицо в мягкий пушистый платок, услышал, как бьется ее сердце... Так, в безмолвии, прошло несколько минут, потом скрипнул отодвигаемый стул — Александр Иванович встал, пробормотал, что ему пора, и, не глядя на мать и сына, вышел.

Оставшись вдвоем, они долго сидели не шевелясь. Сначала робко, потом смелее Сергей искоса поглядывал на мать, а она в ответ гладила голову своего внезапно повзрослевшего сына.

Время было тяжелое, но, чтобы не встречаться с Александром Ивановичем, мать ушла с работы, поступила на завод.

В сорок четвертом стало легче. Не с продуктами, нет, их не хватало и тогда, просто чувствовалось, что война идет к концу. Все чаще в репродукторе слышался торжественный, немного пугающий голос Левитана, читавшего приказы, чаще гремели залпы артиллерийских салютов, и в темном небе рассыпались гирлянды блестящего фейерверка. Под

окнами дома гудели, переговаривались повеселевшие жильцы, а мать всегда в эти минуты стояла у окна, смотрела на светлевшее от огней небо и плакала. Думала о том, что никогда больше не вернется в дом человек, которого она полюбила раз и навсегда.

В пятьдесят третьем Сергей окончил спецшколу и был направлен на работу. В семью пришел мужчина-коопмалец. Мать подняла сына на ноги. Теперь она могла отдохнуть, но тяжело заболела и, пролежав три месяца, умерла... Сергей остался один.

Так и жил. И вдруг эта встреча. Раньше чуждался веселых, смешливых девушек, а вот к этой, с каким-то большим горем, изломанной и очень одинокой — потянулся. Сразу.

IX

К вечеру жара спала. Сейчас Орлов чувствовал себя лучше, хотя влажное белье еще противно липло к телу и ему казалось, что он только что вышел из парной. Поминутно вытирая махровым полотенцем лицо и шею, он ходил по кабинету, подставляя голову большому лопастому вентилятору, нагревшемуся от непрерывной работы, и мечтал о холодном душе. Жена уже дважды звонила с дачи — без него не сядились за стол. Орлов обещал приехать, хотя и понимал, что если это и случится, то не скоро. К сожалению, часто, очень часто он возвращался поздно, когда дома все спали. На столе ожидал накрытый салфеткой остывший обед. Надо было разогреть его, и порой, взяв горбушку хлеба (он любил горбушки) положив на нее кусок холодного мяса, он шел в спальню.

Звонок Агапова перерезал спокойный вечер. Многозначительно и настойчиво тот попросил принять его. Видно, что-то случилось.

Орлов подошел к столу, ногой отодвинул кресло, хотел сесть, но в комнату вошел Агапов, и он остался стоять.

— Итак, встреча состоялась, Олег Владимирович, — еще в дверях сказал Агапов.

Орлов взглянул в встревоженное лицо вошедшего и понял, что предстоит большой разговор. По роду своей работы он интересовался многими людьми и их встречами, встречами, которые зачастую приводили встретившихся в этот кабинет. Но о какой именно встрече говорил Агапов сейчас? Орлов знал, что подчиненного всегда обижало, если

генерал не помнил деталей его дела, подробностей разработки им комбинации. Взглянув на Агапова, он решил, что задавать наводящие вопросы не время.

— Кто он?

— Одно из двух. Либо они действительно подбираются к НИИ-16,— подходя к столу, продолжал Агапов,— либо мы что-то недосмотрели...

— Кто он? — сдерживаясь, повторил Орлов, но Агапов не ответил, обошел стол, и только сейчас Орлов заметил у него в руках папку. — Ты скажешь, наконец, кто он? — с угрозой в голосе сказал Орлов, досадуя, что не может вспомнить.

Агапов открыл папку, вынул увеличенный фотоснимок и протянул его Орлову:

— Узнаете?

Орлов взглянул на фотографию, почувствовал, как кровь ударила в голову, тут же отхлынула, и голова стала пустой — перед глазами осязаемо мелькнули приметы неизвестного, встретившегося в Центральном парке с женщиной, судьба которой с некоторых пор его интересовала. Он действительно ждал этой встречи, да и не он один... Но с этим? Нет, этого не могло быть, это ошибка!

— Не может быть! — сказал он громко, опускаясь в кресло.

— Вот документ! — кладя на стол бумагу, сказал Агапов. — Я тоже сразу не поверил, но, к сожалению, он!..

Орлов придирчиво рассматривал фотографию, пытаясь убедить себя в том, что Агапов ошибся. Даже взял увеличительное стекло. Похож! Ему нравился этот молодой, подтянутый офицер, четкий и исполнительный. И все же фотография могла обмануть... Но лежавший перед ним документ... Ему хотелось оттянуть момент, который лишит возможности сомневаться. Еще не читая, он знал, что там написано. Короткими рублеными фразами, четко, без претензий на литературу, с фотографической точностью не оставляющей места сомнениям, там зафиксированы куски человеческой жизни. Все, все! И факты. Только факты. Он протянул руку и взял бумагу. Телефонный звонок оторвал его от чтения. Он досадливо взглянул на аппарат и кивнул Агапову. Тот взял трубку, назвал себя и сейчас же передал ее Орлову.

— Из дома, — сказал он почему-то вполголоса.

— Я докладываю факты. Наблюдение установило, что Кемминг продолжает встречаться с инженером этого института Полонским. Как вы знаете, их познакомила Гутман. Сейчас новая встреча и снова с человеком, имеющим отношение к этому объекту. Случайность? Как бы не было поздно.

— Что поздно? — усмехнулся Орлов.

— Не исключено, что это не первая встреча... — Агапов помолчал и нехотя добавил: — Прозевали, возможно.

— Как в парке, — Орлов ткнул пальцем в лежавший перед ним документ.

— Тем более есть основание начать следствие.

Орлов откинулся в кресле, с досадой посмотрел на Агапова.

— Сядь! — сказал он. — Давай проанализируем ход событий. Итак, институт, — он взял карандаш и нарисовал квадрат. — Институт, работами которого не могут не интересоваться наши зарубежные недруги. Работает в нем Полонский, — рядом с квадратом он поставил кружок, — Гутман знакомится с Полонским. Подозрительно? Если бы она не знала Кемминга — нет. Но она знакома с ним, и это уже заслуживает нашего внимания. Идем дальше. Гутман знакомит Полонского с американцем и отходит в сторону. Кто Гутман?

— Приманка! — сказал Агапов.

— Это уже тревога. Мы не знаем, сознательно или нет Гутман работает на врага. Представим себе на минуту, что она не понимает своей роли...

— Не понимает? — удивился Агапов.

— Подожди. Наконец, фиксируется встреча в Центральном парке с нашим Марковым, — и поставил второй кружок. Агапов кивнул.

— Теперь уже не случайность, — сказал Орлов. Три часа же добавил: — Хотя бы потому, что на следующий день Гутман встретила с Кеммингом в кино... Проходит два дня...

— Три, — поправил его Агапов.

— ...Проходит три дня, она снова встречается с новым знакомым, на этот раз в зоопарке. Там находится и Кемминг, который их фотографирует. Конечно, не как достопримечательность зверинца...

— Показывают товар хозяевам.

— Возможно... Значит, готовится штурм крепости... Те-

перь давай, товарищ полковник,— Орлов засмеялся,— подытожим. Итак, первое неоспоримо — к институту тянутся грязные руки. Есть уже и свой человек — Полонский. А может, и еще кто, да мы пока не знаем.

Агапов промолчал.

— Теперь ладше. Почему происходит новое знакомство, на этот раз с человеком, также имеющем отношение к этому объекту, только повыше рангом? Видимо, Полонский не тянет.— Он поднял глаза к потолку и, рассматривая плафон, пробормотал:— А она активна — эта Гутман...

— Я предлагал ее задержать,— напомнил Агапов, слышавший последнюю фразу.

— Верно, предлагал. А что бы это дало? Раскрывать козыри следует в конце игры, полковник. Сейчас многое еще неясно. Не торопись, всему свое время... Итак, твое первое «либо» — грустная действительность,— заключил Орлов.— Что касается второго, то здесь все преждевременное и чудовищно оскорбительно для всех нас.

Он походил по кабинету, заинтересовался оконными наличниками, потрогал их рукой, потом подошел к Агапову и положил руку на его плечо:

— Методам проверки врага мы противопоставим наш прямой разговор. Убедил?

Агапов неопределенно пожал плечами.

— Не убедил? — Орлов обернулся и нажал кнопку звонка. Увидя в дверях дежурного офицера, коротко приказал:— Маркова из четвертого. Быстро!..

...Итак, план был понят!.. Сложная оперативная комбинация разрабатывалась в деталях — казалось, предусмотрены все мелочи... Казалось... Но если предполагаемый замысел врага был ясен, а действия и методы достаточно знакомы, хотя бы потому, что им руководил холодный расчет, то свойство характера и настроения Гутман могли в любой момент разрушить задуманное. Все это прекрасно понимали и Орлов и Агапов, поверивший в необходимость операции, хотя временами и колебавшийся. Настораживало настроение женщины. Несомненно, в ней происходили какие-то сложные процессы — об этом говорило многое. Она часто задумывалась, нервничала, плакала. Даже знающие

ее дивились такой перемене. Это же подтверждало и наблюдение. Но внутренний мир, мысли оставались загадкой. Встречи с Марковым, ее слова, паузы, раздумья лишь слегка приоткрыли то, что ее томило, волновало. Что это было? Страх перед возможностью разоблачения, сознание, что делает грязное дело? Или чувство? Глубокая уверенность Маркова в том, что Гутман на распутье, передалась Орлову.

— Ты рассудком понял ее состояние? — спросил он Маркова.

Сергей, чувствуя на себе внимательные глаза Орлова и Агапова, побледнел, сжался.

— Что молчишь, говори! — желая в чем-то убедить себя, сказал Орлов.

— Она плакала и когда знакомилась с тобой, — напомнил Агапов, но Орлов с укоризной взглянул на него и качнул головой.

— Сердцем! — помолчав, тихо сказал Марков.

— Оно не всегда верный советчик, Сергей, — сказал Агапов, — особенно в наших делах.

— Что ж, это неплохо, если сердцем, — вслух подумал Орлов. — Особенно в наших делах, — подчеркнул он, бросив взгляд на Агапова. — Нравится тебе эта женщина? — это к Маркову.

Тот поднял голову, угрюмо пробормотал:

— Я не имею права думать о ней теперь.

— Ну уж и не имеешь. Сердцу-то ведь не прикажешь.

И тогда Марков, недавно просивший освободить его от участия в этой операции, встал в положение «смирно».

— Я выполню задание, товарищ генерал. Выполню! — повторил он твердо. — Рассудком!

— Смотри, Сергей, — предупредил Агапов, — не переиграй. Это трудно, ох как трудно, — вздохнул он. — Помни — от этого зависит многое...

— Вот и ночь прошла! — взглянув на лежавший на подоконнике солнечный луч, сказал Орлов и мечтательно потянулся. — Хорошо бы чайку горячего... Распорядись-ка, Михаил Степанович, чаю и еще чего-нибудь. Только горячего, а то холодное мне и дома надоело. — И как только Агапов вышел, заговорщически наклонился к Маркову, похлопал по плечу. — Это хорошо, что сердцем. Хорошо!.. Но и голову не забывай! — он подмигнул Маркову. — Все-

таким любил ее? — спросил как-то по-домашнему, не отнимая руки.

Марков опустил голову.

— Что ж, борись. Борись, а мы посмотрим, стоит ли она этого. Стоит — хорошо. А нет, сам откажешься...

Чай пили молча. Каждый по-своему. Орлов шумно, весь отдаваясь еде. Агапов не спеша. Марков позвонил ложечкой по стакану и отставил его. Не мог. Думал. Не мог не думать. Захотелось увидеть ее. Он заковыл глаза и Чаша, как живая встала перед ним. Красивая? Говорят, что любят только красивых, какая чепуха! Нет, не красивая, а вот думаю, и щемит сердце. А ведь раньше никогда не болело. Значит, у всех, кто любит, бывает так... А что, если все это показалось, что, если это игра умной, хитрой авантюристки с холодной, расчетливой головой и тонко рассчитанными движениями?

Волна неприязни, обиды, что он обманулся, что его обманули, гасила его чувство. Но только на мгновение. Кропотливо, шаг за шагом он разбирал ее движения, слова. Вот вздрогнули плечи, вот глаза, то встревоженные, то наполненные внутренним теплым светом и часто грустные и одинокие. То злые, затравленные. А слезы? Разве можно плакать просто так, по заказу?.. Он вспомнил мать, лучшую из женщин. И у нее так же вздрагивали плечи, и она так же прятала заплаканное лицо. Может ли быть, что и она играла? Мысль эта ужаснула его, и он понял всю бессмысленность своих подозрений. Ему захотелось немедленно, сейчас же, увидеть ее, посмотреть в лицо. Понять. Проверить. И ее и себя. Неужели все было игрой, подлой игрой? Но глаза, слезы? Как в эти минуты она не похожа на обольстительницу, «роковую» женщину... «А в театре? — спросил он себя. — Ведь глядя на сцену, на талантливую игру актера, ты веришь ему. Да, но это в театре, — возразил он сам себе. — А разве тебе сейчас не придется стать двуликим, разве не придется тоже играть, говорить не то, что хочешь бы? Разве за внешней влюбленностью, ласковостью ты не будешь скрывать свою настороженность, подлинное отношение? Подлинное? — Марков усмехнулся. — А что делать, когда подлинное и внешнее одинаковы? Что ж, значит, труднее будет вести игру. Труднее?» Марков на мгновение пожалел, что согласился. Нет, как ни трудно задание, он выполнит его. Должен выполнить. Еще не все потеряно...

Орлов, наблюдавший за Марковым, понимал его состояние. «Пусть думает,— говорил он себе,— пусть переварит все: и обиду за подозрения Агапова, и допрос, и горечь оскорбленного чувства. Пусть пройдет через это. Так нужно!» Не понимая такой любви (уж больно быстро!), Орлов все же не осуждал, а если бы покопался в своей памяти, то, вероятно, согласился, что и такая любовь бывает. Быстро, и даже уж ничего не подавляешь. Наступил новый день, а с ним новые заботы. Надо было отдохнуть, набраться сил.

— Итак, помни! Первый же звонок — и ты встречаешься с ней. Обо всем докладываешь Михаилу Степановичу. План операции я сегодня же согласую. А сейчас все домой. Отдыхать! Я тоже,— сказал он вставая из-за стола.

Когда Марков уже выходил из кабинета, Орлов окликнул его:

— Подожди.

Марков подошел к Орлову.

— Ответь на один вопрос: почему ты вышел из такси у Сретенских ворот?— И, увидев, что Марков его не понимая, пояснил:— В тот вечер, когда ты познакомился с Гутман?

В памяти Сергея возник вечер, парковая скамейка, плачущая женщина, разговор, начатый им, прогулка по улице. Марков видел все так ясно, что ему показалось, будто Ирина рядом... «Да, но какое отношение имеет это к вопросу Орлова? Да, он сел в такси и доехал только до Сретенских ворот потому, потому что...»

— Потому что у меня не было больше денег, товарищ генерал.

— У меня мелькало такое предположение...— Орлов засмеялся.— Ну и наделал же ты тогда переполоха.

Х

Убийство заинтересовало капитана Смирнова своей бессмысленностью. Убитый, рабочий Городищенского номерного завода, Федоров, судя по сообщению областного Управления милиции, был обнаружен поздно ночью милицким патрулем на Первомайском просеке, за продовольственной палаткой, недалеко от своей квартиры.

По заключению судебно-медицинского эксперта смерть наступила около одиннадцати часов вечера от удара тяжелым металлическим предметом, по форме напоминающим

ударную площадь молотка, раздробившим затылочную область черепа.

Осмотр трупа показал, что у убитого похищено ничего не было. Предположение, что убийство совершено с целью ограбления, отпадало. Хотя и не исключалось.

Последние годы в суточных рапортах о происшествиях еще мелькали сообщения о кражах, мошенничествах и хулиганствах, но тут же убийств встречалось все реже и это настораживало.

Бессмысленность преступления, да еще то, что убитый работал на номерном заводе, хорошо известном Смирнову, не могли пройти мимо внимания, и он позвонил в райотдел милиции.

Телефонный разговор не удовлетворил Смирнова, и он, попросив собрать необходимые сведения об убитом и его семье, выехал в Городище.

Ночью прошел небольшой дождь, прибил пыль, и ехать было не так душно. Через час Смирнов уже был в райотделе и разговаривал с заместителем начальника отдела, молодым человеком с университетским значком, по его словам, «выходившим» на преступление.

— Место оценили? — спросил Смирнов.

— А как же, — снисходительно ответил начальник ОУРа, — это же альфа нашей работы.

Смирнов взглянул на оперативника и удивленно спросил:

— Почему альфа?

— Начало, — ответил тот и пояснил: — От первой буквы греческого алфавита.

— А! — понял Смирнов и уже иронически поинтересовался: — А омега?

— Омега — конец, когда раскроем, — не улыбнувшись, спокойно ответил его спутник, — это уж зависит, как освоим алфавит. И видимо, чтобы не тратить время на ненужные разговоры, добавил: — Я филолог, но это не мешает в работе. Пошли! — предложил он.

По дороге старший лейтенант милиции Хозанов, как он представился Смирнову, рассказал об убитом. По его словам, Федоров работал на заводе шесть месяцев, ранее работал в железнодорожных мастерских, здесь же, в Городище. Женат, двое детей. Вел скромный образ жизни, не пил. В Отечественную воевал, был в плену. На заводе и в депо характеризовался положительно. Завкомовцы и товарищи

по цеху в один голос отмечали, что Федоров тихий, замкнутый человек, ни с кем не дружил и не ссорился. В два часа по Первомайскому просеку проходил патруль. У довольственной палатки старший патруля сержант Галимов остановился проверить замки на двери и наткнулся на убитого. О преступлении немедленно сообщил дежурному. После осмотра трупа привели служебно-розыскную собаку. Уверенно взяв след, она повела к железнодорожной станции, но на платформе, повиляв и вынюхав, поспешно выскочившая на проводника, закрутилась. Вернулись обратно, но повторилось то же. След был утерян. Преступники, вероятно, уехали поездом.

— Почему преступники? — перебил его Смирнов.

— Да по следам видно, что было несколько человек.

— На месте следы не затоптаны?

Начальник ОУРа обидчиво улыбнулся:

— Мы свое дело знаем. Правда, дождь помешал, ну да мы как-нибудь разберемся. А что, вас заинтересовало это дело?

— Вы же знаете, он работал на специальном объекте. — Смирнову не хотелось говорить о неясном чувстве тревоги, которой не мог бы объяснить. Мелькнула мысль, что он полез не в свое дело, не согласовав даже с Агаповым.

Хозанов понимающе кивнул головой.

— Так ничего и не взяли? — перепрыгивая через лужу, чтобы что-нибудь сказать, спросил Смирнов.

— Нет, ничего, — обойдя ямку с водой, ответил Хозанов. — И часы, и документы, и деньги целы. Денег, правда, немного, всего четыре рубля.

— С женой убитого разговаривали?

— Рано утром посылал к ней сотрудника. Хотел пойти сам — раз приехали, пойдем вместе.

...У закрытой ставнями палатки похаживал милиционер. Он кивнул и доложил, что похороны задерживаются, но он ее «не допустил», и она побежала в райпищеторг.

Хозанов и Смирнов обошли палатку и осторожно по краю небольшой вытоптанной площадки подошли к двери. Вокруг дощатого домика плотной стеной стоял кустарник, вдоль которого тесно, в два ряда, виселись порошки ящики из-под товаров. У дверей на приступке темнело пятно. За кустарником шелестел большой раскидистый тополь, укутанный белым роем пуха. Тихо, пусто, буднично.

Смирнов внимательно обежал глазами площадку и кустарник и, убедившись, что делать здесь нечего, вернулся на улицу. Следом за ним вышел Хозанов, о чем-то поговорил с милиционером и, обернувшись к Смирнову, с иронией поинтересовался:

— Ну как, ничего не нашли?

— После вас найдешь, как же! — в тон ему ответил Смирнов.

Об убийстве, видимо, стало известно — проходившие по улице, рассматривая милиционера и стоявших штатских, замедляли шаги и, пройдя, обязательно оглядывались.

— Пойдем к Федоровой? — предложил Хозанов.

Маленький одноэтажный деревянный домик прятался в гуще зелени. Перед домиком садик с врытыми в землю круглым зеленым столом и скамейкой, рядом виднелись грядки небольшого, аккуратно разделанного огорода. На стук вышла женщина лет пятидесяти с заплаканными глазами.

Смирнов понял — Федорова! Но на всякий случай спросил.

Женщина устало кивнула головой.

— Были уже ваши, — сказала она. — А ну, в комнату! — прикрикнула она на две ребячьи любопытные головы, высунувшиеся из окна.

— Мы ненадолго, хозяйка, поговорить надо, — сказал Хозанов и, не ожидая приглашения, первым вошел в комнату...

Продолжая всхлипывать и поминутно вытирая ладонью заплаканное лицо, женщина рассказала о своей жизни. Вначале медленно, неохотно вспоминала, как жили, строили вот этот домик, обзаводились хозяйством, как пошла дети. Был он тихим, хозяйственным. «Работник!» — сказала она.

Видно, здорово помотала его жизнь. Любил дом, же-
...
охотно рассказывал, как воевал, как попал раненым в плен.

— Дружил с кем-нибудь Григорий Самсонович? Бывали у вас люди? — спросил Хозанов.

Женщина замотала головой:

— Нет, нет.

— Так никто и не бывал?

— Нет, никто. Сам-то и соседей не любил. Все дома по

хозяйству. Книжки иногда читал, — она кивнула головой на полку.

Смирнов подошел к книгам: Пушкин, «Война и мир», «Овод», «И один в поле воин», «За проволокой», «Сказки народов СССР», «Военнопленные», «Молодая гвардия», «Военная тайна» Шейнина... Смирнов любил рассматривать старые библиотеки, пытаясь по ним опоеделить хозяина книг, его вкусы, интересы, но сейчас ничего не получилось.

— Карточки мужа у вас нет? — поинтересовался он, думая, что это поможет ему.

Оказалось, что есть, только старая.

— Что так мало?

Женщина ответила, что муж не любил сниматься.

— А родных не было?

— Один он. Родители еще до войны умерли.

— Как думаете, из-за чего это? — спросил Хозанов.

Вы уж простите, приходится расспрашивать. А то недругов не было, ни с кем не ссорился, ничего не взяли, и такое случилось.

Женщина заплакала:

— Ума не приложу, с чего бы это.

— И на заводе ни с кем не ссорился? Может, расстроенный приходил с работы, ничего не говорил? — спросил Смирнов.

— Да нет, молчун он. Говорил мало, — вяло ответила женщина.

— Мамка, а дяди, что раньше приходили? — из-за угла подсказал один из сыновей.

— Это какие? — обернулась женщина к детям.

— Что из Москвы приезжали, — напомнил второй, старший.

— Кто это? — поинтересовался Хозанов.

— Не говорил он. Еще по весне приезжали двое, он в садик вышел, поговорил с ними, пошумели они чего-то и уехали. Спрашивала я, кто такие. Из Москвы, говорит, знакомые. Не знаю я их, и он никогда не рассказывал.

— Приметы их не вспомните? — попросил Смирнов.

Федорова задумалась:

— Один плотный такой, рябой, седоватый, с плечиной.

— Высокий? — перебил ее, записывая, Хозанов.

— Этот нет. Вот второй повыше, худой.

— Нос у него длинный,— выкрикнул из угла один из ребят.

— А ну, давай сюда,— позвал их Хозанов,— помогайте вспоминать.

Подталкивая друг друга, мальчики нерешительно подошли к столу.

— Ну, так какие же они?— притянул за руку старшего Смирнов.

Со слов ребят и матери, понемногу вспоминаявших приезжих, постепенно вырисовывались черты незнакомцев. Дети, перебивая друг друга и споря, рассказывали о них такие детали, на которые вряд ли обратил бы внимание взрослый. Это превращалось для них в увлекательную игру, заразившую мать.

— А одеты как?— продолжая записывать, спросил Хозанов.

И снова каждый из них вспоминал, подсказывал, поправлял друг друга. Через некоторое время, еще не зная, сможет ли это помочь раскрытию убийства, Смирнов и Хозанов могли нарисовать портреты московских незнакомцев. Итак, один коренастый, в рябинку, седой, с плешинкой на макушке, с красным лицом, узкими глазами и нависшими бровями. Одет в черную кепку, черное подержанное пальто, в сапогах. Второй — высокий, худощавый, сутулый, тоже седой, с белым лицом и большим носом. В короткой коричневой куртке, серой кепке и темных ботинках.

В окно постучали. Женщина испуганно оглянулась и вышла в тамбур, но через мгновение возвратилась.

— Вас спрашивают,— взглянула она на Хозанова. Тот вышел на улицу.

— Кто это?— спросил ее Смирнов.

— Из ваших, что утром приходил,— ответила она.

— И что, те двое больше не приезжали?

— Нет!— в один голос ответили мать и дочь. Собой теперь считали себя полноправными собеседниками, но, исчерпав тему, тянулись к окну, за которым стоял Хозанов и разговаривал с каким-то мужчиной.

— Товарищ Смирнов!— послышалось со двора.— На минуту!

Офицер поднялся и вышел в садик.

Хозанов схватил его за руку:

— Эти двое вчера поздно вечером были здесь. Стояли и разговаривали с Федоровым. Потом он ушел в дом, через

несколько минут вышел и пошел с ними в сторону железной дороги...

— Откуда это известно? — взволнованно спросил Смирнов.

— Вот мой оперуполномоченный, — Хозанов кивнул на мужчину, — установил свидетелей. Если вас все это интересует — давайте поговорим с народом.

— Сейчас!

Смирнов вернулся в дом.

— Когда ваш муж пришел домой?

Женщина подняла от стола заплаканное лицо:

— Поздно!

— И не уходил больше?

— Нет, переоделся, сказал, что пойдет ненадолго по делу, и ушел! — ответила она.

— Ну, пока прощайте. Я еще зайду.

XI

Уже стемнело, когда Кемминг вышел из дома и сел в стоявшую у подъезда машину. Проскочив набережную и Кропоткинскую площадь, он выехал на Волхонку. У Музея изобразительных искусств остановился, обошел машину, постучал ногой по покрышкам и, посмотрев по сторонам, поехал. На площади Революции, поравнявшись с «Метрополем», развернулся и встал в ряд автомобилей. Взглянув на часы, Кемминг вышел из машины и направился в кафе.

Здесь его знали. Швейцар поклонился как старому знакомому и открыл дверь. Когда Кемминг прошел, он кивнул гардеробщику:

— Трезвый сегодня!

— Не беспокойся, сейчас наберется! — заверил его тот, но в первый раз ошибся...

Через несколько минут Кемминг возвратился на улицу и сел в машину. На Кузнецком мосту чуть не наехал на переходившую улицу женщину, сквозь зубы выругался, но, когда она укоризненно покачала головой, тотчас же улыбнулся ей. Он действительно был трезв. Несколько рюмок «столичной» (это было единственное, что ему нравилось у этих русских), выпитых на ходу в кафе, явно недостаточно для того, чтобы он смог почувствовать себя в привычной

норме. Кемминг был трезв, зол и успокаивал себя, что позднее наверстает упущенное.

Дневной разговор с шефом доставил ему несколько неприятных минут. Атташе был недоволен и едко охарактеризовал его работу.

— Вы долго будете возиться с этим мальчиком, Реджи? — перелистывая только что полученный номер «Лайфа», спросил он, когда Кемминг рассказал о встрече в зоопарке.

— Это золотой мальчик, сэр, — пообещал Кемминг и, немного подумав, на всякий случай добавил: — Конечно, если все будет о'кей.

— С этой женщиной у него что-нибудь серьезное? — поинтересовался шеф.

— Несомненно. Поверьте, этот ребенок будет наш. Женщина знает свое дело и стоит дороже, чем обходится нам.

— Будьте осторожны, Реджинальд, — предупредил атташе, — я не очень верю русским детям. Они чертовски мешают нам. Я немного знаю отца этого мальчика, генерала Орлова...

— Отца?

— Да, отца. Такого, как я ваш. Он здорово портит нервы боссу, а многим из наших сломал голову. Пообещайте Гутман — в случае успеха она съездит в этом году в свою Ялту. Кстати, пусть там припомнит, как уронила в воду пакет. Между прочим, это и ваша вина, а неприятности имел я.

— Она хорошая баба, сэр, и выполнит поручение! — заверил Кемминг.

— Я рад за вас, Реджи, — шеф усмехнулся. — Когда мальчик будет готов, давайте его мне. Я выжму его, как лимон. И еще раз будьте осторожны, я сообщил об операции в Вашингтон. Если сорвется — пеняйте на себя.

— Не сорвется, ручаюсь головой, — уверенно сказал Кемминг.

— В Амане и в Бейруте вы также ручались этой не самой важной частью своего тела, — с иронией напомнил атташе. — И меньше пейте. Здесь это опасно. Генерал Брэдли перед встречей с русскими всегда принимал флакон минерального масла. Последуйте этому примеру, если не можете не пить!

Каждый раз, когда он хотел уколоть Кемминга (как будто другие пили меньше его), он вспоминал о неудачах,

стоявших уйму денег и сыгравших в одном случае на руку Англии, а в другом — арабским националистам. После этих провалов Кемминг был убежден, что не удержится на работе, но выручил счастливый случай. Шефа назначили в Москву, особенно желающих ехать туда не было, и он взял его с собой.

— Как этот инженер? Вы передали ему «Контакс»? — вспомнил шеф.

— Да! — Кемминг даже передернулся от неприятного воспоминания.

— И что же, до сих пор он не может сфотографировать интересующую нас площадку?

Не зная, что сказать, Кемминг развел руками — видимо, трудно!

— Мне уже напоминали о срочности задания. Когда вы встречаетесь с ним?

— Сегодня вечером.

— Где?

— Там же.

— Напомните, что это надо сделать срочно.

— Есть, сэр.

— Как ведут себя наши «друзья» из Комитета безопасности? — поинтересовался шеф. — Не опекают?

— Нет, все в порядке.

— Порядке, порядке, — недовольно повторил атташе, — не доверяйте этой тишине. Они любезны и предупредительны, но мы достаточно скомпрометированы, и нам не верят. Как с Городищем?

— Выполнено.

— Убивать — это кажется, единственное, что вы умеете, — снова съязвил шеф. — У кого вы научились этому?

— У вас, сэр, — отпарировал Кемминг.

— Неужели только этому? — холодно спросил шеф, вставая. — На завод надо послать нашего человека! — напомнил он.

Кемминг понял, что может быть свободным.

Когда он был в дверях, атташе предупредил:

— Смотрите, Кемминг, если этот мальчик сорвется — вы можете вернуться в Штаты безработным, — и, не прощавшись, уткнулся в «Лайф»...

Сейчас, сидя в машине и вспоминая этот разговор, Кемминг дал волю накопившейся злобе. «Старый павиан! — думал он. — Хорошо, когда у тебя такие связи»...

Кемминг был прав. Действительно, знакомство с Луисом Джонсоном, бывшим в то время министром обороны, и близость к «миссурийской шайке»¹ дали возможность его шефу, тогда тридцатилетнему инженеру «Кертис — Райт Корпорейшен» поступить в ФБР. Неудавшаяся провокация в Сан-Франциско² не отразилась на его карьере, наоборот, правящая верхушка увидела в нем человека, не брезгающего ничем для достижения поставленной цели, и он был переведен на военно-дипломатическую работу. «Закон о Центральном разведывательном управлении», подписанный Трумэном в сорок девятом, открыл огромные возможности и широкое поле деятельности. Латинская Америка сменилась Южным Вьетнамом, потом хитро закрученными интригами в Иордании и Сирии продолжительной поездкой в Италию и, наконец, в СССР! После провалов в Аравии Кемминг думал, что с шефом кончено, но тот выкрутился да еще вытащил и Кемминга. И это несмотря на шум, поднятый «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк уорлд телеграф» и другими крупными газетами. Нет, связи его, несмотря на ошибки и уход с арены дружков, крепили. Кемминг не любил шефа и глухо, безнадежно завидовал ему, хотя и отдавал должное его уму, энергии и изворотливости.

Перед отъездом в эту чертову страну шефа и его принял «сам». Совладелец крупной адвокатской фирмы, ставленник и любимец Уолл-стрита, сутуловатый, начинающий полнеть мужчина, с крупным лошадиным лицом и мутными белесыми глазами, посмеялся над наивностью русских, давших «агреман» на назначение шефа военным атташе, короткими отрывистыми словами объяснил обстановку и наметил план работы. За внешней простотой, демократичностью и панибратским похлопыванием по плечу собеседника угадывался жестокий, безжалостный хищник, цепко держащийся за власть и возможность диктовать свои желания. И как во стране, Кемминг, подоспел, делавший всю грязную работу, боявшийся его гнева, довольно похихикивал, когда узнавал о каком-нибудь очередном промахе.

¹ «Миссурийская шайка» — влиятельная группа, окружавшая бывшего президента США Гарри С. Трумэна.

² В 1946 году ФБР арестовало сотрудника советской военной морской миссии лейтенанта Николая Редина, пытаясь обвинить его в шпионаже, но провокация была очевидна, и Редин был оправдан.

Конечно, если это не было связано с фигурой самого Кемминга и не могло отразиться на нем самом.

Заветной мечтой было сделать бизнес, отхватить кучу денег и уйти на покой. Маленький домик на Западном побережье (он даже присмотрел небольшой участок недалеко от Лос-Анжелоса), пальмы, десяток апельсиновых деревьев, вечный, неназойливый шум океанского прибоя; жаркая истома и тишина. Днем — кейф, вечером — бар, с неторопливой беседой с соседом по столику, ночью — со своей женщиной, женой, подругой — все равно. Все! Это было пределом мечты.

Плевал он тогда и на шефа и на «самого». Плевал на русских с их «тарелочками» и ракетами, на китайцев, арабов, немцев, на всех. Ради такой мечты таскался он по миру, переодевался в трепье, считая его местной униформой, делал любые пакости, убивал, покорно терпел хамство и пренебрежение своего счастливчика шефа.

Сейчас мечта была, как никогда, близка к осуществлению. Он поставил на эту лошадку, на этого Маркова! Любыми средствами она должна была прийти первой. Он знал, что в сейфе проклятого научно-исследовательского института, где работал инженер Полонский, лежал его домик, садик, морской прибор, бар и женщина... Но инженер не мог для него засунуть туда руку. Вот потому-то в голове и возникла эта комбинация. Во всем мире это было бы несложно, стоило бы больше или меньше (все хотят иметь свой домик!), но здесь?.. как она отвернула морду, эта потаскуха — он вспомнил женщину-шофера, которой дал пачку «Кемэл». Эта Гаганова, прядильщица из Калинина, сделала бизнес, о ней все время пишут в газетах, но у нее нет своей чековой книжки. Нет ее и у Николая Мама, шахтера из Донбасса — члена большевистского конгресса. «Ого! — представив себя на его месте, ухмыльнулся Кемминг. — Я бы тогда стоил дорого», — подумал он. Нет, нет, он не понимал эту страну!.. Кемминг поднял голову — у ветрового стекла автомобиля стоял орудовец и, приложив руку к козырьку, делал ему замечания. Оказывается, он задержал движение. Кемминг улыбнулся, развел руками — не понимаю по-русски! — и включил скорость...

Он опоздал. Полонский сидел в затененной аллее, в дальнем углу сада, рядом с книжным киоском. В десятке

метров от него. На ярко освещенной веранде, звенели стаканы, слышался говор и звуки настраиваемых инструментов, пробегали с подносами официанты, а он пугливо вглядывался в темноту, ерзал по скамейке и проклинал себя, что пришел. Увидев идущего по аллее канадца, он порывисто встал, но тотчас же сел.

— Хэлло, Анатолий Андреевич!— медленно выговаривая трудное для него имя, сказал Бреккер, пожал мягкую влажную руку инженера и тяжело плюхнулся рядом. Как дела? Надеюсь, вы принесли снимки этого проклятого...

— Тише, ради бога, тише!— умоляюще попросил Полонский.

— Что тише?— делая вид, что не понимает причины страха, спросил Бреккер. Почувствовав на своем рукаве руку русского, он усмехнулся:— Олл райт! Хорошо, будем говорить тихо. Где снимки?

— Я же передал их вам вместе с фотоаппаратом,— удивленно ответил Полонский.

— Нужно такие же еще!

— С пленки можно перепечатать любое количество копий!— сказал инженер.

Бреккера злила этот непонятливый русский. Не мог же он сказать ему, что потерял и аппарат и пленку.

— Я знаю это лучше вас, нужна другая катушка, еще катушка,— думая, что русский его не понял, повторил он.— Аппарат я дам.

— Нет, нет, я не могу больше,— запротестовал Полонский.

— Это нужно сделать!— наблюдая за своим собеседником, настойчиво повторил Бреккер.

Инженер замотал головой:

— Прошлый раз я случайно попал туда. С комиссией. Теперь это невозможно.

— Черт возьми, нам нужны снимки, мы платим за это. Вам известно, что мы платим?— раз спросил канадец.

Полонский пожегил и ничего не ответил.

— Вы знаете, что мы делаем с людьми, которые, работая на нас, отказываются?— спросил Бреккер и, увидев широко раскрытые, испуганные глаза инженера, окончил:— Мы передаем их в руки следственных властей. У вас в России за шпионаж, кажется, расстреливают, не так ли?

На глазах у Полонского выступили слезы. Он протянул руку к канадцу и умоляюще попросил:

— Пошадите, я верну все, что получил...

— Ели вы не прекратите вытье, я вас ударю! — оттолкнув руку инженера, резко сказал Бреккер.

— Пожалейте, у меня жена и дети, — продолжая плакать, прошептал Полонский.

— Тем хуже для вас. Имея жену и детей, в Ялте вы путались черт знает с кем. И тратили на это деньги.

— Но это была ваша знакомая! — пытался закричать Полонский. — Это она познакомила меня с вами!

Надо было кончать. Бреккер резко тряхнул инженера за плечи и, глядя в глаза, отчеканил:

— Хорошо. Выполните это поручение, и мы расстанемся. Когда вы сделаете?

Полонский, не поднимая головы, беспомощно пожал плечами.

— Я позвоню через три дня, в пятницу! — Бреккер поднялся и, не прощаясь, направился в сторону матовых огней ресторана.

В конце аллеи он обернулся — на скамейке по-прежнему неподвижно сутулилась фигура Полонского. Бреккеру показалось, что он слышит, как инженер плачет. Он усмехнулся и, насвистывая «Сан-Луи», вошел в зал. Ему захотелось выпить, чтобы ни о чем не думать, хотя бы до утра.

XII

Телефонного звонка не было уже два дня. Сейчас семь часов. Неужели не будет и сегодня? Нервничая, Марков то вставал из-за стола и ходил по комнате, то бросался в кресло и, глядя на молчавший телефон, гипнотизировал его. Ну звони, звони же! Но телефон молчал. Час назад Марков бросился к аппарату, совола тоубку — Агапов. Разговор с ним настораживал.

— Без перемен?

— Да.

— Не собираешься уходить?

— Подожду немного.

— Хорошо. Попозже позвони мне. Есть новости! — подчеркнул Агапов.

— Связано с делом?

— Да.

Марков положил трубку. «Связано с делом,— подумал он,— видимо, зафиксирована встреча с Кеммингом... Что ж, посмотрим, как будут развиваться события...» И снова заходил по кабинету. Взглянул на часы: семь тридцать. Теперь пора! Он подошел к сейфу, проверил, закрыт ли он, и направился к двери. Здесь его и нагнал телефонный звонок. Марков вздрогнул, точно кто-то ударил его в спину, остановился, ожидая повторного сигнала. И когда он раздался, бросился к столу. Схватил трубку, не сомневаясь, что это она, Ирина. Как ему хотелось в эту минуту, чтобы все, что он знал о ней, было ошибкой, чтобы слова и поступки не были продиктованы чужой, злой волей.

— Слушаю,— сказал он, стараясь скрыть охватившее его волнение.

— Это я,— голос донесся откуда-то издалека.

— Здравствуйте, Ирина.

— Вы заняты?

— Да, работаю.

— В такой вечер?

— И вчера, и позавчера были точно такие же, Ирина,— сказал Марков.

Женщина промолчала.

«Не поняла или не нашла что ответить?»

— Я хочу вас видеть,— попросила она после короткой паузы.

— Вы только сегодня захотели этого?— от его бывлой растерянности не осталось и следа.

Женщина не ответила. В трубке что-то щелкнуло.

— Вы слышите меня, Ирина?

— Да, да,— заторопилась она. Сейчас ее голос слышался отчетливее, стал ближе.— Нам нужно встретиться — сейчас же... пожалуйста...

И вдруг нелепая мысль прорезала мозг — отказаться. Во всяком случае, сейчас, сегодня. Если будет настаивать, значит, так требует Кемминг. А если нет? То же самое, его инструкция! Нет, не отступать от принятого плана.

— Откуда вы говорите?

— Недалеко.— Голос женщины снова стал глуше.

«Первая ошибка!— отметил Марков.— Откуда она знает, где находится институт?»

— А точнее?

— У Белорусского вокзала. Я жду вас у входа в метро.

— А вы убеждены, что я недалеко?

Женщина помолчала, потом тихо, но твердо сказала:

— Да.

Маркова удивила смелость и прямота, с которой это было сказано. Ему показалось, что на другом конце провода зашептались, потом скрипнула дверь.

— Хорошо. Я выхожу.— Марков положил трубку на рычаг и быстро направился к дверям. Звонить Агапову было бессмысленно. Марков понимал, что с Гутман, Кем-миной, а теперь и с него не спускают глаз.

Выйдя из подъезда, он осмотрелся... и невольно отступил назад. На противоположной стороне стояла Ирина. Марков быстро перешел улицу, подошел к женщине.

— Вы здесь?— спросил он удивленно.

Она выпрямилась, резко вскинула голову:

— Да!— Голос и поза были новыми, незнакомыми.

Марков всмотрелся в лицо женщины и почувствовал, что сейчас, в эту минуту, она слабее его.

— Вы очень быстро пришли,— с иронией сказал он.

— Я звонила отсюда,— женщина кивнула на телефонную будку у газетного киоска.

— Для чего нужна была эта ложь?— спросил Марков.

Ирина помолчала, потом после короткой паузы выдохнула:

— Боялась, что вы не придете.

— Почему?

Она пожала плечами и, не ответив, ссутулясь, прошла несколько шагов в глубь переулка, сейчас безлюдного и из-за густо посаженных деревьев темного. Остановилась, повернула голову, точно приглашая идти за ней. Марков усмехнулся — враг? Жалкий, понурившийся, с глазами, полными растерянности и тревоги. Разве бывают такие враги? Или это тоже игра? Что ж, посмотрим!.. Марков готов был к поединку.

Женщина протянула руку, и он почувствовал, что она дрожит. Она мгновенно в этот момент подавила в себе это чувство.

— Что ж, так и будем стоять?— спросил он, любясь собой, своей выдержкой.

— Нет, нет,— заторопилась она, и сжав руку Маркова, потянула к себе.

— Куда же мы пойдем?

Женщина оглянулась.

— Где нет людей.

Марков посмотрел в опущенное лицо.

— Что с вами?

— Не знаю, — одними губами ответила она, продолжая оглядываться. — Уйдемте отсюда.

— Куда?

— Все равно, — голос женщины дрожал.

— Что вас томит, что случилось? — спросил Марков.

Она беспокойно повела головой, избегая его взгляда, но он посмотрел ей в глаза и увидел в них такую пустоту, такую растерянность, что на мгновение забыл, кто она. Он не привык смотреть спокойно на человеческое горе, а в том, что это горе, ни на минуту не сомневался. Ведь даже Орлов, прошедший трудный жизненный путь, свидетель людских падений, верил, что еще не все потеряно. Иначе зачем было устраивать всю эту игру! Да что Орлов — Агапов, суховатый и осторожный, постоянно сомневающийся, и тот...

— Хорошо. Идем! — Он взял женщину под руку и пошел к освещенному перекрестку. Шли молча. Поддерживая Ирину за локоть, он чувствовал ее взволнованность, и, как ни странно, это действовало на него успокаивающе. Переулок был пуст, и, только проходя мимо здания клуба, он увидел у входа группу молодежи. На перекрестке они остановились. Справа высилась залитая огнями громада здания, влево тенистая улица уходила к Ленинградскому проспекту. Сейчас Марков отчетливо видел лицо Ирины — и то, которое он запомнил с первой встречи, и другое, новое, увиденное только сегодня. Еще раньше он заметил, что она сутулится, — сейчас это резко бросалось в глаза. Казалось, что-то придавило ее, временами она пытается подняться, распрямиться, но снова никнет, бессильная побороть свое горе. Но даже сейчас, думая, что Марков этого не видит, она оглядывала улицу, точно ей грозила опасность. Почти бесшумно мимо прошел переполненный автобус, и, если бы не лизнувший их яркий свет, они бы его не заметили.

Они перешли улицу и пошли по аллее. Все скамейки были заняты. Ирине показалось, что одна из них свободна, и она бросилась туда. Но на ней спал мужчина. Свет от фонаря лежал на его лице. Наконец после долгих поисков они нашли, что искали, — в самом конце бульвара, в глубине аллеи. Прикрытая разросшимся кустарником, скамейка пряталась от глаз прохожих, но была открыта улице.

— Здесь?— спросил Марков. Ирина кивнула и, не глядя на своего спутника, села. Фары прошедшей машины осветили ее. Она выпрямилась, губы были сжаты, на лице была решимость. После короткого молчания она медленно сказала:

— Спасибо, что пришли,— и оглянулась вокруг.

Марков пожал плечами. Нелепая беготня по улицам, по-иски скамейки, слова, от которых несло истерикой,— утомили, вызвали раздражение, и если бы не обязанность, он встал бы и ушел. Ему показалось, что интерес к ее судьбе, да что греха таить, и к ней самой погас. Ошибся, не разобравшись. Думая так, он взглянул в глаза Ирины и понял, что все это ложь, что по-прежнему тянет к ней, что жаль ее бесконечно. Как хотелось ему убедить себя в том, что дело еще не зашло так далеко, чтобы исключить возможность спасти ее. Ведь именно такую мысль высказал и Орлов, когда Марков просил освободить его от участия в операции. Тогда он отказался и сразу же понял, что заменить его некем. Кемминг целится в него, и «подставить» другого нельзя..

— С вами не работает инженер... инженер... Не могу вспомнить его фамилии... Подождите, его зовут Анатолий... Андреевич. Да, да, Анатолий Андреевич,— от волнения она даже подалась вперед.

— Анатолий Андреевич? — переспросил Марков и после короткой паузы ответил:— Нет, не знаю!— хотя сразу понял, о ком она говорила.

— Но он работает в этом же здании, где и вы,— продолжала допытываться Ирина,— среднего роста, лет сорока пяти.

«Неужели так примитивно решил действовать Кемминг?»— подумал Марков.

Всего выдать себя, он устремил взгляд вверх и, точно вспоминая, растягивая слова, спросил:

— Вы сказали—Анатолий Андреевич? Нет. Не знаю. А зачем это вам?— сейчас Марков, не отрываясь, смотрел в лицо Ирины, но она выдержала этот взгляд.

— Постарайтесь вспомнить,— попросила она и совсем тихо добавила:— Это очень важно... для меня...

Бульвар, оказывается, не был пуст. Мимо них то и дело проходили люди, одни быстро, видимо торопясь домой, другие медленно прогуливались по аллее, отдыхая от дневной жары. С соседних скамеек доносился шепот, сдержанный

смех, мелькали огни фар, освещавшие кустарник, сидевших на бульваре. Где-то рядом тихо запели. Среди голосов выделялся один. Широкий и теплый. Он плыл над хором, вел за собой. Знакомая песня. О журавлях, курлыкающим треугольником скользящих по высокому, темному небу. «До свиданья, птицы, путь счастливый!» — прощался певец со стаей, покидающей родную землю, и в голосе была не то горечь расставания, не то зависть. «До свиданья, птицы, путь счастливый!» — повторил он и замолк. Отгоняя от себя песню, Марков тряхнул головой и взглянул на женщину. Побледневшая, она подалась вперед, вытянутые руки лежали на коленях — тоже слушала.

— Хорошая песня! — медленно сказал Марков.

Женщина вздрогнула, торопливо достала сигарету, зачиркала спичками, но они гасли. Наконец от одной из них она закурила.

«Совсем как тогда, в парке», — горько подумал Марков.

— Мне показалось... — она замялась, — мне показалось, что вы хорошо относитесь ко мне.

— К чему это?

Ирина опустила голову, но тотчас же подняла ее.

— Нам нужно поговорить, — сказала она одним дыханием.

— Но для этого мы и пришли сюда.

— Я вас привела сюда, — поправила она. — Но не здесь.

— Ирина! Не прошло и часа, как вы дважды солгали, дважды сказали неправду, потом допытывались о каком-то инженерере. Потом интересовались моим отношением к вам. Что все это значит? Кто вы, Ирина? — сказал он мягко. — Ведь я ничего о вас не знаю... И, наконец, что вы знаете обо мне? — закончил он после короткой паузы.

— Ничего. Но чувствую, что вам грозит опасность.

— Опасность? — Марков улыбнулся. — Уж не преследует ли вас ваш бывший муж?

— У меня нет и не было мужа.

— Значит, солгали еще раз?

— Да. Я пришла, чтобы рассказать вам все. Но только уйдем отсюда, прошу вас, — сказала она и снова оглядела темные кусты.

— Куда же?

— Куда хотите!

— Хорошо, — после минутного колебания согласился

Марков,— но, прежде чем мы пойдем, обещайте говорить все. Честно и прямо. Даете слово?

Она подняла голову.

— Неужели вы не поняли?— сказала она с укоризной.

Марков кивнул.

— Теперь понял. Идемте!

Видимо, Орлов был прав — еще не все погибло...

В трехстворчатом окне, на фоне темнеющего неба, четко вырисовывались ветви большого, раскидистого тополя. Порывы ветра шевелили листья, и было видно, как они дрожали и серебрились.

На небольшом столике лежал желтый круг лампы. Вечерние сумерки еще боролись со светом электричества, но постепенно уступали, уходили из комнаты, и от этого она становилась таинственной и загадочной. В угловом кресле чернела фигура женщины, лица не разобрать — белели только руки, усталые и растерянные.

— Мы все знали, Ирина!— сдерживая волнение, сказал Сергей, когда женщина замолчала. Сказал и почувствовал, что она вздрогнула.

— Знали?— вывалось у нее.— Кто знал, кто это мы?— крикнула она. В голосе дрожали слезы.

— Тише, тише,— попросил Сергей.— Мы! Те, кто должен был знать!— Он подошел вплотную, взял ее холодные руки и, с трудом различая черты лица, увидел, что она плачет.

— Знал и молчал...— голос ее был враждебен.

— Ждал, когда заговоришь ты.

— Что ж, арестуй меня,— отодвигаясь к стене, устало пробормотала она.

Неожиданно для себя Сергей шагнул к женщине, сжал ей плечи:

— Ты дорога мне. Понимаешь? Дорога!

Такая?— она вскинула голову

— Да. Такая! Когда между нами окончилась война, когда нет лжи, когда, наконец, могу сказать тебе об этом...

— Меня нельзя любить,— упрямо перебила она, с отчаянием думая, что может потерять его.

— Сядь! Слушай внимательно! Все, что сказала сейчас, ты должна повторить одному человеку...

— Сейчас?

— Да. Я позвоню, он придет.

За окном, по ту сторону переулка, запел патефонный голос, шипя, жаловался на одиночество, умолял вернуться. Ирина молчала, точно вслушивалась в слова песни. Потом тихо спросила:

— Кто он?

— Друг!

— Друг?— она усмехнулась.— Не знала, что у меня есть друзья...

Они вернут тебя. Ты только, как сонная, не видишь их.

— Друзья!— горько улыбнулась она, вспомнив Фреди, Панина, канадца. И точно зная, о чем она думает, Сергей перебил ее:

— Неужели мир так ограничен? Компания стилияг, женатый подлец, этот «журналист»... И по ним ты судишь о человечестве?

Ирина с изумлением взглянула на Сергея.

— Ты читаешь мои мысли,— сказала она.

Он пожал плечами:

— Это не трудно. Достаточно знать твою горе и то, что привело тебя к этому человеку.

— Ты говоришь о канадце?— спросила она.

Марков кивнул.

Женщина пошатнулась, тяжело опустилась в кресло, сжала руками голову и сейчас же услышала щелканье диска телефонного аппарата. Сергей набрал номер, назвал себя. Ирина прислушалась — он говорил о ней. Потом положил трубку, включил свет, но она подняла голову, прикрыла ладонью глаза. В комнате опять стало темно. «В жизни раз бывает восемнадцать лет...»—растягивая слова, за окном снова запела патефонная пластинка. «Восемнадцать лет, восемнадцать лет»,— не замечая, что говорит вслух, вполголоса повторил Сергей. Мотив не отставал, мешал думать. «Восемнадцать лет»,— песня ворошила в памяти те детские воспоминания чуть-чуть зашемило сердце. На его плечо легла робкая, неуверенная рука.

— Страшно мне, Сережа,— в голосе женщины звучали тоска, мольба о помощи.

Он поднялся, погладил волосы Ирины, пытаясь вернуть ей уверенность, силу.

— Неужели ты могла подумать, что мы отдадим тебя им?

Это было сигналом — «не ушел, не оттолкнул!».

Словно боясь потерять, она схватила руку Сергея, прижала к своему заплаканному лицу. Тик-так, тик-так — где-то в углу отбивал секунды старый отцовский будильник, скрипел как сверчок — тик-так, тик-так, напоминал о времени. «Так бы и стоять в тишине, ни о чем не думать, ничего не ждать, не ждать» — не отпуская руки, думала Ирина.

— Я больше чем друг тебе! Невжели ты не видишь, не чувствуешь это? Как же я могу не быть рядом с тобой! — взволнованно сказал Сергей и насторожился. Внизу, под окном, фыркнула машина, скрипнули тормоза, хлопнула дверь. Он отнял руку от лица женщины.

— Это к нам.

— Поздно. Мне нельзя помочь! — не поднимая головы, вздохнула она.

Резкий звонок рассыпался по коридору. Сергей включил свет, пригладил волосы и пошел к дверям. Выходя из комнаты, он обернулся — вид согнувшейся, застывшей в кресле фигурки наполнил тревогой его сердце.

Все начиналось сначала... Или было концом?..

Ночь. Тишина. Ветер, бьющий о железный подоконник. Все так же, как несколько часов назад. Все так же. Только усталость. Ирина по-прежнему сидела в кресле, точно ничего не случилось, ничего не изменилось...

Прикрыв глаза, вспоминала лицо человека, еще недавно сидевшего напротив нее. Его глаза. Немолодые, внимательные, все понимавшие. Добрые... и строгие! Как она боялась этого разговора — она улыбнулась, вспомнив свои страхи. Теперь все прошло. Все, кроме усталости. Вот так сидеть, смотреть в темноту, слушать затихающие шумы улицы, шарканье ног прохожих, шелест машин, ждать. Ждать, когда откroется дверь! Кто они, ребята? Кто она, эти люди, решающие сейчас ее судьбу? Верить им? Она ведь верила, а ее обманули. Кто он, этот человек, назвавшийся Агаповым? Почему поверила, все рассказала? Легко, без усилий и той брезгливости к себе, пришедшей к ней совсем недавно. Значит, кроме веры в любимого, есть еще другое? «Уважение», — сказала она громко. Она хотела забыть прошлое, все забыть. А он сказал, что забывать нельзя. Ничего! За-

бывать — удел слабых. Надо иметь мужество помнить. Все! И доброе, и злое, потому что злого, враждебного на земле еще много. Он говорил, а ей хотелось тогда одного — покоя и тишины. Сейчас она начинала сомневаться в этом. Где эта тишина? «Мы не отдадим тебя!» — сказал Сергей. В каждой фразе, каждом взгляде Агапова она чувствовала то же. Решимость и спокойную уверенность!.. Нет, нет, надо верить, нельзя без веры!

Сколько часов она здесь — час, три, пять? В этот вечер она дважды прожила свою жизнь. «Ну, а дальше, — спросила она себя, — как жить дальше?» Смеет ли она мечтать? Смеет! Что бы ни случилось, она закроет вот так глаза и будет думать о будущем... Зазвонил телефон. Она открыла глаза, прислушалась. Через короткие паузы звонок взрывал тишину, но она, борясь с искушением снять трубку, еще сильнее вжалась в кресло. Наконец звонок поперхнулся, замолчал, стало тихо, и она задремала...

Легкое поглаживание по плечу разбудило. Она вздрогнула. В комнате горел свет, около нее стоял Сергей. Она взглянула на него, в ее глазах был испуг, вопрос, десятки, сотни вопросов. Хотела встать, стоя выслушать приговор себе, своей жизни, но Сергей мягко нажал на ее плечо.

— Сиди! Слушай! Нам предстоит экзамен, тебе и мне. Трудный, очень трудный. Но без него нельзя.

Она не поняла, и Сергей заметил это по ее глазам.

— Еще раз. Ты искренне хочешь другой, настоящей жизни? — спросил он строго, как судья. Ирина кивнула, почувствовала, как озноб мелкой дрожью прошел по телу, что-то оборвалось внутри. Борясь со слабостью, страхом, она, не отрывая глаз, смотрела на Сергея, кивнула головой.

— Ее надо заслужить! — сказал Сергей. — Ты веришь мне?

Кусая губы, чтобы не заплакать, она кивнула снова.

— Успокойся! Слушай! Но помни: даже во сне ты не имеешь права произнести то, что я скажу. Поняла?

— Да! — пытаюсь сосредоточиться, взять себя в руки, ответила она.

— Тогда слушай! — он присел на край кресла. — Внимательно слушай. Принято решение...

И она слушала, не все понимала, но слушала, как губка, впитывая в себя слова единственно близкого, самого родного человека...

На заводе Митин поинтересовался у секретаря, как дело с его заявлением.

Спросив фамилию, девушка направила его к начальнику отдела кадров.

Пройдя по коридору, Митин остановился у знакомой уже двери с табличкой, пригладил волосы, постучал и вошел в кабинет.

Кадровик поднял голову, взглянул на вошедшего и прикрыл рукой лежащие на столе бумаги.

— Ты электрик, оказывается?

«Работнички,— снисходительно усмехнулся Митин.— Заявление и анкету читали, документы смотрели, а ничего не поняли!» Но для вида застенчиво помял в руках кепку и кивнул головой.

— Пойдешь в третий цех. Там монтер нужен,— рассматривая Митина, сказал кадровик,— зарплата подходящая, не то, что рабочим по двору. Да и работа — не бей лежащего... Согласен?

Цех был тот самый! С трудом подавив вспыхнувшую радость оттого, что все складывалось удачно, Митин безразлично пожал плечами — что ж, можно и туда.

— А работа какая? — поинтересовался он.

— А ты не будь любопытным. Что увидишь — помалкивай! Только и делов, — продолжая рассматривать Митина, предупредил кадровик. — Вот бумажку подпиши и иди работай!

«Подписка», — прочитал заголовок Митин. Глаза его забежали по печатному тексту. Читая, он скосил глаза на сидевшего за столом, и на мгновение ему показалось, что тот усмехнулся. Встретившись взглядом с Митиным, кадровик изменился в лице и попытаться скрыть это засмеялся:

— Да ты не беспокойся, заработок приличный, не пожалейшь!

Митин перевел взгляд на бланк, снова перечитал и после короткого раздумья подписал. Положив ручку на место, он снова взглянул на сидящего за столом. Тот продолжал улыбаться, но улыбка была чужой, деланной.

«Крутит чего-то! — подумал Митин, вспомнив, как его приняли первый раз. Неясное чувство тревоги шевельнулось в груди. — Что это он так уговаривает?»

Видимо желая разрядить неловкое молчание, кадровик отложил бумагу в сторону:

— Получай в канцелярии пропуск и иди в цех. Я уже звонил мастеру.

— А документы?— все больше и больше настораживаясь подозрительно спросил Митин

— Они у секретаря. Дня через два зайдешь — получишь!

Митин встал, нахлобучил кепку и, кивнув головой, пошел к дверям.

— Стой, ты куда?

Митин обернулся, внутренне сжался.

— Так велели же в цех.

Кадровик откинулся на спинку стула, облегченно вздохнул.

— А, в цех? Ну, иди!

Митин вышел из комнаты и быстро прошел к секретарю.

— Документы мои у вас?— спросил он.

Девушка вскинула на него глаза:

— А они у начальника. Получайте пропуск.

— Я сейчас!— пробормотал Митин и быстро направился к выходу. Сознание какой-то опасности охватило его. Надо было уходить, немедленно, сейчас же. Ускоряя шаги, он дошел до лестницы, перепрыгивая через ступени, спустился на улицу и, не оглядываясь, побежал в сторону вокзала. Остановить его сейчас можно было только силой...

Ему повезло. На перроне стоял состав. Он вскочил в вагон, высунулся в окно, и в ту же минуту поезд тронулся... Когда платформа осталась позади, Митин снял кепку, вытер вспотевший лоб. «Что, взяли, сволочи? Не на такого напали»,—злорадно подумал он. Паспорт и документы были фальшивые, но это не успокаивало. Надо было бежать, бежать подальше от этого места, этих людей. Но бежать было некуда. Он знал, что американец крепко зажал его в руках, не отпустит, заставит вернуться, проникнуть на завод. «Не пойду!»—вдруг зло заершился он.— Догадались! Ишь как глазами зыркал. В первый раз так еле-еле разговаривал, а сейчас, пожалуйста, прямо в цех. Зарплата подходящая!—передразнил он начальника отдела кадров.— Знаю я твою зарплату—девять граммов свинца». Но радости оттого, что он спастся, ушел, не было. Все равно

опасность могла прийти каждое мгновение. Кругом враги, каждый мог опознать, выдать!..

— Ваш билет? — спросил голос сзади.

Митин резко обернулся — перед ним стоял контролер. Лицо Митина искривилось в заискивающей улыбке:

— Понимаешь, товарищ, на ходу сел, торопился, не успел взять. Я сейчас заплачу... — он торопливо сунул руку в карман.

— На первой остановке сойдем! Вам куда?

— В Москву.

Железнодорожник присвистнул:

— Не в тот поезд сели. Мы в другую сторону, в Александров. — Контролер повернулся и пошел по вагону.

«Может быть, судьба? — идя к дверям, подумал Митин. — Уехать подальше, в Сибирь, в глушь. Скроюсь, поступлю на работу, все забуду. А документы? Карточка-то моя, — вспомнил он, — небось уже ищут!»

Стоя в тамбуре и глядя на мелькавшие за окном, спрятавшиеся в зелени дачи, он задумался. С чего началось его падение, что заставило, как зверя, прятаться от таких же, как он, русских? Плен? Нет, в плен он попал раненый — здесь совесть чиста. Бесчестье пришло позже. В лагере... Голод, вечное, непроходившее желание есть, дикий, животный страх за жизнь, боязнь, что в какой-то день, час назовут его номер... и вместе с другими поведут к дымящимся печам...

Подленькое желание выжить, любой ценой уцелеть, толкнуло на сделку с совестью. С этого началось. Достаточно было только раз показать, что он боится, как его вызвали, потребовали назвать коммунистов. После короткого колебания он подчинился. Названные им бесследно исчезли. Полученная награда — тарелка жидкой похлебки успокоила, но не спасла. О предательстве догадались, начали сторониться. Это озлобило. Достаточно было косого взгляда — он доносился, и человек погибал. Он знал, что его ненавидят и в любую минуту могут убить. Но здесь все же был шанс уцелеть. «Те», «хозяева», были страшнее, безжалостнее, и, раз начав, он не мог остановиться. Любой ценой ему хотелось отсрочить свою гибель.

С одной из очередных партий в лагерь пришел Федоров. Митин сумел сдружиться с ним, и тот рассказал о готовящемся групповом побеге. Он выдал всех, но не назвал Федорова... Позже сказал ему об этом и, шантажируя, сде-

лаа своим... Когда американцы заняли Эйзенах, оба, боясь своих же, ушли из лагеря, попали в число перемещенных, а уже оттуда, почти без колебаний, в одну из разведывательных школ под Мюнхеном. Во время одной из поездок в город, куда их возили повеселиться, Федоров скрылся, перешел границу и явился на советский контрольный пункт. Рассказал, что бежал из лагеря, скрыв то, что могло скомпрометировать. Ему поверили и отпустили. Он вернулся, но не домой, к семье, а в Подмоскowie работал на железной дороге, женился, думал, что с прошлым покончено. Но американская разведка не сбросила его со своих счетов. Нашла, напомнила... и когда решила, что он не может быть полезен ей, руками того же Митина убила.

«И меня убьют, угодить им нелегко. Прикажут Зуйкову, он и кончит! — безразлично подумал Митин о человеке, переброшенном вместе с ним. — А не потрафит — и его... Они это умеют...»

В Пушкино он сошел с поезда, в буфете, не закусывая, выпил стакан водки и пошел к видневшейся за станцией березовой роще. Шел оглядываясь и раздумывая, что делать. Он остерегался людей, остро завидовал им, но выхода не находил... До вечера проспал в редком кустарнике... Когда стемнело, вышел из леса, вернулся на станцию, снова выпил, сел в поезд и поехал в Москву.

Надо было срочно сообщить американцу о неудаче. Знал, что предстоит неприятный разговор. Кемминг накричит, будет угрожать, но отойдет и даст очередное поручение. «Видно, не много у него таких, как я да Зуйков. Вот и тянет!» — без злобы думал он. С момента заброски в Советский Союз озирался, боялся косого взгляда каждого прохожего, ночевал в подмосковных лесах, вокзалах и чувствовал себя спокойно только в поездах. Но и там приходилось быть начеку. Месяц назад, на Комсомольской площади, ему показалось, что за ним следят. Он бросился в толпу, заметался, очутился на Октябрьском вокзале оббитый страхом, купил билет и уехал в Ленинград. В поезде, впервые за последнее время, убаюкиваемый мягким покачиванием вагона, успокоился. Сердце билось нормально, и только дрожавшие кончики пальцев выдавали его состояние.

Вернувшись повеселевшим из ресторана, он разговорился с попутчиками, почувствовал себя таким же, как они.

Сидевшие в купе говорили о работе, спорили, ругали какой-то совнархоз, давший заводу, по их мнению, завышенный план, а он сидел, слушал... и не понимал. «Мне бы их заботы!» — разглядывая сидевших в купе, думал он.

Исчерпав тему, один из пассажиров развернул газету и вслух прочел сообщение о сбитом под Свердловском американском самолете. Все слушали молча, не перебивали, и внимательнее всех был Митин. Как только читавший замолчал, сидевшие в купе начали бурно комментировать сообщение. Досталось и Эйзенхауэру, и Даллесу. Митин даже пожегся от резкости, с какой они отзывались о них. Опешив, он рассматривал говоривших, но потом понял, что молчать нельзя, и тоже начал ругать американскую военщину. Вначале вяло поддакивал, но, припомнив свои обиды, разгорелся и не особенно выбирал выражения. Но, ругая, все время следил за глазами сидевших — ему казалось, что они подозревают, догадываются, кто он.

Только поздно вечером, когда все начали укладываться спать, Митин влез на верхнюю полку и, продолжая осторожно наблюдать за своими попутчиками, задремал. Внизу засмеялись. Он вздрогнул, открыл глаза и прислушался — тот, что вечером читал газету, рассказывал анекдот о президенте и портном...

Утром приехали в Ленинград. Идти было некуда, он бродил по улицам, потолкался в магазинах, пообедал в какой-то столовой, выпил. На Антейном его остановил милиционер. Митин похолодел от страха, но оказалось, что он неправильно перешел улицу.

— Осторожнее, гражданин! Так и под машину попасть можно. Отвечать за вас придется, — правоучительно закончил постовой, откозырял и возвратился на середину проспекта. Митин извинился, поблагодарил за заботу и, еще не веря себе, поглядел на занятого делом регулировщика. Усмехнулся, что о чем так беспокоится милиция, и, от греха подальше, быстро пошел к вокзалу...

XIV

Только с недавних пор Владимир Прохорович по-настоящему оценил свое новое жилье в Новинском переулке.

Возвращаясь с работы, он входил в тихий двор с беседкой, вокруг которой цвели пестрые клумбы и покачива-

лись молоденькие березки, высаженные заботливыми руками жильцов, не спеша поднимался по высокой каменной лестнице, входил в парадное.

Крохотная передняя, она же кухня, за плотной портьерой переходила в маленькую, всегда залитую солнцем комнату, где жил и отдыхал Владимир Прохорович Сеньковский, скромный работник пожарно-сторожевой охраны одного из подмосковных заводов. Жить бы ему да радоваться. Ан нет!

Правда, квартира имела ряд неудобств. Расположена в бельэтаже. Постоянный страх, что могут обворовать, лишаа возможности в летние душные ночи спать с открытым окном. Не было ванны — приходилось ходить в баню. Но главным недостатком Владимир Прохорович считал, что она отдельная, изолированная. Большинство людей мечтало о такой квартире, а вот одинокий Сеньковский, наоборот, — о коммунальной, где можно поговорить с соседом, послушать на кухне пересуды хозяек, посидеть у чужого телевизора. Нет, что ни говори, в общей — веселей. Возвращаясь с работы, Сеньковский каждый раз уныло думал о предстоящем вечере, когда единственное удовольствие — это сон. Но неожиданно все изменилось.

Как-то совершенно случайно попал он на ипподром. Был день больших скачек и, очутившись в крикливой, гомонящей толпе, Сеньковский вначале растерялся, но потом пообвык и даже рисковал принять участие в игре. Не разбираясь в лошадях, в один из заездов присмотрел незрачную двухлетку с ласковым именем Голубка. Нервничая, она грациозно перебирала ногами, вытягивала шею, просила повод. Всадник, в красной жокейке, тощий и маленький, уныло нахохлившись, сгорбившись, сидел в седле и, как показало Сеньковскому, только и думал, как бы не упасть с лошади. «Вот на нее и поставлю!» — неожиданно решил он вместе с другими забавкал и кассам

В быстро двигавшейся очереди разгоряченно перешептывались, спорили, метались между кассами, и Владимиру Прохоровичу казалось, что вокруг происходит непонятная для него возня людей, знающих какие-то секреты, играющих наверняка.

— Ты друг, на каких играешь? — спросил стоящий за ним незнакомый мужчина.

— На Голубку, — ответил Владимир Прохорович, обернувшись и на него пахнуло винным перегаром.

— Сдурел, что ли? С полдороги сойдет... А вторая?

Сеньковский не понял. Оказывается, нужно было стоять одновременно на двух. Растерянный, он вышел из очереди и снова уткнулся в программу. В следующем заезде бежало восемь лошадей. Из толпы до него доносились имена фаворитов. Но он так и не мог выбрать.

«На кого же ставить?» — проглядывая список, думал Сеньковский. Взгляд остановился на поэтическом, из сказки, имени Краса ненаглядная.

— Краса ненаглядная! — прошептал он. — Поставлю на Красу и Голубку.

Отойдя от кассы, столкнулся с подвыпившим знакомцем. Небритый и небрежно одетый, видимо успевший не раз побывать в буфете, он узнал Сеньковского.

— На каких поставил? — Услышав, присвистнул, рассмеялся: — Ты что, в первый раз здесь?

Владимир Прохорович кивнул. Тогда неизвестный хлопнул его по плечу, потянул к себе и, дыша перегаром, шепнул:

— Держись за меня! Мои советы, твои гроши. Прибыль пополам, — и заверил: — Не пропадешь! Как звать-то?

— Владимир! — растерявшись от этого натиска, сказал Сеньковский.

— Володька, значит! А я Лешка. Давай на трибуну...

К половине круга Голубка шла пятой. На последнем повороте, выходя на прямую, она обошла сразу двух, шедших на корпус впереди, и когда до финиша оставалось метров пятьдесят, оставила позади себя еще одну. Достать идущую впереди она не могла, но здесь случилось неожиданное. Жокей фаворита, встревоженный появлением соперника, оглянулся, и в этот момент лошадь его споткнулась и, падая, придавила всадника. Удар колокола совпал с ревом толпы. Голубка победила.

Разгоряченный Сеньковский, еще не веря в успех, растерянно взглянул в злое лицо своего соседа.

— Дуракам счастье! — буркнул тот, площадно выругался и, подозрительно скосив глаза, поинтересовался: — Ты, часом, не с конюшни? — И, почувствовав, что Сеньковский его не понял, пояснил: — Ну, не свой?

В следующем заезде бежала Краса. С ударом колокола она уверенно вырвалась вперед и до конца так и вела. Победа была легкой.

— Смотри, какая чепуховина! — подытожил примирившийся с неудачей Лешка, крутнул головой, сплонул и дернул Сеньковского за рукав: — Получать бежим!

Подходя к кассам, вскользя уточнил:

— Пополам?

— Это как же? — возмутился Сеньковский. — Ты советоваа, что ли? — на что Лешка неопределенно пожал плечами и, не сказав ни слова, нырнул в шумящую толпу. Знакомство распалось.

Счастье, казалось, шло само в руки, но осторожный Владимир Прохорович боялся испытывать судьбу. Неожиданно свалившийся выигрыш, и не малый, не вскружил голову, не жег рук. Придерживая карман, он сходил в буфет, плотнo поел, выпил бутылку «Жигулевского» и, сытый и спокойный, вернулся на трибуну. Но больше не играл. Боялся. С этого дня начал в свободные дни (работал он через два дня на третий) бывать на ипподроме. Завел знакомых. Одни играли азартно, редко выигрывали, а в иные дни, проиграв, к концу «стреляли» на троллейбус. Были и такие, как он сам. Внимательные и осторожные, игравшие на верных фаворитов. Выдачи были маленькие, зато почти без риска. Как-то узнав, что он одинокий и у него отдельная квартирka, кто-то из новых знакомых посоветовал пустить жильца. Владимир Прохорович вначале наотрез отказался, но, услышав, что плата будет такая же, как его заработок, заколебался.

Нуждающимся в комнате оказался журналист с трудной фамилией, Майкл Бреккер, сорокапятилетний сухопарый мужчина, хорошо говоривший по-русски, не дурак выпить. Прописывать его не пришлось, так как, по его словам, прописан он в другом месте. Видимо, нуждался человек в месте, где мог бы встречаться с девочками да выпивать с друзьями. Сразу же заплатил за два месяца вперед, а спустя несколько дней, придя вечером и развалившись на кровати и в который раз критически оглядев комнату, сказал, что ее надо бы привести в порядок. Владимир Прохорович засуетился, бросился подметать пол.

— Не то, не то! — засмеялся Бреккер. — Вы не поняли — надо сюда кое-что купить. — Он обвел рукой. Но Сеньковский не собирался тратить полученные деньги. Когда вопрос касался его кармана, он был непримирим. Канадец это понял, вынул из кармана пачку денег, протянул Сеньковскому: — Выбросьте эту кровать, она не годится

даже для спанья. Купите хорошую тахту. Потом телевизор. Получше.— Он встал с кровати, подошел к окну, придиричиво осмотрел двор, точно собирался его обмоблировать, обернулся.— Портьеры обязательно, широкие и плотные. Это в первую очередь. Ну и, наконец, холодильник. Можно маленький, у вас их делают хорошо.

Боясь что-то пропустить, Владимир Прохорович все записал.

После первого же дежурства он потратил два дня своего отдыха на покупки. Все шло хорошо, но с холодильником оказалось трудно. Какой-то немолодой, но юркий человек, крутившийся около магазина, узнав, что интересуется покупателем, осмотрелся по сторонам и вполголоса предложил «Саратов».

— А сколько? — поинтересовался осторожный Сеньковский.

— Крыша — пятьдесят.

— А всего? — не отставал Владимир Прохорович.

— Двести,— еще не веря, что покупатель настоящий, ответил человек. Это было дешевле, чем думал Владимир Прохорович, и сделка состоялась.

Так в два дня в комнате появились вещи, изменившие ее, сделавшие другой, уютной. В маленьком, но вместительном «Саратове» не убывали бутылки с пестрыми наклейками и всевозможные аппетитные закуски. «Неплохо живут журналисты!» — вначале с завистью подумал Владимир Прохорович, но потом привык и запросто пользовался всем. Квартирант даже поощрял это хозяйничанье. Любил выпить сам, и ему, видимо, нравилось, когда пили около него. И как-то очень просто, легко вошел в жизнь Сеньковского. Был канадец весел, прост, не считал денег. Владимир Прохорович сделал ему ключи от входных дверей, и Бреккер по телефону, назначал кому-то свидания, а иногда, повесив трубку, говорил:

— Ты, Володя, пойдй погуляй, приходи не раньше такого-то часа.

И Сеньковский уходил в кино, в пивную или просто бродил по улицам. За короткое время купил себе недорогой чехословацкий костюм, часы «Победа», в обувном магазине на Колхозной присмотрел ботинки с узким носом.

Все складывалось как нельзя лучше. Частые приходы квартиранта не мешали, по первому слову он уходил из до-

му, гулял, по-иному рассматривал витрины магазинов — знал, что, если очень захочется, сможет удовлетворить свое желание. Скажи ему кто-нибудь раньше, что комната окажется золотым кладом, — не поверил бы.

Как-то поздно вечером он вернулся домой раньше назначенного времени. Пришлось переждать в садике. Сидя в беседке, он посматривал то на часы, то на свое окно, но плотно завешенная портьера не пропускала света. Сеньковскому надоело сидеть, он побродил по дворику, поднялся по лестнице, прошел мимо двери и уже хотел вернуться во двор, как в дверях щелкнул замок. Владимир Прохорович юркнул за каменный уступ и замер.

— Будьте осторожны. В Городище больше не появляйтесь. Звоните каждый вечер — вы понадобятся! — стоя в дверях, вполголоса сказал Бреккер.

Гость что-то пробормотал, но Владимир Прохорович не разобрал ни слова. Неизвестный стоял спиной, и Сеньковский успел лишь заметить, что тот невысок, сутуловат и широкоплеч. Когда дверь захлопнулась и гость ушел, Владимир Прохорович, втянув голову, осторожно, на носках, прошел мимо собственной квартиры, вышел во двор — неизвестный подходил к воротам. Через мгновение он

скрылся в подворотне. Владимир Прохорович посидел в беседке, покурил и не торопясь пошел домой.

Бреккер, закинув руки, лежал на тахте, на его лице бродила довольная улыбка. Маленькая комнатка была наполнена звуками — голос певицы тонул в реве и кваканье джаза. Увидев выглянувшего из кухни Сеньковского, каналец помахал рукой и выключил радио. Владимир Прохорович заметил лежавший на тахте крошечный, с папиросную коробку, приемник. Никогда не думалось, что из миниатюрного аппарата может исвертаться такой шум.

— Откуда это? — поинтересовался Сеньковский.

— Япония. Как гулялось?

— Бродил по Арбату. Хотел зайти в кино, не было билетов. — И, не думая спросил: — Женщина была?

— Угу! — кивнул Бреккер.

— Красивая? — еще не отдавая себе отчета, для чего это ему нужно, не отставал Владимир Прохорович.

— Красивая. Русские женщины самые красивые в мире. А эта еще лучше.

«И чего он врёт?» — подумал Сеньковский и, размышляя над случайно подслушанным разговором, прошел в кухню.

— Завтра дежурите? — услышал он оттуда.

— Дежурю.

— Что там у вас за завод? — продолжал Бреккер.

— Противопожарного оборудования, — ответил Владимир Прохорович и услышал, как Бреккер засмеялся.

— Секретный?

— Да нет, что вы.

— Ну уж мне-то можно сказать правду, что за противопожарное снаряжение вы выпускаете, — не унимался Бреккер.

— А вы приезжайте, я покажу. Я ребятам про вас говорил, — и услышал, как скрипнула тахта.

— Вот это напрасно! — в дверях стоял Бреккер.

— А что?

Тебе не нравится. У меня в кабинете еще фининспектор придет, неприятности будут. Нет, ты лучше скажи, что я переехал.

Упоминание о фининспекторе встревожило, еще обложит налогом, и он решил помалкивать. Не хотелось терять такого выгодного постояльца... Незаметно для себя Владимир Прохорович превратился в рассказчика — Бреккер умел слушать. Все его интересовало — и цены, и разговоры

в очередях, и настроения. Сеньковский, видя, что это доставляет его собеседнику удовольствие, старался вовсю. Так, в дни, когда к канадцу никто не приходил, попивая коньяк они беседовали...

В конце августа от тетки из Моздока пришла посылка с фруктами. Получив извещение, Владимир Прохорович собрался идти на почту, но паспорта не нашел. Он перерыл все — паспорт пропал. Оказалось, что его брал Бреккер, — получал письма до востребования на имя Сеньковского. Владимир Прохорович не придавал этому значения. Тогда же, в один из вечеров, когда, потягивая коньяк, они болтали, раздался телефонный звонок. Как всегда, трубку взяла канадец. Короткий разговор, видимо, его встревожил.

— Иди погуляй. Возвращаясь к десяти, — приказал он.

— Опять баба? — недовольно спросил Владимир Прохорович. Накрапывал дождь, и ему не улыбалось ходить по мокрым мостовым.

— Конечно. Давай скорей!

Владимир Прохорович нехотя оделся, но, выйдя на улицу дошел до угла... и вернулся. Забрался в заросшую сиренью беседку — решил рассмотреть гостью. Прошло немного времени, из подворотни показался человек. Оглядев двор, он быстро прошел мимо беседки к лестнице, вошел в парадное. Теперь Сеньковский рассмотрел его хорошо. Это был тот же, что в прошлый раз, — сутулый, плотный, с нависшими, густыми бровями. Ничем не приметным был и костюм — темный пиджак, брюки в сапоги. Колхозник из отстающего колхоза. И ради такого гостя его погнала гулять по дождю.

«Черт знает что! — разозлился Владимир Прохорович. — А может, придет женщина?» — подумал он, решив переждать дождь в беседке.

Время тянулось невыносимо медленно. Владимир Прохорович, не зная, как убить его, разглядывал двор, пересчитал окна в доме напротив, прикинул, сколько удастся положить на книжку — вынул из кармана спички. Это обреченно он повеселел. Дождь утих, но редкие капли еще пестукивали по тонкой крыше, по листьям. Это напоминало о времени. Владимир Прохорович взглянул на часы — прошел только час, до десяти оставалось столько же. Он поднялся, шагнул из беседки, но в эту же минуту отпрянул назад. Хлопнула дверь парадного, и вышел незнакомец. Осмотрелся, сутулясь прошел мимо, в нескольких шагах от Сеньковского.

и пропал в темной пасти подворотни. Под мышкой у него был небольшой сверток. Владимир Прохорович узнал его — тот самый, что вечером принес Бреккер. «Э, да он, наверно, спекулянт! — решил Сеньковский. — Ну, теперь ясно! Майк приносит, а этот продает. А то откуда столько денег?» — подумал он и, довольный, что разгадал секрет своего квартиранта, пошел домой.

XV

Человек медленно поднимался по Кузнецкому мосту. У книжной лавки писателей остановился, долго смотрел на яркие обложки книг, но, если бы его спросили, что он видел, вряд ли смог назвать хотя бы одну. Да сейчас для него это и не имело значения!

Пройдя несколько шагов, он задержался у витрины соседнего магазина и так же безразлично рассматривал такие же книги. Дальше было дамское ателье — он остановился опять и снова отсутствующим взглядом оглядывал манекены с раскрашенными лицами и неживыми улыбками. Человек и сам чем-то напоминал их, только вместо улыбки у него застыла гримаса. Точно ему было больно и шел он через силу.

Отойдя от витрины, он перешел улицу и подошел к группе молодежи. Его толкали, спрашивали о марках, показывали альбомы, но ему ничего не было нужно, он не покупал и не продавал.

Филателисты, хорошо знавшие друг друга, посматривали на него с недоверием и неприязнью, но он не замечал перешептываний и косых взглядов.

Потоптавшись на месте, он снова, с трудом отрывая от тротуара ноги и все больше замедляя шаги, пошел дальше.

У одного из подъездов человек остановился, взгляд его скользнул по двери, табличке. Он тяжело вздохнул и вошел в здание.

В пустом зале, заложив назад руки, расхаживал дежурный в военной форме.

Человек медленно прошел мимо, в самый дальний угол, тяжело опустился на деревянный диван и задумался.

Ему показалось, что, войдя сюда, он захлопнул за собой дверь в яркий, светлый мир. По ту сторону осталась жизнь с ее радостями и волнениями, семья, работа, надежды. Все, что в его представлении еще вчера было будничным и се-

рым, сейчас приобрело иную окраску. Сжав голову руками, человек пытался сосредоточиться, привести в порядок свои мысли, но это не удавалось — в голове мелькали обрывки воспоминаний, какие-то встречи, знакомые и чужие лица, разрозненные и незапоминаемые. Они проскальзывали, крутились, как ярмарочная карусель, мелькали и пропадали, не оставляя следа. Неожиданно откуда-то издали все ясней и резче выплыло лицо ребенка. «Сын!» — на мгновение вспомнил он, и это причинило тупую, ноющую боль в сердце...

К нему кто-то наклонился. Открыв глаза, он увидел чужие ноги и поднял голову.

— Вам плохо? — спросил дежурный. — Может быть, воды, помочь чем-нибудь?

Пришедший усмехнулся.

— Помочь? — переспросил он и неслышно, одними губами, ответил: — Вряд ли!

Дежурный пожал плечами и отошел.

Человек хотел опустить голову, подумать, но хлопнула дверь, вернула к действительности. Надо было, что-то делать! Он поднялся и направился к выходу. «Еще можно было уйти, вернуться туда, откуда пришел, — мелькнула мысль, — убежать, спрятаться, постараться все забыть». Человек ускорил шаги.

Улица была та же, светлая, шумная. «Хотя нет, что-то изменилось в ней, или нет, изменился я сам», — подумал он и остался у входа. Так и стоял, растерянный и опустошенный, не зная, что делать. „Как быстро все менялось: ночью он хотел умереть, но, боясь смерти, поторговавшись с собой, он решил, что придет сюда. Сейчас он искал лезвие для себя, чтобы уйти, и только сознание, что ни на одну минуту, никогда его не оставит страх разоблачения, поддерживало его в этой двери.

Глядя на проходивших мимо, остро завидовал им. Люди громко разговаривали, смеялись, не обращали внимания на понуро стоявшего у подъезда, а ему казалось, что все смотрят на него, догадываются о его мыслях и глубоко презирают.

Неужели когда-нибудь он был таким, как они, громко говорил, смеялся? — спросил он себя и не мог ответить. Какими мелкими и незначительными были неприятности прошлого, казавшиеся тогда чуть ли не трагедией. Как был бы он счастлив, если бы мог уйти отсюда...

Стоявший на противоположной стороне мужчины, ловко лавируя среди проходивших машин, подошел к нему:

— Что вы плачете? Будьте мужчиной! Смелее, смелее! — и, похлопав по спине, вошел в дверь.

Человек пожал плечами, медленно обвел взглядом улицу, и, вытерев слезы, покорно вошел следом за ним.

В уже знакомом зале он гадом нашел открытое окошко в стене, подошел к нему.

— Я инженер Полонский... Анатолий Андреевич Полонский! — повторил он. — Дайте мне пропуск. Я должен сделать важное сообщение...

XVI

Жажда стяжательства не проходила. Осенью Владимир Прохорович приобрел ботинки с острым носом, костюм с нейлоновой ниткой, разную мужскую мелочь. Бреккер подарил блестящий черный дождевик, с миниатюрными лакированными погончиками, хорошенькую, окантованную голубой эмалью зажигалку. Пришлось закурить, благо покупать сигареты не приходилось. Подарки определенно портили Сеньковского — чем чаще он получал их, тем большего хотелось. На глазок определяя ценность полученного считал, что его обманули, чего-то недодали. Прежде щедрость квартиранта восхищала, сейчас вызывала зависть... и ожидание следующей подачки.

Правда, благополучие не доставалось даром — приходилось работать, и отдыхал он только во время дежурств на заводе. От мелких поручений — куда-то съездить, что-то привезти, сдать по своему паспорту какие-то вещи в комиссионку — Бреккер переключил его на более серьезное. Тонком, не терпящим обсуждения, послал однажды вечером на улицу Горького, в парадное, рядом с Театром Ерми-

— Встретись там с одним человеком, — сказал он, глядя в упор на робеющего Сеньковского.

— А как я его узнаю? — спросил Владимир Прохорович. Каждый раз новые поручения его пугали. А вдруг не справится, сделает не так, и Бреккер останется недоволен.

Бреккер подробно рассказал, дал пароль. На вопрос: «Который час?» — неизвестный ответит: «Часы в ломбарде». Тогда Сеньковский должен спросить: «А какие?» И если человек скажет: «Салют» — значит, все в порядке. Это тот, кто нужен. Так вот этому человеку Владимир

Прохорович должен передать пакет. Бреккер протянул Сеньковскому небольшой плотно упакованный сверток.

— Что там?

— Любопытство — мать пороков, кажется, так говорят у вас, — засмеялся канадец, но все же сказаал, что золото.

— Золото? — забеспокоился Владимир Прохорович.

Бреккер кивнул головой. точно речь шла о самом обыкновенном, и добавил:

— Десятки, сто штук. Передай этому человеку, а от него получи пакет, — он улыбнулся, — более легкий.

— Деньги, что ли? — высказал предположение Сеньковский и сейчас же с опаской спросил: — Как же я считать в парадном их буду?

Но канадец качнул головой:

— Не надо!

Сверток был тяжелый. Владимир Прохорович положил его в старенький портфель, в котором возил на дежурства еду, мыло, полотенце, и поехал. Сидя в троллейбусе и поглаживая портфель, оглядывая пассажиров, думал о своих делах, но мысль все время вертелась вокруг свертка. «Это сколько же на наши деньги, — размышлял он, — много небось?..»

Он быстро нашел парадное, вошел. На небольшой, слабо освещенной площадке, у лифта, курил человек лет тридцати — тридцати двух, с модным чубчиком. Видимо, тот самый.

— Который час? — спросил Владимир Прохорович, на всякий случай глядя в сторону:

Неизвестный хмыкнул:

— Часы в ломбарде, — и выжидательно посмотрел на Сеньковского.

— А какие?

— «Салют» — И сразу же: — Принес?

Владимир Прохорович кивнул, но, все еще проверяя (как это передать незнакомому такое богатство!) огляделся и, между прочим, поинтересовался:

— А сколько нужно?

Человек с чубчиком тряхнул головой и грубо оборвал:

— Ты голову не дури, чижик! В первый раз, что ли? Сто «арабок»!

У Владимира Прохоровича отлегло от сердца, но, помня, что взамен он должен получить пакет с деньгами, спросил:

— А ты принес?

— Уез, сэр! — засмеялся неизвестный и похлопал по оттопыренному карману.

— Проверить бы надо, — вслух подумал Сеньковский.

— Ты что, сдурел, тумак? Считают в банке. У нас на веру, — ирраучительньо сказал человек с чубчиком и приказал: — Давай «рыжье»!

Не успел Владимир Прохорович протянуть сверток, как он пропал во внутреннем кармане пальто незнакомца. Видно, был не мал каоман если так легко в него провалился. Знул тяжелый пакет.

— А деньги?

— Вот держи, детка! Считать дома будешь. — И, протянув несколько пачек, с усмешкой предупредил: — Ты меня не видел, я тебя не знаю. А теперь чеши! Привет шефу от Боба! — Парень, видно, был веселый, деловой и быстрый. Сказал и пропал.

Владимир Прохорович рассовал деньги по карманам — сразу поподнял, вышел на улицу, сел в стоявшее у дома свободное такси и, повеселевший, поехал домой.

Бреккер, задрав ноги, лежал на тахте, слушал радио. Увидев Сеньковского, приглушил музыку и, не поднимаясь с дивана, лениво спросил:

— Ну как, порядок?

Вместо ответа Владимир Прохорович начал выкладывать на стол пачки. Здесь Бреккер изменил себе, подошел к столу и, поплевав на пальцы, уселся пересчитывать деньги. Считал быстро, что-то бормотал под нос и как будто забыл о существовании хозяина комнаты. Сеньковский прошел на кухню, достал из холодильника мясо, бутылку с пятью звездочками. Налил полстакана и, поглядывая на занятого своим делом Бреккера, не торопясь жевал, запивая коньяком. Ел и побаивался — а вдруг не хватит. Поди тогда доказывай, что ты не виноват. Но все обошлось. Бреккер завернул деньги в газету, уложил в сумку, с которой не расставался, и, обеспокоившись к Сеньковскому предложил выпить.

— Я уже...

— А еще?

— Нет, хватит. Мне с утра работать, — обиженно отозвался Сеньковский, чувствуя, что заработать ему с этой поездки, видимо, не придется.

Бреккер налил коньяк, выпил не закусывая, взял сумку и, помахав рукой, вышел.

Владимир Прохорович смотрел вслед, все еще надеясь, но, когда хлопнула входная дверь, выругался и протянул руку за бутылкой.

XVII

Генерал был занят, и полковнику Агапову пришлось ждать. Офицеры, ожидавшие приема, предложили ему сесть, но он отказался. Помахивая папкой и немного нервничая, Агапов зашагал по приемной. События начинали разворачиваться, и ему не терпелось доложить о них начальнику управления.

Звонок из кабинета вызвал секретаря. Она ушла, но через минуту приоткрыла дверь, кивнула Агапову и, пропустив его, вернулась на свое место.

— Показание? — встретил его вопросом Орлов, когда Агапов подошел к столу и раскрыл папку. — Что говорит?

— Рассказал все, начиная от ялтинского знакомства. — ответил Агапов. — Знает его как канадского журналиста.

— С нашими данными совпадает?

Агапов кивнул головой.

— Кроме Кемминга, кого-нибудь знает?

— Нет.

— Что их интересует в институте, состав?

Агапов снова кивнул головой и положил на стол папку.

— Прочитайте!

— Смотри, какие любопытные! — Орлов с хитринкой взглянул на офицера, увидел блестящие глаза и улыбнулся. — Что-нибудь интересное? — спросил он и, надевая очки, раскрыл папку.

— Разрешите курить, Олег Владимирович?

Генерал удивленно поднял голову:

— Ты же бросил!

— Сегодня исключение. С утра хорошие вести.

— Смотри, попадет от жены! — пошутил Орлов.

— Где вы дадите — не узнает.

— Ты не радуйся, сейчас только начинается, — сказал генерал, возвращаясь к протоколу допроса. Читал долго.

Агапов встал, пытаясь отвлечься от своих мыслей, подошел к открытому окну, выглянул на улицу.

Сзади чиркнула спичка. Агапов, поперхнувшись дымом, оглянулся. Генерал закуривал.

— Вы же бросили, Олег Владимирович? — удивился Агапов.

Орлов оторвался от бумаги:

— С тебя пример беру... Думаешь, доволен, что перебо-
роли этого пьянчужку... Не велика честь.— Он покачал го-
ловой.— Мы с тобой не с такими справлялись. Думаешь,
не знаю, кто за ним стоит? Знаю, да пока за руку не пой-
мал. У нас, брат, тоже дипломатия. Да и не разведчик он, а
так... обыватель, трус, покупатель! — брезгливо сказал ге-
нерал.— Оставался бы лучше инженером, может, челове-
ком бы стал, аи нет, полез пакости делать... Нет! — он
вспомнил, ради чего закурил.— За людей наших рад!..
Ну, этого инженера сомнения одолели, со страху пришел...
А она?..

— Вы до конца прочитали? — спросил Агапов.

— Нет! — усмехнулся Орлов.

— Найденный в «Национале» фотоаппарат принадле-
жал Кеммингу, — откашлявшись и подходя к столу, сказал
Агапов.— Он дал его Полонскому и поручил сфотографи-
ровать объект. Тот истратил всю катушку, снял, что успел,
и в ресторане должен был передать Кеммингу.

— Как?

— Они договорились, что Полонский оставит аппарат
в гардеробе, а номерок передаст Кеммингу за столиком.

— Посмотри, какой осторожный.

— Инженер номерок передал, но американец был пьян
и, видимо, забыл. Теперь требует, чтобы Полонский снял
вторично.

— Прийти за аппаратом побоялся? — спросил Ор-
лов.— Теперь выворачивается, — снисходительно поды-
тожил он, — а снимки нужны. Видно терпят хо-
влева.

— Может, поможем? — неуверенно предложил Агапов.

Взглянув на окно, подумал — надо ли?

— Будет параллельная операция, страховая главная!

Генерал опять усмехнулся:

— Что ж, ты прав! Подбери что-нибудь.. Посмотри
последние номера «Бюллетеней Ремингтон армса», кое-что
совпадает у них с нашими «новинками».

— Поверят ли? — усомнился Агапов.

— Не беспокойся. Им бы купить да продать. Пока бу-
дут разбираться, мы закончим операцию. Не забудь на

затравку снять хвосты ракет. Да так, чтобы номера да звезды вышли. Какой срок ему дали?

— Как можно скорей.

— А ты не торопись. Пусть объяснит трудностями. Понервничают — и заплатят дороже. Деньги перечислишь в доход государства! — напомнил Орлов.

— Понятно. С Полонским не поговорите?

— Нет. Кстати, он перед приходом к нам ни перед кем не каялся?

— Говорит, что даже жена не знает. Стыдно было.

— Как думаешь, верить ему можно?

— Думаю можно. Ну, да мы за ним все равно при-смотрим.

Отодвинув папку, Орлов внимательно посмотрел на Агапова.

— Вы о Маркове? — догадался полковник.

Генерал кивнул головой.

— Встреча состоится, видимо, на этих днях.

— Все предусмотрели?

— План разговора доложу сегодня вечером.

— Гутман как? — спросил генерал.

— Молодцом. Не узнать, другой человек.

— Помнишь, говорил я, что еще сама придет, — напомнил Орлов.

— Не пришла она! — упрямо сказал Агапов.

— Как так не пришла? — вспыхнул Орлов. — Ты ее привел, что ли?

— Привходящие обстоятельства были, — не уступал офицер.

— Любят они друг друга?

— Есть грех, — ответил Агапов.

— Ну и хорошо! Что это ты о любви так уныло говоришь, Михаил Степанович? Или сам не любил? — удивился генерал и, не ожидая ответа, добавил: — Да без нее жить не стоило бы. Это там, — кивнул он головой в сторону окна, — думают, что мы только мыслью о мировой революции живем... Любовь эта человеком ее сделала!.. Сама призналась! Ты у нее хоть это не отнимай. А у нас или на квартире Маркова — это дело второстепенное. Поддержать сейчас ее нужно, игра предстоит нелегкая. Добровольное признание учтем, ходатайствовать перед правительством будем!..

В дверь просунулась голова секретарши.

— Капитан Смирнов просит полковника выйти на одну минуту.

Агапов взглянул на генерала, но тот приказал:

— Зовите сюда!

— Разрешите обратиться к полковнику Агапову? — в дверях попросил Смирнов.

— Докладывайте! — приказал Орлов.

— Как мы и предполагали, один из них пришел работать в отдел кадров Городищенского завода! — доложил Смирнов.

— Это один из тех, кто приезжал к Федорову, за несколько часов до убийства. Я докладывал вам, — напомнил Агапов.

— Думаете — он?

— Уверен, Олег Владимирович! Он оставил в отделе найма заявление и паспорт. Жена и дети убитого по фотографии опознали его. Паспорт оказался мюнхенской работы на имя Василия Ивановича Лузина. По нашим каналам мы проверили: Лузин — это Митин, Василий Иванович, из «перемещенных». По архивным данным установлено, что Митин был в плену у немцев сперва в концлагере Торгау. Во время нашего наступления в сорок четвертом его перевели в Эйзенах, юго-западнее Гарца, в американскую зону, где его завербовала разведка Гелена...

— Кто ведет дело? — перебил генерал.

— Городищенский райотдел милиции...

— Продолжайте!

— Я проверил, в каких лагерях находился Федоров. Оказалось — там же. Несомненно, когда Митин-Лузин второй раз пришел на завод, — продолжал Смирнов, — кадровик чем-то насторожил его, он почувствовал опасность, скрылся и больше на заводе не появлялся.

— Если версия, что он или его сообщник стремятся проникнуть на завод, верна, кто-нибудь из них попытается возобновить попытку вернуться. Надо быть готовым к этому, — предупредил Орлов. — Сейчас нам известен Митин, его приметы, фотография. Наконец, одним документом у него меньше... Приметы второго мы знаем тоже.

— Может быть, возьмем дело себе, — предложил Смирнов, но Агапов перебил его:

— Подождем! Пусть пока занимается милиция.

— Хорошо! — согласился Орлов. — Только предупредите товарищей — без нашего ведома не трогать!.. А сла-

ва... Слава — дым пустой, — перефразируя слова поэта, сказал он, — слава пусть останется за ними... Давай закурим, Михаил Степанович! — Затянувшись, скосил на него глаза. — Так как же Митин оказался на территории Советского Союза? И один ли? А?

Агапов пожал плечами.

LVIII

На улице бушевала непогода. По заплаканному стеклу дробно стучали тяжелые капли дождя, точно просились в сразу потемневший дом. Ветер то затихал, то с удвоенной силой бросал в окно пригоршни воды, и от этого комната казалась осажденной крепостью.

Сергей хотел выключить свет, но Ирина удержала его. Так и сидели, прижавшись друг к другу, вслушиваясь в шум дождя, ветра, удары своих сердец.

— Завтра! Ты помнишь все? — после долгого молчания спросил Сергей.

Женщина кивнула головой, еще теснее прижалась к Маркову, прошептала:

— Страшно мне, Сережа!

Марков наклонился, посмотрел ей в глаза:

— Кого ты боишься? — Он засмеялся: — Этого пьянчужку?

— Ты не знаешь его, — упрямо сказала Ирина, — он жесток и безжалостен...

— Как всякий трус. С беззащитными и слабыми. «Союзники»! Где они были, когда один на один наш народ дрался с фашизмом, спасли Европу, мир... Пели нам дифирамбы, отделиваясь свиной тушенкой, а когда дело подошло к концу — бросились «спасать» цивилизацию... Испугались, что русские танки появятся на берегах Ла-Манша, бросились в панику!

Телефонный звонок поднял его с дивана. Он взял трубку, услышал голос Агапова.

— Как настроение? — спросил полковник.

— Все в порядке.

— Она у тебя?

— Да.

— Нервничает, поди?

— Есть немного.

— Я, брат, тоже нервничаю, — сознался Агапов, — ты

успокой ее. В зале будут наши. Будь осторожен, торгуйся—они это любят. И все время помни о главном!—сказал он.—Ну, бывай здоров!

— Спасибо!

— Это генерал?—вставая с дивана, спросила Ирина, когда Сергей положил трубку.

— Нет, Агапов.

Она помолчала, потом медленно, точно раздумывая, сказала:

— Завидую. Тебе, твоим друзьям, поступкам вашим, мыслям, жизни! У вас все ясно и чисто... Не надо оглядываться назад, бояться, упрекать себя... Неужели ты не понимаешь, как вы все счастливы?

— И ты это говоришь сейчас, когда мы делаем все, чтобы исправить твою ошибку?—воскликнул Марков.

— Только ошибку?—горько умехнулась она.

— Не надо, Ирина! Теперь не время казнить себя!.. Нашла же ты в себе мужество...

— Скажи, ты знал обо мне?..—перебила она.—Ну до того, как я сказала сама?

Как ей хотелось услышать «нет», но Сергей, помедлив, кивнул:

— Знал!

— Знал и молчал!—нахмурившись, упрекнула она.— Может быть, ждал момента...

Сергей промолчал.

— Значит, пожалел?—она резко вскинула голову, лицо ее побледнело, в глазах мелькнули колющие огоньки.— Я не нуждаюсь в твоей жалости! Не нуждаюсь! Сполна отвечаю за все! Сама!

Марков обнял ее, прижал к себе, она пыталась вырваться, но он только крепче обнимал ее, чувствуя, что она вся дрожит.

— Глупая, а ты же любишь меня, тебе, зачем кричать? он.—Возьми себя в руки, завтра у нас трудный день. Последний экзамен! Его нужно выдержать. Ну, успокойся, успокойся! Ни о чем другом сейчас мы не имеем права думать.

Неожиданно она порывисто обняла Сергея и быстро-быстро, точно боялась, что не успеет сказать, зашептала на ухо:

— Спасибо тебе за все, за то, что ты такой! Спасибо! Прости. Я тоже люблю тебя, очень...

Сергей слышал ее шепот, ощущал теплоту ее тела, дразнящий запах волос...

«Бедная моя!» — с нежностью подумал он. Гладил вздрагивающие плечи, чувствуя, как туманится голова, как его обволакивает, подчиняет и пьянит чувство близости к прильнувшей к нему женщине. Смотрел в напряженные глаза...

Ирина крепко обхватила его шею и быстро, почти испуганно, как заклинание, зашептала:

— Я останусь у тебя, останусь...

Это отрезвило. Он неловко отстранился, но сейчас же снова обнял ее и ласково, вложив в свой голос всю нежность, на которую только был способен, как можно мягче сказал:

— Не надо, не надо, Ирина, дорогая. Я слишком люблю тебя, чтобы... — И увидев, как дрогнули ее губы, не выпуская из своих объятий, уже более твердо сказал: — У нас все впереди. Мы должны, мы будем счастливы!..

... Где-то на Украине, в небольшом городке, маленькая девчурка вздрагивала от разрывов бомб, швейного стрекотания пулеметов, прижималась к матери, плакала от страха...

Потом, с такими же, как она, долго сжала в холодных неоплавленных, товарных вагонах на восток, в неизвестности.

В Киеве остались дедушка и бабушка. Старые и слабые, которых в сорок втором «победители» облили бензином и сожгли живьем в Бабьем Яру. (Как она могла забыть это?)

Война была долгой, упорной. Тысячи городов и сел лежали в развалинах. Куда только не разметала война людей! Миллионы русских не вернулись домой — остались лежать в безымянных могилах, разбросанных по всей Европе. Не было семьи, где бы не оплакивали сына, отца, брата, мужа. Наконец в мае сорок пятого советские танки вошли в Берлин.

В последний раз артиллерийские залпы салюта и разноцветный фейерверк известили о победе.

Война была окончена!..

За годы войны девочка превратилась в подростка, вернулась в родной полуразрушенный город, училась. Вспо-

минала иногда дедушку, бабушку, плакала. Правда, плакала она и получив в школе двойку.

Она росла, постепенно забывала страшные полуголодные военные годы, вытянулась и из угловатого подростка со смешными косичками превратилась в красивую, веселую, смешливую девушку. И те самые ребята, которые раньше задирали ее, дергали за косы и показывали язык, а порой и колотили, теперь ухаживали и писали записки. Она много читала, но без должной системы, а так, что попадало под руку. Конечно, любила кино, собирала фотографии актеров и актрис и, что греха таить, втайне мечтала стать кинозвездой. После смерти матери отец женился на другой женщине, с первого дня невзлюбившей падчерицу. Жалобы на то, что отец мало зарабатывает, возросли, когда в семье появился ребенок. Отец почти не замечал ее, мачеха попрекала чуть ли не каждым куском.

В Москве жила сестра отца, старая дева. Во время одной из поездок к тетке та предложила племяннице остаться, обещала помочь поступить в институт. Ирина обрадовалась и переехала в Москву. Но готовиться к экзаменам как следует оказалось не так просто. Она провалилась по математике, погоревала, устроилась на курсы stenography и поступила на работу...

В шесть часов кончался рабочий день, и с этого момента Золушка превращалась в прекрасную царевну. А доброй феей, творившей чудо, была соседка Анна Леопольдовна, долговязая, высохшая, как мумия, старуха из «бывших», занимавшая одну из комнат большой коммунальной квартиры. Покачивая маленькой, почти детской головкой на длинной высохшей шее, она могла часами рассказывать о кабачках Монмартра или костюмированных балах графини Анжеллы в Венеции, на которых «было очень, очень мило...». Как хотелось Ирине пожить этой жизнью, блистать на приемах, ездить в сверкающих лаком автомобилях, танцевать в черном шелковом платье, слышать за собой восторженный шепот. Как было не поверить, что придет принц и уведет в свой хрустальный дворец. Но времена были другие. У немногих оставшихся на планете принцев были свои заботы и неприятности, они были далеко, не очень тепло отзывались о стране, где она жила, и даже не догадывались о существовании ожидавшей их Золушки. Не было ни роскошной, бездумной жизни, ни миллионеров, бросавших к ее ногам свои состояния, ничего, о чем она

начиталась в заграничных романах и видела в зарубежных кинофильмах. Была старая, молчаливая тетка, ежедневная шестичасовая работа. И длинные вечера. И никого рядом, кто бы объяснил, предостерег, рассказал о настоящей жизни, о жертвах, принесенных за нее, — обо всем, что тревожило и волновало советских людей.

В учреждении, где она работала, был местком, общественные организации. Они следили за уплатой членских взносов, распределяли комнаты, путевки и всякие иные блага, организовывали культпоходы на итальянские кинокартины.

Стенная газета «клеимила» прогульщиков и выпивох, особенно изощряясь над Гуревичем из орготдела — неисправимым любителем «сообразить на трех».

Таких, как она, было немного... Большинство учились, работали, собираясь на вечеринках, пели песни, правда, не те, которые записывались на использованных негативах рентгеновских кабинетов с пелеными, бессмысленными словами, а свои, красивые и мягкие, грустные или веселые, о дружбе и любви, широкие, как их страна, и благородные, как они сами. Это были настоящие ребята, достойные продолжатели дел своих отцов. У многих из них их не было, и они не забывали, где и за что те погибли.

Конечно, они тоже мечтали! О дальних стройках, о Волго-Доне, Куйбышевской гидростанции, Братске, Дальнем Востоке, Крайнем Севере, где им предстояло жить, работать, возводить новые города, искать нефть, уголь, алмазы, открывать. Они говорили об этих местах с таким знанием, точно только что возвратились оттуда...

Как-то в кино она познакомилась с юношей, который щеголял в рубашках немислимых расцветок, охотно распространялся о своих знакомствах с иностранцами, и, зная несколько слов по-английски, вовсю оперировал ими. По правде говоря, знакомства эти были не случайными, а возникали в результате продуманных действий юноши, в связи с чем из сумки его матери пропадали деньги, а у него появлялись кое-какие подержанные вещи. А так как иногда доставалось лично ему не нужное, он «вынужден» был торговать им.

О том, что ее мальчика зовут Фреди, мать юноши случайно узнала по телефону от какой-то девицы, спрашивавшей, дома ли он. После небольшого и неприятного разговора с сыном она согласилась, что имя Федор, в честь

деда, старого красногвардейца и партизана, сегодня, действительно, не звучит...

В результате знакомства с Фреди Ирина узнала о его взглядах на жизнь и те несколько английских фраз, которые были необходимы для общения с «представителями западной культуры». Этим не ограничилось — по вечерам они ходили «прогуливаясь по Броду», но в переводе на человеческий язык означало пройтись по улице Горького. И многое, многое другое...

Она научилась курить, не без труда танцевала твист, уже вышедший из моды рок-н-ролл и другие не менее известные танцы. И отзывалась на имя Ирэн.

На первой же вечеринке Фреди довольно ясно изложил свои мысли об отношениях между мужчиной и женщиной и пытался грубо продемонстрировать их, но Ирина, не Ирэн, а именно Ирина возмутилась и наотрез отказалась «быть его подружкой».

Вероятно, этим должно было и кончиться знакомство, но нет, ее продолжали приглашать (правда, не так часто), надеясь, что она одумается. Уговаривали, чтобы не ломалась, не была мещанкой, утверждали, что так принято там, за окном (старушка Еврона котиновалась у них не очень высоко). Но это ее не убедило. Она решила порвать с компанией. И как раз в это время познакомилась с человеком, которого до этого видела среди них один раз, мельком.

Впоследствии оказалось, что он иногда оплачивал эти кутежи, но об этом она узнала позже.

Подкупил он ее тем, что, сидя рядом, глядел на беснующихся в танце спокойно, с чуть заметной полупрезрительной усмешкой. А затем, обратившись к ней, заговорил о глупых мальчишках, о девчонках, не знающих, куда девать свою энергию.

Это не убедило. Она не могла понять, потому, обиждал их, он здесь. Точно почувствовав этот невысказанный вопрос, мужчина сказал:

— Прихожу потому, что порой скучно. Давайте знакомиться, — он встал, наклонил голову: — Павел Петрович Панин. Три Пе. Противно! Если вы собираетесь домой, я пойду тоже! — он вопросительно взглянул на нее. Она кивнула и встала.

Первое время Ирина приглядывалась к своему новому знакомому. Был он лет на двадцать старше ее, и это настоятельно, но постепенно Ирина привыкла к его звонкам,

и, если несколько дней проходило без встреч, ей чего-то не хватало.

Сама того не замечая, она все больше подпадала под его влияние.

«Сегодня мы идем в кино (или в театр)»,—говорил он, и она соглашалась. В другой раз предупреждал: «Завтра на выставку чешского стекла (или в музей)». Или куда-нибудь еще. Рассказывая о вещах, ей незнакомых, то ли о картине художника-импрессиониста или музыке Дебюсси, не подчеркивал своего превосходства. Наоборот, скорее могло показаться, что он советуется или формирует их общие суждения.

Иногда вечерами они бродили по затихающей Москве. Взяв ее под руку, он говорил о себе. Он много ездил по стране и умел интересно рассказывать. Так интересно, что она ясно представляла себе города, в которых он бывал, и ей казалось, будто он говорил о местах, ей знакомых.

— Человек создан для счастья!—повторяя где-то слышанное, говорил он.

«Счастье!—горько усмехаясь, думала Ирина.—Где оно, это счастье?»

Как ей хотелось вырвать перо у этой жар-птицы...

Шел май. С юга на север летели птицы.

— Где вы будете отдыхать?—как-то спросил он.

Она пожала плечами:

— Как всегда, на Кропоткинской. А вы?

— Еще не решил. Возможно, поеду в Крым.

— Там хорошо?—с нескрываемой завистью спросила Ирина.

— Чудесно!—и начал рассказывать о Южном берегу...

Возвратившись домой, она долго не могла уснуть, лежала с откочытыми глазами в темноте и мечтала... Поезд идет на юг. Харьков, Чонгарский мост, Симферополь, залитый солнцем вокзал, петляющая шоссеиная дорога, спуск. На мгновение показалось, что она видит бескрайнюю голубую гладь... О камни бьет прибой, рассыпается серебряными брызгами и шумит. Мыс, тополиная аллея, скала, с которой когда-то бросилась девушка, пытаюсь нагнать уходящий в море корабль с любимым. Легенда, быть?..

«Счастливей! Увидит и море, и прибой, и желтый серп месяца, и эту скалу, и на берегу залива дом Раевских, где бывал Пушкин. Дерево, под которым сидел поэт. Сидел и

смотрел на мерцающие звезды, слушал рокот волн, шелест деревьев... Счастливей!»— вздохнула она...

— Ты что не спишь?— со своей кровати, со сна пробормотала тетка и, не дождавись ответа, тяжело вздохнула и повернулась к стене...

Спустя несколько дней, когда они встретились, он спросил.

— Хотите поехать?— И добавил:— Есть возможность получить две курсовки.

Она растерялась от неожиданности. Это было так заманчиво — своими глазами увидеть то, о чем он рассказывал.

— Хотите?— с улыбкой наблюдая за ней, переспросил Панин.

Ирина мысленно перебрала все возможности — зарплата, отпускные, тетка — нет, нет, конечно, не хватит.

— Не поеду!— вслух решила она, от волнения теребя носовой платок.

— Это почему? Деньги?— догадался Панин.

Она кивнула, опустив голову.

— Ну, это еще поправимо. Да не так уж много и надо...

— А сколько?— снова загораясь надеждой, спросила Ирина.

Панин поднял к потолку глаза, точно там была написана сумма, пошелестел губами и неожиданно заинтересовался:

— А сколько у вас есть?

— Рублей восемьдесят — сто.

Он обрадовался:

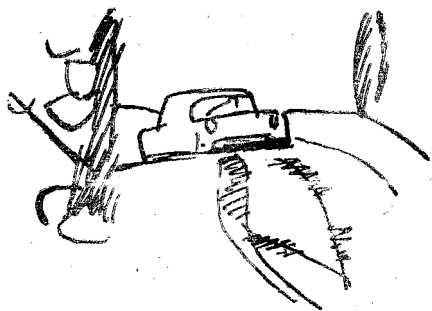
— Хватит! Больше не нужно!

Так легко был разрешен вопрос о поездке. И ни сейчас, ни позже Ирина не понимала, что она поедет с таким, по сути дела малознакомым человеком, о котором настоящему ничему не знает. Точно читая ее мысли, Панин посоветовал не говорить тетке о том, что они едут вдвоем.

— Скажите, что «горящую» путевку получаете в местном. И, конечно, больше ни слова...

Ирина не поняла, почему она должна скрывать это, но обещала сделать, как он сказал. Агать пришлось с самого начала, но все прошло гладко, и через неделю, после беготни по магазинам и спешки с портнихой — соседкой по

квартире, шившей Ирине сарафан и купальник, она выехала в Крым. В первый раз к морю! Провожавшая тетка так и не дождалась, что сосед по купе — Панин. Как только поезд отошел, Панин неожиданно обнял ее. Она почувствовала,

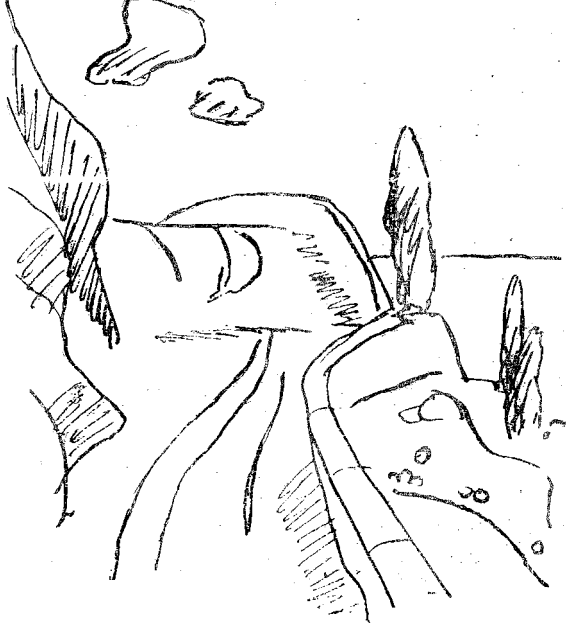
как жадные, потные руки сжали ее, увидела вытянутые в трубочку губы, тянувшиеся к ее лицу, сразу изменившиеся глаза. Ей стало противно. С внезапно вспыхнувшей злостью она уперлась руками в его грудь, оттолкнула. Он моментально успокоился, перевел все в шутку, неискренне засмеялся, пробормотал, что это от радости, оттого, что они, наконец, едут к морю, к солнцу. Ей показалось, что он обиделся, и она даже пожалела, что не уступила. Действительно, что плохого в том, что он захотел обнять ее, упрекнула себя Ирина, нельзя быть такой недотрогой. Он так старался помочь, а она обидела его...

Спустя немного времени она забыла обо всем, не отходила от окна, жадно вглядываясь в быстро мелькавшие пейзажи: густые леса, степи, в желтые копны созревшего хлеба, журавли колодцев, в одиноких путников на дорогах. Она высовывалась из окна — в лицо бил нагретый, теплый ветер, захватывал дыхание. В эти минуты Панину с трудом удавалось втянуть ее в разговор.

Сперва она не решалась выходить на остановках, боялась отстать, но затем осмелела, бегая по перронам, по разбросанным базарам, размахивала руками, смеялась.

Глядя на нее, улыбались даже носильщики и деловитые, вечно озабоченные дежурные по станции, неразговорчивые флегматики и пессимисты.

Теперь уже она взахлеб рассказывала Панину, тормошила, прижималась и бесцеремонно ворошила его не особенно густые волосы. Сосед по купе, пожилой и грузный учитель из Курска, тоже ехавший в Крым, внимательно приглядывался к ним. Как-то, выбрав момент, когда Ирина вышла, с улыбкой поинтересовался:

— Дочка?

Панин не растерялся и со злой веселостью и с вызовом ответил:

— Нет, жена.

Его собеседник закашлялся, покачал головой, поправила сползавшие на нос очки и уткнулся в книгу...

...Панин говорил правду. Было все — и морской прибой, и стремительные катеры в зеленой пенистой волне, и далекие огни автомобилей на петлях горных дорог.

Как не хотелось в эти бездумные, медленно текущие дни заскучать о комнате в коммунальной квартире, работе, старой тетке... Звезды, четкие силуэты кипарисов на синем небе... И вечер, когда она забылась, поверила словам, обещаниям, клятвам любить, всегда любить!.. А быть может, и сама, если не полюбила, то как-то привязалась к этому ласковому, заботливому человеку...

Может быть, это и есть то самое счастье, о котором мечталось? Что с того, что он не молод, намного старше, что под глазами набухли нездоровые, пульсирующие складки, а редкие волосы бессильны скрыть пугающий, голый череп. Ведь и он одинок и тоже мечтает о счастье.

В чем оно, кто знает? В любви, яркой и взволнованной? В спокойной и умиротворенной привязанности? В достатке? Или в том, что рядом, надолго, навсегда, хороший, умный человек, сердечный и внимательный друг?

Гаснет порой любовь, уходит достаток. Но дружба? Настоящая, человеческая дружба? Нет, никогда!..

... Шли дни. Как быстро прошел, пролетел месяц! Настало время возвращаться домой. Было грустно расставаться с полюбившимся морем, но грусть была легкой. Рядом—друг, муж. Теперь будет легче: и радость, и огорчение—все пополам. Верила—увидит еще и эти скалы, и застывшую бухту, и эти звезды.

... В Москве Панин отвез ее домой. Теперь она знала, что ненадолго. Скоро будет свой угол, своя семья...

... Возвращаясь с работы, на Моховой встретил Федора — Фредю. Увидав Ирину, он обрадовался, замахал руками, вихляя, подошел к ней.

— Куда ты пропала, девочка?

— Я выхожу замуж,— с гордостью сказала она.

Он присвистнул — вот так новость! Кто этот счастливчик?

Она назвала Панина и... застыла от негодования. Федор буквально давился от клокотавшего в нем смеха. Он хлопал себя по ляжкам, пританцовывал как сумасшедший.

Еще ничего не понимая, она обиженно пожала плечами, хотела уйти, но Федор остановил ее:

— Подожди, подожди, ты что это, серьезно?

— Конечно.

— Уже не ездила ли ты с ним в Крым или на Кавказ? — с насмешливой издевкой, скосив глаза, спросил он.

— Да. В Крым,— растерянно ответила Ирина.

— Вот сволочь! — воскликнул Федор. — И жениться обещал?

Кусая дрожащие губы, она молча кивнула головой, но не удержалась:

— Откуда ты знаешь?

Федор выпрямился, грубо оборвал:

— Я знаю, что ты дура! У него это бывает каждое лето...

— Врешь, врешь! — защищаясь, крикнула Ирина. — Не может быть, неправда, он хороший, умный. Я не хочу

знать, что было раньше. — Ей хотелось ударить его.

С лица Федора сошел румянец и глупая, бессмысленная улыбка, в глазах задрожали злые искорки.

— Идиотка! У него жена и трое детей! — сразу посерьезнел, это сказал он. Каждое лето он балуется с такими дурочками, как ты... и всем обещает одно и то же!

У Ирины закружилась голова, она почувствовала, как у нее слабеют, подгибаются ноги. Ей показалось, что она упадет.

Федор замолчал, потом медленно, точно раздумывая, сказал:

— А насчет умного, это ты верно, — и, внезапно разъярясь, схватил Ирину за плечи и, глядя в ее глаза, полные отчаяния и слез, крикнул: — Он «фарцовщик», понимаешь, «фарцовщик», скупщик барахла у приезжих иностранцев. Сволочь он, подлец! — И все больше распаляясь, не обращая внимания на собирающихся вокруг них любопытных, крикнул: — Я морду ему набью!..

Панин не показывался, не звонил. Значит, правда!.. Горе не имело границ — кому же теперь верить, если такой хороший, чуткий, близкий оказался подлецом? В отчаянии она не заметила, как по-товарищески внимателен был Федор. Хотя чем он мог помочь, этот пшютоватый пустой паренек? Но он бегал, кричал, возмущался, угрожал расправиться с три Пе. И в конце концов привел в исполнение свою угрозу — избил на улице Панина.

Задержанный милицией, убежденный в своей правоте, Федор не унимался и там и был бы, конечно, наказан, но Панин, боясь огласки, попросил не возбуждать дела и даже заплатил за Федора штраф.

...Шли дни. За осенними дождями и желтыми пятнами опавших листьев пришла зима, стерла яркие солнечные краски лета, принудила землю. Казалось, время должно было притупить боль... «Хакель явор, гамза явор» — все проходит, пройдет и это — обманывало древнее библейское изречение, но, увы, воспоминания не проходили, не бледнели. Приглушенно, точно зубная боль, тихо ныло сердце, напоминало о прошлом. Чаще это случалось вечерами, когда Ирина оставалась одна. Днем, за делами и сутолокой забот, тяжелые мысли прятались, таились. Точ-

но их и не было, но стоило остаться одной, как они предательски вынолазили, шептали, будили воспоминания, и от этого сильнее билось сердце, хотелось спрятать голову в подушку, плакать, никого не слышать и не видеть. Измучившись, она засыпала, чтобы снова пережить все сначала.

Весной Ирина получила перевод — сто рублей. Отправитель, какой-то Иванов, просидев с вокзала, прислал ей эти деньги. Она не знала никакого Иванова и уже хотела вернуть извещение, но тетка, к этому времени посвященная во все, догадалась, что это от Панина («объявлялся, подлец!»), и уредила оставить.

Вначале она боялась прикоснуться к ним, но постепенно привыкла к мысли, что эти деньги принадлежат ей. А когда настало время отпуска, Ирина окончательно решилась и поехала на юг, в Крым...

XIX

Чем выше поднимался переулочек, тем быстрее редел человеческий поток.

Впадая в площадь, узкие тротуары разбегались, огибали громаду памятника и вместе с одинокими пешеходами растворялись в залитой огнями, шаркающей центральной магистрали.

Слева, прижатый каменной глыбой дома, из подвала высовывался ресторан, где любили бывать знатоки восточной кухни, падали на экзотику иностранцы и многочисленные приезжие, преимущественно с юга.

• Попасть сюда днем не представляло труда, но как только темнело и на улицах вспыхивал электрический свет, у входа вывешивалась типографски напечатанная табличка «Свободных мест нет», а за стеклянной дверью появлялась фигура немолчаливого швейцара.

Было непонятно, каким образом так внезапно наполнялись залы популярного в городе ресторана, но этим никто не интересовался. Увидев табличку, люди шли дальше.

Видимо предупрежденный, швейцар почтительно поклонился и распахнул перед Марковым дверь.

Спускаясь по лестнице, пропитанной запахами подгоревшего мяса и каких-то специй, Сергей скосил глаза на свою спутницу. Глядя перед собой, побледневшая и незнакомая, Ирина шла рядом. До площадки, откуда был виден зал и доносился человеческий гул и звуки настраиваемых

инструментов, оставалось несколько шагов. Марков взял руку Ирины, сжал пальцы.

— Не волнуйся! Еще не поздно, повернемся и уйдем,— прошептал он.

— Нет, нет!— не поворачивая головы, упрямо одними губами ответила Ирина.

— Мне же плохо. Это заметно.

Женщина задержала на ступеньке ногу, взглянула в устремленные на нее глаза, упрямо дернула плечом и вошла в зал.

Почти все столики были заняты. Справа, у стены, с какой-то женщиной сидел Смирнов. Рядом, у входной двери, Сергей увидел Шамова. И тоже с женщиной. Кемминга не было. Марков хотел сесть за свободный стол в середине зала, но сзади кто-то окликнул их. Сергей обернулся — рядом стоял американец. Улыбаясь и поглядывая на Маркова, он вполголоса что-то говорил Ирине, потом взял ее под локоть и кивнул в сторону лестницы.

— Он говорит, что столик в соседней комнате,— обернувшись, сказала Ирина и пошла с Кеммингом.

После яркого света зала Маркова удивил полумрак. Низкий потолок давил, хотелось согнуться, чтобы не удариться головой. Столик был в самом углу.

Пока официант ставил, видимо, уже заказанные закуски и бутылки, Кемминг перебрасывался короткими репликами с Ириной. Стараясь попасть ему в тон, женщина отвечала, и Сергей чувствовал, как она напряжена. Прислушиваясь к разговору, Марков дважды перехватил взгляд американца. Оценивающий и изучающий. И стоял серьезный, тяжелый поединок с опытным врагом. Искушенным в таких встречах, способным на любую провокацию. Любезный, панибратски простой и предупредительный, он в любую минуту мог показаться злым. Около них крутился официант, никто не начинал разговор о том, что привело их сюда.

— А коньяк?— по-хозяйски осмотрев стол, спросил Кемминг.— Забыл?— Но как только официант ушел, метнул взгляд на Сергея и вполголоса поинтересовался у Ирины:— Вы обо всем переговаривали?— Женщина кивнула.

И в эту минуту, ломая принятый план, Сергей в упор посмотрел на американца:

— Если пришел, значит, обо всем. Давайте гово-

ритель!—И в это же мгновение почувствовал, как предостерегающе к его ноге прижалась нога Ирины.

С лица американца как смахнуло вежливую улыбку.

— При ней?— он взглянул на женщину.

Марков пожал плечами:

— Вы так хотели сами.

— Разговор связан с ней, как я догадываюсь, ради нее. Не так ли?— уточнил Кемминг.

— Верно!— согласился Марков.— Перейдем к делу. Что нужно? Что я должен сделать?

— О, не сразу, хотя такая постановка мне нравится. По-деловому! Вы работаете в НИИ-16?

— Да!— сухо ответил Марков.

— В качестве кого?

— Инженера.

Кемминг откинулся от стола, засмеялся:

— Это серьезно?

— Почти!— в тон ему улыбнулся Марков.

Американец согнал с лица улыбку, перегнулся через стол, похлопал Маркова по рукаву:

— Мы знаем, кто вы.

— Так же, как и я,—спокойно отпаривовал Сергей.

— Ого! Что ж, если так, легче будет говорить.

— Все зависит от моих возможностей... и условий...

— Пусть вас это не беспокоит!— заверил Кемминг.—

Вы имеете дело с солидной фирмой.

— Фирмой?— удивился Марков.— Вы представитель фирмы?

— Так же, как вы представитель этого НИИ,— усмехнулся американец.

Марков наклонился над столом. Машинально это движение повторил и его собеседник.

— Я знаю, кто вы, вы знаете, кто я. Если разговор серьезный — говорите! Но прямо. Что вам нужно?

— Вы слишком форсируете события,— насторожился Кемминг.

— Может быть, все же выпьем?— вмешалась Ирина и, не ожидая ответа, наполнила рюмки. Поведение Маркова пугало, разговор становился слишком резким. Еще вчера они договорились о другом — пусть говорит канадец, задает вопросы, пусть «процупывает». Недомолвкой, коротким ответом можно «вытянуть» его на разговор... Да и вопросы сами он выдаст себя.

Сергей поддержал предложение, поднял рюмку, примирительно сказал:

— Верно, выпьем!

Выпили, повторили, выпили еще и снова повторили. Женщина не отставала. Ей стало страшно. Встречаясь с Бреккером раньше, она ни о чем не думала — знала, что каждый раз он даст деньги или принесет с собой сверток с какой-нибудь безделушкой: туфли, чулки, перлоновую кофточку, флакон «Герлена» или «Шанеля», ночную рубашку; мало ли в мире пустяков, делающих женщину счастливой. Ирина, смеясь и болтая, в глубине души побаивалась этого несдержанного, часто подвыпившего человека, выполняла, как ей казалось, несложные, но неприятные поручения. И даже, когда он бывал груб, терпела, чтобы не потерять права на деньги и подарки. В какую-то минуту, в самом начале их знакомства, ей показалось, что она ему нравится, но, когда он накричал, грубо упрекнул, что ей не удалось выполнить какое-то поручение, успокоилась.

Сейчас, глядя на Бреккера, она вспомнила все это, и ей хотелось уйти, чтобы никогда больше не видеть этого человека. Но уходить было нельзя. Если бы ей приказали оставить их — она не подчинилась бы.

Она смотрела на Маркова переводила взгляд на американца нет, нет, не сравнивала. Одного она ненавидела, другого... Другого такого не было и не могло быть. Рядом с ним хотелось быть чище самой. Единственный, первый, кому после всех разочарований она верила по-настоящему... Это было и радостно, и одновременно горько, потому что потерять его, разочароваться в нем она не могла... В этой схватке за столом, уставленным вкусной едой и вином под приглушенные звуки музыки Марков не имел права на ошибку, и ей казалось, что своим присутствием она помогает ему. Победа Маркова была ее победой. Поражение — крушением всех надежд, ее концом.

Ей хотелось забыть прошлое. Ненависть к Бреккеру была огромной, всеобъемлющей, но в то же время, где-то сцене далеко, внутри, в ней таился страх.

Она знала его разным — любезным и пренебрежительным, ласковым и грубым, но всегда развязным и требовательным, диктующим свои желания. Сейчас она впервые видела его другим — равным. Ей показалось, что насторожен не Марков, а именно он, Бреккер, и это радовало, но

в то же время и тревожило. Радовало, потому что было расплатой за прежнее. Пугало своей новизной.

— Работа удовлетворяет вас?— обратился к Маркову, поинтересовался Кемминг.

— Вполне,— кладя на тарелку ломтик телятины, ответил Марков.

Сказавшись, Кирини и не знала, какой он лакомка. Первый раз видела, с каким аппетитом он ел, не забывая ни одной из стоявших на столе закусок.

— Интересная?— не отставал американец.

— Очень!— Марков вилок подцепил ярко-красный помидор.

— Не понимаю вас, русских, с вечным вашим засекречиванием всего, что только можно.

— Ну уж и всего!— улыбнулся Марков.— Только того, что нужно. У вас ведь тоже открыты не все двери.

Кемминг не ответил и продолжал:

— Не слишком оперативна и ваша пресса. То, что пишут в газетах, не представляет интереса.

— Смотря для кого. Мы, например, довольны.

— Я говорю о мировой общественности.

— Вы полномочны представлять ее здесь?— спросил Марков.

Но, не обратив внимания на иронию, Кемминг продолжал:

— Уж очень различны наши представления о демократии...

— Несомненно! Кстати, Эйзенхауэр — демократ,— стараясь не улыбнуться, перебил Марков.

— О, вы кусаетесь!— недовольно ответил американец и с плохо скрытой издевкой окончил:—И несмотря на различные взглядов, мы все же нашли возможным встретиться.

Сказавшись, Кемминг и не знала, какой он лакомка. Первый раз видела, с каким аппетитом он ел, не забывая ни одной из стоявших на столе закусок.

Сказать не могу. Мои взгляды не должны интересовать ни вас, ни вашу фирму. Я могу быть вам полезным. Что ж, надеюсь, это взаимовыгодно. Но я рискую и хочу иметь гарантии.

— Слово джентльмена...

— Моральные обязательства ничего не стоят,— сухо оборвал Марков.

— Риск взаимен...

— Конечно,— перебил Марков,— с небольшой разницей. В случае провала — вас вышлют, меня — расстреляют.

— Не будем ссориться, — премирительно сказал Кемминг, — риск исключен. Важно одно — желание быть полезным друг другу. — И, глядя в упор на собеседника, поинтересовался: — Верно?

Марков кивнул.

— Мне все же непонятно, почему вы выбрали это место, — выдержав взгляд, спросил он. — Сознаться, оно неудачно! И вряд ли подходит для серьезного разговора.

— Черт возьми! — повеселев, воскликнул американец. — Конечно, вы правы!

— Раз так — давайте расходиться. Мы уйдем сейчас, вы немного позже, — доставая блокнот, продолжал Марков. — Вот мой телефон. Позвоните, встретимся! Только не в таком месте. И не тяните. Время — деньги, кажется, так говорят у вас.

Кемминг рассмеялся:

— Верно!

— А насчет взглядов и убеждений не будем говорить. Я не разделяю ваших, вы — моих. — Марков усмехнулся. — К сожалению, в жизни иногда приходится делать противоположное тому, что должно. Но, делая это (для кого — вы догадываетесь, надеюсь), хочется знать, ради чего! До свидания!

Все оказалось сложным и непонятным. После встречи в ресторане прошло безумно много дней. Неделя... Сергей исчез. Было не до гордости. Ирина звонила домой, на работу — нигде его не было. Теряясь в предположениях, она не знала, что и думать. Дошло до того, что бегала в парк культуры к той скамейке. Глупо, но что делать, а вдруг?.. Потеять его теплее она не могла... Да, да, сейчас она не боялась признаться себе в этом. Видимо, изменилась она и внешне, потому что старая тетка встревоженно наблюдала за ней. Осторожные попытки выяснить причину наталкивались на упорное молчание, а иногда и слезы... Совсем недавно ее любимица была весела, по-ребячьи тормозила старуху, смеялась, а в глазах светилась такая синева и радость, что тетка, зная о любви только из книг, все же поняла — влюбилась. Но как недолго продолжалось это. Сейчас, видя понурую фигурку и потухшие глаза племянницы, старуха терялась в догадках.

По старой привычке всех утешителей осторожно высказала предположение, что человек-то, видимо, несчастный а то и просто плохой. Вроде того, крымского. Может, еще лучше, что исчез! Сказала и пожалела — Ирина, как тигрица, вступилась за Сергея. Что только не пришлось слушать тетке! Совсем, совсем потеряла девочка голову!..

И вдруг случилось то, о чем мечталось,—встретила! В голове мелькнули десятки мыслей, сотни вопросов, тысячи невысказанных упреков — бросилась к нему как безумная. А он, заметив бегущую, трусливо юркнул в машину, и остались перед глазами только легкий дымок сгоревшего бензина да забрызганный грязью знакомый номер автомобиля... Бреккера. В это же мгновение из-за угла выскочила машина и, заскрипев на повороте тормозами, пошла вслед.

Ирина, ничего не понимая, оторопело смотрела перед собой...

XX

— Слушаю!— Агапов поднял трубку.

Говорила Гутман. Из путанных бессвязных слов, прерываемых слезами, Михаил Степанович понял одно — сейчас же, немедленно она должна его увидеть.

— Да что случилось?

— Страшное! Я сейчас приеду к вам, можно?

— Подождите! Откуда вы говорите?—И, узнав, что из автомата, уточнил адрес и предложил встретиться.

— Где?— взволнованно перебила его Ирина.

— Около вашей будки никого нет? Ну и хорошо. Тогда выйдите из автомата, идите по бульвару. У памятника Гоголю перейдите улицу и на углу ждите. Я сейчас подъеду. Вы поняли?

— Да.

Пройдя несколько шагов, Ирина остановилась—кружилась голова, подкашивались ноги. «Надо сесть, сейчас же сесть!»—мелькала мысль. Она прошла еще немного, почувствовала, что не дойдет. Огляделась—все скамейки были заняты: старухи с вязаньем, читающие газеты старики, няньки с колясками. В затененном углу, окруженные бодельщиками, играли в шахматы. Солнечные лучи лениво лежали на дорожке. Через них с криком перепрыгивали дети. Покой. покой! «И вечный бой Покой нам только снится!..»—вспомнились блоковские стихи. «Покой, где он?» Как она завидовала сидящим здесь! Ничего, что старость, что остались только неторопливое вязанье да размышления. Какое счастье сидеть вот так, бездумно глядеть на медленно проплывающие облака, синеву неба, застывшую зелень ветвей, на неподвижные золотистые полосы, как ступеньки лежащие на пути. Ничего не хотеть, не ждать. Только бы ничего не вспоминать, все забыть! Все! Пусть будут прокляты любовь, вера, надежды! Нет их, все ложь!

И сейчас же откуда-то изнутри, все нарастая, поднимался протест—ну, а он? Как же он? Что руководило им, когда он говорил о своей любви, о долге, о ее ошибке,—Ирина усмехнулась,—ошибке. Теперь-то она знала, что это преступление. Тяжелое преступление... И, говоря так, искал пути, да, да, искал возможность встретиться с Бреккером. А встретившись—обманул, отбросил ее, как ненужную тряпку. Что ж, так и простить, дать ему за своей спиной сговориться с Бреккером? Дать свершиться тому, что они задумали? Сейчас обо всем этом она вспомнила с омерзением. Нет, нет, допустить этого она не могла. Пусть она погибнет, но и они должны ответить за все, за ложь, за предательство. Пусть конец, но и они не уйдут от наказания. Постепенно она укреплялась в мелькнувшем подозрении. Сейчас верила в то, что Марков—предатель. Значит, еще раз она помогла Бреккеру. И когда? В ту минуту, когда поняла степень своего падения, когда всем сердцем поверила в возможность все исправить. Что же теперь будет с ней?..

Ночью она ни на одну минуту не сомкнула глаз, думала, перебирала в памяти все, что было связано с человеком, которому поверила, полюбила. Сейчас в каждой его фразе, каждом поступке видела фальшь, обман. И вдруг вспомнила—Агапов! Как она могла не догадаться раньше! Ирина вскочила с кровати, начала искать бумажку с запи-

санным его рукой телефоном... Перерыва все, но так и не нашла. Когда рассвело, снова перебрала все вещи, сумочку, все ящики стола — бесполезно. И наконец вспомнила — по совету Маркова порвала ее. Еще одно доказательство его измены! Значит, давно готовил это предательство. Из всех свободных автоматов она звонила в справочное и наконец нашла...

Незаметно для себя она дошла до памятника, остановилась. Бой мой, как она устала! Улица, бульвар, площадь были полны людей, они проходили мимо, спорили, смеялись, со всех сторон мелькали автомобили — мир наполнен жизнью, движением, а она одна со своей тяжелой ношей.

Она взглянула на угол — немного поодаль, около магазина, стояла машина.

Она переждала поток автомобилей, перешла мостовую, поравнялась с машиной. Дверца открылась.

— Садитесь! — услышала она. Машина рванулась.

— Что случилось? — спросил Агапов, но Ирина почувствовала, что не может говорить. Тяжелый комок подкатил к горлу, сжал дыхание, слезы заволокли глаза.

Машина прошла бульвар, пересекла площадь и вышла на набережную. Агапов гладил плечо Ирины, успокаивал, а она плакала все сильнее.

— Так что же все-таки случилось? — в который раз спросил Агапов, но она не ответила.

— Ну, поплачьте, поплачьте! Хотя я и не вижу причин для этого, — откинувшись, пробормотал Агапов, не переносивший женских слез.

Машина шла вдоль Кремлевской стены, на той стороне реки промелькнул серый особняк посольства, на мгновение нырнули под мост и снова выскочили на залитую солнцем набережную.

И она заговорила. Медленно, точно вспоминая, она, в который раз, рассказывала о своей жизни, о встречах и разочарованиях, как узнала Маркова, как полюбила. Рассказывала, не могла не сказать, о Брекере. Агапов слушал не перебивая, хотя все знал.

Вспоминая встречу в ресторане, она заволновалась. Тогда ей был непонятен этот разговор, то слишком прямой, то с недомолвками и паузами. Казалось, что Марков слишком резок, что об осторожности говорил не Бреккер, а именно он... Удивило, когда Марков, комкая беседу, протянул

ему записку со своим телефоном и предложил встретиться еще.

Выйдя из ресторана, она тогда не сдержалась и упрекнула Маркова, но он полуобнял ее и ласково успокоил: «Так нужно, родная, все будет хорошо!..» И с тех пор пропал... Она его искала и неожиданно увидела вместе... с ка-надцем. Заметив ее, он вскочил в машину и уехал. Что это? Ирина взглянула на Агапова, он улыбался. Ей показалось, что она ошиблась, но нет. Агапов действительно улыбался. Улыбка широко раздвинула рот, и узкое лицо от этого стало полнее. Ирина растерялась, потом возмутилась: как он мог смеяться над ее горем? Или он ничего не понял? Но Агапов взял ее за плечи, тряхнул и, глядя прямо в глаза, ободряюще сказал:

— Все в порядке, Ирина! Ничего не случилось, мы все знаем. Так нужно!— И, увидев, что она по-прежнему ничего не понимает, уже серьезно повторил:— Так нужно! Он хороший парень, настоящий человек и знает свое дело. А то, что это взволновало вас, встревожило и вы позвонили мне,— хорошо. Очень хорошо! Я рад за вас...— Он перевел дыхание и после короткой паузы окончил:— И за Сергея!

Сидевший рядом с водителем сотрудник обернулся и ободряюще посмотрел на нее — Ирина по-прежнему ничего не понимала.

— Так нужно, Ирина!— повторил Агапов.

— А я?..— вырвалось у женщины.

— Мы запретили Маркову говорить вам. События развиваются нормально, сейчас важно, чтобы вы были спокойны. Ничего не случилось! Если вам позвонят (вы знаете кто!), будьте естественны. Помните, ничего не случилось!— еще раз сказал он.— И обо всем немедленно сообщайте нам. Обо всем!..

XX

Телефонные звонки не прекращались. Один и тот же голос настойчиво добивался Бреккера. Владимир Прохорович вначале спокойно, а позже, раздраженный назойливостью, кратко отвечал, что его нет.

— А когда будет?— не отставал голос.

— Откуда я знаю?— вспыхнул Сеньковский.— Кто это?

Но человек бормотал что-то невнятное и вешал трубку. Так продолжалось несколько часов. Сеньковский перестал отзываться на звонки. Усталый после суточного дежурства на заводе, он присел на тахту и задремал.

Бреккер явился только поздно вечером — с шумом ввалился в комнату, и она наполнилась влажными осенними запахами. Подойдя к холодильнику, достал бутылку с коньяком, бросил в стакан ломтик льда. Подняв стакан, некоторое время рассматривал, как на свету расплавленным металлом переливалась жидкость. Улыбнулся своим мыслям. Выпил.

Шум, поднятый Бреккером, помешал. Владимир Прохорович приоткрыл глаза — перед ним зарыбила ковровая стена. В голове еще бродили обрывки какого-то нелепого сна, хотелось нырнуть в него, узнать что будет дальше, но очередной толчок в спину заставил отказаться от этого. Владимир Прохорович перевернулся, оторвал голову от подушки и увидел протянутую руку с наполненным стаканом.

— Никто не звонил?

Владимир Прохорович оторвался от стакана, перевел дыхание. Вспомнил. Засмеялся:

— Осточертел тут один. Я уж и отзываться перестал...

— Не сказал кто? — оборвал его Бреккер.

— Спрашивал, да он трубку вешал. — И, точно в подтверждение, раздался звонок. Бреккер схватил трубку. Сеньковский, наблюдая за квартирантом, увидел, как он побледнел, как побурели яркие пятна румянца, как сузились глаза — весь он напрягся, сжался. Хмельное выражение как смахнуло.

— Немедленно приезжайте, сейчас же! — бросил он в трубку и, обернувшись к Сеньковскому, приказал: — Иди погуляй. Часа на два... Хотя нет, перед возвращением позвони!

Таким Владимир Прохорович его еще не видел. Выйдя на улицу и покрутившись у дома, он, подстегиваемый любопытством, вернулся во двор и шмыгнул в беседку. Темнота и заросший, пожелтевший плющ скрыли его от посторонних взглядов. Теперь Сеньковский не сомневался, что придет мужчина. И в ту же минуту в его памяти возникла фигура приходившего раньше. Не он ли? Ждать пришлось долго. Владимир Прохорович несколько раз срывался с места и, крадучись, пробирался за человеком, показавшим-

ся знакомым. Человек входил в парадное, и Сеньковский из темноты, через дверную щелку, наблюдал, куда тот пойдет. И каждый раз ошибался. Наконец, подворотню лизнул свет фар, хлопнула дверца автомобиля, и через мгновение во дворе показалась фигура приехавшего. Владимир Прохорович насторожился. Человек прошел мимо беседки и направился к парадному. Сеньковский подождал, пока за ним закроется дверь, сорвался с места, перебежал двор и прильнул к щелке — человек стоял у его квартиры и нажимал кнопку звонка. Дверь отворилась, и неизвестный вошел. Тот! Тот самый! Что делать дальше, Сеньковский не знал. Он вернулся в беседку, поглядывая на свое окно, но, плотно зашторенное, оно не пропускало света. «Что случилось, что так взволновало Бреккера? Телефонный разговор?» — спрашивал он себя, и понемногу еще неясное волнение охватывало его. Закурил, не подумав, что отблеск может выдать. Прошел по беседке — в ней не хватало воздуха — и вышел во двор. Куда идти? Он направился к воротам, дошел до угла. Рядом, за ярко освещенными окнами булочной, сновали покупатели. Владимир Прохорович потоптался у витрины, поднял воротник макинтоша и под противным морозящим дождем, по мягкому коврику опавших листьев пошел в сторону площади. Куда — он не знал сам. Двигаться сейчас для него было необходимо, движение не давало времени для размышлений, и, главное, казалось, что он уходит от какой-то опасности. Он не понимал какой, но в том, что случилось что-то серьезное, был уверен.

Не так давно, как-то вечером, когда они, он и канадец, сидели у приемника и слушали музыку, Бреккер, не перестававший подливать себе и ему из стоявшей на полу бутылки, блаженно вытянул ноги и каким-то подобрешшим голосом мечтательно сказал, что скоро, очень скоро вернется домой. Понимая, что канадец не понял, то ли не придавал значения сказанному. Да и сам канадец к этому больше не возвращался. Так бы и забылся этот разговор. Но сейчас что-то толкнуло Владимира Прохоровича. В памяти всплыл вечер, реплика, и он начал связывать приход неизвестного с телефонным звонком, так взволновавшим Бреккера. Не отразится ли на его благополучии? — шевельнулась тревожная мысль. Потерять такого жильца было бы жалко. Он пытался успокоить себя, но сомнения не проходили. Куда пойти, где про-

вести два часа, до того как он узнает, прочтет на лице канадца, что случилось? И он шел без цели, перепрыгивая через блестящие пятна воды, скапливавшиеся у ямок асфальта.

Город как бы замер под сеткой дождя. Редкие прохожие, съездившись, пробежали мимо, вдоль вымокших домов, чиркали блестящие огни автомобилей все торопились в теплоту и уют своих комнат, а он уходил от своей в ночь. Слева из мрака, выросла громада высотного дома с разноцветными окнами, понизу опоясанная ожерельем света,—«Гастроном»! Вспомнил, что сзади, внизу, кино-театр, и направился к выходу. Дождь разогнал публику, в кассе оказались билеты. Так и не спросив, что идет, он вошел в фойе, побродил по залу и остановился у стенда с фотографиями.

— Вот, оказывается, где вы?—спросил за спиной женский голос.

Сеньковский оглянулся. Невысокая, худенькая, с вихрастой прической девушка, старательно облизывая ватфельный стаканчик, с улыбкой смотрела на него.

— Не узнали?—И, увидев недоумевающее лицо, смешливо скосив глаза, упрекнула:—Когда приходите в домоуправление, здороваются. А сейчас не узнаете.

— Теперь узнал, Клабочка,—улыбнулся Сеньковский.

Лукавая улыбка скользнула по губам девушки.

— То-то! Смотрите, выпишу вам двойную квартиру, будете тогда знать! Кстати, кто это у вас живет?

— У меня?—не зная, что ответить, выгадывая время, переспросил Владимир Прохорович.

— Не у меня же,—дернула плечом девушка.

— Да заходит иногда один знакомый,—попытался отговориться Сеньковский. Не хватало, чтобы о канадце знали в доме!

— Да, заходит!—продолжая оближивать стаканчик, засмеялась Клава.—К нам в домоуправление уже приходили, спрашивали о вас, интересовались вашим приятелем.

— Кто приходил?—поблудил Сеньковский.

Девушка прищурилась:

— Один дяденька..

— Кто, кто?—перебил ее Владимир Прохорович.

— Вы что, маленький?—разозлилась Клава.

Сеньковский действительно понятия не имел, и тогда девушка, гордая тем, что что-то знает, оглядываясь по сто-

ронам, вполголоса рассказала, что интересовались работники уголовного розыска.

— Уголовного розыска? — удивился Владимир Прохорович и прикусил язык. «Вот, вот, начинается!» — мелькнула мысль. Мелькнула и уже не оставляла. Припомнились свертки, которые уносил из квартиры неизвестный, ~~какие-то пакеты, разбросанные в коридоре им самим.~~ Все эти Сэмы, Бобы и Дики, передававшие для канадца пачки с деньгами... «Ой, втянет меня Бреккер в грязную историю!» — он перевел дыхание. — А я-то, я-то, дурак!» Сейчас все, что делал канадец, казалось подозрительным. Все видели, все знали, один он ничего не почувствовал, не заметил. «Что делать, что делать?» — в отчаянии думал Владимир Прохорович.

— Пойдем же, начинается! — услышал он нетерпеливый голос. Клава тянула за рукав: — Все уже сели.

Владимир Прохорович растерянно оглянулся, увидел опустевшее фойе, бегущих опоздавших, тряхнул головой, точно хотел отогнать невеселые мысли, и, волоча ноги, пошел за девушкой.

Все время, пока шла картина, Владимир Прохорович пробовал начать разговор: не терпелось выяснить что интересовало приходившего «дяденьку». Но как только он наклонился к девушке, она, хихикнув, отстранилась «хлопала по руке, шептала, чтобы он смотрел на экран. «Чего это она прыскает, — уныло думал Сеньковский, — что я, ухаживаю?» И снова тянулся к ее уху. Все повторялось снова, до тех пор, пока на него не зашикали. «Ничего! Пойду провожать, по дороге узнаю!» — решил он, откидываясь на спинку кресла и с нетерпением ожидая окончания сеанса...

«Значит, действительно приходили, вернее приходил. — проведив Клаву и возвращаясь домой, думал Владимир Прохорович, — спрашивал обо мне. Как живу, где работаю, кто бывает?» И все так, между прочим. Только в конце разговора, собираясь уходить и возвращая Клаве домовую книгу, «оперативник» вскользь спросил о жильце. Какой из себя, часто ли приходит? Что они о нем знают? Да и что, в конце концов, знает о нем он сам? Хотя нет, кое-что было известно, и то, что он знал, сейчас не могло не взволновать. «Я не знал, откуда знают они? — пробовал он отмахнуться от мрачных мыслей. — Один он,

что ли, торгует барахлом, все комиссионки полны. Привозят и сдают, — вслух рассуждал Сеньковский. Сказал и осекся. — А золото?...» Дождь прошел, и из-за высотного дома на Смоленской, в посветлевшем небе, навстречу ему, выплыл тонкий серп месяца. Он ускорил шаг.

XXII

То, о чем рассказал Зуйков, было страшно. Потрясенный Кемминг заставил повторить все сначала, но слушать не умел. Перебивал, уточнял. Его интересовали такие детали, такие мелочи, которых Зуйков не смог запомнить. Кемминг нервничал, срывался и в конце концов добился того, что его волнение передалось рассказчику. Зуйков начал путать и под конец, разозлившись, наговорил америконцу дерзостей. Кемминг опешил. В других условиях он бы знал, как обуздать «этого распоясавшегося русского», но сейчас пришлось смолчать. «Ничего, ничего, ничего, — утешил он себя, — я припомню ему это!» Он не принадлежал к числу людей, которые забывают.

— Давайте по порядку, — успокаивая разошедшегося Зуйкова и сдерживая самого себя, предложил он, — как вышла из дома, куда пошла, где была, только поподробнее.

— Говорил же я, — остывая, пробормотал Зуйков.

— Повтори еще! — настойчиво сказал Кемминг, незаметно для себя переходя на «ты».

Привычка подчинять сделала свое — Зуйков поднял голову, откинулся на спинку стула.

Часто останавливаясь, вспоминая ускользнувшие ранее подробности, он медленно рассказывал, как стоял у дома «этой чернявенькой», как наконец она вышла, как бежала от автомата к автомату и только в полдень, из телефонной будки у Кропоткинского метро позвонила в последний раз. Вспомнив, какой вышла, он усмехнулся — стоило столько звонить и бегать, чтобы на лице была такая растерянность. Оглядывалась по сторонам, точно ждала кого-то. А потом опустив голову, пошла по бульвару.

— Подойти к будке, когда она набирала номер, не догадался?

— Побоялся. Ходить-то за ней пришлось долго, приметить могла.

— Дальше, дальше...

— Чего дальше? — огрызнулся Зуйков. Еще войдя в комнату, он почувствовал, что случилось что-то серьезное, угрожающее американцу, а значит, и им, ему и Митину. Хотя черт с ними со всеми! Сейчас он думал о себе. А раз опасность — значит, надо бежать. Бежать, пока не поздно. «А куда?» — спросил он себя, и тотчас память подсказала — заповедник! Если выбрать из контейнера все, что там осталось, — хватит надолго. Только бы не обогнал Митин... Молнией мелькнуло: «Дьюшка, инструктор». Его советы: «В случае опасности, осядь где-нибудь в глуши, затаись, обзаведись хозяйством. Обязательно женись. Жена — надежное укрытие, не то что холостой, «вей ветерок». Поступи на работу. В ударники не рвись, но и в отсталых не ходи. Когда придет время — позовем!..» — «Только тогда я уж не пойду».

Кемминг прервал его думы:

— Что замолчал? Дальше, дальше!

— Дошла она по площади, перешла улицу. В переулке стояла машина...

— Номер запомнил?

— Нет. Спереди, рядом с шофером, сидел военный. Она села, машина рванула, так я их и видел.

— Ты говорил, петлицы у него были. Какие?

— Не до того было. Как увидел его — все позабыл. Ну их к лешему! Так и пропасть можно, — сказал Зуйков, не обратив внимания на брезгливую усмешку, тронувшую губы собеседника.

— Дурак! Военного испугался...

— Лучше дураком прожить чем умным пропасть, — отпарировал Зуйков. И после короткого раздумья признался: — А испугался, правда. Вам, может, не боязно, а по мне — подальше от греха. Погореть можно, — повторил он, заерзал на стуле и наклонился к Кеммингу: — Может, тикать пора?

— Зегу л. Ты сюда слеза, если соинься каждого? — сдерживаясь, чтобы не ударить, процедил Кемминг.

— Ехал, скажите тоже, — выдавил улыбку Зуйков, — все бы так приезжали — не боялся. — И раздумчиво окончил: — А бояться не грех. Береженого и бог бережет!

— А когда дружка убивал, тоже трусил? — зло спросил Кемминг. И пожалел. Зуйков вздрогнул, приподнялся, схватил американца за руку:

— Не шуми! Ты в этом деле тоже не сторона.

— Не дури! — успокоил Кемминг и, поглаживая Зуйкова по плечу, пообещал: — Скоро поедешь туда, откуда приехал. Отдохнешь там. А сейчас иди! Позвони сюда завтра, — он взглянул на часы, — в шесть!

— Вы только будьте, а то сегодня весь день звонил. — Подумал, вздохнул. — Что ж, может, и обойдется еще.

Кемминг кивнул:

— Обойдется, обойдется! — и мягко, но настойчиво подтолкнул Зуйкова к двери. В тамбуре наклонился к Зуйкову, шепнул: — Если не отвечу — звони по второму телефону. Понял?

Зуйков кивнул. И от этого обоем стало не по себе.

Как только за гостем закрылась дверь, Кемминг бросился к телефону...

Когда Сеньковский вернулся домой, Бреккера уже не было. На столе, под недопитой бутылкой, белела записка. Владимир Прохорович взял ее, другой рукой налил стакан, выпил не закусывая и стал читать: «Завтра в пять часов уйди. Возвращайся попозже!» Владимир Прохорович прочитал еще раз, походил по комнате, подошел к окну, раздвинул портьеру — темно. Темно было и на душе. Какая опасность таилась в приходе этого человека, — подумал он, — что скрывалось за безобидными вопросами? Чем все это могло грозить ему? Он дотошно перебирал все, что было связано с квартирантом, и не находил своей вины. Вот разве приносили и уносили какие-то пакеты, сам он вечерами ездил со свертками, встречался в парадных... А кто это может знать? Так, постепенно убеждая себя, он пришел к выводу, что ничего особенного не случилось. Теперь он думал не о том, чтобы порвать с Бреккером, а как-то сохранить эти отношения и в дальнейшем. Уж очень не хотелось терять то, что давало это знакомство... «...и, продолжая ходить по комнате, Владимир Прохорович заметил, что думает вслух. Он осмотрелся (показалось, что в комнате он не один), задернул портьеру. Потом подошел к столу, допил вино. Хотелось убежать от преследовавших его мыслей, забыть все. Первое смятение прошло. Надо было постараться заснуть. Сняв пиджак и ботинки, Владимир Прохорович лег на тахту и вжал голову в вмятину подушки.

— ...Как я уже докладывал, вторая встреча произошла через два дня...

— До сих пор не могу убедить себя, что твое поведение в ресторане было правильным.— раздумывая вслух, произнес генерал.

— Все случилось неожиданно для меня самого, Олет Владимирович. В какое-то мгновение я понял, что принятый план разговора неверен.

— Еще раз — когда ты почувствовал это,— вмешался Агапов.

— Как только отошел официант. По одной фразе. Понял, что помогать в их версии не стоит. Марков задумался и после короткой паузы продолжал:— На чем строят свою операцию они? Женщина! Кто я? Чекист с загадочной славянской душой! Сколько раз переигрывали мы их на этом — должны же они отказаться от выдуманного образа... И тут мелькнула мысль — а что, если перевести все только на деловые рельсы? Деньги! Купил, продал — им это должно быть понятнее. И без ссылок на репрессированного отца или выдуманное аристократическое происхождение. Что нового, экстраординарного в их попытках завербовать советского человека?— спросил я себя.— Ведь пытаются же они это делать и у нас и за границей. Грубо, без надежды на успех.— Марков помолчал и закончил:— Вот это и определило тон разговора...

— Что ж, возможно, ты и прав,— заключил Орлов.— Так как же прошла встреча?

— Дал понять, что женщина мешает. Кажется, сразу он не понял этого. Условились, что позвонит,— Марков улыбнулся.— Позвонил на следующий день из Серебряного бора. Видимо, решил ковать железо, пока горячо. Предложил встретиться через час. Мы с Михаилом Степановичем решили,— Марков взглянул на Агапова,— хочет проверить, как буду подъезжать. Один ли? Значит, еще не верил. Я поехал. Он ждал на опушке леса. Поздоровались, сели в машину... и начался разговор...

— Чем интересовался? КВВ?— спросил генерал.

Марков кивнул.

— Так прямо и начал?

Марков улыбнулся.

— Нет, с подходом. Еще раз, где работаю, чем занимаюсь институт, как решена проблема горючего...

— Раз летаем значит решена,— пробормотал Орлов.— А отвечал как?

— Как договорились. Деньги против расчетов.

— Торговался?

Видимо вспомнив, Марков засмеялся:

— Вот не думал, что окажусь таким жадным...

— Поверят, так дадут и больше!..

— ...Он откинулся на спинку, обалдело взглянул. «Это несерьезно»,— говорит. Я ответил, что это еще при условии, если перебросят через границу. Вряд ли, говорю, в ваших интересах, если буду пытаться сделать это сам. Ведь в случае провала скандала не оберешься. Похуже, чем с Пауэрсом... А женщину оставляю вам... Он долго думал... и, как мы и предполагали, сказал, что должен кое с кем посоветоваться.

— Впечатление какое у тебя осталось?

— По-моему, идет прощупывание.

— Верит?

Марков пожал плечами:

— Эта встреча меня в этом не убедила. Но, видимо, все складывается нормально.

— Разговор, конечно, он записал на пленку. Из-за этого и потащил в машину,— высказал предположение Агапов.

— А ты?— метнул взгляд генерал. Марков утвердительно кивнул.

— Как дальше?

— Довез меня до «Сокола». Договорились, что позвонит. На другой день встретились в одном из арбатских переулков. Вот тут-то и случилось. Сидя там, у меня ума не приложу. Как увидел ее, шмыгнул в машину, он догадался, за мной. Говорю, скорей! Он дал газ, и мы скрылись. Кажется, это ему понравилось — видимо, поверил в желание отделаться. Даже по плечу похлопал, похвалил за решимость.— Марков пригладил волосы и дрогнувшим голосом сказал:— Она черт знает что может подумать... Ведь она звонит, ищет меня...— И, немного помолчав, попросил:— Разрешите встретиться, объяснить?

Орлов застучал пальцами по столу, скосил глаза на Агапова.

— Я, Сережа, видел ее. Разговаривал,— сказал Михаил Степанович. В голосе было что-то успокаивающее, и это настораживало.

— Как она?— уже с тревогой спросил Марков, не отрываясь от лица Агапова.

— Теперь ничего, обошлось,— вздохнула Агапова,— тяжело ей, видимо, было. Дошло до того, что заподозрила тебя в предательстве...

— Предательство?— побледнел Марков.

— Что ж, это только говорит в ее пользу,— вмешался Орлов.— Раньше она так бы не подумала. Значит, раскаяние искреннее... Обидно, конечно, что причинили ей боль, но кто мог предполагать... Но в этом есть и плюс. Психологически он сыграл на нас... Продолжай!

— Как только мы выехали на Можайское шоссе, он свернул в первую же развику, остановил машину, осмотрелся по сторонам и, глядя таким изучающим взглядом, многозначительно сказал: «С вами, Марков, хочет встретиться один человек».

Генерал и Агапова засмеялись.

— Смотри пожалуйста,— пробормотал Орлов,— а ведь неглупый человек. Я знаю за ним немало удачных дел. Видимо, успех в Иране вскружил голову, а провал в Сирии ничему не научил. У него был неплохой учитель, этот Говард Стоун, а вот поди ж ты, у нас ведет себя как зарвавшийся мальчишка. Что значит вера в силу денег...

— ...Кто?— спрашиваю,— продолжал Марков.— Он покрутил головой, но так и не сказал...

— Итак, мы выходим на Кларка,— подытожил Орлов.— При знакомстве в планетарии тоже не назвал его?

— Нет.

— Деневая конспирация! Тоже мне «рыцари плаща и кинжала».. Ну, Кларк-то умнее.

Марков махнул рукой:

— То же самое!..

Орлов насупился, строго посмотрел на него:

— Недооценка врага всегда обходится дорого. Верь в себя, в свои силы, в правоту дела, которому служишь! Но бойся самоуверенности! Если противник дурак, не велика честь воевать с ним!.. А этот опасный.— И после короткого раздумья предложил:— Постарайся вспомнить весь разговор. Точно, в деталях. Это очень важно.

Рассказ был долгим. Шаг за шагом шли за ним Орлов и Агапов, часто перебивали, уточняли детали, отдельные фразы, интонации, понимая, что встреча и разговор были решающими. От впечатления, которое оставил Марков, зависел успех дела.

— Чувствуется, что условия работы в институте и люди им знакомы,— заметил Орлов.

— Да!— подтвердил Марков.

— Полонский,— напомнил Агапов.

— Возможно, не он один. Да и в искренности его я еще не убежден до конца.

— ...Когда я сказал, что сейф опечатывают трое, Кларк спросил, кто они. Я ответил. Он подумал и высказал предложение, что сможет помочь..

Генерал переглянулся с Агаповым.

— ...Я отказался. Сказал, что помощники облегчают работу, но увеличивают опасность.

— Тоже верно,— похвалил Орлов.— Твоя первая попытка успеха иметь не будет, и ты попросишь помощи. Вот тогда-то они и назовут своих сообщников. Тебе верят?

— Теперь, видимо, верят!

— Уж больно нагло действуют,— заметил Агапов.

Генерал вскинул голову:

— Конечно. Вся комбинация построена на авантюре. Хозяева требуют, торопят. Вот у них и нет иного выхода...

— А если провал? Скандал ведь, великая держава...

— Не узнаю я тебя, Михаил Степанович. Точно первый год работаешь. Да ведь у них вся политика построена на этом. Другой бы от стыда умер, а они... ничего... Домой приедут — мемуары напишут. С выводами, что большевики преследуют частное предпринимательство. Вот, мол, еще доказательство, что у русских нет свободы,— засмеялся Орлов.— Не перейдем к делу. На чем договорились?

— Кемминг дает «Контакс»...

— Опять «Контакс»,— улыбнулся Орлов,— видимо, ЦРУ закупает их партиями... Кстати, поручи выяснить, Михаил Степанович, кому был продан фирмой фотоаппарат за этим номером...

— ...Дает «Контакс»,— продолжал Марков,— и при первой же возможности я сниму все расчеты и чертежи...

— Других вопросов не было?

Теперь улыбнулся Марков:

— О, много! И места запуска, и кто конкретно руководит, и готовятся ли опытные взрывы...

Орлов укоризненно покачал головой.

— Молчавший до этого Кемминг спросил, не могу ли я раздобыть дислокацию ракетных частей? «Не много ли вы хотите от меня?» — ответил я. — Я продаю, то, что могу». — Торговлю, горючее, стороны Кемминга и это посмотрел на Кемминга...

— А что, если им дать расчеты? — вслух подумал Орлов.

— Их собственные, «вернеровские», — улыбаясь, подсказал Агапов.

Орлов взглянул на него, помолчал. Потом протянул руку к лежащему на столе миниатюрному фотоаппарату, покрутил перед глазами:

— О, с ночной съемкой и минимальной выдержкой. Неплохая модель.

Марков и Агапов смотрели на него, ожидая ответа, но он продолжал рассматривать заморский подарок.

— Неплохо, неплохо! Да ведь и наши не хуже, а?.. — Оглядел сидящих офицеров, но, так и не ответив на заданный вопрос, перевел взгляд на Агапова: — Так кто этот Сеньковский?

Привыкший к таким переходам, Михаил Степанович встал, подтянулся:

— Мы уже две недели наблюдаем за ним. Кемминг не только использует его квартиру, но и втянул в валютные дела как передатчика. На днях мы даже отвезли его домой от театра Ермоловой, где он встретился с известным нам Бобом, он же Ищенко, старым знакомым уголовного розыска. Сейчас Боб — доверенное лицо Кемминга. В парадном Сеньковский передал Бобу пакет.. Надо принимать решение. ~~Завтра доложу все это~~

Орлов усмехнулся, не торопясь всыпал в стакан порошок с содой, помешал ложечкой побелевшую воду, выпил.

— Изжога, — извиняющимся тоном сказал он.

— Товарищ генерал! Наступают на пятки. Как бы не вспугнуть... — доложил Марков.

Орлов взглянул на Агапова, посуrowел.

— Потерять боимся, Олег Владимирович. Да и гоняет уж больно быстро. Не успевает оправдываться перед орудовцами.

— Это у себя-то дома боимся? А потеряешь, так что?

— Связи...

— С кем встречается, встретится еще, — ответил Орлов. — Нет, нет. Рисковать нельзя. — И приказал: — Оттяни людей! Можете быть свободными.

Офицеры поднялись и направились к выходу. Уже в дверях Орлов их остановил.

— А о наших планах доложу сегодня же.

XXIV

Позже, когда дело операции «Бэйби» уже лежало в подвалах архивов окутанного таинственностью дома на берегу Потوماка и считалось пройденным печальным этапом, Кемминг, в минуты опьянения, когда голова его работала особенно четко, вспоминал о разговоре с шефом...

...Выслушав Зуйкова, Кемминг поначалу растерялся, не поверил, заставил повторить сначала. Но все совпадало. Женищина вышла из дома, где живет Гутман, была одета так же, как она. Зуйков, наконец, припомнил и ее быструю походку, мелкий частый перебирающий шаг, и вязаную кобальтовую шапочку, и даже развевающиеся на ходу полы пальто. Наконец, черты запоминающегося лица, хотя это было труднее, потому что Зуйков все время шел назад, на расстоянии, и не решался подходить близко. Да, это была она! Но если так — конец! Снюхалась, сволоочь! Значит, провал всего, что с таким трудом, такой выдумкой и риском создано им, Кеммингом, что должно было поднять его, поставить рядом с боссами ЦРУ... И вдруг эта встреча. Где, в чем он ошибся, не рассчитал?.. Ведь девчонке отвел он незначительное место, а судя по поведению Маркова, «любимый» вариант... Был Зуйков? Ушел авднй. Не еще где, в России, где было столько провалов, означал многое.

Шеф мог бы гордиться такой удачей. Это был экзамен на класс, дававший право в будущем не рисковать. Успех гарантировал обеспеченное существование... И домик, который присмотрел он на побережье, — мысль, вынашиваемую не один год. Как-то, сразу после встречи с Марковым в планетарии, шеф, поверивший в удачу, намекнул, что после операции они уедут в Штаты, где он возглавит одно из управлений, занимающееся Латинской Америкой, и возьмет его с собой. В эти дни он не подтрунивал над ним, не язвил и не вспоминал о бывших провалах, был необычайно любезен.

Даже контуры домика бледнели перед этой блестящей перспективой, и Кемминг ходил победителем. И вдруг это! Раздумывая над тем, что случилось, он вспомнил реплику старого приятеля, разведчика, ушедшего давно на покой, предостерегавшего от работы с женщинами: «Никогда не связывайся с ними. Опасность придет, когда ее не ждешь!» Так и случилось, черт возьми!.. Он написал короткую записку Сеньковскому и, не зная, вернется ли когда-нибудь в этот дом, поехал к шефу. От одной мысли о предстоящем разговоре ему становилось не по себе...

Как только он начал говорить, шеф побледнел. Вначале не поверил, заставил повторить. Так же, как и Кемминг, уточнял, пытаясь убедить себя в том, что человек Кемминга ошибся. Услышав, что в машине сидел военный, бросил:

— Не Марков?

— Нет, нет, — ответил Кемминг.

— А свади?

— Пожилой, в штатском!

Шеф задумался. Волевой и сильный, он привык к неожиданностям. Угроза провала операции не ставила под угрозу его безопасность, под прямой удар советских контрразведчиков. Он понимал, что не услышит за спиной спящего, строгого «Вы арестованы!», на плечо не ляжет тяжелая, неумолимая рука, означающая конец карьеры, а возможно, и жизни. Нет, это не пугало! Представитель великой державы при правительстве другой великой страны, персона грата, он был неприкосновенен, а большевики до смешного соблюдали дипломатический статус — он усмехнулся, представив на мгновение, как бы протекали события, если бы все это произошло у него на родине... Что ж, придется послу, как нашкодившему школьнику, выдержать спокойные, чуть иронические взгляды в МИДе, прослушать слова куты, перечисляющей действия его атташе, несовместимые с его положением. И короткую, убийственную концовку: В конце концов, не в первый раз, так что пора бы и привыкнуть!

Знал, что побитый здесь, у русских, он не упадет в глазах своих руководителей — пословица о битых и небитых там понималась буквально. Тем более, что условия работы в этой стране были известны. И зная это, ограничивался осторожными фотосъемками и «случайными» знакомствами. Все было мелким. Хотя бы попытка подорвать экономическую мощь этого колосса золотыми десятками. Окончи-

лось все даже не скандалом, а конфузом. Русские наказали нескольких завербованных им мальчишек, а остальных даже не привлекли к ответственности. Ограничились отеческим внушением. Непреодолимым препятствием оставались люди, уверенные в том, что у них все лучше: страна, самолеты, ракеты, идеи, их соотечественники, правительство — буквально все. Поколебать уверенность было бесполезно. И вдруг предложение Кемминга! Мысль, что можно достать то, о чем лишь мечталось, заставила потерять голову. Успех выводил его страну на первое место, а его... Это-то и толкнуло сообщить о предпринимаемых им мерах, о его работе, о Кемминге ни слова. В полученном зашифрованном ответе Вашингтон санкционировал его действия и сообщал, что операции присваивается кодированное наименование. Это уже говорило о многом. По мере разворачивания событий у него росла уверенность в успехе, и на настойчивые напоминания о форсировании он, понимая обстановку, отвечал, что вырастить яблоко сложнее, чем собрать урожай. Сейчас, когда все рушилось, надо было попытаться свалить вину на этого пьянчужку, хотя он и понимал, что это не удастся, да и уронит его самого в глазах руководителя. Все это было очень неприятно, но хотелось верить, что удастся выкрутиться. Его начальники привыкли к провалам. Страшило другое — «большой бизнес»! Там не простят гибели надежды вырвать секрет русских. Сейчас он клял себя за то, что доверился Кеммингу, дал увлечь в эту, по сути дела, безнадёжную авантюру. Какого черта он поторопился сообщить об этом! И все же, несмотря на то что чутье разведчика подсказывало конец, в какой-то клетке мозга таилась надежда, что еще не все погибло. Он поднял голову, взглянул на развалившегося в кресле Кемминга.

— V چه چت اینگونه؟

— По-моему, нет, сэр,— подтягиваясь и подбирая ноги, ответил Кемминг.

— Проверьте немедленно! Сейчас же встретьтесь с ней, прощупайте настроение,— он запнулся, подумал, потом взглянул в глаза своего собеседника,— и если убедитесь в ее предательстве—кончайте!—И пояснил:— Это не спасает положения, но избавит от свидетеля. Понятно.

Кемминг кивнул.

— Заклинаю вас, тихо... И лучше не в городе. Где-нибудь подальше, скажем, несчастный случай, а?

Кемминг кивнул снова.

— Что вы молчите, черт возьми? Свяжитесь с Марковым. Не исключено, что опасность грозит и ему. Идите на все, чтобы вырвать пленку. Ему-то верить можно?

— Убеден! — подбодрился Кемминг, до этого упавший духом, но шеф зло взмахнул рукой, сказал с презрением:

— Молчали бы, бездарность! Хотел бы знать, какой кретин подсказал вашу кандидатуру, когда я ехал сюда.

— Вы сами, сэр, — напомнил растерявшийся Кемминг.

— Идиот! Идите, действуйте. После того как закончите с женщиной, отправьте ваших людей на Кубань. Пусть устраиваются на работу, завтра. Если все обойдется, им придется выехать в Северный Казахстан.

— А если...

— Что «если», черт вас возьми, что «если»! — рассвирепел шеф, схватил за обшлага пиджака Кемминга, притянул его к себе, брызжа слюной, просипел: — Если проклятые индейки напали на след — пусть уходят в Турцию!

XXV

Она прошла по комнате, сжимая ладонями виски, точно могла заглушать пульсирующие удары. Во всем теле дробно стучала кровь... Предчувствие надвинувшейся опасности охватило и не отпускало, и она не могла отделаться от состояния тревоги. Пыталась сосредоточиться, разобраться, но мешали шумы, доносившиеся из коридора. Многонаселенная квартира жила своей жизнью — за стеной играла радиолка, из кухни глухо гудели голоса хозяек, хлопали двери, по коридору бегали дети, и их смех, как шар, перекатывался из конца в конец. Подойдя к окну, Ирина потерла холодное, запотевшее стекло. Темные занавески медленно проплыли вниз, к земле. Улица побелела, стала нарядной, праздничной. Матово горели огни фонарей. «Вот и зима! — подумала безразлично. — Какая она будет, что принесет? Радость или разочарование, веру в людей или?...» Хотя какой радости она могла ждать?

Беседа была тревожным и туманным как этот вечер, как слова Агапова. В его уклончивых фразах и недомолвках чудилась и опасность, и надежда, но сердце уже ничему не верило. Устало верить! Зыбкая надежда давно сменилась отчаянием, сознанием, что все кончено. Все! Обманывая

других, не подозревала, что ложь может коснуться ее... Ногами приходили тревожные обрывки воспоминаний, бродили во сне, пропадали, чтобы снова вернуться, напомнить, причинить щемящую боль. Ах, если бы открылась дверь, вошел Сергей, взглянул в глаза... Родной, любимый! Как прикипело сердце к этому голубоглазому, не такому, как все, с кем сталкивала судьба. Разве мог обмануть он, зот пропал, нет его, и чужие люди успокаивают, вселяют надежду, говорят слова, которым, наверно, не верят сами. Проклятый!

— Все! — неожиданно сказала она вслух. Сказала и прислушалась, точно ожидая, что оно эхом отдастся где-то внутри. Потом медленно, как заклинание, глухо повторила: — Все! — И сейчас же что-то новое вошло в нее, словно слово было волшебным и все изменило. — Действительно, что случилось? — громко спросила она себя. Изменил, обманул! Ну и что ж, ведь сама-то она теперь другая. Нет, нет, зачеркнуть, выбросить из сердца, забыть! Но как, если он неотделим, часть твоей души, самое чистое, самое лучшее? Что делать, когда рассудок говорит — нет, а сердце твердит — да, да? Что делать, что делать?.. «Так нужно!» — сказал Агапов. Не мог же обмануть и он?.. Нет, надо верить, нельзя без веры...

Скрипнула дверь, заставила обернуться. В глубине комнаты серой тенью возникла фигура тетки, старенькой, согнувшейся, в еще большем смятении, чем она сама.

— Чайку б выпила горяченького, Ириша!

Ирине хотелось кричать, а она подбежала к старухе, прижалась к ней, спрятала голову на ее груди, точно могла уйти от своего горя, своей растерянности.

В комнату постучали, но Ирина не услышала. Стук повторился. «К телефону!» — крикнули из коридора. Она подняла голову, пожала плечами. Кто мог звонить, кому она нужна? Усмехнулась и медленно пошла к дверям.

На другом конце провода, откуда-то издалека, незнакомый голос назвал ее имя, что-то сказал, но Ирина ничего не разобрала.

— Кто это? — крикнула она и наконец сквозь шумы и разряды узнала Бреккера.

— Немедленно приезжайте на дачу! — услышала она. — Я жду вас.

— Поздно ведь, — попробовала она отказаться.

— Сейчас половина восьмого, в девять будете там.

— Где вы?

— Рядом с вокзалами. Сейчас иду к поезду. Садитесь в последний вагон!

— Но что случилось?

— О, очень интересное и важное. Особенно для вас! — подчеркнул Бреккер. У Ирины сжалось сердце.

Может быть, завтра? неуверенно сказала она.

— Нет, нет, сейчас же. Есть вещи, которые нельзя откладывать!

— Что же именно? — вырвалось у нее.

— По телефону нельзя. Выезжайте сейчас же, слышите, сейчас же! Я жду вас! Адрес не забыли?

— Нет, нет, — крикнула она, чувствуя, что охватившее нетерпение и любопытство теперь не остановят ее.

— Возьмите такси! Помните, последний вагон, — успел сказать Бреккер.

— Еду, еду! — крикнула она в трубку и бросилась одеваться...

Уже выходя из квартиры, она вспомнила о наказе Агапова. Остановилась, подбежала к телефону, набрала номер, но услышала частые гудки. Взглянула на часы — без четверти восемь, времени оставалось мало. Набрала номер — занято. Набрала еще — занято опять. Она снова начала медленно набирать цифры диска. Занято! Если бы она знала, что телефон занят Марковым. Если бы она только знала!.. Ждать больше она не могла. Бросила трубку и кинулась к дверям. Выходя, обернулась — в дверях комнаты, прижавшись к стене, стояла тетка. Тревожным взглядом она следила за убегавшей, и в глазах у нее была такая усталость и покорность, что у Ирины сжалось сердце. Она махнула рукой и захлопнула за собой дверь.

— Слушаю, — поднимая трубку, сказал Агапов.

— Докладывает капитан Смирнов.

— Ты где?

— На Комсомольской площади.

— Как ведет себя?

— В семнадцать двадцать, в тупике железнодорожного клуба встретился с Высоким, о чем-то переговорил, и Высокий пошел к Казанскому вокзалу.

— Прикрыт?

— Да.

— А американец?

— Как только ушел Высокий, вошел в будку автомата.

Говорил минут пять...

— Номер не установил? — перебил Агапов.

— Нет. Крайне насторожен. Видимо, что-то готовят.

— Третьего нет?

— Нет.

— Где Марков?

— Здесь.

— Дай ему трубку.

Смирнов обернулся и постучал в стекло.

— Слушаю.

— Не связана ли встреча с Малаховкой? — вслух подумал Агапов.

— Не исключено, — ответил Марков.

— А знаешь что... Предупреди их. Возьми с собой двух человек. Понаблюдай за дачей. Только осторожно! У Смирнова людей хватает? Ну, тогда добро. Первым же поездом. Подожди минуту.

Не отнимая трубки, он позвонил по другому аппарату и, услышав окающий говорок Орлова, доложил:

— Агапов! Товарищ генерал! Наш знакомый на Комсомольской площади встретился с Высоким. После короткого разговора Высокий пошел в сторону Казанского вокзала, а наш куда-то звонил. Видимо, что-то затеяется! Не связано ли это с малаховской дачей? На всякий случай посылаю туда Маркова. — И, помолчав, добавил: — В случае чего, пусть берут да трех человек. Хорошо! Слышал? — положив трубку, спросил он Маркова. — Ну и выполняй! Будь осторожен!..

К телефонной будке подбежал человек, махнул рукой. Смирнов приоткрыл дверцу.

— Сел в машину! — крикнул человек и скрылся за углом. Марков выскочил из кабины, бросился вслед, успел увидеть, как мимо промелькнула знакомая машина, развернулась на повороте и на большой скорости пошла в сторону железнодорожного моста. «Мавр сделал свое дело, — подумал Марков о Кемминге, — мавр поехал пить водку!»

После шумного Казанского вокзала в залитом электричеством поезде Ирине показалось пусто. Помня приказание Бреккера, она села в полупустой последний вагон на скамейку у двери и прижалась щекой к прихваченному морозом окну. «Как только поезд тронется, он войдет», — разглядывая пробежавших по перрону людей, решила она, зная его привычку, но состав мягко дернулся и, с места набирая скорость и постукивая на стыках, уже нырнул в темноту зимнего вечера, а его не было. «Опоздал!» — повеселев, подумала она. Последнее время ей было очень трудно, каждая встреча требовала огромного напряжения сил. Бреккер стал резче, грубей, и, отвечая на неожиданные вопросы, ей приходилось изворачиваться, чтобы не возбудить подозрений. Ирина подняла голову и осмотрелась. Делала она так и раньше, но последнее время это вошло в привычку — осматриваться, запоминать, анализировать, «знакомиться с окружающим», как советовал Агапов. «Не нервничайте, помните, что мы всегда с вами, рядом, и в пужную минуту поддержим. Но и вы помогайте нам — будьте собраннее, наблюдательнее, следите не только за своими словами и поступками. Запоминайте лица тех, кто вас окружает!» — говорил он и каждый раз напоминал приметы двух человек. Ирина закрыла глаза и мысленно представила себе этих людей: «Один, дядя Вася», как называл его Агапов, — коренастый, плотный, лицо в мелкой рябинке, с редкими седеющими волосами и небольшой плешинкой на макушке, лицо и шея полные, красные, руки пухлые, с волосами, пальцы короткие как рубленые. Глаза маленькие — щелки, а не глаза, ни на минуту не остающиеся спокойными. Густые полуседые брови нависли над ними. Одет — черная, старая кепка, пальто черное, поношенное, из того дешевого материала, который в быту называют «холодным бобриком», пиджак тоже черный, брюки в белую полоску, втиснутые в широкие голенища сапог... Городовой в штатском!..»

— Вы когда-нибудь видели живого городского? — с грустной улыбкой как-то спросил ее Агапов и, не ожидая ответа, сказал с укоризной: — Вот видите, даже не видели живого городского, а... — и замолк.

Первый раз Ирина не поняла и, идя домой, долго думала над этим.

Встретившись с Сергеем, она дословно передала ему разговор.

— Что он хотел сказать? — с тревогой спрашивала она, следя за глазами любимого человека.

Марков взял ее под руку.

— Он видел их, этих городских. И не только видел, ведь мальчиком он был на каторге. Эти самые люди следили за ним, когда он был на нелегальном положении, это они крутили ему руки, били в камере, когда он молчал, не отвечал на вопросы... А ты не видела, — продолжал Сергей, — а служила их делу! — И, заметив, что она поникла и готова заплакать от охватившего ее отчаяния, успокаивал: — Не плачь, он не хотел тебя обидеть. Просто вспомнил свою молодость, сына, убитого в сорок третьем, все, что он отдал, чтобы нам жилось хорошо. — Сергей замаялся. — А тут такое дело...

Хлопнула входная дверь и вместе с вошедшими людьми по вагону растеклось облако холодного морозного воздуха. Ирина мельком оглядела пассажиров, спрятала под платок свисавшую на лицо прядь волос, мысль ее вернулась к приметам второго: «Высокий, худощавый, немного сутулится, седой, лицо белое, большой нос, тонкие губы. Одет — коричневая кепка, короткая, до колен, куртка, кажется, серого цвета», — вспомнила она слова Агапова, не замечая, что шепчет эти слова, глядя на севшего напротив нее человека. Человек положил на колени наполненную чем-то авоську, прикрыл ее газетой и взглянул на Ирину, но тотчас же встал и, сутулясь, быстро, почти бегом, пошел по вагону к выходу. Поезд тронулся. Ирина еще несколько мгновений продолжала растерянно сидеть, потом вскочила и побежала вслед за человеком в коричневой кепке и короткой серой куртке... В тамбуре было пусто и холодно — в разбитое окно задувал ветер. За дверью мелькали сугробы снега (в Москве его не было), цепочка огней.

«Соскочил!» — подумала она, но на всякий случай прошла по соседнему вагону, всматриваясь в лица сидевших. Человека, только что сидевшего напротив нее, не было. «Спрыгнул!» — снова подумала она, вернулась в свой вагон и села на прежнее место. Она почувствовала, что ее трясет мелкая противная дрожь. Прошел милиционер, но теперь уже было поздно. «Спрыгнул!» — сказала она громко. Сидевшая рядом женщина удивленно взглянула на Ирину и

опасливо отодвинулась на край скамейки.

«Как же это я, как же это я? — шептала Ирина, вспоминая приметы ушедшего. — Почему он побегал? — спросила она себя. — Как он попал в этот поезд?..»

— Какая станция? — машинально спросила она соседку. — А Малаховка скоро? — продолжала она, когда та ответила.

— Следующая, — сказала женщина. Электровоз начал

притормаживать. Ирина поднялась и направилась к выходу...

...Шло немного. Конечно, «зимогоры», потому что шли с сумками и свертками, а один даже с портфелем, из которого торчали батоны белого хлеба. Ирина взглянула на часы — без четверти девять. На дорогу оставалось пятнадцать минут. Она спустилась с перрона, перешла железнодорожные пути и по протоптанной в снегу дорожке быстро пошла к темневшим невдалеке домикам. Вначале слышала впереди и сзади разговоры и шаги случайных попутчиков, но, перейдя шоссе, увидела, что осталась одна, и сейчас же почувствовала, что мороз пробрался под пальто, захолодил ноги и руки. В дороге она не думала о предстоящем разговоре, но теперь надо было хоть еще раз мысленно подготовить себя к предстоящему разговору.

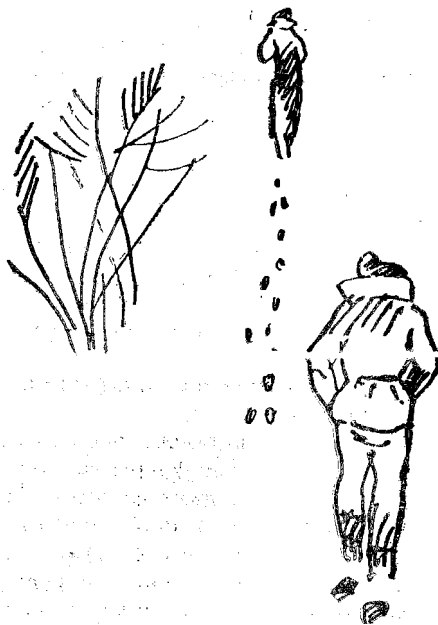
До дачи осталось около километра. Она бывала там раньше и сейчас уверенно шла по пустынной, полутемной улице вдоль редких фонарей. Не верилось, что еще тридцать минут назад она оставила огромный, никогда не затихающий город с его огнями и шумами. Большая часть дач была заколочена, лишь изредка между деревьями тускло блеснули желтые огоньки и слышался лай собак, и это как-

то успокаивало. На развилке дорог она обернулась — в начале улицы, из темноты, вышел человек и быстро пошел за ней. Теперь оставалось перейти поляну, такую уютную летом и мрачную сейчас, увидеть на опушке леса цель ее пути. Ирина ускорила шаг и, проваливаясь в сугробах, почти бежала. На середине поляны обернулась снова — человек шел за ней. И хотя это бывало и раньше — ей стало страшно. Показавшаяся из-за гуч луна помогла увидеть полузанесенный невысокий заборчик, за которым виднелась одноэтажная дачка с веселым мезонином. За дачкой стоял темный лес с выбежавшими вперед молодыми пушистыми елочками. Ирина с облегчением вздохнула, перешла на шаг и у калитки остановилась. Она была дома, если можно считать домом место, где ей пришлось быть два-три раза. В окнах темно, и только среднее, неплотно прикрытое портьерой, пропускало узкую полосу света.

На открытой веранде Ирина стряхнула с ног облепивший снег, поправила платок, растрепавшиеся волосы и, постучав, как ей сказал Бреккер, осмотрелась. Тропинка была пуста — шедший за ней человек точно растворился в занесенной сугробами полянке.

За дверьми послышался шорох, потом наступила тишина. Ирина постучала снова: раз — пауза, потом два раза. Дверь отворилась... перед ней стоял «дядя Вася». От неожиданности она отшатнулась, но сзади кто-то ее поддержал, мягко, но настойчиво втолкнул в переднюю и захлопнул дверь. Она обернулась — рядом с ней стоял ее попутчик по вагону, за которым она гналась в поезде...

— Проходите, барышня, проходите! — тем временем поторап-

ливал ее «дядя Вася». — Сейчас шеф будет! — Он пытался взять ее за руку, но она увернулась, и тогда «дядя Вася» рукой показал на полуоткрытую дверь и улыбнулся, но улыбка получилась кривой.

В передней был полусвет, в печке весело, по-домашнему, потрескивали ярко горевшие дрова, узкая ковровая дорожка от дверей уходила в комнату, а Ирина застыла у одного — убежать назад, на холод, на снег, в сугробы, подальше от этих людей. «Почему я здесь? — мелькнула тревожная мысль. — Надо уйти сейчас же, под любым предлогом!» Но вспомнила о втором, высоком, стоявшем за ее спиной...

Комната была прежней. Ирина прошла к стоявшему в углу знакомому диванчику, «дядя Вася» сел напротив, второй остался у дверей.

— Как дела? — спросил он.

— Какие дела? — внешне спокойно, стараясь сдержать охватившую ее дрожь, поинтересовалась она.

«Дядя Вася» усмехнулся:

— Да вы не сомлевайтесь (так и сказал — «не сомлевайтесь»), свои ведь — одному богу молимся, у одного хозяина служим.

— Я не понимаю...

— Гляди, какая непонятливая, — он опять усмехнулся и посмотрел на стоявшего у дверей. — Не понимает! — Он кивнул головой в ее сторону. Тот неопределенно хмыкнул и вплотную подошел к диванчику.

Теперь Ирина рассмотрела обоих. «Они! Те самые, о которых последнее время часто говорил Агапов. Видно, крупные птицы, если он так хорошо помнил их приметы», — подумала она.

— Так как же все-таки живете? — «Дядя Вася» заговорщически наклонился через стол, и она почувствовала запах винного перегара.

Ирина хотела встать, но столик прижал ее к дивану. Высокий неожиданно сел рядом.

— А ну, говори... — он площадно выругался. — Куда бегала, кому продавала, — и схватил Ирину за руку.

Тогда она поняла все, вырвала руку, вскочила, опрокинула столик на пытавшегося встать «дядю Васю». Падая он успел схватить ее за ногу, но она ударила его в лицо и бросилась к окну. Ее нагнал и грубо обхватил Высокий. Она снова вырвалась и кулаком ударила по окну. Послы-

шался звон разбитого стекла, но удар ослабила портьера. В это же время в дверь дробно застучали, она услышала голоса. Продолжая бить по стеклам, она закричала, не обращая внимания на порезанные стеклом руки. Ее оттаскивали от окна, душили, пытались повалить. Она кусалась, кто-то вскрикнул и сейчас же она почувствовала удар по голове. Она ухватилась за тяжелую ткань, откинула, и на нее пахнуло свежим морозным воздухом. Из передней слышались крики и шум ломаемой двери. Почувствовав вокруг себя пустоту, Ирина оглянулась и увидела разбежавшихся по углам своих врагов — в вытянутой дрожащей руке «дяди Васи» чернел пистолет. Он смотрел на нее и наполненную грохотом переднюю. В глазах у него были ненависть и страх. Высокий вжался в угол, точно хотел слиться со стеной.

— Сюда, скорей, скорей,— слышала она, но не узнала своего голоса, и в эту же минуту «дядя Вася» начал стрелять. Что-то обожгло грудь, голову. Чтобы не упасть, она еще крепче ухватилась за портьеру, но резкая боль огненными молниями пронзила тело, залила лицо, закружила голову. Как сквозь сон, она слышала выстрелы, крики шум борьбы. В внезапно наступившей тишине услышала одинокий выстрел и тонкий, хватающий за душу крик. «Высокий!» — подумала она, успокаиваясь, и медленно, выпуская из рук портьеру, начала сползать на пол. Ткань оборвалась, накрыла ее. К ней подбежали схватили...

— Ирина, Ирина! — кричал в лицо Марков, но она уже ничего не слышала...

Широкая лента бинта плотно закрывала голову, оставив открытыми только глаза да затянутый сухой пленкой жара рот. В глазах было столько усталости и муки, что у вошедшего в палату Маркова тоскливо сжалось сердце.

— Это ты? — тяжело переводя дыхание, облизывая пересыхающие губы, медленно спросила Ирина, когда Марков подошел и присел на край кровати.

Операция окончилась часа три назад, но только сейчас его с трудом пустили к ней. В комнате было темно. Ночник слабо освещал кровать и маленький столик. Оконная впадина чернела рядом без единого огонька.

Выпростанная из-под одеяла рука, располневшая о перевязок, чуть слышно коснулась рукава гимнастерки Сергея.

— Как хорошо, что ты пришел! Я уж думала, не увижу тебя... Знай, я поплатилась за свою неосторожность. Ведь я должна была обязательно позвонить.

Она болезненно сжала задрожавшие губы, и Сергей увидел, как в уголках ее глаз быстро накапливаются слезы. Не поворачивая головы, она смотрела вверх, в темный, высокий потолок, и казалось говорила сама с собой.

— Вот и конец! — медленно сказала она и, почувствовав, что он протестующе замотал головой, более твердо повторила: — Знаю, что конец! Я поняла это еще до операции... Только боялась, что ты не придешь, откажешься... А так хотелось увидеть...

— Тебе нельзя говорить, помолчи! — попросил Сергей сдерживаясь и осторожно погладил открытую, так быстро похудевшую кисть.

— Нет, можно, теперь... можно! Как хорошо, что ты пришел! — повторила она. — Не жалею, что так случилось. Лучше умереть, чем знать, что ты проклинаешь, ненавидишь... А раз пришел, значит, простил, любишь... Вижу, что жалко... Помнишь, как мы познакомились? Нет, нет, не в парке, а потом, позже! Уже когда мы шли с тобой, я была другой... Помнишь, ты взял меня под руку. Уже тогда я поняла, как мне трудно будет обманывать, — она застонала и заметалась по кровати. — Ты был настоящий, не такой, как другие!.. А наши встречи? Как я их ждала и как тяжело расплачивалась за них. Каждый раз он кричал, угрожал. Он видел, что со мной делалось. Как страшно было жить двойной жизнью... С тобой и с ними...

— Не надо, дорогая! Тебе нельзя — снова тихо попросил Сергей.

— Милый ты мой, родной! Дай сказать все... Ты простил? — робко спросила она.

— Конечно! Ты должна, ты будешь жить! Мы будем счастливы, будем вместе.

Горькая гримаса прошла по ее губам.

— Нет, но мне хорошо, что ты так говоришь, — она скосила глаза на наклонившегося к ней Сергея и быстро

заговорила:— Не хочу, чтобы ты забыл меня, не хочу, чтоб у тебя была другая женщина... Понимаешь?— настойчиво повторила она.— Не хочу!

Она говорила то с ним, то с собой, торопливость сменялась медленным раздумьем, но все было подчинено одному.

— ...Как мало я дала тебе счастья... и как много причинила горя!.. Но все равно ты должен меня любить... Даже когда меня не будет... Будешь помнить?

Отвечать не было сил. Он кивнул головой, чувствуя, как непослушные слезы каплют на руки.

— Как все это было давно!..

— Молчи... Я люблю тебя. Только тебя...— От горя у него разрывалось сердце...

— ...я прошла через такие муки, такие страдания... думаю, заслужила прощение, да видно не...—внезапно она забилась, порываясь встать, закричала:— Не могу больше, пустите меня... проклятые!— Голос ее срывался, переходил в шепот, глаза устремились вверх, точно там, в темноте, перед ней мелькнули лица врагов.

Сергей нагнулся к раненой, прижал к подушке, пытался успокоить, но резким движением она сбросила его руку:

— Пустите, пустите, я закричу.— Потом тише:— Сергей, Сергей...

Видимо, крик отнял последние силы,— она безвольно откинулась на подушку...

Сергей почувствовал, как на его плечо легла большая тяжелая рука.

— Уйдите, неужели вы не видите, что с ней,— услышал он голос врача, но не двинулся с места.

— Идите, сейчас же идите!— настойчиво повторил врач.— Она без сознания!

Сергей с трудом поднялся, взглянул на Ирину, но между ним и ею уже стояли люди в белых халатах. Он видел, что женщина не дышит. Он с трудом переступил через обмякшее тело, медленно пошел к дверям. Сразу заняло раненое плечо, и сейчас это была единственная боль, которую он чувствовал. За спиной слышался взволнованный шепот, какая-то возня, что-то упало и разбилось, но над всем этим звучали отрывистые, твердые приказания врача. Спокойные и уверенные...

ОТ АВТОРА

Кемминг еще не успел вернуться к себе в Штаты, куда он выехал по требованию Советского правительства как нежелательный иностранец. Оставались считанные часы и до отъезда самого шефа.

Стало известно, что по дороге домой Кемминг задержался в Париже и, ожидая распоряжения Центрального разведывательного управления, топил свою неудачу в кабачках и бистро, густо разбросанных вокруг площади Пигаль.

Еще не были ошены судьбы Полонского, Митина, Зуйкова, Сеньковского и других, не уточнены мелкие детали всего дела... А я сижу за круглым столом в небольшой комнате и слушаю неторопливый рассказ Маркова.

Говорит он медленно, будто нехотя, но я чувствую, что ему трудно молчать. Изредка трет раньше времени припудренные сединой виски, точно пытается припомнить ускользающие из памяти детали, часто останавливается, думает, и мне порой кажется, говорит не со мной, а размышляет вслух...

Я внимательно смотрю на рассказчика, слежу за его глазами. Вот они скользнули вдоль белой двери, мимо книжного шкафа и остановились на большом, увеличенном портрете женщины, висящем над диваном.

Это, конечно, она, Ирина! Именно такой я себе ее и представлял — полуобнаженная, с ниточкой жемчуга шея резко очерченные черты лица, широкий лоб, туго затянутые на пробор волосы, чуть косою разрез настороженных глаз... и тонкие, недобрые губы...

И если бы не они, я, возможно, поверил бы в доброту души, в искренность, в любовь, проснувшуюся в ее сердце, — поверил всему тому, о чем сейчас говорит Сергей. А вот смотрю на нее и не верю!.. А что, если?.. Нет, нет... Я отгоняю эту мысль, перевожу взгляд на Маркова: в его глазах столько теплоты и боли, что мне становится его жаль. Но утешать бесполезно и жестоко. И я молчу.

Раздавшийся резкий звонок телефона заставляет меня вздрогнуть. Марков берет трубку, по привычке называет себя. Долго слушает, изредка говорит «хорошо», «слушаюсь», потом переводит взгляд на меня и отвечает невидимому собеседнику:

— Он здесь, — и передает трубку мне.

Я слышу голос генерала Орлова:

— Вы не могли бы сейчас приехать?

— Конечно! — отвечаю я, понимая, что только что-нибудь очень серьезное могло побудить начальника управления пригласить к себе.

— Так я жду! — говорит он еще раз. — Пропуск будет внизу, — и кладет трубку. Мне слышны частые гудки отбоя. Я встаю.

— Подожди минуту. Сядь! — говорит Маков а сам встает. — Мне показалось, что ты не веришь ей. Правда, я угадал? — спрашивает он и смотрит мне в глаза.

Я пожимаю плечами.

— Вот сейчас поедешь к генералу, он тебя все расскажет. Все! — подчеркивает он. — Если бы ты только знал, какая она! Если бы ты только знал! — У меня такое впечатление, что ему не хочется, чтобы я уходил. Так и есть! — Подожди! — просит он, порывается что-то сказать, но сдерживается, машет рукой и решительно говорит: — Теперь ты все узнаешь о ней сам. Иди!.. — садится и, не

обращая на меня внимания, закрывает лицо руками...

— ...Читая материалы, вы, вероятно, обратили внимание, как разговаривал Кемминг, рассматривая меня, строил генерал. — Кто они?.. Как на сорок третьем году советской власти, после всех испытаний и побед, могли рядом с нами жить эти люди? Вряд ли стоит перечислять их... вряд ли... — Генерал говорит медленно, точно размышляя. — Хотя кое о ком поговорить нужно! Ну, хотя бы для анализа. Как они могли прийти к врагу выполнять его волю? Наконец, какими средствами, способами удалось это сделать нашим заокеанским «друзьям»? Начнем с Полонского. Инженер номерного исследовательского института. Сорок пять лет. Значит, в войну — молодой человек, но не воевал. Работал на оборонном заводе — имел броню. Жена, ребенок. Если судить по анкетным данным — чист, как стеклышко. Видимо, вот такая «анкетная проверка» и была причиной того, что он попал и работал в этом институте. Теперь посмотрим глубже и увидим, что он замкнут, палившие самоуверен, любил бывать в ресторанах, хорошо одевался — ну, это еще небольшой грех. Неразборчив в случайных уличных и, конечно, пляжных знакомствах, что уже хуже. В результате — встреча с Гутман, легкое увлечение. Возобновление знакомства в Москве, театры, рестораны (а дома семья). Появились долги, которые надо отдавать. Стало трудно. И вдруг, ужиная в ресторане, когда он мысленно подсчитывал, сколько ему придется платить по счету, его спутница за одним из столиков увидела знакомого, окликнула. Тот подошел, попросил... Из разговора Полонский понял, что он журналист, канадец, корреспондент оттавской прогрессивной газеты. Давно прошли времена, когда появление иностранца вызывало любопытство или настороженность. За эти годы мы привыкли к многочисленным зарубежным гостям — встретить их можно везде и в ресторане особенно. Не вызвал особого внимания и этот веселый канадец, хорошо говоривший по-русски. В конце ужина новый знакомый не разрешил Полонскому уплатить по счету (а он был не малый), чем еще больше подкупил инженера. Проводив домой женщину, якобы жившую на улице Горького, они поболтали у подъезда, объяснились в

взаимных симпатиях, и Майкл (он назвал себя Майклом Бреккером) предложил посидеть где-нибудь еще. Полонский согласился. Так началось это знакомство. С каждой встречей дружба становилась короче, теплей. Ничего нового в методы вербовки Кемминг не внес. Слушая пьяненького приятеля, он задавал наводящие вопросы, удивлялся и сомневался, чем еще больше раззадоривал опьяневшего инженера, и в минуты наиболее интересных открытий — включал нагрудный магнитофон. А судя по показаниям самого Полонского, рассказал он порядочно. Насколько раз брал взаймы. Гутман куда-то пропала, да Полонский и не вспоминал о ней, забыл, что она была виновницей этого знакомства... И в какую-то минуту наступило тяжелое похмелье — Полонский уже выпил, когда Кемминг предложил ему выполнить одно поручение. Даже опьяневший Полонский понял, что это значит! Он взглянул на канадца и увидел совершенно другого человека. Кемминг трезво и строго напомнил о его разговорах, медленно, в деталях процитировал рассказы об институте, где работал Полонский, показал расписки. В голосе его зазвучали угрожающие нотки. Сказал, кто он, пригрозил выдать. Увидав побледневшее лицо и расширившиеся глаза своего знакомого, успокоил, заверил, что это первая и последняя просьба. Как плата за молчание. Тут бы опомниться, остановиться, сообщить нам о своей беде... А он попросил время до утра... подумать... Кемминг мог быть доволен. Он знал, с кем имел дело. Я не завидую этой ночи Полонского — бессонной и мучительной. Утром не стало советского человека — был трус и предатель. Поручение превратилось в палец, за который Кемминг уцепился. Дальше вы знаете из «дела». И я верю Полонскому, когда он говорит, что вспоминает этот разговор, чтобы рассказать... сейчас он примет с радостью, с легким сердцем. Вот вам жизнь и преступление инженера Полонского... Теперь Сеньковский. Здесь все до безобразия просто. Жил паренек, такой же, как тысячи его сверстников. Учился в школе, бегал в кино, любил мороженое. В сорок втором убили отца, матери стало трудно. Пришлось окончить семь классов и пойти работать. В пятьдесят шестом повредил руку и остался на заводе, но уже в пожарно-сторожевой охране. Потом умерла мать. И здесь случилось то, чего мы часто не замечаем. Человек выпал из коллектива. (Кстати, то же случилось и с Гутман). Двадцатидвухлетний парень зажил

своей жизнью — сутки дежурства, двое свободен. Куда девать эти сорок восемь часов? Другой бы пошел учиться, приобрел специальность, делал бы что-нибудь. Мало ли дел у нас, черт возьми! А он спал, ходил по улицам, рассматривал витрины. Попав на бега, познакомился с такими, как он сам. Там и встретили ему милость. Там обстоятельства свели его с Кеммингом. Сеньковскому бы раскусить его, а не! Что-то грязное чувствовал, а терять богатую кормушку не хотелось, жалко. Выполнял даже поручения Кемминга — отвозил золото...

— Как вы узнали о Сеньковском?

Генерал прищурился.

— Да он сам на заводе рассказывал ребятам. Ну и мы узнали — помощников у нас много... Сейчас кается, плачет... — Генерал откинулся в кресле, проследил за тающим дымком папиросы.

— Что сказать о переброшенных к нам из-за рубежа Зуйкове и Митине? — Он задумался. — Разные они, разные, но с одной слабинкой — страхом смерти. — Увидев мой удивленный взгляд, генерал замахал рукой. — Нет, нет, я за жизнь и умирать не хочу. Жизнь надо любить — одна она у нас. Но когда приходит решительный час — встретить его надо с достоинством.

Не люблю, простите меня, тех, кто готов хоть сейчас умереть, не боится смерти, для кого жизнь — копейка. Не верю им. Ерунда это, и люди эти ерундовые. Жизнь — величайшее благо (на войне это чувствуешь особенно). И жить нужно с честью... Помните, как там у Николая Островского. — Он насупился, пытаясь вспомнить.

— «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» — подсказал я.

— Правильно... Замечательные, умные слова. Человек смертен, — строго сказал он. — Смертен, но бояться, дрожать за жизнь не должен!..

А у этих двух мужества пересилить страх не хватило. Через плен, что скрывать, у нас прошло немало. Быть может, благодаря ему мы узнали новых героев. Вспомните генерала Карбышева, летчика Девятаева, офицера Гаврилова. Много их было, в страшную минуту плена не потерявших чувства достоинства. А эти не выдержали. Был и третий, я говорю о Федорове, чуть было не пошедший по

их пути. Бежал, скрылся, поступил на завод, обзавелся семьей. Таился ото всех, от жены, от детей. Сам, видно, хотел забыть, да не дали. Исправить таких нельзя! Здесь раздумью места нет. Это враги, такие же, как Кемминг, как шеф, как уголовник Ищенко, Боб Ищенко, сменивший профессию грабителя на валютчика. Вот с ними-то мы и ведем борьбу. Труд наш тяжелый, кропотливый и опасный. Враг-то, как вы, видимо, догадываетесь, иногда стреляет... И ошибаемся мы, как все, только за ошибки кровью своей платим.— Он ударил кулаком по столу.— Да, кровью! А враг умный. Дураков к нам не посылают! И Кемминг не дурак, есть грех—пьет. Бонтея, потому и пьет, хоть и «прикрыт» дипломатическим паспортом. Нашкодил, а люди за него отвечать будут! — Он протянул мне протсигар, закурил сам. Пощелкал пальцами по коробке, помолчал.— Вот из-за нее и закурил, из-за Гутман.— Он открыл ящик стола, достал пачку фотографий и передал их мне. Я видел уже одну из них, правда увеличенную во много раз, у Маркова, но сейчас псевдоним задержался. Глаза. Там они показались мне другими.

— Это последняя,— подсказал генерал.

«Конечно, другие,— думалось мне.— С какой-то тоской, запрятанной далеко-далеко, растерянностью и страхами, И мольбой о помощи. Черт возьми я, кажется, начинаю смотреть глазами Маркова,— подумал я.— Нет, точно, очень грустные человеческие глаза». Я всмотрелся в лицо — губы, складки у рта резкие, горькие. Я не заметил этого в комнате Маркова. Я перебрал другие фотографии. Вот она на пляже. Ей весело, она смеется. Рядом какие-то мужчина и женщина. Я взглянул вопросительно на генерала.

— Это она под Ялтой, в прошлом году,— сказал он,— о сыне Кемминга. Она знала его как канадского журналиста Бреккера.

— Откуда это фото?

Орлов усмехнулся:

— Так, один человек снял, на память.

Я взглянул на фотографию: вот она около автомобиля. Наклонилась, что-то говорит сидящему за рулем мужчине. Он не молод — сухое, продолговатое лицо, — это, видно, Кемминг? Я снова смотрю на Орлова. Он кивает. Ресторан (я пытаюсь вспомнить, какой именно, но не могу). За столиком трое: она и двое мужчин. Один из них Кемминг,

лицо второго мне не знакомо. Еще одна: не то сад, не то парк. Лето. Она и... да ведь это Марков! Она в цветастом нарядном платье, Сергей в светлом спортивном костюме. Молодые, улыбающиеся. Еще и еще. Я возвращаю фотографии Орлову. Некоторое время он молчит, потом медленно говорит:

— Каждый раз, когда я думаю о ней, мне почему-то грустно. За неудавшуюся ее жизнь обидно, что ли? Гутман, Ирина Гутман...

— Олег Владимирович! В каком она состоянии?

Генерал тряхнул головой, точно отогнал тревожные мысли, взглянул на меня, насупился.

— Надежда есть?

— Надежда всегда должна быть. Без нее — человек ничто. Будем надеяться, надеяться — повторил он, постукивая пальцами по столу. — Да! — Внезапно он встал. — Простите, не могу сейчас спокойно говорить о ней. Не могу... Как-нибудь потом, позже... А вы пишите! Только...

Телефонный звонок не дал ему закончить. Он взял трубку, назвал себя. И сейчас же я увидел, как он подался вперед, как просияло его лицо. Слушал. Потом быстро положил трубку на рычаг аппарата.

— Будет жить, — сказал он.